

Н. А. ТОМИЛОВ

**ЭТНИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
ТЮРКОЯЗЫЧНОГО
НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ
РАВНИНЫ
В КОНЦЕ XVI —
НАЧАЛЕ XX В.**

Рецензенты

доктор исторических наук *И.С. Гурвич*,
доктор исторических наук *Р.Ф. Итс*,
доктор исторических наук *Ю.Б. Симченко*

Рекомендовано к печати

советом исторического факультета Омского государственного университета

Томилов Н.А.

Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI — начала XX в. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. — 271 с.

ISBN 5-7615-0187-2

Монография посвящена изучению этнической истории тюркоязычных народов и групп на территории Западно-Сибирской равнины — сибирских татар, чулымских тюрков, сибирских бухарцев, казахов, каракалпаков, поволжских татар. Впервые исследованы этнические процессы, протекавшие с конца XVI до начала XX в., а также процессы межэтнического взаимодействия их между собой и русским населением.

Для историков, этнографов различного профиля.

© Томилов Н.А., 1992

ВВЕДЕНИЕ

Исследование современного этнического развития народов СССР, являющееся сегодня важнейшей задачей науки, тесно связано с изучением их этнической истории, позволяющей понять особенности этнических процессов, протекающих в настоящее время. Актуальность углубления наших знаний по этнической истории народов СССР связана с тем, что они играют большую роль в патриотическом и интернациональном воспитании людей, в борьбе с неизжитой еще национальной замкнутостью, шовинизмом, местничеством.

В последние десятилетия изучению этнической истории народов Сибири уделяется большое внимание. Результаты исследований по отдельным народам и регионам обобщены не только в многочисленных статьях, но и в целом ряде монографий (Вайнштейн, 1971; Васильев, 1979; Вдовин, 1973; Гурвич, 1966; 1977а; Долгих, 1960; Потапов, 1948; 1969; Симченко, 1976; Смоляк, 1975; Таксами, 1975; Томилов, 1981а; Хомиц, 1976; Этногенез и этническая история народов Севера, 1975; Этническая история народов Севера, 1982; Юкагиры, 1975; и др.).

Обращает на себя внимание тот факт, что ученых, работавших в этом направлении, привлекали прежде всего окраинные районы Сибири с относительно редким, или более однородным в этническом плане населением. В результате оказалось, что этническая история населения центральных и южных районов Западной и Восточной Сибири XVI — начала XX в., за отдельными исключениями, остается весьма слабо изученной. В литературе отмечалось, что изучение этнических процессов в густонаселенных областях Сибири — дело трудное, что здесь „...их не удастся проследить с такой степенью детализации“, как в районах с более редким населением (Гурвич, 1966, с. 4).

Актуальность изучения этнической истории населения в этнически смешанных регионах определяется, на наш взгляд, следующими факторами: 1) недостаточной изученностью этнической истории целых регионов либо групп этнических образований на протяжении длительного периода; 2) необходимостью изучения этно-

культурных процессов в метаэтнических и историко-этнографических общностях; 3) необходимостью продолжить теоретические и методические разработки прежде всего в плане изучения этнической истории, этнических общностей, этнических процессов и, в частности, этнокультурных процессов; 4) возможностью применения полученных результатов исследования для изучения этнических общностей как динамических систем на всем протяжении их истории, в том числе и на современном этапе, т.е. необходимостью обеспечения исторической непрерывности в изучении этнической истории.

Этническая история рассматривается нами прежде всего как научное направление, являющееся синтезом этнографии и истории. Ее объектом в целом является динамика историко-культурных общностей и в первую очередь этнических общностей, а предметную область составляют процессы становления (формирования), развития и трансформации историко-культурных общностей, т.е. этнические и этносоциальные процессы. Объект данного научного направления представляется многосторонним и охватывает историю этнических общностей — этносов, метаэтнических общностей, этнических групп, а также этнографических общностей — этнографических групп, историко-этнографических общностей (подробнее см.: Томилов, 1982б; 1983г; 1984в; 1987а).

Объектом данного исследования стала этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины с начала вхождения Сибири в состав Русского государства и вплоть до 20-х гг. XX в. Подчеркивая важность изучения населения любой страны, К.Маркс писал, что оно „...есть основа и субъект всего общественного процесса производства“ (Маркс и Энгельс, т. 12, с. 726). История этнических процессов — это в общем виде история возникновения этнического как социального системообразующего явления, формирования, развития и трансформации историко-культурных общностей; история взаимодействия и взаимосвязанности этнических явлений с социально-экономическими и политическими. При этом следует не выпускать из виду того, что этническое, будучи относительно самостоятельным явлением, само по себе есть лишь особая форма существования и проявления социально-исторического.

Исходя из данных теоретических установок, были определены цель и конкретные задачи настоящего исследования.

Значительная часть тюркоязычных групп Западно-Сибирской равнины объединяется для изучаемого периода термином *сибирские татары*. К ним относятся тюменско-туринские, тобольские, ясколбинские (заболотные), курдакско-саргатские (тевризские), тарские татары, барабинцы, ряд групп, образовавших позднее томских татар, обские татары. Кроме того, к коренному населению относятся здесь

чулымские тюрки (чулымцы), которые в дореволюционной литературе были известны как чулымские и мелесские татары. Из тюркских групп, продвигавшихся в разные годы изучаемого периода на Западно-Сибирскую равнину из соседних регионов, следует назвать многочисленных выходцев из Средней Азии (узбеков, туркменов, уйгуров и др.), получивших в Сибири общее название сибирских бухарцев, а также казахов, каракалпаков, телеутов, ногайцев, башкир, поволжско-приуральских татар, снисейских киргизов.

Некоторые народы Сибири изучены неравномерно, и объем работы для устранения пробелов „таков, что на это понадобятся долгие годы и упорные усилия многих исследователей“ (Народы Сибири, с. 6—7). Надо сказать, что в дореволюционной, а до 1960-х гг. и в советской этнографической литературе сибирским татарам, бухарцам, чулымским тюркам, казахам и башкирам Западной Сибири особенно „не везло“. На неизученность истории и культуры сибирских татар и чулымских тюрков неоднократно указывалось в целом ряде работ (Ахатов, 1963, с. 12; Валеев, 1972, с. 99; Воробьев, 1933, с. 2; Еремин, 1972, с. 410—411; Историко-этнографический атлас Сибири, с. 83, 133, 229, 330; Львова, 1978, с. 4—6; Слободский, 1929, с. 29; Томилов, 1969в, с. 104; Филиппов, 1904, с. 1; Храмова, 1950, с. 174; и др.). Специально изучением этногенеза и в целом этнических процессов у тюркского населения Западной Сибири до революции никто не занимался, но некоторыми учеными в ходе исследования истории, экономического и культурного состояния разных групп были высказаны отдельные соображения и замечания, имеющие к этим процессам непосредственное отношение.

Они позволили, в частности, найти направления поисков этнических компонентов, вошедших в состав тех или иных этнических образований. Так, Н.А. Аристов в своем труде о тюркских племенах, не потерявшем научного значения и поныне (Библиографический словарь..., 1974, с. 106), вслед за В.В. Радловым указывал на смешанный характер тоболо-иртышских татар, которых он, в отличие от барабинцев назвал западносибирскими и сибирскими. Он писал, что эти татары „...главным образом суть потомки прибывших в XV и XVI веках на Tobol и Иртыш... ногайцев и казахов (казахов. — Н.Т.), а также торговых сартов и таджиков из Мавераннахра, так называемых бухарцев и, наконец, переселившихся в Сибирь после завоевания ее русскими казанских татар“ (Аристов, 1896, с. 350). И. Юшков (1861, § 40, 41) отмечал в составе отдельных групп тоболо-иртышских татар следы монголов. На более сложный состав иртышских татар указывал Н.Ф. Катанов (1904, с. 20—21), приведя данные исторических преданий о проживании на Иртыше хотанов, ногаев, кара-кыпчаков, иштяков и о приходе

сюда в конце XVI в. среднеазиатских шейхов вместе с казахскими воинами. О заболотных и ачаирских татарах в тот период писали, что это потомки остяков, принявшие мусульманскую религию (Список населенных мест по сведениям 1868—1869 гг., 1871, с. CLVII; Первая всеобщая перепись населения..., 1905 с. XXXIV).

В XVIII в. довольно устойчивым было мнение о том, что барабинцы в основе своей остяки, т. е. угры (Зиннер, 1961, с. 24; Strahlenberg, 1730, с. 321; Messerschmidt, 1962, с. 68; и др.). Г.Ф. Миллер (1937, с. 188) утверждал обратное: он считал, что барабинцы — это татары, и они не признают родства с остяками. В XIX в. ученые считали, что барабинцы — это тюркоязычное население, образовавшееся в результате смешения тюрков с уграми (Аристов, 1896, с. 349). Определяя место данной группы татар в тюркоязычном мире, Г.Н. Потанин (1884а, с. 100) писал, что они „...с одной стороны, представляют переход к татарам, живущим около Томска, с другой — к тем из них, которые, в свою очередь, служат переходной ступенью к более юго-восточным татарским племенам, живущим в Алтае“. На алтайское и телеутское происхождение томских татар указывал в конце XIX в. Н.М. Ядринцев (1891, с. 17). В начале XIX в. у сибирских татар выделяли три тюркских пласта: наиболее поздний связан с потомками казанских татар, более ранний — с появлением тюркских групп с XIII в., и наиболее древний — с коренными странами сей обитателями, от глубокой древности там поселившимися...“ (Нечто о Сибири и народах..., 1806, с. 85).

Относительно чулымских тюрков были также высказаны различные взгляды: их считали и „отатарившимися финнами“, и близкими по происхождению с группами нынешних хакасов тюрками, отмечали смешение с телеутами, енисейцами (кетями), самоедами (подробнее об этих точках зрения см.: Бояршинова, 1950, с. 38—39). В.В. Радлов (1888) выдвинул положение о том, что население среднего Чулыма составилось из татар, пришедших сюда в конце XVI — начале XVII в. с берегов Иртыша и Тобола. В то же время он считал, что пришедшие на Чулым барабинцы, тоболо-иртышские татары и телеуты частично перемешались с местными тюркоязычными жителями тайги, а частично — с остатками аринов и их соплеменников (Radloff, 1884, с. 211).

В целом следует отметить, что в тот период многие суждения часто не подкреплялись доказательным материалом, слабо использовались данные антропологии, археологии, нередко превалировала односторонность во взглядах, отсутствовал диалектический подход к проблеме этногенеза в целом. Археология тюркских памятников Сибири была только в стадии становления (Знаменский, 1879—1880; Кузнецов С., 1890; Отчет археологической..., 1891; 1900; Радлов, 1895; Тальгрэн, 1922; Чугунов, 1901; 1904; и др.). Тем не менее

был накоплен определенный фактический материал, который позволил ученым выдвинуть целый ряд гипотез о происхождении тех или иных групп.

Представляет интерес проблема выделения дореволюционными авторами татарских групп в Сибири, оценка их общности и связей друг с другом. По существу, впервые этими вопросами занялись в XVIII в. историки Г.Ф. Миллер и И.Е. Фишер, хотя, безусловно, и до них эти моменты находили отражение в сибирских летописях и русских документах XVII — XVIII вв. В своих работах они выделяли для XVII в. следующие группы сибирских татар: тюменские, тобольские, ишимские, барабинские, чатские, применяя к ним общий термин *сибирские татары* (Миллер, 1937, с. 183, 198; Фишер, 1774, с. 6, 51, 93, 95, 188). Отметим сразу, что в XVII — начале XIX в. термин *татары* часто употреблялся в России в смысле „тюрки“, т. е. он указывал на тюркское происхождение и тюркский язык народов или групп. Термин *татары* применяли в названный период в Сибири и к алтайским, шорским, хакасским, чулымским тюркам, к южной группе кетоязычного населения, бурятам, иногда даже к казахам (Зиннер, 1961, с. 25; Народы Сибири, с. 329, 493, 776; Историко-этнографический атлас Сибири, с. 9; ДАИ, т. X, 1867, с. 379), а вне пределов Сибири — к азербайджанцам, чеченам, осетинам, дагестанцам, крымским, астраханским, казанским татарам и др. (Гимади, 1954, с. 116).

И.Г. Георги (1799) выделил следующие тюркские группы в средней полосе Сибири: туралинцы, тобольские, томские, обские, чулымские татары, барабинцы, бухарцы, телеуты. П.А. Словцов (1844, с. 42—43) выделял татар тюменских, ялуторовских, тобольских, барабинских, верхотомских. Кроме того, он придерживался схемы томского, барабинского, тарского и тобольского наречий (Словцов, 1886, кн. 2, с. 69).

Во второй половине XIX в. В.В. Радловым было проведено в целом диалектное членение языка сибирских татар. Он разделил материалы по языку на 4 группы и соответственно этому выделил группы барабинских, тарских, тобольских и тюменских татар. Кроме того, он считал возможным говорить и о ялуторовских татарах (Радлов, 1888, с. XI—XII). Затем, несколько позднее, В.В. Радлов выделил из языка сибирских татар особое барабинское наречие, отнеся его к восточной группе тюркских языков (к алтайским языкам), языки же остальных трех групп (тобольских, тюменских, тарских) он объединил в иртышское наречие, как непосредственно связанное с западной (кыпчакской) ветвью тюркских языков (Radloff, 1882, с. 286—287). Такое деление татар на барабинских, тарских, тюменских, тобольских с включением томских наличествует и в фундаментальных изданиях того времени (Живописная Россия, 1884; Россия, 1907; Риттер, 1877), в обобщающих работах

Н.М. Ядринцева (1891, 1892; и др.). Значение радловской классификации наречий языка сибирских татар заключалось в более точном выделении круга наречий этого языка — впервые, по существу, стали говорить не о языках отдельных татарских групп, а о наречиях одной этнической общности. Чулымских тюрок В.В. Радлов (1929, с. 9) называл татарами и выделял у них три племени — кэчик, куэрик и собственно чулымских татар. Что касается бухарцев, казахов и других групп — выходцев из несибирских районов, — то до революции попыток этнически дифференцировать их и не предпринималось.

Непосредственно об образовании этноса сибирских татар до революции почти никто не писал, хотя термин *народ* и употреблялся по отношению к ним. Так, Г.Ф. Миллер (1937, с. 169) называл их „главнейшим народом Сибири“. Во многих работах ученых и путешественников XVIII — XIX вв. приводятся разнообразные материалы о формировании отдельных групп сибирских татар и их говоров, об общих чертах в их культуре и быте (Миллер, 1937; Фишер, 1774; Strahlenberg, 1730; Георги, 1799; Щеглов, 1883; Оксенов, 1888; Андриевич, ч. 1, 2, 1889; Ядринцев, 1885, 1891, и др.). Интересно в этом плане, например, замечание Г.Ф. Миллера о языке чатов и зуштинцев, в котором он отмечает большое сходство языка этих двух групп, возникшее у зуштинцев „только из-за общего рода житья с чатскими татарами и общей религии“ (Цит. по: Абдрахманова М.А., 1959а, с. 20). Для нас важно, что И.Г. Георги подчеркивал мысль о большом сходстве между собой разных групп сибирских татар. Так, даже относительно самой восточной группы — томских татар — он писал, что они „подобны тобольским татарам и думать надобно, что они с ними и туралинскими одной орды“ (1799, с. 28). На сходство томских татар, сохранивших старинные обычаи, нравы и одежду, с тобольскими указывал в начале XX в. П.М. Головачев (1914, с. 46).

С другой стороны, еще, видимо, с XVII в. возникло мнение, согласно которому сибирские татары подразделялись на разные самостоятельные этнические образования. Так, по данным рукописи Лаврской Киево-Печерской библиотеки видно, что в конце XVII — начале XVIII в. наряду с татарами Сибири были названы отдельно барабинцы (Архив НБ ТГУ, фонд Потанина, § 11157). Подобную оценку этнической общности сибирских татар дал в начале 1860-х гг. И. Юшков. О дорусском периоде он писал: „Сибирские татары... не составляли целого, самостоятельного, независимого народа, но раздроблялись на отдельные орды, по различию племен... они однако же имели общее между собою то, что были одинакового происхождения“. И далее он считал, что в XVII в. „...при увеличении русских поселений, татарские племена делались разрозненные, не будучи связаны одним общим интересом...“ (Юшков, с. 235,

274). Замечание Ю.А. Гагемейстера (1854, с. 8) о том, что народам Сибири (в том числе и сибирским татарам) название *татары* собственно не принадлежит, наталкивает на мысль о том, что до второй половины XIX в. этот этноним в качестве самоназвания сибирских татар не имел еще всеобщего распространения.

Интересны и данные, приводимые учеными о процессе смешения местных групп сибирских татар с пришлыми татарами Поволжья и Приуралья и бухарцами. В городах он часто, как писал Н.М. Ядринцев (1891, с. 56), приводил к растворению коренных сибирских татар в значительных по численности группах пришлых татар Западной Сибири. Наоборот, в сельской местности, как отмечал С.К. Патканов (1911, с. 117), пришлые из разных частей России татары ассимилировались коренными сибирскими татарами. Что касается бухарцев, то все авторы XIX — начала XX в. единодушно отмечали интенсивно протекавший процесс ассимиляции их сибирскими татарами, который в то время привел к потере бухарцами своего языка, многих культурно-бытовых особенностей при частичном сохранении ими своего этнического самосознания (Нечто о Сибири и народах..., 1806, с. 98; Ядринцев, 1891, с. 34, 41; Россия, 1907, с. 269; Патканов, 1911, с. 118; и др.).

Многие исследователи подчеркивали, характеризуя культуру и быт сибирских татар, сходство их в этом отношении с казанскими татарами (Георги, 1799, с. 28; Паллас, 1786, с. 423; Россия, т.16, с. 269). Но даже те немногочисленные, приводимые тогда в разных работах конкретные данные по этнографии сибирских татар, свидетельствуют о значительном своеобразии их хозяйственной деятельности, культуры, быта. В целом же эти высказывания говорят о развитии культуры и быта сибирских, поволжских и приуральских татар в дореволюционный период в направлении сближения.

В трудах авторов XVIII — начала XX в. не осталось незамеченным и влияние русского населения на тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины, процессы сближения этих разноязычных групп, а подчас и ассимиляция русскими части татар и чулымских тюрков, процессы двуязычия и т. п. (Георги, с. 25, 143; Головачев, 1902, с. 2—3; 1914, с. 46; Ельницкий, 1895, с. 89, 95; Татары Западной Сибири, с. 644—645; Фальк, 1824, с. 347, 408; и др.). В отношении чулымских тюрков также был проведен ряд интересных наблюдений в плане характеристики их этнокультурного и этноязыкового развития, но оценки их итогов часто были очень категоричны. Некоторые авторы делали поверхностные выводы о том, что чулымцы забыли свой язык, по образу жизни почти ничем не отличаются от русских, усвоив язык и обычаи русских, находятся на стадии вымирания (П., 1884, с. 188; Vambergy, 1885, с. 101; Поездка преосвященного Макария, 1886, с. 329; Списки населенных мест..., 1868, с. XXXIV; Костров, б.г., с. 85).

Переход на оседлый образ жизни от бродячего охотничье-рыболовного или от кочевого и полукочевого скотоводческого, заимствование русских элементов культуры, владение русским языком большинство расценивало как „обрусение“ (Риттер, 1877, с. 556; Реклю, 1883, с. 519; Россия, 1907, с. 249, 271; Головачев, 1914, с. 46—47), под которым понимали как полную ассимиляцию, так и влияние русского языка, культуры и образа жизни, не приводившие к смене этнического самосознания. Относительно поспешных выводов на эту тему правильным было предостережение Н.М. Ядринцева, который, используя данные К. Голодникова (1882, с. 22), писал, что даже обратившиеся в христианство „татары не очень скоро теряют свою народность и язык“ (Ядринцев, 1891, с. 26). С.К. Патканов (1912, с. 136—137) отмечал роль религии в этнических процессах, указывая на сохранение своего языка татарами-мусульманами Тобольской губернии и на значительную потерю родного языка тюрками-язычниками и православными Томской губернии. В целом, в конце XIX — начале XX в. утвердилась точка зрения о почти полном „обрусении“ сибирских татар и чулымских тюрков, об исчезновении отличий их от русских Западной Сибири.

Таким образом, несмотря на целый ряд ценных наблюдений и выводов, дореволюционные авторы выдвинули и ряд положений, видимо, явившихся результатом поверхностного знакомства с тюркоязычным населением Западно-Сибирской равнины, почти полного отсутствия обобщающих трудов по его этнографии даже в XIX — начале XX в. (исключение составляют, пожалуй, работы И. Юшкова, 1861, и А.А. Ярилова, 1889). В некоторых работах с сибирскими татарами продолжали отождествлять тюркские группы и народности Сибири, не принадлежавшие данной этнической общности. Явно преувеличена была степень языкового и культурного сближения сибирских татар с поволжскими и приуральскими, а это привело к отрицанию наличия этнической специфики сибирских татар в области культуры и быта. С другой стороны, предубеждение в отношении своеобразия сибирских татар и чулымцев в этническом плане исходило и от ученых, не видевших их отличия от русского населения.

Для этнографической литературы советского периода по тюркоязычному населению Западно-Сибирской равнины характерно появление ряда работ, посвященных разным народам и группам. В 1920-х гг. вышли в свет статьи П.Г. Иванова (1927а, б; 1928; 1929), посвященные томским татарам, чулымским тюркам и в целом тюркским народам Сибири. В 1937 г. появляется небольшая статья И.И. Авдеева и И.П. Струковой „Тобольские и тюменские татары (историко-этнографический очерк)“. Во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг. исследованием сибирских татар занималась В.В. Храмова (1948; 1949; 1950; 1951; 1956). В 1950 г.

статью о системе счета времени у чулымских тюрков опубликовал А.П. Дульзон (19506). В 1959 г. поездку к тюменским и тобольским татарам с целью их этнографического обследования и сбора коллекционного материала совершил П.И. Каралькин (1959). Отдельные сведения по этнографии сибирских татар были опубликованы в 1961 г. в „Историко-этнографическом атласе Сибири“.

Можно сказать, что с 1960-х гг. наступил наиболее активный этап изучения сибирских татар и чулымских тюрков. В эти годы начал свои исследования по истории и этнографии сибирских бухарцев Ф.Т. Валеев, опубликовавший ряд статей (1963; 1965а-в; 19796). Одновременно он проводил работу по этнографическому обследованию тоболо-иртышских татар — самой крупной группировки сибирских татар — и опубликовал в 1970-х гг. целую серию статей, а в 1980 г. — монографию (1972; 1975; 1976а-г; 1978а, б; 1979а, в; 1980а, б; 1988; Исхакова, Валеев, 1978а). Со второй половины 1960-х гг. этнографические работы среди тюркоязычного населения Западной Сибири (сибирских и поволжских татар, чулымских тюрков и др.) стали проводиться силами сотрудников Томского университета. С 1974 г. такого рода работы осуществляются группой этнографов Омского университета. Результатом этих исследований явилась подготовка к печати и выпуск целого ряда статей и монографий омских и томских ученых по разным проблемам этнографии сибирских татар (Томилов, 1969в; 1972а, е; 1973 а-г; 1974а; 1975а; 1976а, б, г; 1977а; 1978б, в, д, и-л; 1979а-в; 1980а-д, ж; 1981а-г; 1982а; 1983б, в, е, ж; 1984а; 1985а-д; 1986а-г; Богомолов, 1975; 1978а-в; 1979а-в; 1980; Богомолов, Соболев, 1981; Богомолов, Томилов, 1973; 1976; 1980; Верпаховская, 1980; Карелина, Томилов, Шаргородский, 1985; Козина, Кузнецова, Первых, 1978; Корусенко, 1988; Кулешова, 1988; Кузнецова, Томилов, 1979; Первых, 1977; Первых, Томилов, 1979; Рогалева, 1988; Ситнянский, 1988; Томилов, Богомолов, Курочка, 1975; Томилов, Кузнецова, 1979; Томилов, Лосева, 1980; Томилов, Верпаховская, 1985; Томилов, Шаргородский, 1987; Томилов, Карелина, 1988; Фатеева, 1988), пришлых поволжских татар (Томилов, 1969; 1972г; 1978и, к; 1979в; 1983д; Усманова, 1970), чулымских тюрков (Львова, 1969; 1972а-в; 1973; 1976а, б; 1977; 1979; Львова, Усманова, 1979; Томилов, 1969; 1978и; 1979в; 1980в; 1984б; 1987б), сибирских бухарцев (Томилов, 1972г; 1978и, к; 1979в; 1980в), казахов (Бояубаева, Проваторова, 1980; Проваторова, 1978; 1979; 1981; 1984; 1986; Томилов, 1978и; 1979в; 1983а), алтайцев (главным образом телеутов) и шорцев (Патрушева, 1980; 1984; 1985; Томилов, 1978 и; 1979в-д), чувшей (Коровушкин, 1988; Коровушкин, Пирогов, 1988). В последние годы ряд исследований по этнографии и истории сибирских татар, телеутов и казахов Западной Сибири проводят также ученые Института этнографии АН СССР, Ленинградского, Московского, Казанского

и Новосибирского университетов, Омского и Тобольского педагогических институтов, некоторых музеев (Ахметова, 1979; Ахметова, Монасыпов, 1979; Батьянова, 1979; 1980; Белич, 1988; Еремин, 1972; Захарова, 1975; 1979; 1980; Биржанов, Захарова, 1980; Конавалов, 1979; 1986; Миненко, 1987; Наумова, 1979; 1980; Опарина, 1977; Сатлыкова, 1976; 1979а, б; 1981; 1983а, б; 1985; 1986; Сыркина, 1979; и др.). Благодаря трудам ученых Башкирии были подняты и изучены многие вопросы по этнографии зауральских башкир (Кузеев, Бикбулатов, Шитова, 1962; Кузеев, 1971; 1974; Бикбулатов, Мурзабулатов, 1976; Шитова, 1976; Мурзабулатов, 1978; 1979; и др.), высказаны важные положения по этнической истории сибирских татар и о связях тюркских народов Севера евразийских степей в эпоху средневековья и новое время (Кузеев, Моисеева, 1984, с. 6—13).

В последнее время большое внимание уделялось изучению этнических процессов среди тюркоязычного населения южной и средней полосы Западной Сибири (Батьянова, 1979; Богомолов, 1985; Бояубаева, Провоторова, 1980; Головнев, 1984; Гурвич, 1972; Конавалов, 1979; Наумова, 1979; Опарина, 1977; Патрушева, 1980; 1984; 1985; Потапов, 1952а; 1955; Провоторова, 1978; 1979; 1981а, б; 1984; Сулейманова, 1981; Томилов, 1969; 1972г; 1977а; 1978и, к; 1985а-в; Успенев, 1983; Шатинова, 1970).

В советский период появились специальные работы по антропологии отдельных групп тюркоязычного населения (Багашев, 1984; 1987; 1988; 1989; Багашев, Юрина, 1984; Дебец, Трофимова, 1941; Трофимова, 1947; Дебец, 1948; Розов, 1947; 1949; 1956; 1961а, б; Дремов, 1967; 1969; 1979; 1984; Ефимова, 1984; Ким, 1978; 1984; Ошуркова, Томилов, 1983; Халдеева, 1984; Хить, 1984; Хить, Томилов, 1981; и др.), археологии тюркских памятников средней полосы Западной Сибири (Бараба в тюркское время, 1988; Басандайка, 1947; Викторова, 1968; Дульзон, 1953; 1956а; Коников, 1981; 1984; Левашова, 1928; 1950; Матющенко, 1984; Матющенко, Коркина, 1978; Могильников, 1964; 1968; 1969; 1973; 1976а, б; 1979; 1980; 1984; Молодин, 1979; Молодин, Елагин, 1984; Палашенков, 1979; 1980; Плетнева, 1976; 1981; Савинов, 1973; 1981; Савинов, Молодин, 1979; Соболев, 1978а, б; 1979; 1983; 1984; Смирнов, 1936; Троицкая, 1973; 1976; 1979; Троицкая, Молодин, Соболев, 1980; Троицкая, Соболев, 1978; Циркин, 1979; 1981; и др.), истории тюркского населения (Огородников, 1920; Бахрушин, 1937; Бояршинова, 1950; 1951; 1960; Долгих, 1960; Емельянов, 1972; 1975; 1976; 1978а, б; 1980а, б; Потапов, 1953а; Синяев, 1963а, б; Томилов, 1988; Уманский, 1969; 1970; и др.). Ряд данных по этническому составу, расселению и численности отдельных групп опубликовали ученые Ф.Т. Валеев, М.М. Громыко, А.П. Дульзон, Э.Л. Львова, О.Б. Наумова, З.Д. Титова, Ю.Б. Симченко, Д.Г. Тумашева и др.

В послевоенные годы особенно интенсивно стали изучаться языки сибирских татар, сибирских бухарцев, чулымских тюрок учеными Томска, Ленинграда, Казани, Уфы. Появляются лингвистические исследования М.А. Абдрахманова (1958а, б; 1959а-г; 1960а, б; 1964; 1965), Г.Х. Ахатова (1958; 1960а, б; 1963; 1964; 1977), Р.М. Бирюкович (1984), О.И. Гордеевой (1962; 1965а, б; и др.), Л.В. Дмитриевой (1951; 1958; 1966; 1973; 1975; 1978; 1981), А. П. Дульзона (1950а; 1952; 1954; 1956б, в; 1959; 1960а; 1961; 1973; и др.), С.М. Исаковой (1968; 1969; 1970а, б; 1973; 1975а, б; 1976а, б; 1979; Исакова, Валеев, 1978б; Валеев, Исакова, 1976), Д.Г. Тумашевой (1960а, б; 1965; 1968; 1969; 1970; 1977; 1984; Тумашева, Ахметова; 1979).

✓ В последние десятилетия достигнуты значительные результаты в изучении происхождения коренного тюркского населения — разных групп сибирских татар и чулымских тюрок. Одним из таких наиболее важных результатов была разработка научных представлений о многокомпонентности этнического состава тех или иных групп. Так, проблема этногенеза чулымских тюрок благодаря трудам А.П. Дульзона (1952; 1953), Э.Л. Львовой (1978), Л.П. Потапова (1952б; 1957) и других исследователей решается теперь в плане выделения кетского, самодийского, киданьского, теле-уйгурского, сибирско-татарского и других компонентов.

В наиболее общем виде этногенез сибирских татар представляется сейчас как процесс смешения угорских, самодийских, тюркских и отчасти монгольских племен и народностей. По вопросу об участии угорского компонента в этногенезе тоболо-иртышских и барабинских татар советскими учеными высказывались разные точки зрения. Так, В.Г. Карцов в 1930-х гг. писал о смене угорского населения тюркским в Тоболо-Иртыше на протяжении XIII — XIV вв. Б.О. Долгих показал в 1960 г., что население Туринского уезда XVII в. состояло из вогул (манси), подвергшихся татарскому влиянию. Он же выяснил, что в Тобольском уезде на юге жили татары, а на севере — отатарившиеся вогулы и остяки. Отдельные ученые (Храмова, 1956, с. 474; Бояршинова, 1967, с. 28; и др.) писали, что ассимилированные угры наряду с кыпчаками явились главным составным компонентом в формировании западносибирских татар.

Археологические данные (Могильников, 1964, с. 12; Викторова, 1968; Чагаева, 1969, с. 192; и др.) говорят о том, что местным населением на территории Обь-Иртышского бассейна в I тысячелетии, а во многих районах и в первых веках II тысячелетия н.э. (вплоть до XIII в.) были угорские племена. Антропологические данные в работах Г.Ф. Дебеца и Т.А. Трофимовой в целом свидетельствуют о сходстве расового типа тобольских и барабинских татар с хантами и манси (Дебес, Трофимова, 1941; Трофимова, 1947, с. 209). Частично и языковеды отмечали влияние финно-

угорских племен в Тоболо-Иртышском бассейне, но лингвистических подтверждений не приводили, за исключением выявления отдельных фонетических параллелей (Ахатов, 1960а, с. 107).

Можно считать установленным фактом, что в состав туринских татар в значительной степени вошел местный мансийский компонент. Что же касается остальных групп тоболо-иртышских татар, то степень угорского компонента до конца не выяснена. Следует, видимо, согласиться с мнением, что культура северных барабинцев близка к культуре хантов и что в состав этой группы частично вошли и угры, подвергшиеся тюркизации.

Значительный интерес представляет вопрос об участии самодийских племен в формировании сибирских татар. В этом случае речь обычно идет о томских татарах. В последние десятилетия выдвинута и удерживается точка зрения А.П. Дульзона, З.Я. Бояршиновой и некоторых других исследователей, что томские татары — это аборигенное самодийское (селькупское) население, испытавшее сильное воздействие кочевников-тюрков (Бояршинова, 1960, с. 75, 84, 99—100). Степень тюркизации в данном случае остается не вполне ясной. Ученые пишут и о возможном продвижении непосредственно тюрков в Притомье и Причулымье и слиянии их с кетами и самодийцами. О шегарских карагасах (входят в состав обских татар томской группы) также была высказана мысль о том, что это аборигенное селькупское население, затронутое процессом тюркизации, который представляется Н.В. Лукиной и Г.И. Пелих преувеличенным (1963, с. 170). Несколько позднее Г.И. Пелих (1972, с. 238—257) выдвинула точку зрения, что томские карагасы — это остатки бывшей единой карагасской этнической общности, в которую входили и саянские карагасы.

Томские татары в XV — XVI вв. представляли собой, как считает В.А. Могильников (1964, с. 12—14), тюркизированных самодийцев. По мнению В.И. Васильева (1974, с. 165—167) и Б.О. Долгих (1970, с. 234—235), это была группа южных самодийцев, часть которых вошла в состав ненцев. В то же время факты, добытые археологией, свидетельствуют, что тюркизация населения Томского бассейна сопровождалась сильным смешением тюрков и самодийцев. Памятники Притомья и Причулымья XVI — XVII вв., в основном погребения, весьма существенно отличаются от остяцких могильников (Сулев, 1969, с. 195—196).

С другой стороны, в последнее время интерес некоторых исследователей привлекает вопрос об участии самодийского компонента в формировании отдельных групп тоболо-иртышских и барабинских татар. Еще в 1930-х гг. И.И. Авдеев высказал мысль, что территория прежнего расселения самодийских племен находилась на многих „исконных“ землях обских угров, которые только в XI — XII вв. оттеснили ненцев на север. Недавно Г.И. Еремин (1972, с. 409—439),

поддержав гипотезу И.И. Авдеева и использовав некоторые исторические сведения, показал широту „неспокойной зоны“ самодийско-угорских миграций. Этнографические материалы, приведенные им по заболотным татарам, обнаруживают некоторые очень точные аналогии в ненецкой культуре.

Данные археологии позволили некоторым ученым (Чернецов, 1969, с. 117; Косарев, 1973, с. 70; 1974, с. 155; Могильников, 1969, с. 137—138; с. 183—184; Хлобыстин, 1969, с. 133—134; Чагаева, 1969, с. 192; и др.) говорить о наличии в разные эпохи в районе Среднего Иртыша культурных показателей, связываемых обычно с самодийцами. Интересно, что у тобольских татар Т.А. Трофимова (1947, с. 206—207) обнаружила антропологический тип второго порядка, который она назвала „чулымским“ и который известен также у ненцев, селькупов и других самодийских групп. Интересные результаты получает сейчас, в частности В.И. Васильев (1979, с. 29—42; 1980, с. 165—166; 1984, с. 134—137), специально занимающийся вопросом выявления самодийского этнического субстрата в составе групп и народов Западной и Средней Сибири. Обращает на себя внимание и вопрос, поднятый недавно В.А. Туголуковым (1980, с. 169—170), о тесных связях иртышских татар с тунгусами.

Определенные достижения получены советскими учеными в изучении тюркских компонентов чулымцев и сибирских татар. Так, в последнее время рядом исследователей высказаны сомнения относительно того, что кыпчаки были чуть ли не единственным тюркским компонентом, принявшим участие в формировании сибирских татар (Булатов, 1960, с. 115; Гимади, 1960, с. 122; Еремин, 1972, с. 419—424; и др.). Обнаружение в сибирско-татарских диалектах черт языков древних тюрков (Ахатов, 1963, с. 17—18, 26, 64; 1964, с. 34; Дмитриева, 1973, с. 116—118; Исакова, 1973, с. 36—39; и др.), некоторых архаических черт в культуре сибирских татар (Валеев, 1980а, с. 104—218; Томилов, 1980д, 200с.; Богомолов, Соболев, 1981, с. 129—132; и др.), выявление археологами (Могильников, 1969, с. 138; 1973, с. 82) более ранней даты тюркизации населения Среднего Приобья и Прииртышья подтверждают эти сомнения.

Процесс тюркизации начался, по мнению археологов и историков, в разных районах неодновременно. Высказано мнение, что уже в период господства Тюркского каганата наблюдались передвижки тюрков в лесостепную зону Западной Сибири (Бояршинова, 1967). По мнению В.А. Могильникова, уже в VI в. тюрки начинают осваивать Верхнее Приобье, в VII — VIII вв. проникают далеко на север, вплоть до устья Чулыма, а в IX — X вв. продолжают осваивать лесные районы Притомья и Приобья. Проникновение тюрков в Притомье и Барабу шло с юга — Алтая и Средней Азии — и с востока — из Минусинской котловины (Могильников,

1965, с. 280). В. А. Дремов (1967, с. 62; 1979, с. 19—20) обнаружил появление у населения Томского Приобья в конце I тыс. отчетливых признаков антропологического типа южного происхождения и связал их с проникновением тюрок из Южной Сибири.

Для Барабинской степи проникновение тюрок прослеживается с VII — VIII вв., усиливается оно в начале II тыс. и особенно в XIII в. (Могильников, 1965, с. 279—282; 1969, с. 132). Что касается лесных районов Прииртышья, то продвижение сюда тюркских племен началось где-то в начале II тысячелетия и даже позднее. О направлении продвижения предков тобольских и барабинских татар с юга-востока говорит выявление в этих группах татар южносибирского антропологического типа (как типа второго порядка), морфологически близкого к компоненту, отмеченному у ряда алтайских групп и казахов (Трофимов, 1947, с. 206).

В последние годы выдвинуто предположение (Ахатов, 1963, с. 17—18; Гимади, 1960, с. 122; Еремин, 1972, с. 419—424), что сибирские татары по происхождению более древние, чем кыпчаки. Районы их заселения, видимо, были заняты сначала тюрками времен орхонских и таласских надписей. Г.Х. Ахатов показал, что некоторые языковые черты сибирско-татарских наречий восходят к языку енисейско-орхонских памятников V—VIII вв. Он же отметил интересные формы в области грамматики, не встречающиеся даже в древнеорхонских надписях, и пришел к выводу, что „язык западносибирских татар древнее языка орхонско-енисейских памятников и относится к числу древнейших тюркских языков“ (Ахатов, 1963, с. 64). Любопытна мысль Д.Г. Савинова, что в Томское Приобье в ранний период проникает с юга культура, состоящая из пришлых монголоязычных и остатков телесских и кыргызских племен. Проникновение кыргызов в Новосибирское Приобье в VIII — IX вв. предполагает Т.Н. Троицкая (1973, с. 183—185). Об уйгурском компоненте в составе тоболо-иртышских татар пишет Г.Х. Ахатов (1963, с. 23).

Часть ученых склонна связывать увеличение тюркоязычного населения в южной и средней полосе Западной Сибири с кимаками (Бояршинова, 1960, с. 80). Ряд ученых (Ф.Х. Арсланова, К.И. Петров, Д.Г. Савинов) доказывают, что кимаки оставили после себя памятники сросткинской археологической культуры IX—X вв. (Савинов, 1973, с. 190). На севере они доходят до уровня Томска и Новосибирской области (Молодин, Елагин, 1984, с. 122).

Следующий период тюркизации исследователи разных профилей связывают именно с кыпчаками. В качестве поздних разновременных наслоений в составе сибирских татар отмечаются отдельные группы среднеазиатских народов — казахов, ногайцев, узбеков, уйгуров, киргизов (Гимади, 1960; Ахатов, 1963; Трофимова, 1947; Валеев, 1965в; 1980а; Зияев, 1968; Томилов, 1980д; и др.). У ногайцев

Северного Кавказа и казахов зафиксированы и антропологические черты, сходные с признаками тобольских и барабинских татар (Трофимова, 1947, с. 209). Еще в 1930-х гг. В.Г. Карцов (1935; 1937) ставил вопрос о проникновении тюркских (татарских) групп из Средней Азии в XIII—XV вв. Известны исторические факты вхождения районов юго-западной Сибири в состав среднеазиатских кочевых объединений XIV—XV вв. Это нашло отражение и в генетических связях диалектов сибирских татар с ногайско-кыпчакской группой тюркских языков (Тумашева, 1977, с. 266; Гарипов, 1979, с. 266), в общности зуштинской терминологии родства со среднеазиатской (Дульзон, 1954, с. 81).

Взгляд, что тюркоязычные группы бассейна Средней Оби, Иртыша были близки к народам Саяно-Алтая (Токарев, 1958; Бояршинова, 1967; и др.), находит подтверждение не только в древних связях, но и в переселении в XVII в. части телеутов на север и северо-запад, где они растворились в группах томских, барабинских и тарских татар (Бояршинова, 1960; Уманский, 1970; Валеев, 1975; Томилов, 1969; и др.). Наличие в тоболо-иртышской группе племен мрассы и кондомы (Ахатов, 1960а, с. 110) указывает на их этногенетическую связь с шорцами. Б.О. Долгих отметил, что в составе коренных жителей Тюменского округа находились и предки некоторых групп современных башкир (1960, с. 42).

Одним из тюркских компонентов в составе сибирских татар были поволжско-приуральские татары, которые переселялись сюда, начиная со времен Кучума, и растворялись среди тоболо-иртышских тюркских групп (Огородников, 1920; Трофимова, 1947; и др.). Наиболее мощные переселения татар Среднего Поволжья и Приуралья в Сибирь приходятся на вторую половину XIX — первую четверть XX в. (Томилов, 1978к, с. 40). До сих пор в литературе существует мнение (Токарев, 1958; Баскаков, 1970), что и до массовых переселений казанских татар они были близки к коренному сибирско-татарскому населению.

Важные материалы для изучения этногенеза сибирских татар уже сейчас предоставляет этнографическая наука. В этом плане интересны выводы Н.Ф. Прытковой (1952; 1961а,б) по отдельным видам одежды — халаты томских и тобольских татар она включила в один тип распашной одежды для всех народов Северного Алтая, хантов, манси, ненцев, обнаружила общность покроя одежды татар Западной Сибири со среднеазиатскими народами, выявила аналогии в шапках тобольских татар, шорцев, северных и южных алтайцев, тофаларов. В.В. Антропова (1961) обратила внимание на хантыйские черты в облике долбленых лодок заболотных татар. С.В. Ивановым (1961) отмечены аналогии орнамента тоболо-иртышских татар с узорами узбеков и казанских татар. Несомненной заслугой Ф.Т. Валеева является то, что он в своих статьях и монографии (1965в,

1972, 1976, 1980а) дал очерк этногенеза тоболо-иртышских татар, кратко охарактеризовал в их составе кыпчакский, угорский, монгольский, алтайский, сибирско-бухарский, казахский, башкирский и поволжско-татарский компоненты, выявил многие этнокультурные связи.

Материалы наших экспедиций (Томский и Омский университеты) конца 1960-х — 1970-х гг. выявили в материальной культуре сибирских татар элементы, сближающие их с некоторыми народами Крайнего Севера. В то же время представляется более мощным пласт этнокультурных связей с тюркоязычными народами Сибири (алтайцами, шорцами, тувинцами, якутами, частично с хакасами, тофаларами, чулымскими тюрками), Средней Азии (в основном с киргизами, казахами, узбеками) и с западными тюрками (казанскими татарами, мишарями, башкирами). Результаты этих исследований были опубликованы в ряде работ (Богомолов, Томилов, 1973; Богомолов, 1979а; Томилов, 1973г; 1975а; 1976 а; г; 1978в, д; 1980в, д; и др.).

Значительное внимание исследователей было уделено проблеме выделения этнолингвистических групп сибирских татар и чулымских тюрков. Некоторые этнические группы тюрков Сибири, относительно которых применялся термин *татары*, были отнесены этнографами и лингвистами к другим народам (алтайцам, шорцам, хакасам), в состав которых они фактически и входили. А.Н. Самойлович, анализируя схему тюркоязычного населения С.К. Патканова (1923, с. 5—6), писал: „Устанавливаемая автором группа томско-чулымских татар как объединение по географическому, а не лингвистическому признаку должна быть пересмотрена...“ (Самойлович, 1923, с. 12). А.П. Дульзон в ряде статей (1952; 1959; и др.) показал, что чулымские тюрки не могут быть отнесены к сибирским татарам. По современной языковой классификации язык сибирских татар входит в кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской группы западнохуннской ветви тюркских языков, а язык чулымских тюрков — в уйгурскую группу восточнохуннской ветви (Языки народов СССР, т. II, 1966, с. 15). Отличия чулымцев от сибирских татар проступают и по этнографическим материалам (Львова, 1969; 1972а, б; и др.).

В состав сибирских татар включают сейчас те группы тюрков, которые пользуются этнонимом *татары*. В работе „Народы Сибири“ в качестве крупных этнографических групп сибирских татар выделены тюменские, тобольские, заболотные, тарские, барабинские и томские татары (Народы Сибири, с. 473). В книге Н.А. Баскакова „Тюркские языки“ (1960, с. 234) приведен список следующих групп сибирских татар: туринские, тюменские, ишимские, ялуторовские, иртышские, тобольские, тарские, чацкие, аринские, барабинские, томские татары и сибирские бухарцы.

Во взглядах лингвистов в настоящее время нет единства по вопросу о диалектном членении языка сибирских татар. Во второй половине 1930-х гг. было введено деление татарского языка на три крупных диалекта — западный (в основе — мишарский говор), средний (в основе — говор казанских татар) и восточный (все говоры сибирских татар) (Жәләй, 1938, 1947). При этом Л. З. Зәлялетдинов считает, что татарским диалектом язык сибирских татар был и до второй половины XIX в., т.е. до периода „приобщения этого диалекта к общетатарскому языку“ (1968, с. 39). Точка зрения о наличии в якобы однородном по своей этнической основе татарском языке трех диалектов, особенности которых возникли в более позднюю эпоху и имеют исключительно территориальный характер, находит свое отражение и в некоторых последних работах диалектологов (Баскаков, 1970, с. 686; Махмутова, 1969, с. 33—34; Языки народов СССР, т. 2, с. 152; и др.).

Г.Х. Ахатов делит язык сибирских татар на два диалекта: диалект западносибирских татар, на котором говорят тюменские, ялуторовские, тобольские и тарские татары, и диалект восточносибирских татар, т. е. „язык барабинцев, томских и прочих татар“ (1963, с. 184). При этом в диалекте западносибирских татар он не выделяет говоры, считая, что татарские группы, по существу, являются лишь территориальными и в языковом отношении не отличаются друг от друга (Ахатов, 1963, с. 26; 1965, с. 5—6).

Исследования последних лет Д.Г. Тумашевой показали, что „восточный диалект“ татарского языка не представляет собой единого целого. Она выделяет три крупных диалектных массива языка сибирских татар. Наиболее компонентным диалектом она считает барабинский, томский делится ею на два говора: зуштинско-чатский и калмакский, тоболо-иртышский — на пять говоров: тюменский, тобольский, заболотный, тевризский и тарский (Тумашева, 1968, с. 68). В соответствии с предложенной ею лингвистической классификацией она делит сибирских татар на следующие территориально-этнические группы: тоболо-иртышские (с локальными группами тюменских, тобольских, заболотных, тевризских и тарских татар), барабинские и томские (Тумашева, 1969, с. 13—15). Процесс образования и развития диалектов сибирских татар представляется Д.Г. Тумашевой сложным и длительным, но самостоятельным, не зависящим от развития диалектов поволжских и приуральских татар. Лишь на позднем этапе сибирские татары консолидировались с татарским национальным языком (Тумашева, 1969, с. 8).

А.П. Дульзон (1971, с. 198—205) выделяет западносибирских татар, состоящих из тобольских, тюменских, ишимских, тарских, туринских. На основании исследований Г.Х. Ахатова и Д.Г. Тумашевой А.П. Дульзон считает „...процесс „татаризации“ первоначального сибирского наречия иртышских татар... закончившимся“,

а его говоры относит к говорам татарского языка. Барабинские татары, по его мнению, говорят на особом диалекте, отличном от иртышских говоров и близком к чулымско-тюркскому диалекту. Хотя диалект барабинцев и подвергся интенсивной „татаризации“, но процесс этот, полагает А.П. Дульзон, не зашел так далеко, чтобы рассматривать его в качестве говора татарского языка. Далее, на восток от барабинских татар, им выделяются чулымские и нижнетомские тюрки. Последних он подразделяет на эуштинцев, чатов и калмаков. Отметим тот факт, что этнической классификации чулымских тюрков, бухарцев, поволжских татар и казахов Сибири до недавнего времени в науке не было проведено.

Следующий круг мнений ученых охватывает проблему консолидации тюрков средней части Западной Сибири в народность сибирских татар. По этому вопросу также нет единодушия. В труде „Народы Сибири“ (с. 16) западносибирские татары включены в состав развитых народностей. Г.И. Еремин (1972, с. 419) пишет, что западносибирские татары сформировались как народность в результате сложных исторических процессов. С другой стороны, наличие значительных этнокультурных и языковых различий между группами привело к тому, что появилась тенденция объявлять эти группы народностями. Л.В. Дмитриева пишет о языке барабинской народности (1951, с. 5). Ф.Т. Валеев называет татар и бухарцев двумя народностями, слившимися друг с другом (1965, с. 16). Об отдельных тюркоязычных народах бассейна средней Оби и Иртыша, объединенных общим названием *западносибирские татары*, говорит С.А. Токарев (1958, с. 444).

Г.Х. Ахатов (1963, с. 24) считает, что еще в условиях Сибирского ханства „наметилась тенденция к объединению, слиянию различных племенных групп в одну народность“. Д.Г. Тумашева в 1960 г. (1960а, с. 52) писала о существовании западносибирской народности как де-факто. Позднее высказывания ее носили более осторожный характер. Основываясь на взглядах советских историков, определяющих Сибирское ханство государством феодального или полufeодального типа (Огородников, 1920, с. 220—221; Бахрушин, 1937, с. 57), она считает, что предпосылки для формирования тюркских групп в народность были заложены уже в то время. Но в силу ряда объективных причин этот процесс не получил тогда завершающего развития. Формирование народности сибирских татар, по ее мнению, шло и в составе Русского государства, но окончательно не завершилось. В настоящее время группы сибирских татар, считает Д. Г. Тумашева, „имеют много общих черт... объединены общностью этнического самосознания, языковым родством и рядом специфических особенностей языка, которые выделяют их на фоне остального тюркоязычного мира“ (Тумашева, 1969, с. 15; см. также: с. 8, 11, 15, 48—49; 1968, с. 21, 168).

Формирование народности западносибирских татар отрицает и С.Г. Гимади. В 1960 г. он заявил: «Если говорить о „татарах“ сибирских в целом, то они в XV—XIX вв. представляли собой скорее конгломерат тюркоязычных племен, очень слабо связанных экономически и культурно» (1960, с. 122). Отсутствие ясности по вопросу о группах сибирских татар и степени завершенности их консолидации привело историка З.Я. Бояршинову (1967, с. 32) к мысли, что термин „западносибирские татары“ в применении к барабинцам, теренинцам, иртышским, тобольским и ишимским татарам весьма неточен. Ее мнение нашло отражение и в многотомном издании „Истории Сибири“ (т. I, 1968, с. 363).

В 1970-х гг. к рассмотрению вопроса о типе этнической общности сибирских татар приходилось обращаться и нам. Наши основные выводы сводились к тому, что в дореволюционный и последующий советский период, несмотря на имевшие место моменты консолидации сибирских татар, они так и не сложились в единую народность (Томилов, 1978к, с. 39, 89). Тем не менее Ф.Т. Валеев в 1980 г. приходит к заключению, что в конце XIX — начале XX в. у западносибирских татар завершается формирование „татарской буржуазной народности“ (1980а, с. 44). Сохранившаяся спорность этой проблемы и вынуждает нас провести более обстоятельное изучение этнических процессов у сибирских татар дореволюционного периода.

Процессы переселения поволжских и приуральских татар в Сибирь, смешение их с сибирскими татарами, усилившееся влияние языка и культуры казанских татар на тюркоязычное население средней части Западной Сибири (особенно во второй половине XIX в.) расцениваются отдельными исследователями как процесс консолидации сибирских татар с татарской нацией. Так, Д.Г. Тумашева считает, что процессы эти „окончательно завершились лишь после Великой Октябрьской социалистической революции“ (Тумашева, 1969, с. 49). Как единый народ (нацию) рассматривает поволжских, приуральских и сибирских татар и С.Г. Гимади (1960, с. 120, 123). В то же время Г.Х. Ахатов отмечает, что переселенцы из Казанской, Самарской и других губерний, наделенные землей в Тобольском округе, быстро слились с коренными жителями этого округа и в настоящее время не отличаются от них ни языком, ни образом жизни, ни одеждой (1960а, с. 108). А С.М. Исхакова пишет, что язык сибирских татар — это живой самостоятельный тюркский язык, имеющий свои особенности, в отличие от литературного татарского языка, влияние которого на сибирских татар в последнее время ослабевает (1975а, с. 147).

В советской этнографической литературе в общих чертах отмечалась близость культуры сибирских татар с культурой казанских татар как следствие их давних связей и усиленного смешения на территории Сибири (Храмова, 1956, с. 474; Токарев, 1958, с. 445).

В то же время приводимые исследователями материалы по этнографии сибирских татар раскрывали специфичность культуры различных групп сибирских татар по сравнению с культурой и бытом поволжских татар. Появление буквально в последние годы монографических исследований по этнографии сибирских татар (Валеев, 1980а; Томилов, 1978к; 1980д; 1983з) позволяет сейчас разрешить проблему соотношения культуры сибирских и поволжских татар.

Ряд замечаний и наблюдений советских исследователей относится к сближению сибирских татар с русскими и влиянию этого процесса на язык, культуру и быт сибирских татар. В первые годы советской власти ученые по-прежнему определяли сближение татар с русскими термином *обрусение* (Огородников, 1920, с. 6; Шнейдер и Доброва-Ядринцева, 1928, с. 62). На усиление влияния русского языка на язык сибирских татар, выразившееся в распространении двуязычия, а в некоторых местах в переходе части татар на русский язык, обратили внимание М.А. Абдрахманов и О.И. Гордеева (1962; Гордеева, 1962, 1965а, б), Л.В. Дмитриева (1951, с. 11—12; 1958, с. 144), Д.Г. Тумашева (1960а, с. 52; 1960б, с. 179). На развитие сближения русских и татар в Западной Сибири в области хозяйства, культуры и быта указывалось в этнографической литературе. При этом гораздо правильнее, чем в дореволюционных работах, подмечалось сохранение и многих национальных черт в культуре сибирских татар (Авдеев, Струкова, 1937; Храмова, 1956; Валеев, 1963; 1980а, и др.; Богомолов, 1978а, б, в; 1979а, в и др.; Томилов, 1972в; 1978к; 1980д; 1983 з; и др.). В целом, вопрос о соотношении традиционных и русских элементов в культуре и быте сибирских татар остается для некоторых исторических периодов неразработанным.

Отметим, что в советский период был сделан значительный шаг вперед в историческом, лингвистическом и этнографическом изучении западносибирских татар. Достигнуты определенные результаты в области классификации групп по языковым и этническим признакам, хотя единого подхода среди ученых здесь еще не выработалось. Сделан ряд интересных наблюдений и выводов относительно языковых и этнокультурных процессов, протекавших у сибирских татар в прошлом и имеющих место в наши дни. В то же время обнаружилась неразработанность некоторых проблем, связанных с этническими процессами среди сибирских татар. Видимо, из дореволюционной литературы проникли тенденции преувеличения близости культуры и быта сибирских и казанских татар и отрицания отличительных черт сибирских татар от окружающего русского населения в этих сферах (Очерки общей этнографии, 1960, с. 324). И это несмотря на то, что в советский период были сделаны попытки выявления своеобразия этнокультурного облика сибирских татар. В значительной мере это происходит потому, что вплоть до

настоящего времени сибирские татары остаются в этнографическом плане недостаточно изученными. И почти совсем не исследованы вопросы о развитии этнокультурных процессов у чулымских тюрков, казахов и пришлых поволжских и приуральских татар Западно-Сибирской равнины.

Основной целью данной работы является исследование проблемы этнической истории тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в период с конца XVI в. и до 20-х гг. XX в. Длительность изучаемой эпохи связана с тем, что характеристика этнического развития данного населения по более узким периодам привела к ряду ошибочных и приувеличенных утверждений в науке — например, о значительных прослойках поволжских татар в составе коренных сибирских татар и о сильном влиянии их в Сибири в XVIII—XIX вв., об отсутствии общих этнических компонентов в тюркских группах коренного населения, отсутствии связей между ними, о сильном сокращении или отсутствии роста численности тюркского населения в разные периоды и т.д.

Начальной хронологической точкой исследования был взят фактически XVI век, т.к. в этот период здесь сложилось Сибирское ханство, в рамках которого значительно усилилось взаимодействие между мелкими разобщенными в прошлом тюркскими этническими образованиями, и повысилась роль этногенетических консолидационных процессов, а с приходом в Сибирь русских начался быстрый рост производительных сил, распространение классовых отношений феодального общества, расширение хозяйственно-торговых и социальных связей и т.д. В данный труд не вошли материалы исследования этнических процессов у тюркского населения в советский период, т.к. эта работа была проделана раньше и затем опубликована в виде монографии (Томилов, 1978к, 208 с.). Тем не менее хронологические рамки изучения некоторых вопросов оказались шире намеченного периода. При завершении исследования этнической истории были выявлены не только тенденции развития этнических процессов у разных тюркских образований, но рассмотрены и результаты реализации этих тенденций в советский период.

Для выполнения поставленной цели мы определили следующий круг конкретных задач, которые предстоит решить:

1. Этнически дифференцировать данное население, выделив этнические и этнографические группы.
2. Исследовать по возможности вопросы происхождения коренного тюркоязычного населения и формирования его отдельных групп:
 - выявить этнические компоненты, вошедшие в состав этих групп до изучаемой нами эпохи;
 - выяснить, какие группы населения влились в состав этнических объединений данного региона в конце XVI — начале XX в.

3. Проследить изменения в расселении, демографической структуре тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины:
 - выявить его расселение к приходу русских в Сибирь, миграции в эту эпоху, плотность размещения поселений;
 - выяснить изменения в расселении тюркских групп в период с конца XVI в. до 20-х гг. XX в., проследить развитие миграций;
 - определить численность разных групп к моменту присоединения Сибири к Русскому государству;
 - обобщить данные о численности тюркоязычных групп в XVII — начале XX в.;
 - выяснить степень жизнеспособности тех или иных групп, их этнического воспроизводства.
4. Изучить эндогенные этнические процессы у разных групп тюркского населения по разным хронологическим периодам:
 - рассмотреть систему их социальных связей как наиболее важного этнообразующего фактора;
 - выявить степень развития торгово-хозяйственных связей, способствующих объединению небольших групп населения в более широкие этнические общности;
 - изучить этнокультурные и этноязыковые процессы, формирование этнического самосознания.
5. Выявить роль межэтнических контактов в развитии этнических процессов в изучаемом регионе:
 - проследить хозяйственные, социальные (в т.ч. семейно-брачные), культурно-бытовые связи и отношения разноэтничных тюркских групп как между собой, так и с коренными народами Сибири, а также с русскими;
 - раскрыть процессы взаимовлияния в разных сферах жизни.
6. Проследить изменения в этнической ситуации тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины:
 - определить характер и таксономический уровень этнических объединений сибирских татар, казахов, чулымцев, бухарцев и др.;
 - раскрыть роль процессов сближения и слияния разноэтничных тюркских групп в изучаемом регионе.

В целом, в данной работе намечено осветить чрезвычайно важные аспекты этногенетических и этноисторических процессов среди тюркоязычного населения сложного в этническом плане региона. Советскими этнографами подчеркивается «...необходимость овладения по возможности большим количеством фактических данных о характере общественных связей в определенном этническом сообществе людей для наиболее точного определения условий и степени его этнической консолидации» (Лашук. 1977б, с. 64). Таким образом, выдвигается задача исследования структуры этнических тюр-

язычных образований разного уровня в ее историческом развитии на юге Западно-Сибирской равнины, механизма развития этноязыковых, этнокультурных, этносоциальных процессов среди них, степени хозяйственных, семейных и других видов связей, уровня этнического самосознания.

Достоверность полученных научных результатов и максимальность их научного выхода зависят, как известно, от того, насколько основательно все исследование будет базироваться на принципах и идеях марксистской философии, прежде всего, на принципах исторического материализма — общей научно-материалистической теории об обществе в целом. Методологической основой данного исследования являются основные положения исторического материализма, главным образом, положения об общественно-экономических формациях, об исторических формах общности людей, о формах общественного сознания. В качестве основного метода в данном исследовании применяется метод социально-исторического анализа, развитие этногенетических и этноисторических процессов рассматривается в прямой зависимости от конкретной социально-экономической и в целом исторической обстановки, от уровня социального развития изучаемых групп населения.

В части исследования, посвященной вопросам этнической дифференциации, конкретному анализу этнокультурных, этноязыковых и других видов этнических процессов, применяется сравнительно-генетический или, шире, сравнительно-исторический метод. При изучении этнокультурных процессов ранних этапов в ряде случаев используется метод ретроспективных реконструкций; при выяснении типов историко-культурных образований, определении места тех или иных культурных явлений — метод сравнительно-типологического подхода (метод типологии), при анализе компонентов тех или иных историко-культурных образований — метод системного анализа (системный метод). Для решения поставленных задач в основном нами используются данные истории, этнографии и статистики, привлекаются данные из области археологии, антропологии, лингвистики и фольклористики. Принцип комплексности позволяет добиваться в исследовании более объективных результатов. Кроме того, в связи с недостаточной разработкой методики сбора этнографических материалов, омскими этнографами при проведении полевых работ был подготовлен ряд специальных программ и вопросников, опубликованных и широко использованных затем в экспедиционной работе (Богомолов, 1978г; Новикова, 1978; 1979; Программа сбора материалов..., 1978; Томилов, 1978а; 1978ж, з). Для изучения ряда вопросов этнической истории нами были разработаны некоторые специальные методы анализа материалов (Томилов, 1987а).

Основным источником для выполнения работы послужили письменные материалы центральных и местных архивов. В центральном государственном архиве древних актов (Москва) были использованы документы фондов Сибирского приказа (№ 24, 214), Г.Ф. Миллера (№ 199), Правительствующего сената (№ 248), ландратских книг и ревизских сказок (№ 350), в Центральном государственном историческом архиве — документы фондов Департамента министерства финансов (№ 571), Первого Сибирского комитета (№ 1264), Второго Сибирского комитета (№ 1265), Земского отдела министерства внутренних дел (№ 1291), Первого департамента Правительствующего сената (№ 1341), в Государственном архиве Омской области — документы фондов Сибирского генерал-губернатора (№ 2), Главного управления Западной Сибири (№ 3), в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области — первичные листы ревизских сказок (ф. 154), листы всероссийской переписи 1897 г. (ф. 417) и документы некоторых других фондов, в Государственном архиве Томской области — документы фондов Томского губернского правления (№ 3), Томской губернской чертежной (№ 144), ревизских сказок (ф. 321) и др. Основные виды использованных документов — это ясачные книги, именные книги служилых людей, крестоприводные книги, окладные книги податного населения, списки населенных пунктов округов и волостей с указанием числа дворов, жителей разных социальных категорий, нередко фамилий и имен, хозяйственных занятий, материалы 1-й, 3—10-й ревизий (переписей) населения, отложившиеся в сводных ведомостях и, что особенно ценно, в первичных переписных листах в местных архивах, челобитные коренного населения и дела по этим челобитным, служебные записки, рапорты, донесения. Отдельные сведения почерпнуты нами из архива Института этнографии АН СССР (г. Ленинград), архивного отдела Государственного музея этнографии народов СССР, а также из рукописей архива Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

В данной монографии используются также документы, опубликованные в многотомных изданиях „Акты исторические“ (т. I—V, 1841—1842), „Дополнения к Актам историческим“ (т. I—XI, 1846—1869), „Русская историческая библиотека“ (т. II—VIII, 1875—1884) и также в работах И.П. Кузнецова-Красноярского, Г.Н. Потанина и некоторых других исследователей (Кузнецов, 1890; 1893; 1897; 1915; Потанин, 1860; 1867; Тобольск, 1885; Наш край..., 1960; и др.). Немало важных сведений содержится в работах ученых, путешественников и ссыльных XVI — начала XIX в., нередко очевидцев жизни коренного населения Западной Сибири. Нами использованы данные такого рода, содержащиеся в специальных работах М.П. Алексеева (1941), Э.П. Зиннера (1961, 1968), З.Д. Титовой (1976, 1978), а также в работах ученых XVIII в. — И.Г. Георги

(1799), С.П. Крашенинникова (С.П. Крашенинников в Сибири, 1966), считающегося основоположником сибирской этнографии (Окладников, 1977, с. 15), П.С. Палласа (1786), П.И. Страленберга (Strahlenberg, 1730), И.П. Фалька (1824) и др. Многие сведения почерпнуты из исследований, опубликованных в XIX—XX вв.

В работу включены материалы, собранные историко-этнографическими экспедициями Омского и Томского университетов под руководством автора исследования в 1969—1985 гг. Экспедиционные работы проводились по 2—3 месяца ежегодно среди разных групп тоболо-иртышских, барабинских и томских татар, бачатских телеутов, казахов, чувашей и других тюркских групп и народов Западной Сибири (о работе отдельных экспедиций см.: Богомолов, 1978д; Лукина, Томилов, 1971; Спиридонова, Томилов, 1979; Томилов, 1969, 1974б; 1976в, д; 1977б, в; 1985б). К полевым материалам, использованным нами для решения поставленных задач, относятся данные об этнонимах, названиях тугумов (групп родственных семей), записи родословных, материалы по хозяйству, материальной и духовной культуре, исторический фольклор, народные знания о разных исторических событиях, сохранившиеся в памяти коренного населения, в отдельных случаях данные опросных листов для изучения этнических процессов и др. Часть материалов, включенных в работу, была собрана участниками этнографических практик Томского университета 1970—1974 гг. и Омского университета в 1975—1985 гг. Все материалы этнографических экспедиций и студенческих практик ТГУ хранятся в архиве Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ, а материалы этнографических экспедиций и практик ОмГУ — в архиве Музея археологии и этнографии ОмГУ. Следует отметить, что устойчивость многих зафиксированных нами в экспедициях культурных явлений позволяет экстраполировать материалы по ним на начало XIX в. или даже на XVIII в.

При изучении этнокультурных процессов, особенностей выделенных нами региональных историко-этнографических общностей и хозяйственно-культурных типов были широко использованы материалы центральных и местных музеев. Этому помогла и работа с коллекциями некоторых сибирских музеев, которую мы проводим, начиная с 1968 г., и результатами которой являются двухтомный каталог МАЭС ТГУ (Каталог..., 1979; 1980), первый том по коллекциям ОГИЛМ (Народы севера Сибири..., 1986) и ряд статей (Белич, Новикова, Томилов, 1978; Лукина, Томилов, 1969; 1971; Славнин, Томилов, 1979; Томилов, 1969а, б; 1979б, г, д; 1980е; 1981в; 1984г.). При разработке отдельных разделов настоящей работы были использованы материалы Государственного музея этнографии народов СССР, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР, Музея археологии и этнографии Омского университета, Музея археологии и этнографии Сибири Томского

университета, Омского государственного исторического и литературного музея, Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, а также Новосибирского, Томского и Тюменского областных краеведческих музеев. В результате анализа большого количества материалов удалось достичь определенных результатов в решении проблем историко-этнографического характера.

При изучении этногенетических и этноисторических процессов были применены данные и выводы, полученные в области археологии, антропологии и языкознания. Часть антропологических материалов, а именно дерматоглифические серии были собраны нами среди всех групп тюркского населения Западно-Сибирской равнины в 1976—1978 гг. во время работы Сибирской историко-этнографической экспедиции ОмГУ, обработаны Г. Л. Хить, а результаты их анализа частично опубликованы (Хить, 1984; Хить, Томилов, 1981). Почти одновременно среди сибирских татар были собраны одонтологические материалы (Ефимова, 1984; Ошуркова, Томилов, 1983; Халдеева, 1984).

В прошлом тюркские группы заселяли степную, лесостепную и частично лесную зоны Западной Сибири. Эта территория издавна была местом стыка двух хозяйственно-культурных типов — кочевого скотоводческого и охотничье-рыболовческого. Здесь же, точнее в Тоболо-Иртышском бассейне, до прихода русских в Сибирь сложился один из немногочисленных очагов земледельческой культуры (Шунков, 1956, с. 27, 31). Особенностью этнической ситуации во II тысячелетии н.э. было то, что здесь активно взаимодействовали угорские, самодийские, тюркские и отчасти монгольские группы населения. Самые северные тюркоязычные образования данного региона Сибири располагались именно на территории Западно-Сибирской равнины, в бассейне Оби и Иртыша. Население южных районов этой равнины до прихода русских имело разный уровень социально-экономического развития — классовые отношения феодального типа сочетались здесь с пережитками родоплеменных отношений. Южнее, в районах Средней Азии, в XVI — XVIII вв. «...сформировались три очага централизации — Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства, возглавлявшиеся узбекскими династиями» (Жданко, 1972, с. 14—15). Коренное население Западной Сибири испытывало на себе их постоянное влияние в социально-экономической, политической и культурной сферах. Значительная часть тюркоязычного населения, а также некоторые мансийские и хантыйские группы юго-западных районов изучаемого региона Сибири в XVI в. были включены в состав Сибирского ханства. В то же время в северной части Западной Сибири у угорских и самодийских групп сохранялись еще устои доклассового общества.

Эти обстоятельства во многом определяют научную значимость изучения этноисторических процессов в этом сложном в этническом плане регионе. Здесь можно наблюдать интересные явления этнических взаимодействий народов Северной Азии, Средней Азии и Казахстана — народов с разными хозяйственно-культурными характеристиками и разным уровнем социально-экономического развития.

Изучение этнической истории тюркского населения такого огромного региона, как Западная Сибирь, имеет и практическое значение в плане утверждения историко-материалистических взглядов при решении исторических проблем данного направления, изживания упрощенного подхода к этногенезу и этноисторическому развитию отдельных народов и этнических групп, раскрытия широкой картины межэтнических контактов и укрепления дружеских связей между людьми разных национальностей. Практическую роль в интернациональном воспитании, как мы надеемся, будут играть выводы данного исследования об общих этнических компонентах в происхождении разных народов и групп, о давних этнических связях их друг с другом, о многовековом процессе сближения местного тюркского населения с русским — выводы, направленные против шовинистических и националистических воззрений, способствующие укреплению дружеских связей народов нашей страны.

РАЗДЕЛ I ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Этнический состав населения изучаемого региона был сложным в XVI—XVIII вв. и еще более усложнился в XIX — начале XX в. Большой массив представляли разные группы сибирских татар, чулымских тюрков, сибирских бухарцев и других выходцев из Средней Азии, поволжских татар и казахов, которым мы и уделяем основное внимание в данном разделе. Кроме того, здесь в разное время проживали башкиры, енисейские киргизы, ногайцы, телеуты, чуваша, а также джунгары, калмыки, манси, ханты, селькупы и другие народы, целый ряд сведений по которым также приводится в разных главах настоящей работы.

Глава I Коренное тюркское население Западно-Сибирской равнины

В данной главе обобщаются результаты исследования этнического состава тех тюркоязычных групп региона, которые часто охватываются термином *сибирские татары*. К коренному тюркскому населению относятся также чулымские тюрки, но поскольку они представляют особую народность, им посвящена отдельная глава.

Проблемам этнической дифференциации и этническому составу коренного тюркского населения Тоболо-Иртышского междуречья, Среднего Прииртышья, Барабинской низменности и Томского Приобья периода XVI — первой четверти XIX в. посвящена специальная монография (Томилов, 1981а, 276 с.) Поэтому характеристика этнической структуры тюркских групп приводится здесь в кратком виде, лишь в ряде случаев она дополнена новыми фактами.

Тюменско-туринские татары

С именем тюменско-туринских татар связано наиболее раннее государственное образование сибирских татар — Тюменское ханство,

сложившееся в XIV в. Относительно обособленными они были также в составе Сибирского ханства, среди тоболо-иртышских татар они выделялись и позднее. Для этой группы в настоящее время характерны особый говор тоболо-иртышского диалекта сибирских татар и некоторые этнокультурные особенности.

В конце XVI—XVII вв. тюменские татары делились на собственно тюменских татар, обитавших в низовьях Туры, по ее притоку Нице, Тоболу, частично в бассейнах рек Пышмы и Исети, и на туринских татар, расселившихся в основном в среднем и верхнем течении р. Туры и по ее притокам (Долгих, 1960, с. 34, 36). В научной литературе туринские татары нередко рассматриваются как особая этническая группа, обособленная от тоболо-иртышских татар до второй половины XVI в. (Огородников, 1920, с. 219), или как группа, входившая в тоболо-иртышское объединение, но не включавшаяся в состав тюменских татар (Авдеев и Струкова, 1937, с. 68; Тумашева, 1977, с. 22). Более правильным представляется включение туринских татар в состав тюменской или, вернее, тюменско-туринской группы.

На территории Туринского района в IX—XIII вв. проживало мансийское (или протомансийское) население, среди которых и начали селиться первые тюрки (Викторова, 1968, с. 256; Могильников, 1964, с. 12). В XVI и XVII вв. основные особенности туринских татар были связаны, надо полагать, именно со значительной долей мансийского компонента в их составе. Это и позволяет считать их особой группой в составе тюменско-туринских татар, тюркские этнические компоненты которых, видимо, в основном совпадали.

Г.Ф. Миллер (1937, с. 386—387, 393) считал, что в начале XVII в. в юртах Япанчина, Кокузова, Индричева, Байгарина, Куртумова, Санкина, Нагаева, Енбайкова проживали остяки. С.В. Бахрушин (1955, с. 147) предполагал, что коренное население Туринского уезда — это оставшееся вогульское (мансийское) племя. Б.О. Долгих, выделяя основное ядро этого населения, называл его „вогулами, подвергшимися татарскому влиянию“, и соответственно относил всех коренных жителей к вогулам, не выделяя среди них тюркоязычную группу (Долгих, 1960, с. 34—40).

На наш взгляд, этническая ситуация в данном уезде была несколько иная. Одну группу коренного населения здесь действительно составляли манси. Далее заметим, что все документы XVII в. всегда сообщали о расселении в данном уезде татар и гораздо реже называли здесь вогулов и остяков. Об этом писали также Б.О. Долгих (1960, с. 34) и Ю.Б. Симченко (1965, с. 52). Путешественники XVII в. тоже единодушно отмечали, что по р. Туре жили татары (Алексеев, 1941, с. 257, 328 и др.), а Г.Ф. Миллер (1937, с. 194, 384, 408 и др.) писал и о татарах Туринского уезда. Что же касается

факта о том, что он обозначил остяками князька Епанчу, его брата Тувонгу Кувандыкова с его 50-ю „товарищами“, то следует учесть еще один момент. В полевых работах нами собраны сведения о том, что казахи нередко называли сибирских татар „уштяками“, „иштяками“, „эштеками“ (факт зафиксирован в научной литературе — Прокофьева, 1956, с. 570), в составе барабинских татар до сих пор помнят о тугуме (группе родственных семей) „иштяк“ (Томилов, 1975а, с. 31—32), а одно из племенных названий тобольских татар тоже „иштяк“ (Тумашева, 1977, с. 21). Не исключено, что в данном случае в документе и было использовано обозначение татар остяками (иштяками), наверняка, известное русским. О самом князьке Епанче в документах писали, что он татарин „...с большою толпою, подвластных ему татар и вогуличей...“ (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 73, л. 19 об.).

Интерес представляет также относящееся к 1660-м гг. сведение А. Мейерберга о том, что природные жители татары по Туре „...говорят собственным наречием...“ (Алексеев, 1941, с. 311). О наличии татарского наречия у турунских татар и сохранении его в конце XVII в. имеются некоторые данные в архивном фонде Г.Ф. Миллера (Тумашева, 1977, с. 22). При перечислении ясачных волостей Туринского уезда в 1742 г. было прямо указано, что татарские волости выделяются по татарскому языку (ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 481, ч. 3, л. 65). И.Г. Георги (1799, с. 25) писал, что язык турунцев — татарский и представляет собой „перемешанное с русскими и вогульскими словами наречие“. Это позволяет нам не только отмежевать тюркское население от угорского, но и выделить турунцев в составе тюменских татар.

В целом, следует признать неудачей попытку Б.О. Долгих определить этнический состав коренных жителей Туринского уезда лишь однозначно турунскими вогулами. Из документов и сведений путешественников XVII в. ясно следует, что здесь проживали татары и манси. В русских документах XVIII в. они различались этнонимами *ясашные татары* и *ясашные вогулы*. Татарские населенные пункты определялись словом *юрты*, а мансийские — словом *паул* (ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 38, л. 1—21). Турунские татары достаточно четко отличали себя от манси. Так, в прошении в 1624 г. татарин Ишметко Тентюков сообщал, что после смерти брата, татарина Боймамятко, его жена, тоже татарка, вышла замуж во второй раз за верхотурского ясачного вогулетина Кулекая (РИБ, т. II, с. 429—430).

По данным 1782 г., эндогамность турунских татар исчислялась 68,3 %, или 52 брачными союзами из 76.

В южной части своего расселения тюменские татары в конце XVI—XVII вв. интенсивно контактировали с башкирами (или группами, вошедшими также в состав башкир) Пышминской, Исетской волостей, а также, видимо, и соседней Терсяцкой волости Тюмен-

ского округа. Смешение двух тюркских групп завершалось явно формированием здесь особой группы тюменских татар, получивших территориальное название *ялutorовских татар*, часто встречающееся в литературе рядом с названием *тюменские татары* (Инфантьев, 1910, с. 54). Эта группа имела, видимо, свой говор — еще в 1950-х гг. писали о ялutorовском говоре (Народы Сибири, с. 473—474). Экспедициями Томского и Омского университетов в 1970-х гг. у них были выявлены своеобразные типы колодообразных (и, видимо, очень древних) лодок, лыж-голиц, отдельных блюд, особенные сюжеты в фольклоре, свои комплексы орнаментов (МЭЭ ТГУ, 1971, т. 506; МЗСЭЭ ОмГУ, 1977, т. 1—17).

Выявление брачных связей тюменских татар, по данным этих же ревизий, подтверждает их относительно прочную эндогамность (в среднем 70 % эндогамных браков).

Вероятно, первоначальное население Авазбакеевых и Кулюкских юрт состояло из тобольских татар и постепенно смешалось с местными татарами. Таким образом, выявляется еще один (тобольско-татарский) компонент в составе ялutorовских татар. При образовании Ялutorовского уезда во второй половине XVIII в. в него вошли ясачные татары из Тобольского и Тюменского уездов (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 3, л. 372).

Основную часть тюменских татар в XVII в. составляли татары волостей Каскаринской, Шикчинской, Искинской, Киньрской, Иленской Тюменского округа и Лобутанской, Калыманской волостей Тобольского округа, а также тюменские служилые татары.

Особенности сложения этнического состава собственно тюменских татар ясны далеко не во всех аспектах. С XVII—XVIII вв. их территория входила в область расселения кипчаков (Шаниязов, 1974, с. 45). Известно, что в составе тюменцев оказались выходцы из Средней Азии. Видимо, с этим связано наименование области по р. Туре, где жило тюркское население, „тахчеями“ (Бахрушин, 1955б, с. 142; История Сибири, т. 2, с. 27). Тагчи (тахчи) Б.Х. Кармышева относит к ранним узбекским племенам. Сами тагчи называли себя катаганами, т.е. именем племени дашти-кипчацкого происхождения (Кармышева, 1976, с. 83—85, 88, 105). Обращает на себя внимание и наименование татарской волости по Туре Шикчинской (Шихчинской), в качестве аналогии к которому может быть приведено название шихов — одной из групп среднеазиатских хожей (Кармышева, 1976б, с. 118, 148).

Вместе с татарами Киньрской волости проживали жители Бачкирской (Башкирской) волости, являвшиеся, как предполагал Б.О. Долгих (1960, с. 42, 47), в основе своей башкирами, также как и жители Терсяцкой волости Тюменского уезда. Контакты и семейно-брачные связи между тюменскими татарами, с одной стороны, бачкирцами, терсяками и сырянцами — с другой, были в целом

настолько широки, что три последних группы в XVII в. не выделялись из состава тюменских татар (Долгих, 1960, с. 42, 44—45). В XVIII в. из бывшей Киньрской волости сохранились юрты Чапльинские, Ахмановы, Салаирские (ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 27, л. 1143, 1148, 1151). Известно также, что местная знать постоянно пополнялась „за счет южных ногайских кочевников“ (Вильчко, Гамбаров, Рошецкий, 1961, с. 5).

Некоторые данные указывают на возможное включение в состав тюменских татар на раннем этапе их формирования угорского населения (Соколова, 1979, с. 54). Предки хантов жили по Туре еще до прихода сюда татар (V—VIII вв.). З.П. Соколова обращает внимание на весьма интересную параллель в названиях татарского городка Цымги-Туры, волости иртышских хантов Цынга и их юрт — Цынгинских, Цынгалинских. Кроме того, Ю.Б. Симченко (1965, с. 63) выявляет у татар низовьев Туры вогульские тамги и подчеркивает связь предков местных татар и угров Урала.

В начале 1780-х гг. в подавляющем большинстве семей тюменских татар оба супруга были коренными уроженцами. Высокая степень территориальной брачной замкнутости характерна также для бухарцев, проживающих совместно с татарами. В целом, эндогамность тюменских татар и бухарцев в 1782 г. составила 1504 брачных союза, заключенных внутри группы, из 1638 семей, или 91,8 %, в 1795 — 1212 из 1297 зафиксированных семей, или 93,4 %.

Тюменские и тобольские татары еще во время Сибирского ханства продвигались далеко на запад и частично оседали в Приуралье. В связи с этим возникает вопрос о татарах Верхотурского уезда, охватившего часть Урала и прилегающие с запада и востока территории. Часть тюркоязычного населения этого уезда в XVII в. явно относилась к поволжским татарам-переселенцам — это жители Уткинской волости — и к башкирам-терсякам. Б.О. Долгих (1960, с. 21—22) писал: „Хотя наши источники называют население верховьев Уфы татарами, мы предполагаем, что все-таки были вогулы“.

Этнический состав населения был здесь, вероятно, сложнее. Даже во второй половине XIX — начале XX в. по верхнему течению Уфы на территории Верхотурского и Красноуфимского уездов Пермской губернии зафиксированы манси, башкиры и татары (Фиель-струп, 1926, с. 11—12, 16—17, 24—26, карта). А в начале XIX в. писали прямо, что „вообще нынешние сибирские татары живут в Пермской губернии, вдоль по реке Тоболу...“ (Нечто о Сибири, 1806, с. 85—86). Анализ документов и других данных (АИ, т. III, 1841, с. 166; ДАИ, т. VIII, 1862, с. 11; РИБ, т. II, 1875, с. 429, 430; Алексеев, 1941, с. 323—324; Буцинский, 1889, с. 4—5) говорит о том, что и ранее, в т.ч. и в XVII в., в верховьях Уфы наряду

с манси проживала небольшая по численности группа тюменско-туринских татар.

В 1598—1607 гг. в Верхотурский уезд входило также население, жившее по рекам Сылве и Ирени (в соседстве с татарами Аятской волости) и находившееся под защитой русских острожков с 1570-х гг. (Спаский, 1821а, с. 7). И опять-таки данные документов летописей говорят о том, что здесь проживали не только манси, но и тюменско-туринские татары (АИ, т. III, с. 195—196; Сибирские летописи, с. 12; Миллер, 1941, с. 15, 96, 228 и др.; Преображенский, 1956, с. 12, 16—17, 23, 30; Шунков, 1946, с. 62). Этот район был контактной зоной поволжских и сибирских татар, а также башкир. Отражением бывших их контактов, возможно, является сходство говоров тюменских и пермских татар, сохранившееся до наших дней (Булатов, 1960, с. 115; Заляй, 1960, с. 117).

В целом, среди верхотурских татар выявляются туринские и тюменские татары. Туринские и верхотурские татары заключали между собой браки (РИБ, т. II, с. 429—430). Сибирские татары в составе сылвенцев и иренцев выделялись в прошении татар Пермской губернии 1796 г., в котором говорилось, что по переписи 1719 г. "...с нас кунгурских и сибирских татар начали взыскивать подушные деньги и рекрут" (ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 118, л. 3 об.). Верхотурье XVI—XVII вв. следует считать наиболее удаленной на запад территорией расселения тоболо-иртышских татар.

Тобольские татары

Наиболее значительную этническую группу тоболо-иртышских татар составляют тобольские татары. Для них характерно единое общегрупповое самоназвание *тоболик*, *табулык* (Храмова, 1956, с. 473; АИЭЛ, ф. К-1, оп. 1, № 30, л. 25). В настоящее время они говорят на особом тобольском говоре тоболо-иртышского диалекта сибирских татар, в составе которого Д.Г. Тумашевой выделяется восточно-тобольский подговор (1977, с. 241).

У тобольских татар на период с конца XVI в. нами выделены четыре локальных образования, имеющих некоторые особенности и в этническом составе — аремзянско-надцинская, искеро-тобольская, бабасанская, иштыяско-токузская группы.

Северную группу по наименованию основных волостей мы называем аремзянско-надцинской. Она характеризуется тем, что помимо татар в ее состав вошла и растворилась небольшая группа иртышских хантов и, возможно, манси (Прокофьева, 1956, с. 571). В XVII в. в нее входили татарские волости, расположенные по Иртышу севернее Тобольска до р. Туртас (включая и живущих еще несколько ниже по Иртышу уватских татар). На самом севере находились волости Би-Туртас, Кул-Туртас, Уват, Карбина-Ук, по существу представлявшие собой отдельные населенные пункты. Далее по Иртышу располагались волости Надцы и Аремзян, южные

пункты которых доходили почти до Тобольска. По отношению к северной группе в тот период употреблялось название *нанга* (по мансийски *нанг* — лиственница. — Баландин, 1960, с. 196), возможно племенного происхождения. Л.П. Потапов и Ф.Т. Валеев считают, что название волости Туртас связывается с телеутами сеока Терт-Ас (Потапов, 1969, с. 103; Валеев, 1978а, с. 109). Сформировавшись в XV—XVI вв., эта группа приняла характер эндогамно замкнутой общности.

З.П. Соколова, основываясь на данных Г.Ф. Миллера, считает, что самые северные по Иртышу татары проживали в волости Тархан. Это были выходцы из Тарханского городка, находившегося в XVI в. на берегу Тобола недалеко от устья Туры. В юртах Тарханских по Тоболу в XVII в., как нам удалось выяснить, проживали тюменские и тобольские (бабасанские) татары. По всей видимости, переселенцы на Иртыше относились к бабасанской группе тобольских татар, поскольку сами о себе они говорили, что происходят от тобольских татар. Но в XVII в. в иртышской волости Тархан (Колпугол) татары не числились, там жили только ханты (Миллер, 1937, с. 245; Долгих, 1960, с. 60). Часть бабасанских татар, видимо, вошла в состав аремзянско-надцинских татар северных волостей.

В XVIII в. аремзянско-надцинская подгруппа сохраняла по-прежнему высокую степень брачной замкнутости. По данным ревизии населения 1782 г., количество внутригрупповых брачных пар составляло 83,2 % от всех брачных пар.

Центральную группу тобольских татар, искеро-тобольскую, в конце XVI—XVIII вв. образовывали жители г. Тобольска и соседних селений по Тоболу и Иртышу, в основном несколько южнее Тобольска. Большинство населения здесь составляли юртовские служилые татары, их родственники и захребетники. Ясак они не платили, часть их была занята военной службой, а часть — ямской гоньбой по дорогам, ведущим из Тобольска (Тобольск, 1885, с. 23). Б.О. Долгих (1960, с. 61—62) отмечал, что они вместе со своими захребетниками, несомненно, представляли определенное этнографическое единство.

В период Сибирского ханства во второй половине XVI в. здесь жили сам Кучум и все члены его рода, так называемые шейбаниды — в основном выходцы из Средней Азии. Сам Кучум, как известно по источникам, был сыном узбекского правителя Муртазы, племянником правителей Тюменского ханства шейбанидов Ибака Ибрагима и Мамука, братом ногайского правителя Ахмет-кирея (Небольсин, 1848, с. 259; Бояршинова, 1960, с. 111, 116). Вместе с ним Сибирское ханство завоевывали находившиеся в середине XVI в. под властью местных правителей „тайбугинов“ узбекские и ногайские военные отряды (Бояршинова, 1960, с. 117; Булатов, 1974, с. 186). Какая-то часть коренного населения, естественно, оставалась

лась на прежних местах и смешивалась с пришельцами-завоевателями. Таким образом, искеро-тобольские татары сложились в основном из коренных тюрков — потомков древнего тюркоязычного населения этой территории, пришлых ногайцев и среднеазиатских тюрков — большей частью узбеков, но, видимо, и представителей других этнических образований, в том числе и казахов (Небольсин, 1848, с. 255; Словцов, 1844, с. 104). Имеется сведение, что Тайбуга — основатель Сибирского ханства — был царевичем Казахской орды, кераитом (кереем) по происхождению (Муканов, 1974, с. 35).

В составе потомков древнего тюркского населения были и ассимилированные им угры *силыры*, обитавшие к приходу русских в низовьях Тобола (Бояршинова, 1960, с. 111). Имя городка Касым-Туры на Иртыше при устье Тобола З.П. Соколова считает угорским и сравнивает с названием р. Казым (по-хантыйски Касум), фамилией Касымовых и именем Касья. Кучум и его окружение поддерживали с Ногайской ордой дружественные связи. Закреплялись они династическими брачными союзами. В XV—XVI вв. среди тобольских татар оседали так называемые бухарцы — выходцы из Средней Азии и Казахстана.

В местах проживания искеро-тобольских татар во времена Кучума осели небольшие группы казанских татар, а также чувашей (Краткая Сибирская летопись, 1880, с. 5—7; Сибирские летописи, с. 319—320). Последние вместе с татарами, казаками, хантами и манси находились и в войске Маметкула, посланного Кучумом по Тоболу навстречу Ермаку (Сибирские летописи, с. 323). Сведения о чувашах-поселенцах в Сибирском ханстве отложились и с более ранних времен, периода правления тайбутинов (Юшков, 1861, с. 276). О степени эндогамности искеро-тобольских татар мы имеем сведения только 1782 г. Внутригрупповые браки составили среди них 80,3 %.

Следующую выделенную группу образовали бабасанские татары. Территория их расселения охватывала в исследуемый период часть бассейна Тобола от низовьев Тавды и примерно до Миримовских юрт, заселенных бухарцами, то есть до середины расстояния от устья Тавды до впадения Тобола в Иртыш. Ряд селений бабасанских татар раскинулся на восток от р. Тобола до р. Ашлыка, левого притока Вагая, в основном по берегам многочисленных озер. На севере их территория граничила с районом искеро-тобольских и отчасти ясколбинских татар, на юге она стыковалась с зоной расселения тюменских татар, на востоке болота отделяли их от иштыкско-токузских татар. Еще недавно татар, проживавших в указанных местах, называли байкаловскими татарами — по названию Байкаловского сельского района (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, № 30, л. 25). Термин *бабасанские татары* исходит от названия Бабасанских волостей, которые четко фиксируются с конца XVI в. вплоть

до Октябрьской революции, и население которых составило ядро этой группы тобольских татар.

Некоторые этнические особенности бабасанских татар определялись, видимо, их промежуточным положением между тюменскими и искеро-тобольскими татарами. Часть бабасанских татар проживала и в самих юртах тюменских татар, так же как и в их юртах частично проживали искеро-тобольские татары. В отличие от искеро-тобольских татар бабасанские татары по наличию в их составе коренного тюркоязычного населения были более „чистыми“. С XVI в. низовья Тобола и прилегающие земли были под властью тайбугинов, местных татарских правителей. Один из ранних тайбугинов (брат предводителя, получившего от ногайских или золотоордынских властей звание „тайбуги“ — правителя улусов и распорядителя кочевьями, — Бояршинова, 1960, с. 106; Очерки истории СССР, 1953, с. 467 — Тоболак) построил на берегу Тобола городок Тобол-туру, позднее — юрты Тоболтуринские, и практически положил начало второй линии тайбугина рода (Юшков, 1861, с. 40).

Обращает на себя внимание и тот факт, что в деревнях бабасанских татар практически даже в XVIII в. почти (за исключением юрт Турбинских) не зафиксированы бухарцы, не расселялись здесь и так называемые оброчные чувальщики (ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 1217—1225; д. 99, л. 1999 об). Можно считать, что в XVI — первой четверти XIX в. значительная часть этой группы тобольских татар была относительно однородной и состояла в основном из потомков, расселившихся на территории наиболее ранних тюрков.

Уровень эндогамной замкнутости бабасанских татар для 1782 г. характеризуется 71,5 % внутригрупповых браков (от общего числа брачных пар). В такого рода брачных связях состояло тогда 83,3 % всех татар, находившихся в браках. Жители этой группы тобольских татар в XVII в. проживали в основном в волостях Бабасан на Нерде, Бабасан отдельной, Кречатников на Ашле и Ашле (Лаймы).

Четвертая локальная группа тобольских татар названа нами иштякско-токузской по двум сохранившимся среди татар бассейна р. Вагая и Уватских болот племенным названиям (Тумашева, 1977, с. 21). Селения иштякско-токузских татар располагались по Иртышу юго-западнее искеро-тобольских татар вплоть до территории курдакско-саргатских татар, по р. Вагаю и его притоку Агитке, в районе Уватских болот. Западнее их проходили земли бабасанских татар и юго-западнее — земли тюменских татар.

Некоторые особенности этнического состава этой локальной группы тобольских татар были связаны с тем, что здесь в конце XVI — первой четверти XIX в. наблюдалось частичное смешение, с одной стороны, с искеро-тобольскими, а с другой стороны, с курдакско-саргатскими татарами. Значительную часть населения иштякско-токузских татар составляли коренные сибирские татары. Кроме

того, есть основания полагать, что одним из этнических компонентов в их составе были южные угры. На это указывает и древний этноним *иштяк*, отложившийся в названиях Истяцкой волости и Иштяцких юрт, а также предания татар, повествующие о том, что в этих местах рядом с татарами проживали остяки. Считается, что этноним *иштяк* распространился сюда из районов Сырдарьи, Приуралья и прилегающих степей, где он возник в эпоху раннего средневековья и отражает ранние тюрко-угорские связи (Кузеев, 1974, с. 205). Здесь же встречалось еще одно племенное название — *бикатин*, отложившееся в частности в названии Бигитинских (Бикитинских) юрт. По башкирским материалам известно, что "...племя бикатин этнически восходит к тем тюрко-угорским образованиям конца I тыс. н.э., которые на юге Западной Сибири или Северном Приаралье получили название иштяк или иштяк" (Кузеев, 1974, с. 243).

Происхождение этнонима, обозначающего группу тогузов (тукузов) связано с тогуз-огузами орхонских надписей. Пока остается неясным, с кем распространился этот термин на данной территории — туркменами, каракалпаками, ногайцами либо алтайцами, у которых он встречается как название сеоков (у алтай-кижи и тубаларов), или с какими-либо другими группами. Но в любом случае он отражает древнеогузские связи этой группы сибирских татар (Кузеев, 1974, с. 203—204; Баскаков, 1958, с. 28; Потапов, 1969, с. 23—24; Валеев, 1978а, с. 106—107).

Степень эндогамной замкнутости иштякско-токузских татар, по данным 1782 г., определяется 77,1 % внутригрупповых браков. Согласно данным 5-й ревизии населения (1795 г.) по Уватской волости 89,8 % всех браков были внутригрупповыми (ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 180, л. 3—104). Основная часть иштякско-токузской подгруппы тобольских татар сосредоточилась в XVIII в. в следующих волостях: Кречатники на Вагае, Кречатники, Индери, Уват, Супра. В XVII в. в составе татарских волостей Тобольского округа были отмечены волости Калыма и Лобутан (Долгих, 1960, с. 57). Территориально и по составу — это, без сомнения, волости тюменских татар, в которых проживали, правда, и отдельные выходцы из бабасанских татар тобольской группы.

Ясколбинские (заболотные) татары

Особую территориально-этническую группу на территории Тобольского уезда в конце XVI—XIX в. образовали ясколбинские татары. Они населяли территорию большого болотистого края к западу и северо-западу от Тобольска. Отсюда произошло их название *заболотные татары*, встретившееся нам и в ревизских сказках 1782 г.

В XVII—XIX вв. по отношению к данной группе сибирских татар нередко употребляли этноним *эсколбинские* (*ясколбинские*) *татары*, *эсколбинцы*, *ясколба*. Волость, в которой были объединены все заболотные татары, также назывались Эсколбинской. Возможно, что *ясколба* — это в прошлом название племени или какой-то родоплеменной группы, обосновавшейся в Заболотье. Аналогии этому термину нам почти неизвестны, близкое название есть у нижнебельских башкир (род Эске-Елан, Эске-Илан — „внутренние еланцы“ — Кузеев, 1974, с. 332, 370), определенное сходство обнаруживается и с названием одного из подразделений волжских булгар эскэлов-кочевников, расселявшихся во времена Ибн-Фадлана в левобережье Волги (Путешествие Ибн-Фадлана..., 1939, с. 76). Поскольку сам термин *ясколба* может нести этногенетическую нагрузку, представляется более удачным назвать заболотцев ясколбинскими татарами.

Не вдаваясь в сложную проблему происхождения этих татар, отметим все же, что навряд ли, как полагают В.В. Храмова (1950, с. 177; 1956, с. 475) и Д.Г. Тумашева (1977, с. 22), данная группа появилась в Заболотье лишь после разгрома Кучума, сформировавшись из беглецов — кучумовских татар. Конечно, какие-то отдельные семьи тюменских и тобольских татар могли бежать в болотистые районы левобережья Тобола и Иртыша, но задолго до их появления там жили не только угры (ханты и манси), но и тюркские группы.

Основными особенностями формирования ясколбинцев как отдельной группы сибирских татар, очевидно, следует считать: 1) большую ее древность, связанную с наличием в говоре кыпчакского типа древне-тюркского субстратного слоя, восходящего к языку тюрков орхонских и таласских надписей (Ахатов, 1960а, с. 106—107; Еремин, 1972, с. 423); 2) значительность угорского компонента, образовавшегося в результате смешения тюркского населения с манси и хантами и проявившегося в языке, культуре и некоторых антропологических показателях (Ахатов, 1960а, с. 107; Валеев, 1980а, с. 24—25; Долгих, 1960, с. 58; Соколова, 1979, с. 54; Тумашева, 1977, с. 22; Тобольский уезд..., л. 15 об.; Хить, Томилов, 1981, с. 178; Храмова, 1950, с. 117 и др.); 3) наличие еще одного компонента, связанного с самодийцами (предки ненцев) (Васильев, 1979, с. 32; Еремин, 1972, с. 409—439); 4) отсутствие бухарского и казанско-татарского компонентов, характерных для соседних, тобольских и тюменских, татар. Первые казанские татары появились в Заболотье лишь в 1914 г. (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, д. 30, л. 43).

Татарское население данной группы помимо Иртыша сосредоточивалось в отдельных поселениях по рекам Лайме, Носке и Иземетке, а также по берегам озер. Ясколбинская группа по сравнению со всеми остальными группами сибирских татар была наиболее изолированной. По данным 4-й ревизии населения 1782 г.,

наблюдалось 88,5 % внутригрупповых браков от всех 190, заключенных в предшествующие годы (ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 1173—1211). В таких брачных связях находилось 93,8 % всех женатых мужчин и замужних женщин.

Несколько слов о кошукских и табаринских (таборинских) татарах. Территория волости Кошуки к приходу русских была в основном вогульской (мансийской). По данным 4-й ревизии, в Туринском округе зафиксирована Кошатская волость, в которой татары не числились вообще (ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 38, л. 21), а манси, видимо, уже довольно значительно перемешались с русским населением. Факт, проясняющий вопрос о существовании кошукского татарского населения, отложился в материалах 4-й ревизии населения (1782 г.). В ревизских сказках Киндерских юрт Эсколбинской волости была записана группа из 66 некрещенных (т.е. мусульман) татар, переведенных в эти юрты из Кошукской волости в промежутке между 3-й (1763 г.) и 4-й ревизиями (ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 27, л. 1029—1030). Это были остатки всех кошукских татар. Переселившись в Киндерские юрты, они оказались на территории тюменских татар (Калымская волость), с которыми поддерживали семейно-брачные связи и раньше.

Близкая к этому вырисовывается картина с этническим составом населения Табаринской волости. Источники XVI—XVII вв. называют в этом районе наряду с вогулами (манси) и татар (Долгих, 1960, с. 28; Симченко, 1965, с. 44). Укажем и на то, что условия для проникновения сюда татар были благоприятными. Ясколбинские татары могли продвигаться в этом направлении в поисках пахотных земель и богатых охотничьих угодий, с другой стороны, открытым был путь в эти места и со стороны туринских татар. На наш взгляд, татары обеих групп и заселяли понемногу табаринские земли, вступая в контакты с местными манси.

Таким образом, для второй половины XVI в. и почти до конца XVII в. выделяются кошукские и табаринские татары. Скорее всего это были небольшие локальные подразделения ясколбинских татар. Особенностью этнического состава кошукских татар являлось смешение их не только с манси, но, видимо, и с тюменскими татарами. Своеобразие табаринских татар было связано с тем, что наряду с ясколбинцами и манси в их состав входили и туринские татары.

Есть основания полагать, что в составе табаринских татар также отложился самодийский компонент. В.И. Васильев (1979, с. 37) отождествляет название волости *Табари* с наименованием ненецкого рода *Тайбари* и считает, что территория Табаринских волостей Пелымского уезда "...ранее входила в сферу освоения самодийского этноса".

Курдакско-саргатские татары

Сибирские татары, проживающие в настоящее время в бассейне Иртыша южнее тобольских татар, выделяются в самостоятельную этническую группу тоболо-иртышских татар, которую мы назвали курдакско-саргатской. Традиционно они и расселенные южнее аялыньские и туралиньские татары назывались — нередко называются и сейчас — тарскими татарами (Валеев, 1975, с. 216). Но на основании материалов и ряда возникших соображений нами предложена своя точка зрения по этому вопросу (Томилов, 1981а, с. 113—118).

Группа курдакско-саргатских татар полностью с так называемыми тевризскими татарами не совпадает, т.к. она гораздо шире и включает в себя не только сибирских татар северных районов Омской области, но и татар карагайского узла современного Вагайского района Тюменской области. В их составе с XVI в. выделяются две подгруппы: 1) курдакская; 2) саргатско-утузская.

Курдакско-саргатские татары сформировались из родоплеменных подразделений курдак (курдак, коурдак), саргат, отуз-татар, тав, карагай. В XVII в. они проживали в волостях Коурдак, Саргач, Тебендя, Я-Иртыш, Отуз, Тав, Тав-Отуз Тарского округа (Долгих, 1960, с. 50), во второй половине XVIII в. — в волостях Коурдакской, Саргатской, Тавской и Отузской Тарского округа (ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 31, л. 990—1135; д. 138, л. 1—116; д. 142, л. 9—55; д. 143, л. 2—167). Согласно материалам 6-й ревизии (1811 г.), с первой четверти XIX в. и в Тобольском округе существовала Коурдакская волость, образовавшаяся из части Коурдакской волости Тарского округа (ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 289, л. 207—220). Это привело к административно-территориальному делению курдаков, но связи между двумя их частями остались прочными.

Высокая степень эндогамности (94,1 % внутригрупповых браков) привела к тому, что складывались общегрупповые языковые особенности, которые позволили Д.Г. Тумашевой выделить на современном этапе в тоболо-иртышском диалекте тевризский говор, на котором говорит большая часть курдакско-саргатских татар. Татары этой группы, проживающие по Иртышу на прилегающей к Омской области части территории Вагайского района Тюменской области, говорят на восточно-тобольском подговоре тобольского говора. Д.Г. Тумашева, выделяя этот подговор, подчеркнула в нем прежде всего „...дополнительные особенности, которые свидетельствуют о сохранении здесь наиболее самобытных черт, в известной степени тяготеющих к тевризским“ (Тумашева, 1977, л. 174). Возможно, что язык этой части курдаков был когда-то общим языком остальных курдакско-саргатских татар. Во всяком случае, В.В. Радлов для всего племени курдаков выделил одно особое наречие (Радлов,

1872, с. XII). Д.Г. Тумашева (1977, с. 174) считает, что в основе тевризского говора лежит это „куртакское наречие“.

Вверх по Иртышу курдакско-саргатские татары контактировали с тарскими татарами, вниз по Иртышу — с иштыякско-токузскими татарами тобольской группы. Кочуя по Иртышу в южных районах, они сталкивались с ногайцами и казахами. От хантов Васюганья курдакско-саргатские татары были отделены болотами. Но в состав самого тюркского населения в качестве компонента частично вошли и угры, вернее, южные ханты, проживавшие к приходу сюда тюрков по Иртышу. Массовая ассимиляция хантов тюркским населением началась в лесном Прииртышье, как считают археологи, с начала XIII в., хотя отдельные группы тюрков проникали в этот район и раньше (Могильникова, 1968, с. 291; Коников, 1978, с. 51—69; и др.).

Курдакскую группу образовало племя курдаков (коурдаков, куртаков). Этноним *курдак* в этой форме был известен в локайской группе узбеков, проживающих в южных районах Таджикистана. Отмечая это сходство, Б.Х. Кармышева пишет, что курдаки сибирских татар „...жили в непосредственном соседстве с казахами Среднего Жуза, имели с ними некоторое родство в происхождении и общую историческую судьбу на длительном отрезке времени, когда они входили в улус Джучи, его сына Шейбана, а позднее Абулхайра“ (Кармышева, 1976, с. 233). Относительно узбекских курдаков она считает, что это осколок рода курдак сибирских татар, который „...пристал в свое время к одному из аргынских (казахских. — Н.Т.) родов, вошедших впоследствии в состав локайцев“ (Кармышева, 1976, с. 234). Вообще такого рода переселения сибирских татар, особенно связанных с торговлей, в районы Средней Азии не были исключительным явлением. Так, например, в Иссык-Кульском уезде Семиреченской области в XIX в. проживали татары, переселившиеся из Сибири и Казани (Вышпольский, 1895, с. 148, 165—166). Возвращаясь к аргынам, надо сказать, что помимо казахов, узбеков они вошли и в состав сибирских татар (Потапов, 1969, с. 90). Курдаки (коурдаки, коурджаки, куртаки), на наш взгляд, в какой-то мере могут быть ассоциированы с курчаками (коурчаками, орчаками), древним тюркским племенем Саяно-Алтайского нагорья (Потапов, 1969, с. 88), но тогда остаются неясным время и пути проникновения их в Среднее Прииртышье.

В качестве других этнических компонентов этой группы помимо угорязычных хантов назовем сартов — видимо, наиболее ранних выходцев из Средней Азии, а возможно, пришедших сюда уже с курдаками. Их присутствие здесь отложилось и в названии деревни *Сартаул* (Долгих, 1960, с. 53). В известном предании о религиозных войнах шейхов в 1394—1395 гг. сообщается, что в то время у Иртыша жили хотаны (ктани. — Н.Т.), ногаи, кара-кыпчаки, иш-

тяги (ичтяки) (Катанов, 1904, с. 21). Локализация иштяков нам известна: они вошли затем в состав иштякско-токузской группы тобольских татар. Из остальных указанных групп на территории курдаков могли проживать кара-кыпчаки. Наличие кыпчаков подтверждается и их родовым названием *карагай*, сохранившимся в названии деревни Карагай Коурдакской волости. Возможно, что ктани и ногаи также вошли в состав курдакских татар, более точно известно об их вхождении в состав саргатских татар. В южной части расселения курдакских татар в топонимике сохранились следы пребывания здесь айлинцев (аялынцев) (Ахатов, 1963, с. 16). В.В. Радлов в XIX в. в составе иртышских диалектов выделял курдакский диалект (Radloff, 1882, с. 290—291). Видимо, и раньше, в XVI—XVIII вв., этот диалект уже существовал.

Саргатско-утузская группа названа так по наименованиям основных татарских волостей, в которых проживало большинство ее татарского населения. Кроме того, известно, что в состав этих татар входили подразделения (видимо родовые) саргатов и утузов (отузов). Саргатов, наряду с аялы, курдаками, тукузами и др., Г.Х. Ахатов считает автохтонным тюркским племенем (1964, с. 5). В генеалогических легендах местные жители рассказывали нам, что до прихода татар здесь жили остяки, которые произошли якобы от охотника Саургана. Позднее татар появились здесь выходцы из Бухары — шейхи, которые стали обращать местное население в мусульманскую веру. Речь идет, видимо, о религиозных войнах конца XIV в. (Катанов, 1904, с. 21—22; МСЭЭ ОмГУ, 1978, к. 283). Активное участие в них, согласно историческому преданию, в составе 1700 человек хана Средней орды Шейбана приняли казахи. Некоторые жители деревень Усть-Ишимского района утверждали, как, например, Ганеев В.Г. (1908 г. рождения, д. Саургачи), что они из „остяцкого“ рода рыбаков и охотников (МСЭЭ ОмГУ, 1978, к. 283). О татарах, смешавшихся с остяками, местные уроженцы рассказывали, что те пришли с запада, якобы со стороны Казани, а некоторые прямо говорили, что это были казанские татары (МСЭЭ ОмГУ, 1978, к. 283, 284, 289), но это является, видимо, лишь поздней фольклорной версией.

Как раз в этих местах широко бытует мнение о том, что по Иртышу жили ктани, иштяки, ногаи (татары) и калмыки (МСЭЭ ОмГУ, 1978, к. 957—958). Ктани (кидани, хотаны) — это вообще-то кидане (китай, кара-китай, ктай), потомки монголоязычной по происхождению группы племен, впоследствии оказавшейся тюркизированной (Жданко, 1950, с. 114; Кузеев, 1974, с. 222—232). На Иртыш ктани попали, вероятно, после XII в. со стороны Саяно-Алтайского нагорья либо могли появиться позднее в составе переселенцев — казахов или каракалпаков, у которых этот этноним также отмечен. Этноним *ктани* (катаи) отложился в названии

урочища Катайской Елани, которая находится по р. Оше (АИ, т. V, с. 521). Ногаи появились в этих местах позднее иштяков (тюркизированных угров) и, видимо, ктаней. Ранний этап их появления относится, скорее всего, к XV в. Ногаи, вероятно, вошли в качестве компонента в состав всех иртышских татар, живущих вплоть до Тобольска и ниже (Небольсин, 1848, с. 256).

Относительно названия *отуз* (отузы, утузы) следует заметить, что оно явно указывает на вхождение в состав саргатско-утузской группы какого-то подразделения, очевидно, связанного в более глубоком прошлом с „отуз-татарами“ орхонских надписей. Среди местных жителей до сих пор рассказываются предания о тридцати (отуз) татарах, давших затем свое имя деревне Утузы, возникшей якобы во времена Кучума (МСЭЭ ОмГУ, 1976, к. 625, 857, 861).

С конца XVI в. были известны волости этой группы — Саргач (Ишим-Томак), Отуз и Тав. В ясачных книгах XVII в. состав волостей оказался шире: Саргач, Тебсндя, Котлубахтина, Я-Иртыш, Отуз, Тав, Тав-Отуз (Куллары). Саргатские татары были расселены по отношению к тав-отузским ниже по Иртышу и в устье Ишима.

Тарские татары

В XVI в. тарские татары находились в составе Сибирского ханства. Территория их расселения охватывала часть Среднего Прииртышья примерно от устья р. Оши и до устья р. Оми. Часть тарских татар проживала тогда и в бассейнах рек Тары, Уя и Оши, постепенно осваивая все более широкую территорию. Одним из направлений такого освоения было, видимо, северо-восточное и восточное — в сторону барабинцев и васюганских хантов. Несмотря на то, что болота в водоразделе Оби и Иртыша являлись как бы границей между хантами и татарами (Степанов, 1886, с. 19), последние все же стремились завладеть здесь богатыми охотничьими угодьями, а также покорить местное хантыйское население. Об оборонительных войнах васюганских хантов против татар, приходивших сюда из-за болот, о расселении татар на землях хантов рассказывается в преданиях самих хантов (Григоровский, 1884, с. 30; Васюганские легенды, 1941, с. 65; Материалы по фольклору..., 1978, с. 27—29). На востоке тарские татары уже в тот период жили на землях, прилегающих к территории барабинских татар. Отражением связей с барабинцами является название древнего аялынского селения Верхний Тунус, идентичного названию группы барабинских татар тунус. В южных и юго-западных районах тарские татары граничили с кочевническим миром разных тюркских (ногайцы, казахи), а затем и монгольских (калмыкских) племен. С запада и юго-запада на территории тарских татар, помимо ногайцев, возможно, заходили башкиры-табынцы, массовые поселения кото-

рых в Зауралье и их оседание там имели место в середине или во второй половине XVI в. (Кузеев, Бикбулатов, Шитова, 1962, с. 194).

В составе тарских татар исследователями обычно выделяются две местные племенные группы: аялы и туралы (Валеев, 1975, с. 217). Для конца XVI — первой четверти XIX в. соответственно названиям прошлых племен характерно наличие двух групп тарских татар: 1) аялынской, 2) туралинской.

Местные аялыньские татары, видимо, не могут быть выведены непосредственно из состава аялыньских башкир, как и те из их, что доказывается исследованием Р.Г. Кузеева (1974, с. 194—219). Тем не менее предки их, безусловно, концентрировались когда-то на одной территории. Об этом свидетельствует не только совпадение этих близких племенных названий, но и некоторые другие факторы, имеющие отношение к родоплеменной номенклатуре аялыньцев (айлыньцев). Именно в этих местах и на территории соседних курдакских татар зафиксирован этноним *сарм* (Храмова, 1956, с. 473), который, как считает Р.Г. Кузеев, присутствует „почти повсюду, где встречается этноним с основой ай...“, а это „...доказывает давность исторических, а вероятнее всего, этнических связей между предками айлыньцев и сартов“ (Кузеев, 1974, с. 201). Среди иртышских аялыньцев сохранились следы племени таслар, которое входит и в состав башкир Западной Башкирии (Валеев, 1980а, с. 36).

Кроме того, у соседних иштыакско-токузских татар тобольской группы было распространено название *токуз* (у башкир оно было известно во всей айлыньской группе), у курдакско-саргатских татар — название волости *Тав* или *Таулы* (совпадает во второй части с родовым именем башкирского племени ай — Каратавлы, Каратаулы).

Среди татарских аялыньцев, видимо, как и среди башкирских, отложились компоненты печенежско-огузских и огузо-кыпчакских племен, а позднее — угров. Первоначально айлыньцы локализовались, как считает Р.Г. Кузеев, в присырдарьинских степях, они входили в состав Дешт-и-Кыпчака, позднее Золотой орды (Кузеев, 1974, с. 228). Значительная часть айлыньцев довольно рано (в IX—XII вв.) ушла на запад, где вступила в контакт с другими прото-башкирскими племенами. А часть айлыньцев осела постепенно (тоже до XIII в.) в прииртышской степи и лесостепной зоне. Здесь они частично ассимилировали южных угров, а частично оттеснили их на север. Ф.Т. Валеев (1980а, с. 25—27) привел убедительные данные о вхождении в состав аялыньской группы алтайцев — теленгитов (теленкутов) или телеутов.

Туралиньскими нами названы те тарские татары, которые образовались непосредственно от группы туралы. В составе племенных групп, выделяемых Б.О. Долгих в Тарском уезде конца XVI—

XVII вв. (саргач, коурдак, аялы, бараба), нет названия племени *туралы*. Всех татар, проживающих вверх по Иртышу южнее курдакско-саргатских татар, он причислял к аялыным, а среди них выделял еще „малогородцев“ и юртовских служилых татар (Долгих, 1960, с. 49—50). Относительно „малогородцев“ им доказано, что они были аялыны, жившие в Малом городке и Черном городке и первоначально выделявшиеся русскими в самостоятельную Малогородскую волость. Поскольку других волостей здесь не было, то туралынцы, казалось бы, не могли быть выделены в составе тарских татар XVII в., тем более, что сам термин *туралы* был неоднозначен в употреблении. Башкиры называли тобольских и тюменских татар *туралы*, что означало „оседлые“ (Миллер, 1937, с. 193). И.Г. Георги (1799, с. 23) писал, что туралы, или туралынцы, — это городские (от слова тура — город) или „остепенившиеся на одном месте люди“. Он употреблял это название по отношению к тюменским и туринским татарам. Это вносило определенную путаницу и могло вызвать сомнение в существовании туралынских татар отдельно от аялынцев.

И все же они выделяются в составе тарских татар. Считалось, что туралы, как и курдаки и аялы, с древних времен живут в Сибири. В.В. Радлов писал о тарских туралы и выделял в XIX в. туралынский диалект, видимо, определяя его носителями и аялынцев (Radloff, 1882, с. 290—291). Б.О. Долгих (1960, с. 49) полагал, что тарские служилые татары происходили из волости Аялы. В этом случае, казалось бы, они должны были и жить в селениях этой волости. Но служилые татары и их захребетники имели свои собственные селения. При нанесении на карту юрт аялынских татар сразу же бросилось в глаза, что между ними и саргатско-утузскими татарами в Прииртышье существовал небольшой территориальный разрыв, т.е. имелось как бы пустое, не занятое татарами место. Эта территория располагалась по Иртышу вверх и вниз от г. Тары. Но именно здесь-то и жили служилые татары и их захребетники. В XVIII в., когда многие из них оказались в составе ясачных татар, здесь возникла отдельная Подгорная волость.

Основанием для выделения туралынцев как части тарских татар является и их довольно высокая степень эндогамности — в 1795 г. татарами-мужчинами с женщинами своей группы было заключено 92,7 % браков. С учетом того, что много женщин-туралинок выдавалось замуж за аялынских татар, общий показатель всех внутригрупповых браков составил у туралынцев 84,2 % (432 из 513 муж. и жен.).

Особенности этнического состава туралынцев пока еще не ясны до конца. Видимо, немало здесь было и аялынцев. В составе туралынцев довольно много выходцев из Средней Азии, так называемых бухарцев. Возможно, как считают некоторые исследователи,

они оседали в этих местах еще до появления русских (Огородников, 1920, с. 220; Валеев, 1975, с. 217) и частично смешивались с аялынциами и туралинцами. В этих местах среди татар бытовали в прошлом названия *ших* и *сеид*. Шихи (шейхи) и сеиды — это выходцы из групп ходжей (Кармышева, 1976, с. 118, 148—153), в основном узбеков и таджиков, хотя не исключено, что среди шихов были и туркмены — пришельцы из Бухарского ханства. Название шихов очень четко отложилось в фамилии тарских татар Шиховых и в наименовании Шиховых Юрт. В составе тарских служилых татар в XVII в. был указан сеид Тенелей Берелеев (Бахрушин, 1955г, с. 165). Термин *сеид*, возможно, дал название д. Сеитовой. Стали известны факты вхождения отдельных казахов в состав тарских татар (Валеев, 1980а, с. 33—34). Проходил здесь процесс тюркизации и местного угорского населения. Еще в XVIII — первой четверти XIX в. на территории туралинских татар существовала Остяцкая волость, жители которой, татары, проживали в небольшом количестве в деревнях Речапова, Сеитова, Иткулова, Ковинской, Ипшанской (переехавшие их д. Ковинской), Туралинской.

Барабинцы

Тюркское население Барабинской степи, раскинувшейся между Иртышом и Обью, Васюганьем и Кулундинской степью (Миддендорф, 1871, с. 2—3), издавна называли барабинцами или барабинскими татарами и выделяли как самостоятельное этническое образование (Филимонов, 1892, с. 35). В настоящее время барабинцы считаются этнической группой сибирских татар и говорят на барабинском диалекте.

Барабинские татары считаются цельной группой в составе сибирских татар, а их язык — самым компактным и однородным диалектом, не имеющим деления на говоры (Тумашева, 1971, с. 133, 135). Генеалогические предания тоже указывают на единство происхождения барабинских тюрков.

Обнаруженные нами различные направления хозяйственной деятельности отдельных групп барабинских татар, разнообразие типов жилищ, средств передвижения, одежды, сложный состав пищи, разнообразие орнаментальных комплексов и пр. позволили высказать мнение о более сложных этноисторических судьбах данного этнического образования (Томилов, 1973, с. 171—173). В связи с этим интересно замечание Л.В. Дмитриевой: „Существование в прошлом родоплеменных подразделений у барабинских татар, не большие различия в языке записей В.В. Радлова для племени тере и племени бараба дают возможность считать, что язык барабинских татар имел свои диалекты и говоры. В данное время, когда не записей, сделанных во всех районах и аулах, населенных бараби

скими татарами, трудно говорить и о диалектах и говорах этого языка" (Дмитриева, 1966, с. 227; Радлов, 1872, с. XII).

В XVI — начале XVII в. были известны следующие подразделения барабинских тюрок, которые многие ученые называли племенами: 1) бараба (барама, параба, парам); 2) любай (люба, луба, любей, любар, лювей, ловей); 3) угуй (лугуй); 4) кулеба (келеба, кулем, келема); 5) ланга (лонга); 6) тунус (тунис, тунух); 7) турас (тураж, тураш, тары, тара); 8) узук; 9) чой (чей); 10) кирчак (кирчик, курчик); 11) каргал (карган, каргалы); 12) тереня (терене, терена) (АИ, Т. 2, 1841, № 1, с. 2; Филимонов, 1892, с. 37, 50; Долгих, 1960, с. 52—53; Титова, 1976, с. 115—116; Миллер, 1937, с. 188; Потанин, 1867, с. 12; 18846, с. 101). Б.О. Долгих считал, что „бараба с прилегающими к нему группами Тунус, Тураш (Кулеба), Любай, Чой, Тереня и др.“ составляли одно племя и, возможно, волость Тереня была относительно самостоятельной группировкой татарского населения (Долгих, с. 52—53).

Выделенные нами барабинско-турашские татары включили в свой состав следующие аймаки (волости) конца XVI — начала XVII в.: Бараба, Тураш, Кулеба, Каргалы, Кирчик. Территория их простиралась от оз. Чаны, Сартлан на север, охватывала бассейны среднего и верхнего течения рек Оми и Тартаса и доходила до правых притоков Парабели и Васюгана.

Название этнонимического характера *сарт* указывает в этой группе на среднеазиатских пришельцев, хотя процент их был здесь, видимо, невелик, тем не менее их присутствие могло отразиться, например, в родоплеменном названии *курама* („пестрый“) и в названии волости *Куromы* (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, папка 284, ч. 2, д. 5, л. 2), оно имело распространение и в Бухарском оазисе. Вернее всего, что выходцы из Средней Азии появились в Барабе и оседали здесь в разные времена — письменными источниками и легендами самих барабинцев они фиксируются с XV в. (Радлов, 1895, с. 156). С.В. Бахрушин отмечал, что „ездили бухарцы и в Барабу“ (1959, с. 210). Память о таких переселенцах, видимо, долго еще сохранялась у барабинцев.

Этнонимические названия *теленгут* и *калмык* указывают на вхождение в состав барабинско-турашских татар алтайцев и калмыков. Последние жили на землях барабинцев в XVI—XVII вв. Тюркоязычные орчаки, коурчаки (курчаки), активно контактировавшие с телеутами (Потапов, 1969, с. 88), в т.ч. и в Барабинской степи, оставили свой след также в соответствующем тугумном названии. В ауле Шагире В.В. Храмова записала этноним *калмак* (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, д. 31, л. 141), который мог употребляться как по отношению к людям телеутского происхождения, так и по отношению к выходцам из калмыков. Этноним *калмак* отразился и в названии одного аула Туражской волости, по данным 1803 года

(Филимонов, 1892, с. 38). Тугумское название *башкурт* может быть связано с башкирами, проживающими в барабинских волостях в конце XVII в. (АИ, с. 521, т. V) и позднее. На это указывает и тот факт, что жители аула Шагира рассказывали о приходе барабинцев сюда с запада, из европейского региона (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, № 31, л. 142). Ногайский компонент нашел отражение в этнониме *нугай* (*ногай*), а поволжско-татарский (наиболее поздний) — в тугумных наименованиях *казану*, *мишар*, *типтар*, *чистай*.

В целом анализ родоплеменных и тугумных названий барабинско-турашских татар позволяет впервые прояснить вопрос об их этнических компонентах. Наряду с ранними тюркоязычными населенниками этих мест мы можем говорить о среднеазиатском компоненте. В данной группе наряду с сартами отмечены и остатки группы кулеба (в прошлом, видимо, родоплеменной), которые могут быть связаны со среднеазиатскими кулоби (Кармышева, 1976, с. 58—60, 153—156, 259; и др.). В данной группе выделяются также алтайский, башкирский, калмыцкий, ногайский и поволжско-татарский компоненты.

Что касается вопроса об обско-угорском компоненте, то в родоплеменных и тугумных названиях в этой группе барабинцев он четко не проявлялся. З.П. Соколова указывает на аналогию названия д. *Мумраковой* (волость Бараба), хантыйских фамилий *Мумраковых* (*Мамруковых*) и имени обдорского князя *Мамрука*. А наименование д. *Ачимовской* (волость Тураш), по ее мнению, близко к фамилии хантов р. Юган *Ачимовых*. В свое время на основании изучения культуры барабинцев нами была высказана мысль, что к вопросу о роли угров в их сложении нужно подходить без преувеличений, которые допускал, в частности, Ф.И. Страленберг (Известия..., 1893, с. 241). Этнокультурные связи барабинских татар с тюркоязычными народами Сибири, Средней Азии, Казахстана и европейской части СССР представляются более мощными, чем их связи с северными народами Сибири (хантами, манси и др.). Тем не менее какая-то часть угров все же вошла в состав барабинско-турашских татар (Томилов, 1973, с. 171—173).

Недавно появилась возможность поставить вопрос и о самодийском компоненте в составе барабинцев. В.И. Васильев объясняет название Каргалинской (Карагалинской) волости происхождением из селькупского языка от *кара гула* — „журавлиные люди“, с которыми им связывается значительный самодийский массив на юге Сибири. Сами татары-карагалинцы жили в XVII в. по соседству с селькупками. В целом, в хозяйственно-культурном облике северных барабинцев явно вырисовываются черты, сближающие их не только с хантами и манси, но и с селькупками (Томилов, 1973). Отметим,

что имеются и другие версии этимологии названия Каргалинской волости.

В состав второй группы барабинцев — любейско-тунусской, вошли родоплеменные подразделения любай, угуй (лугуй), ланга, тунус и, видимо, узук. Территориально любейско-тунусские татары проживали в бассейне среднего течения рек Оми, Тары и их притоков.

Явно этнонимический характер носят названия тугумов *иштяк* и *аялы*. Они были зафиксированы нами в барабинской д. Усманке и соседней д. Альменевой, в которой вместе с любейско-тунусскими татарами проживали и аялыские татары тарской группы. В д. Улуцк Венгеровского района Новосибирской области нам рассказывали легенду, согласно которой барабинцы произошли от кочевого народа сибиров (сипыров). Таким образом, особенностями этнического состава любейско-тунусских барабинцев, хотя вопрос этот и не может считаться полностью решенным, является наличие в нем наряду с местными тюрками угорского и тарско-татарского компонентов, а кроме того среднеазиатских выходцев, которые оставили здесь свой след в названии аула Куляба, связанного с таджикскими кулоби, о чем уже шла речь выше. Известно, что за пределами области Кулиб термин *кулоби* употреблялся в более широком смысле, часто обозначая вообще выходцев из Таджикистана (Сухарева, 1966, с. 130; Этнографические очерки узбекского..., 1969, с. 35).

Отложившимся со времени довольно раннего, на наш взгляд, появления в Барабе тюрков является этноним *сахтар* (*сактар*), также сохранившийся в качестве тугумного названия в а. Юрт-Угуе. *Сахтар* — это форма множественного числа от термина *сах*, *саха*, который, как известно, выступает у якутов в качестве этнического самосознания. Интересно, что в а. Кошкуле (барабинско-гуражские татары) был записан близкий термин *сукар*. В.В. Радлов, называя якутов сахалар, также употреблял и этноним *сукар* (Токарев, Гурвич, 1956, с. 267—268; Козьмин, 1928, с. 8). У качинцев сеока хара-соккы бытовало предание, согласно которому „сохы жили Иртыш сугда (на р. Иртыше) около Тобола; сохы там жили“ (Ксенофонов, 1937, с. 81; Потапов, 1957, с. 81). Интересный факт приводит в своей работе Ю.Б. Симченко, отмечая, что помимо барабинцев рисунки щитов в качестве тамг встречались еще только у так называемых красноярских татар (1965, с. 64). В некоторых якутских олонхо говорится, что предки якутов пришли из Западной Сибири, а именно из Барабы. В культуре хакасов и сибирских татар, якутов и сибирских татар обнаруживается сложный комплекс сходных или полностью совпадающих явлений, на что обращалось внимание в литературе (Богомолов, Томилов, 1973, с. 129—131; Томилов, 1973, с. 171—173). Недавно у курдакско-саргатских (тевризских) татар на кладбищах были зафиксированы многочисленные

и разнообразные орнаментированные столбы-коновязи (Богомолов, Томилов, 1980, с. 153—160) — явление, характерное также для якутов и некоторых других народов Сибири (Иванов, 1976, с. 221—223). Все это позволяет наметить поиски этноисторических связей сибирских (в первую очередь барабинских) татар с этими народами и пути определения этнического „лица“ ранних тюркоязычных поселенцев в Барабе и Прииртышье.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в аулах этой группы нами были записаны два названия *кондома* и *мрассу*, явно происходящие от названия рек Горной Шории. Они указывают на возможных выходцев из этих районов и на этнические связи с шорцами или северными алтайцами, тем более что путь миграций кочевников через Шорию и Салаирский кряж в равнинные земли Западной Сибири был известен давно (Циркин, 1981, с. 113).

Теренинско-чойская группа была в XVII в. малочисленна. В 1625 г. волость Тереня включала одну деревню — Теренинскую, в волость Чой входили всего две деревни — Сулбуева и Илькусская (Долгих, 1960, с. 53). Из-за отсутствия материалов сказать что-либо об особенностях этнического состава данной группы барабинцев почти не представляется возможным. Чойский аймак помимо местных татар известен и у тубаларов Алтая (Потапов, 1956а, с. 330).

Томские татары (зуштинцы)

В настоящее время в этнографической науке под томскими татарами подразумевается группа сибирских татар, сложившаяся из зуштинцев — жителей низовьев р. Томи и подкочевавших в XVII в. к району г. Томска чатов и калмаков. Сейчас в этнокультурном плане они представляют собой действительно цельную группу (Томилов, 1980д, с. 200). Язык их является диалектом сибирских татар, в котором лингвисты выделяют два говора: зуштинско-чатский и калмакский (Тумашева, 1977, с. 241).

В конце XVI — XVII вв. термин *томские татары* (*томские люди*) употреблялся лишь относительно зуштинцев и других мелких групп тюрков, населявших Притомье еще до прихода русских (Бояршинова, 1950, с. 33). На западе от них жили чаты и темерчинцы, о которых речь пойдет ниже, на севере — селькупы, на северо-востоке — чулымские тюрки, на юге — телеуты и кузнецкие татары. До прихода русских основная тенденция миграций зуштинцев была связана с северными районами селькупов, где они стремились расширить свои владения. Торговые связи они активно поддерживали „...с племенами, населявшими верховья р. Томи, со степными кочевниками калмыками и киргизами и, может быть, с монголами... с бухарцами, привозившими товары из среднеазиатских городов...“ (Бояршинова, 1950, с. 57).

Для того времени выделить у них локальные подразделения почти не представляется возможным. Из всех малочисленных «разрозненных групп „томских людей“ наиболее значительной и сильной была группа зуштинцев» (Бояршинова, 1950, с. 34). Она занимала территорию бассейна Томи, начинавшуюся чуть выше г. Томска и шедшую в направлении устья этой реки. Жившие выше их по Томи томские татары управлялись князем Басандаем. В широко распространенном среди местного населения предании о княже Томе и Ушае говорится, что „Тоян и Басандай сильно враждовали между собой из-за охотничьих угодий“ (Мягков, 1926, с. 159). Далее в этом предании говорится, что особенно Басандай возненавидел Тояна, когда тот принял подданство русских, которые в его угодьях построили город. Исторические факты подтверждают, что Басандай стоял на антирусских позициях, подстрекал киргизов и чулымцев к открытым мятежам, пытался захватить Кетский острог и Томский городок (Мягков, 1926, с. 162—163). Тем не менее зуштинцы и Тоян считали, что „все соседние татары подчинены им“ (Миллер, 1937, с. 312).

В самом низовье Томи и прилегающем районе Оби над татарами стоял еще один князец Евага. Интересно, что на подданство Русскому государству шертовали (т.е. присягали) отдельно сначала томские татары князья Тояна, собранные для этой цели в его городке, а затем татары городков Евагина, Акинеева и с Оби, с Кривой луки, собранные в Евагином городке (Миллер, 1941, с. 220). З.Я. Бояршинова пишет, что помимо зуштинцев Тояна известны группы томских татар „князьцов Еваги и Басандая“ (Бояршинова, 1953, с. 26). Из наших полевых материалов видны отдельные различия в культуре и быте между жителями д. Тегильдеево (в прошлом Евагин городок) и Эушты, сохранившиеся в начале XX в., в частности некоторые различия отмечены нами в погребальном обряде, древних жилищах, лыжах (Томилов, 1969, с. 127—128; 1980д, с. 54—65; и др.).

Предварительно можно поставить вопрос о существовании среди томских татар в XVI—XVII вв. трех групп, видимо, локального порядка: 1) собственно зуштинской; 2) басандайской; 3) евагинской (тегильдеевской). Данных, которые позволили бы решить вопрос о брачно-замкнутых ареалах среди тюркского населения Нижнего Притомья, у нас не имеется.

В XVI—XVII вв. этнический состав зуштинских татар был уже довольно сложен, что, в свою очередь, было связано со сложностью этнических процессов, протекавших в Притомье и Томском Приобье с глубокой древности.

В Притомье в VII—VIII вв. тюрки проникали небольшими группами и в IX—X вв. — большим массивом (Могильников, 1973, с. 82—84). Относительно зуштинцев удерживается точка зрения,

что это аборигенное самодийское население, оно испытало сильное воздействие кочевников-тюрков и было тюркизировано (Бояршинова, 1960, с. 84, 99; Могильников, 1964, с. 12—14; 1976а, с. 173; Дульзон, 1953, с. 202; и др.). Интересной кажется мысль о возможной разнородности самодийских групп на данной территории. Проникновение сюда тюркских черт в VI—VII вв. связывается с передвижением из предгорий Алтая и Верхней Оби самодийского населения, которое само восприняло и некоторые элементы тюркской культуры еще в гуннское время (Чиндина, 1970, с. 24). Во „Введении“ мы приводили уже мнение о том, что в своей основе это группа южных самодийцев, часть которых вошла и в состав рода лесных ненцев еуши, и ненецкого рода ючи (Долгих, 1970, с. 234—235; Васильев, 1974, с. 165—176). Все же взгляд на них только как на аборигенов, подвергшихся тюркизации лишь в смысле языковой, частично культурной ассимиляции, но не более, представляется несколько упрощенным. Наряду со связями этой группы с северными народами в области орнамента намечены ареалы аналогий с узорами алтайцев, шорцев, хакасов, якутов (Богомолов, Томилов, 1973, с. 129—131). Рассмотрение разных сторон материальной культуры томских татар в сравнительном плане помогло проследить историко-культурные и этногенетические связи томских татар с тюркскими, самодийскими и угорскими народами разных регионов нашей страны, а также выявить отдельные аналогии с кетами и эвенками (Томилов, 1980д, с. 200).

Происхождение тюркских напластований в составе томских татар, очевидно, является разновременным. Первоначально на эту территорию, видимо, проникали древние тюрки. В Томском Приобье определенную роль в формировании тюркоязычного населения сыграли кыргызские и телесские племена (Савинов, 1972, с. 263—264). В IX—X вв. сюда продвигались кимаки (Савинов, 1972, с. 191—192). Из их среды вышли кыпчакские племена и народности, которые оказали сильное влияние на этногенез сибирских татар, в том числе и эуштинцев. Некоторые ученые не исключали возможности тюркизации местного населения со стороны тоболо-иртышских татар до прихода сюда русских (Абдрахманов, 1965, с. 90). А.П. Дульзон (1956в, с. 299) считал, что „в фольклорных материалах, записанных В. Радловым у барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар, имеются указания на такого рода связи томских татар с тобольскими“. Изучение эуштинско-чатского говора подтверждает близость его носителей к тоболо-иртышским и барабинским татарам (Абдрахманов, 1960, с. 1—2; Тумашева, 1968, с. 127; и др.). И все же вопрос о времени частичного вхождения тоболо-иртышских татар в состав местных ниже-томских тюрков остается проблематичным.

Ф.И. Страленберг в 1730 г. привел в своей книге сведение о том, что хан Кучум отобрал у языческого народа эуштинцев (яуштинцев, яушта) город Сибир или Тура (Strahlenberg, 1730, с. 257).

Встает вопрос, о каких же яуштинцах идет речь в сообщении Ф.И. Страленберга. При сборе полевых материалов в д. Эушта Томского района местные жители сообщили нам, что здесь живут потомки двух родов, один из которых называется *цицканы*, т.е. мыши, другой — *царкины* (чаркины). Про цицканов рассказывают и сейчас, что они приплыли из горной страны по реке на бревне задолго до прихода русских. Часть их затем продвинулась и на Обь, где они стали жить неподалеку от устья Томи. Тугумное название *цицканы* зафиксировано нами и у барабинских татар, а Г.И. Ереминым в форме *тычкан-тухум* — у заболотных татар. Кроме того, в последней группе были распространены еще два тугумных наименования: *царкей-тухум*, т.е. комариный, мушиный род (созвучен с названием рода томских эуштинцев — *царкины*) и *юшта-тухум*, т.е. олений род (Еремин, 1972, с. 425—426). Эти сведения не кажутся нам случайными. Родоплеменное название эуштинцев *еуши* (*яушта*) встречается в близких созвучиях у тубаларов (*юуты*, *иуты*, *юс*, *юз*, *дюж*, а также общее название тубаларов *йыш-киши* — лесные люди), у кумандинцев (*юты*, *дьоты*), телеутов ач-кэштимов (*юты*), а кроме того, как мы уже говорили, у лесных ненцев и энцев (Аристов, 1896, с. 343; Потапов, 1935, с. 10; 1946, с. 224; Долгих, 1970, с. 234). По этому поводу Б.О. Долгих писал: „Для всех них был открыт прямой путь вниз по Оби к району обитания в XVII в. лесных ненцев и энцев. А, как мы знаем, предок рода Ючи тоже, якобы, приплыл на север по воде, на бревне“ (1970, с. 235).

Эти данные подтверждают вхождение в состав эуштинцев южносамодийского компонента. Самодийскоязычные предки их были ассимилированы тюрками. Можно предположить, что какая-то часть тюркизированных эуштинцев оказалась в Прииртышье, где они жили в устье Тобола, и откуда были изгнаны Кучумом в Заболотье.

Можно предполагать, что в составе томских татар оказались и выходцы из Средней Азии. Основанием для этого служит вывод А.П. Дульзона о том, что эуштинская терминология родства и свойства имеет много общностей со среднеазиатской и, в частности, с каракалпакской (Абдрахманов, 1959в, с. 201), а также предположение о том, что бухарцы появились здесь с торговыми целями задолго до прихода русских. Укажем и то, что А.П. Дульзон (1959, с. 101) считал район Нижней Томи тюркским с наличием кетского субстрата. Опираясь на результаты исследования этого ученого, З.Я. Бояршинова пишет: „Тюрками по языку постепенно стали кеты и селькупы в бассейне правых притоков Оби — Томи и Чулыма“ (Бояршинова, 1967, с. 27).

Чаты

В настоящее время потомки чатов проживают в двух местах: Томском районе Томской области, в основном в деревнях по берегам р. Томи, в г. Томске и в Колыванском районе Новосибирской области по Оби и ее притоку Уени. В составе эуштинско-чатского говора томского диалекта сибирских татар Д.Г. Тумашева выделяет орский подговор (Тумашева, 1977, с. 241).

До появления ермаковского отряда в Сибири чаты занимали территорию по соседству с барабинцами в бассейне верхней Оми, а также, видимо, верховий Кургата, Чулыма и в бассейне р. Чаус, притока Оби (Миллер, 1937, с. 314; Бахрушин, 1955, с. 157). Северными их соседями были селькупы и, возможно, другие самодийско-язычные и тюркоязычные мелкие группы, дальше от них на востоке жили томские татары, а на юге — белые калмыки (телеуты и, видимо, теленгиты). Передвижки, в разной степени охватившие тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины после 1582 г., подтолкнули чатов к занятию обширных районов Приобья, с юга и юго-востока прилегавших к землям темерчинцев и эуштинцев. К появлению здесь русских отрядов в 1598 г. чаты жили уже в основном по Оби (Синяев, 1951, с. 146). Что же касается более ранних мест расселения чатов, то пока, кроме указания Г.Ф. Миллера, что они „должно быть жили где-то в Барабинских степях“ (Миллер, 1937, с. 314), других сведений нет. Можно лишь предположить, что когда-то они кочевали и в северной части Кулундинской степи, а на западе доходило до Иртыша и Ишимской степи (топоним *чатъ* встречается в названии озера у Ялуторовска — ГАТОТ, ф. 47, оп. 1, д. 237, л. 1).

В междуречье Томи и Оби до прихода сюда чатов жили в основном тюркоязычные группы (Бояршинова, 1950, с. 36), хотя какие-то осколки самодийского населения здесь, возможно, еще встречались. Некоторые информаторы из д. Юрт-Оры сообщали нам, что в соседних деревнях Красноярской и Черномысской раньше жили татары, которых вместе с темерчинцами жители д. Юрт-Акбалык называли кыштымами.

С основанием Томска какая-то небольшая часть чатов стала нести службу в этом городе и сразу переселилась в Притомье. В 1630 г. „часть чатов выделилась и ушла под Томск, поселившись в районе Черной речки“ (Емельянов, 1976, с. 95; 1978а, с. 83). И, вероятно, какая-то группа чатов появилась в бассейне Томи, как считали А.П. Дульзон (1956в, с. 302) и М.А. Абдрахманов (1956б, с. 163), уже во второй половине XVII в., но при этом часть их осталась по-прежнему в Приобье. Это обстоятельство привело к разделению территории чатов на две части, определило некоторые особенности их этнического состава и культурно-бытового облика

в разных районах, что позволило выделить у них две локальные группы томских и обских чатов. Видимо, локальные их различия возникли в основном во второй половине XVII—XVIII вв.

В этническом составе томских и обских чатов имеются, без сомнения, общие компоненты. К сожалению, вопросам этногенеза чатских татар в науке почти не уделялось внимания. А.П. Дульзон, исследовав первым в советской лингвистике говоры эуштинцев, чатов и калмаков, писал, что лексика чатов и эуштинцев сходна прежде всего с лексикой барабинцев и тобольских татар (1956в, с. 375). М.А. Абдрахманов пришел к выводу, что "...тоболо-иртышские элементы были внесены в общий томско-тюркский языковой комплекс благодаря чатам" (1959а, с. 20—21). Д.Г. Тумашева (1969, с. 39—40) пишет, что томский диалект по основным чертам ближе к барабинскому, хотя обнаруживает сходство и с тоболо-иртышским диалектом.

Сходство языка чатов с барабинским диалектом, соседство их носителей, проживающих в Барабинской степи, приводят к убеждению, что в составе чатов оказались, видимо, и барабинские татары, в основном теренинско-чойские, поскольку именно на их территории во второй половине XVI в. жили чаты. Мы уже высказывали мнение, что в прошлом юго-западные границы кочевий чатов достигали Иртыша и смыкались непосредственно с угодьями тоболо-иртышских татар, часть которых, возможно, также вошла в состав чатов.

При рассмотрении вопроса об этногенезе чатов следует учитывать их связи с казахами. В сознании местных тюрков отложилось представление о родстве с казахами и о том, что какая-то группа тюрков Сибирского ханства, родственная казахам, двигалась в направлении Томска (Messerschmidt, 1962, с. 155; Потапов, 1957, с. 154). Этой группой как раз и могли быть чаты, во всяком случае точно известно о их продвижении.

В связи с этим обращает на себя внимание и этноним *чат* (цат, джат). А.П. Дульзон (1956в, с. 303) сообщал, что жители чатских деревень Притомья, называя себя, употребляли этот этноним, так же звали их эуштинцы и калмаки. Причулымские татары называют всех томских татар *цаты* (Томилов, 1969, с. 106). Территория джатов локализуется в какой-то период в южных районах западной части Западной Сибири. Чаты, чатские люди, чагаты упоминаются в XVI в. как противники казахского хана Тугума, проигравшего им сражение на сибирских рубежах (Материалы по истории казахских..., 1969, с. 407—408). В первой половине XV в. среди казахов существовал аймак (род) чат, многие из которых подкочевывали к Абулхазу (Материалы по истории казахских..., с. 17, 144). Центральные кочевья "узбекского" объединения этого хана в начальный период находились на Иртыше, а затем в степях между Ишимом и Тоболом (Бояршинова, 1960, с. 104).

Этногенетические корни чатов, видимо, следует искать в объединении шад (или шате) XI в., которое явилось кимакским по происхождению и проживало на Иртыше (Аманжолов, 1959, с. 59; Бартольд, 1897, с. 105—106). Разрастаясь, оно входило в состав разных этнических и политических образований. В частности, термином *джете*, *чете* тюрки (чагатаи) Мавераннахра называли могулов, при этом вкладывали в это слово пренебрежительный оттенок и смысл. Они трактовали его как „разбойники“, „скитальцы“ и звали так могулов за то, что те вели кочевой образ жизни (Бартольд, 1964, с. 36; Кармышева, 1976, с. 186; Материалы по истории казахских..., с. 216, 530). После распада могулов в конце XV — начале XVI в. отдельные части их вошли в состав казахского, киргизского, уйгурского, узбекского и других народов (Бартольд, 1968, с. 17—18; Материалы по истории казахских..., с. 216—217, 494; Советская историческая энциклопедия, 1966, с. 539).

Изучая вопрос о сеоке Чагат в составе телесов и тубаларов и сопоставляя с этим названием термин *чаты*, Л.П. Потапов считает, что „тюркоязычные племена с названием *чагат* в XVI в. были распространены на большой территории, преимущественно в Саяно-Алтайском нагорье и севернее, в бассейне верхнего течения Оби, достигая на юге Ордоса“. Далее он увязывает этноним *чагаты* (чыгаты) с древним названием *чик* и приходит к предположению, что „...чагаты-чигаты XVI в. были в свою очередь потомками древних чиков, известных по древнетюркским надписям, живших в VIII в. в Туве по Енисею, позднее вытесненных оттуда уйгурами и другими племенами“ (Потапов, 1969, с. 82—84).

Одним из этнических компонентов, вошедших в состав этой группы татар и зафиксированных уже документально, были телеуты, их южные соседи в конце XVI—XVII вв. В 1620-е гг. сложился союз между телеутами Абака и южными чатами Тарлана, он был оформлен „династическим браком“. После поражения этой группировки чатов в битве с русскими в мае 1630 г. семейно-родственные связи чатов и телеутов продолжали сохраняться еще долгое время (Уманский, 1972в, с. 122, 127—131). Более интенсивно эти связи осуществлялись в тот период с обскими чатами. Это выражается, в частности, в том, что вплоть до настоящего времени орский подговор сохранил общие черты с калмакским говором (Тумашева, 1969, с. 37), особенностью которого является, прежде всего, его близость с телеутским диалектом алтайского языка (Дульзон, 1956в, с. 376). Можно считать, что одним из поздних компонентов чатов был телеутский, наиболее четко отложившийся в обской группе и определивший ее особенности. В сложении своеобразия этой группы определенную роль сыграли и барабинцы, с которыми обские чаты поддерживали связи (по нашим полевым материалам, даже еще в XX в.), и местные тюркоязычные группы Приобья.

Особенности томских чатов, известные нам по лингвистическим, историческим и этнографическим материалам, связаны со следующими факторами: 1) значительным смешением их с эуштинцами на территории последних; 2) связями с бухарцами, частично осевшими в их деревнях. В некоторых случаях имело место вхождение в состав служилых чатов выходцев из калмыков. Так, в грамоте томским воеводам от 17 февраля 1665 г. говорится: "...бил челом нам, великому государю, калмычанин новокрещен Ивашко Васильев... а родители де его Ивашковы по Томскому служат чатскими мурзами и оную службу Тимек и Малота, братья его, в конных казаках" (Кузнецов, 1890, с. 22). Вхождение отдельных семей барабинских татар в состав томских чатов нашло отражение в некоторых названиях их населенных пунктов — так, названия селений томских чатов Черная Речка, Ом-аул (Барабинка), Калтай имеются и у барабинцев.

Обращает на себя внимание и тот факт, что чаты по комплексу дерматоглифических признаков чрезвычайно сходны с селькупами (Хить, Томилов, 1981, с. 178). Он может свидетельствовать о вхождении в состав чатов каких-то самодийских (возможно, именно селькупских) элементов.

Обские татары

Термин *обские татары* условный, он применяется по отношению к тем группам (исчезнувших) тюрков, которые проживали на Оби севернее и южнее устья Томи. Язык обских татар остался неизученным. Несколько слов, записанных у аборигенного населения бассейна р. Шегарки, позволили Н.В. Лукиной и Г.И. Пелих говорить о том, что большинство их "...обнаруживает некоторое сходство с аналогичными понятиями в самоедских языках" (1963, с. 170). В 1927 г. 23 слова были записаны в ю. Кульманских и Саргатских (относились к бывшей Обско-Тутальской волости) П.Г. Ивановым, который сделал вывод, что "...наречие предков, обследованных нами ясачных было татарское и относилось к старым эуштинскому и тегильдеевскому наречиям" (1927а, с. 97). К этому выводу позднее присоединился А.П. Дульзон (1956в, с. 308).

В этническом плане обские татары были неоднородны. В их формировании помимо тюрков принимали участие селькупы и позднее русские, с которыми они вступали в браки. В целом вопрос об этническом составе обских татар (или обских карагасов), особенностях их формирования остается неисследованным до конца. Тем не менее определенные и, надо сказать, существенные стороны этнической истории данной группы, благодаря исследованиям ряда советских историков и этнографов, стали теперь известны.

С XVII в. татары были зафиксированы в русских документах в волостях Большой и Малой Шегарских, Темерчинской, Большой и

Малой Провских. В 1661 г. выделилась новая Соргулина волость, а в середине XVIII в. на территории старых волостей появилась еще одна Обско-Тутальская волость (Долгих, 1960, с. 97; Емельянов, 1978а, с. 78). Практически во всех этих инородческих волостях проживали вместе с тюрками русские, а в Шегарских и Провских волостях, кроме того, и южные селькупы.

На основании изучения ряда документов XVII в. Н.Ф. Емельянов (1976, с. 97; 1978а, с. 76) пришел к убеждению, что в XVII в. в волостях Б. и М. Шегарских, Темерчинских, Б. и М. Провских, Соргулиной проживали сначала „остяки“ (селькупы), а тюркизация их началась фактически с основанием русскими территории Среднего Приобья.

Видимо, применительно к некоторым волостям этот вывод правильный. Так, например, Б.О. Долгих (1960, с. 98) считал, что Шегарскую волость вместе с Байгульскими в начале XVII в. населяли остяки (селькупы), а не татары, как это указывается в русских документах. В то же время не следует, на наш взгляд, категорично утверждать отсутствие тюрков на территории Приобья, прилегающей к устью Томи и, в частности, в районе между двумя реками. В целом, З.Я. Бояршинова (1967, с. 29) считает, что рубеж между тюркизированным населением и селькупам проходил где-то на Оби, ниже впадения в нее р. Шегарки. Тюркизация, по данным археологии, стала интенсивно развиваться в Томском Приобье с начала II тыс. н.э., а проникновение отдельных групп тюрков отмечено в VIII—IX вв., свидетельством чему является, в частности, Еловский курганный могильник Чингисты-2, Крутоборка-2 и некоторые другие памятники средневековья (Дремов, 1967, с. 62; Матюшенко, Старцева, 1970; Плетнева, 1976, с. 68; Троицкая, 1973, с. 183—185).

Г.И. Пелих (1972, с. 238—257) обращает внимание на сходство этнонимии и наличие общих черт в культуре саянских и томских карагасов. Потомками последних, по ее мнению, являются группы коренного населения, живущего в Томской области по берегам рек Оби, Шегарки, Чулыма и низовьев Томи. Появление общих черт явилось результатом длительных взаимодействий между самодийскими и древнетюркскими племенами. В.И. Васильев (1979, с. 31), присоединяясь к этимологизации Г.Н. Прокофьевым названия *карагасы* как *кара каса* („журавлиные люди“), приходит к выводу „...о былом расселении на юге Сибири значительного этнического массива под общим тотемическим названием „журавлиные люди“.

Таким образом, один из этнических компонентов тюркоязычных групп Томского Приобья связан, видимо, с давними переселенцами из Алтае-Саянского нагорья, с потомками отчасти тюркизированных уже южных самодийцев (Чиндина, 1970, с. 24). В то же время в целом на территорию Томского Приобья в ранний период проис-

ходила инфильтрация небольших тюркоязычных групп, а не только отчасти тюркизированных самодийцев. В связи с этим обращает на себя внимание гипотеза С.И. Вайнштейна (1980, с. 82—86) о тюркском происхождении живших в Саянах в I тыс. н.э. древних туба (дубо), часть потомков которых была зафиксирована, по мнению Г.И. Пелих, в местах расселения так называемых томских карагасов. Следует все же заметить, что этнический состав разных тюркских групп Томского Приобья не был, видимо, односложным. Это нашло отражение, в частности, и в разнородности этнокультурных явлений в среде местного населения, что выявляется нашими полевыми материалами. Здесь отмечается и распространение киданьского этнического элемента, которое доказывается, по мнению Э.Л. Львовой (1978, с. 15), наличием киданьского по происхождению этнонима *боши* (боси) — названия Соргулиной волости.

Этнографы приходят к выводу, что коренные жители поселков М. Шегарской волости в прошлом входили в одно объединение (Лукина, Пелих, 1963, с. 168). Это позволяет нам выделить в составе обских татар шегарскую локальную группу. Особенностью ее этнического состава являлось, прежде всего, то, что коренное самодийское население этих мест подверглось довольно слабой тюркизации, хотя всероссийской переписью 1897 г. в Мало-Шегарской волости помимо русских были зафиксированы лишь коренные тюрки и ни одного селькупа (Патканов, 1911, с. 160). Тем не менее, почти в то же время С.П. Каффка (1892, с. 23—24), обследовавший коренное население Томского округа, писал о жителях М. Шегарской волости и юрт Тызырачевых Б. Байгульской обской волости (ранее входили в состав М. Шегарской волости), что они составляют ничтожные остатки остяков (селькупов. — Н. Т.).

Материалы этнографических экспедиций Томского университета 1959—1960 гг. позволили выявить то обстоятельство, что коренные шегарцы не считали себя ни татарами, ни карагасами, большинство опрошенных жителей называли своих предков остяками и „ясашными“ (Лукина, Пелих, 1963, с. 168—169). В 1969 г. автору этой работы удалось побывать лично в с. Терсалгай Шегарского района и побеседовать с местными жителями, потомками „ясашных“, в частности, с Аникиным. Они подтвердили, что предки их не назывались татарами, карагасами их называли русские при желании обидеть, а некоторых из них русские все-таки называли татарами. В начале XX в. все здесь назывались русскими ясачными и были православными (МЭЭ ТГУ, 1969, т. 363-4, л. 19).

Проанализировав разнообразные этнографические и отчасти некоторые лингвистические данные, Н.В. Лукина и Г.И. Пелих (1963, с. 173) пришли к выводу, что „...так называемые карагасы реки Шегарки в действительности представляют собой группу обрусевших

остяков-самоедов (селькупов)“ и что слияние селькупов с русскими началось здесь с XVII в. и нейтрализовало процессы тюркизации.

Б.О. Долгих (1960, с. 98) считал, что „к концу XVII в., когда Шегарская волость разделилась на Большую и Малую, остяки, образовавшие Малую Шегарскую волость, вероятно уже отатарились“. Н.Ф. Емельянов (1978а, с. 76) пишет, что волости обских татар составили зону смешанного в этническом плане населения, которое „тесно соприкасалось с томскими татарами и селькупам и проживало среди русских жителей“. Особенностью формирования группы шегарцев явилось то, что в XVII в. на их территорию продвинулись чаты и стали смешиваться с местными остяками. Сюда же переселилось и несколько эуштинцев, например уже в конце XVIII в. Теушаковы (Емельянов, 1976, с. 97—98). Наконец, имеются данные о том, что чулымские коренные жители также вошли в состав шегарцев — так, Елегечевы продвинулись сюда, видимо, из Кызылдеевой волости с р. Кии, а Тызырачевы (основатели д. Тызырачевой на Шегарке) — из Каргачинской волости с р. Чулыма (Емельянов, 1978а, с. 78; Львова, 1977, с. 121). Жительница д. Терсалгай А.Е. Аникина (1869 г. рождения) в 1969 г. сообщила нам, что „карагазы“ жили не в Терсалгае, а в д. Елегечево, но и там их сейчас нет (МЭЭ ТГУ, 1969, т. 363-4, л. 22). Возможно, именно Елегечевых следует считать потомками карагасов, прибывших с р. Кии. Сохранение памяти о названии *сарт* может быть связано с телеутским родом „сарт“, выходцы (или даже один выходец) из которого могли вместе с чатами оказаться на Шегарке.

Территория шегарцев охватывала бассейн р. Шегарки и ее притоков — Баксы, Казанки и др. Как группа тюркоязычного населения шегарцы сложились, видимо, в конце XVII в. — начале XVIII в. и существовали вплоть до второй четверти XIX в., а может быть, и несколько дольше, пока не слились с русскими.

Южнее шегарцев по Оби находились селения еще одной группы обских татар — темерчинцев. Нам представляется, что это были остатки довольно ранних тюрков на Оби, в прошлом расселенных шире и связанных не только с эуштинцами, но и с телсугами, абинцами и в целом с шорцами. В 1969 г. в д. Каштаково мы застали русское население; только от некоторых старых жителей удалось получить сведения о тюркском населении этих мест в прошлом, их занятиях, быте и культуре (Томилов, 1969, с. 106). Коренными жителями, „ясашными“, здесь числились Бетенековы, Садкины, Саркуловы и Теушаковы. Фамилия Саркулов происходит, видимо, от названия оз. Сары-Куль. Ближайшее озеро с таким названием находилось в Барабинской степи. Возможно, это обстоятельство может указывать на вхождение в состав темерчинцев отдельных телеутов, живших там в XVII в., или даже барабинцев. П.И. Садкина (1905 г. рождения) сообщила нам: „Разговор у пра-

дедов был отдельный, непохожий на русский. Мы были татарами, отродье татарское. Мой прадед был чистым татариним" (МЭЭ ТГУ, 1969, т. 363-4, л. 14, 16). Сам этноним *темерчи* (*темерцы*, *темерчи-йон*) по-тюркски означает „кузнецы“, „народ-кузнецы“ (Дульзон, 1956в, с. 307).

В XVII в. Темерчинскую волость называли „татарской волостью по Оби“ (Дульзон, 1956в, с. 306; Долгих, 1960, с. 96). Во второй половине XVII в. ее иногда называли и „остяцкой“ волостью (Емельянов, 1976, с. 97), что, возможно, связано с тем, что в составе ее жителей оказались также люди самодийского происхождения. В документе 1748 г. жители Евтюшиных юрт (по Н.Ф. Емельянову — это юрты Темерчинской волости) названы „новокрещеными остяками“. С начала XVIII в. Темерчинская волость звалась только татарской, „остяки“ оказались тюркизированными и вошли в состав темерчинцев (Емельянов, 1976, с. 98).

Еще одну группу обских татар образовали жители Б. и М. Провских, Б. Шегарской и Соргулиной волостей. Сюда же вошли жители некоторых поселений Обско-Тутальской волости, образовавшейся из новокрещенов в середине XVIII в., в частности, это жители юрт Кулмановых (Кульманских), Саргатских, Канаевых, д. Пушкаревой, Рыбаловой и др. Особенностью данной группы является ее относительно позднее формирование. Представляется верным утверждение о том, что в северной части провско-соргулинской группы до появления тюрков проживали селькупы. Тюркизация их началась довольно поздно, почти с приходом населения и осуществлялась в основном со стороны эуштинских татар, которые продвигались по земле Провских волостей из Ашкинсева городка, Тигильдеевых и Горбуновых юрт, „где в 1661 г. выделилась Моргулинская волость“ (Емельянов, 1976, с. 97).

Южную часть территории этой группы, где и расположилась затем Соргулинская волость, осваивали, видимо, еще до прихода сюда русских. Эти моменты сохранились в памяти некоторых старожилов вплоть до недавнего времени. Жители Кульманских юрт рассказывали П.Г. Иванову (1927а, с. 99), что они „произошли от тех татар, которые трусили белого царя“. У местных жителей д. Кайбасовой сохранились представления об их прошлой родственности с эуштинцами. Такого рода сведения о родстве и единстве языка жителей юрт Кульманских, Базанакowych, Саргатских, Тегильдеевых, Эуштинских и д. Горбуново привел в указанной работе П.Г. Иванов. М.Е. Еремина рассказывала нам в 1969 г.: «Татары там жили крещеные, их считали остяками, карагазами. А отец мне говорит: „Не верь, что остяки мы, мы татары обские“. Он и разговаривал быстро по-татарски. И в Кайбасово, и в Тулино, и в Козырбаке жили татары. В Рыбалово жили Рыбаловы, их тоже карагазами звали, а остальные наезжие, русские» (МЭЭ ТГУ,

т. 363-4, л. 22, 23, 26, 27). Сведения о том, что они происходят от кучумовских татар, что вместе с Кучумом сюда продвинулись татары из Башкирии, (Уфимской области), приводят к предположению, что какие-то отдельные выходцы из бассейнов рек Уфы, Тобола и Иртыша, действительно, оказались в составе провско-соргулинских татар.

Относительно населения некоторых юрт и деревень, входивших в прошлом в состав Обско-Тутальской волости, мы не имеем, к сожалению, сведений. Протяженность этой волости была довольно значительна. В южной части, практически на территории чатов, располагались, в частности, юрты Черномысские (Черномысовы). В 1897 г. они входили с Красноярской деревней в Мало-Корюковскую инородческую волость. Видимо, ясачные д. Батурино также относились к этой группе тюрков, которую условно можно назвать черномысской. Не исключено, что это была часть темерчинцев и чулымских тюрков, смешавшаяся с чатами. Местные жители вспоминали, что когда-то предки их были подданными чатов. Язык черномысцев был татарским, на нем говорили еще деды ныне живущего поколения. Записанное нами этнонимического характера название *аз-киштымы* указывает на то, что в состав этой группы вошли и телеуты. Собственно, ее южными соседями частично и были чаты, частично — телеуты, а на севере проживали темерчинцы.

Таким образом, рассмотрение некоторых материалов и анализ результатов, полученных учеными, позволяют выделить в составе условно называемых обских татар 4 группы населения с преобладанием, во всяком случае в XVIII — первой четверти XIX в., тюркского компонента: 1) шегарскую; 2) темерчинскую; 3) провско-соргулинскую; 4) черномысскую.

Калмаки

Благодаря трудам советских ученых, в первую очередь Л.П. Потапова (1946, 1948, 1952в, 1953, 1956а, 1969; и др.) и А.П. Уманского (1968, 1969, 1970а, 1972а, б, в; и др.), многие вопросы происхождения и этнической истории телеутов, в том числе и для XVII—XIX вв., изучены достаточно полно. Поэтому нет необходимости обращаться к этим вопросам, тем более что в целом телеуты принадлежали и принадлежат к тюркоязычному населению прежде всего горной Алтае-Саянской системы и ряда прилегающих с севера краев, в том числе и Салаирского, где проживают в настоящее время так называемые бачатские телеуты.

В данной работе мы остановимся на краткой характеристике лишь тех телеутов, которые во второй половине XVII в. поселились ближе к Томску и позднее вошли в группу томских татар, отчасти смешавшись с чатами и зуштинцами. Эти ассимилированные татарами телеуты, проживающие в настоящее время в Юргинском и

Яшкинском районах Кемеровской области, имели самоназвание *калмак* (Дульзон, 1956в, с. 304). В XVII в. их называли *белыми калмыками*, отличая этим от черных калмыков — западных монголов (Миллер, 1937, с. 508). Кроме того, к отдельным группам телеутов применялись также термины *теленгуты*, *теленгеты* (*теленгиты*), *кара-калмыки* и *„укряты“* (Миллер, 1937, с. 315; Андриевич, 1889, ч. I, с. 42; Аристов, 1896, с. 339). В наказе Бориса Годунова о строительстве Томского городка, опубликованном З.Я. Бояршиновой и Г.А. Голишевой (1970, с. 208), они называются *телесами* (*телечами*). Документы XVII в. сообщают об азкештимах, таганцах, керетцах и тогулах, которые жили в XVII в. в ясачных степных волостях западнее Кузнецка (Уманский, 1969, с. 44).

Телеуты в XVII в. занимали значительную территорию „...от широты р. Ини (правый приток Оби) и р. Уени (левый приток Оби) на севере и до широты Телецкого озера на юге, от верхнего Чулыма на востоке и почти до Иртыша на западе“ (Уманский, 1970в, с. 12).

Со строительством на Томи Томска и затем Кузнецка среди части телеутов возникло стремление принять русское подданство.

В XVII в. на протяжении всего этого периода в Томском уезде росло число „выезжих телеутов“, т.е. принимавших русское подданство и переходивших, как правило, на военную службу. Выходцы телеутов известны с середины 1620-х гг. Большие группы их переходили на русскую сторону в 1651 г., 1658—1665 гг., 1681 г., 1688 г., 1692 г. (Потапов, 1946, с. 224; Уманский, 1972б, с. 73). В долине р. Уската, левого притока Томи, „выезжие калмыки“ оседали почти с первой четверти XVII в. (Уманский, 1969, с. 46).

Что касается телеутов, осевших в соседстве с чатами вблизи г. Томска, о которых мы прежде всего и ведем речь, то И.Э. Фишер (1774, с. 472) считал, что это произошло в период между 1658—1665 гг. Этой же даты придерживались А.П. Дульзон (1956в, с. 305) и М.А. Абдрахманов (1959б, с. 163). А.П. Уманский (1969, с. 48) пишет: „В 1662 г. группа телеутов во главе с Баскаулом Маирачевым прикочевала к Кузнецку и осталась здесь навсегда. В то же время другая группа во главе с князем Ирккой Уделековым и братьями Кожановыми приняла подданство в Томске“. Часть телеутов во главе с Балыком Кожановым переселилась тогда на местожительство в Томский уезд (Уманский, 1969, с. 43). Исторические предания, записанные нами у калмаков Юргинского района в 1970 г., повествуют о том, что Балык Кожанов (Балык Кожанов) поселился под самый Томск и участвовал в строительных работах этого города, а Ирко-бий (или Яркови) жил на земле чатов недалеко от Томска за с. Калтаем (МЭЭ ТГУ, 1970).

Осевшие в Нижнем Притомье телеуты, или, как мы их называем, калмаки, стали более активно, чем прежде, контактировать со

своими соседями — чатами и зуштинцами. Связи с ними у телеутов, вероятно, существовали еще до присоединения этих районов Западной Сибири к Русскому государству (Бояршинова, 1950, с. 57). Связи не прекращались и после прихода на эту территорию русских, факты об этом приводит в своей специально посвященной данному вопросу статье А.П. Уманский (1972в, с. 120—137). Постепенно калмаки Нижнего Притомья становились оседлыми, переход их от кочевого образа жизни к оседлому начался под влиянием русских, хотя закончился далеко не сразу (Россия, 1907, с. 249). В целом, вероятно, вплоть до XIX в. томские телеуты сохраняли черты полукочевого уклада (Томилов, рукопись — архив МАЭ ОмГУ, № 51-1).

С XVII в. они стали вступать в браки с чатами и зуштинцами, частично поселяться в их юртах, восприняли, хотя и не все, мусульманскую религию. Между этими тремя группами стало углубляться этноязыковое и этнокультурное взаимовлияние (Вербицкий, 1858, № 29; 1893, с. 121—122; Миллер, 1937, с. 179; Фишер, 1774, с. 51). В результате их язык стал говором татар — тюрок Притомья — и в настоящее время он (калмацкий говор) включается в состав диалекта томских татар (Дульзон, 1956в, с. 306; Тумашева, 1968, с. 127).

Относительно этнического состава калмаков следует считать, как это делает А.П. Уманский (1972б, с. 75), что «...группы „выезжих телеутов“ сложились из „выходцев“, живших до того в разных местах „Телеутской земли“ в целом». В состав калмаков вошли и представители каких-то этнических образований нетелеутского происхождения. Об этом свидетельствуют и некоторые данные культуры, в частности, орнаментики. У калмаков широко распространены узоры прямолинейные, циркульные, криволинейные, в том числе и растительные. В их орнаментике прослеживаются черты выделенных С.В. Ивановым (1962, с. 372—376) типов: североазиатского, южносибирского, иртышско-алтайского, восточноазиатского, тоболо-иртышского и некоторых других. Такая пестрая типологическая схема свидетельствует, видимо, о неправомерности одностороннего подхода к проблеме формирования калмаков, трактующего их лишь как потомков телеутов. Некоторые данные указывают на вхождение в эту группу аборигенного населения Нижнего Притомья. В орнаментике калмакской группы прослеживаются также мотивы, связывающие ее с монгольским миром (Богомолов, Томилов, 1973, с. 129—130; 1976, с. 196—213).

Несколько своеобразными являются результаты анализа собранных нами дерматоглифических серий. Они показывают, что калмаки по комплексу признаков не обнаруживают сходства с бачатскими телеутами (Хить, Томилов, 1981, с. 178), не выделяясь резко от остальных групп сибирских татар. С одной стороны, это подтвер-

ждает сильную смешанность потомков телеутов с татарами, а с другой стороны, свидетельствует о том, что в составе калмаков оказались и другие тюркоязычные группы. В их исторических преданиях содержатся сведения, что здесь жили „горно-шорские инородцы“. Сами местные жители утверждают, что их предки из Горной Шории, что шорцы жили здесь давно, они старше калмаков, а местные фамилии Карагасовых, Кусовых и Покусовых — это шорские фамилии (МЭЭ ТГУ, 1970, т. 391-1, л. 23; 391-6, л. 41; 391-7, л. 36, 38—39). В д. Большой Улус нам рассказывали, что раньше здесь жили абагаи (абинцы — шорцы или близкородственная шорцам группа), а не телеуты и не калмыки (МЭЭ ТГУ, 1970, т. 391-2, л. 30). Несмотря на необходимость дальнейшего изучения вопроса о формировании калмаков, уже сейчас можно сделать заключение о вхождении в их состав чатско-зуштинского, телеутского, абинско-шорского, возможно, монгольского (калмыцкого) и наиболее позднего поволжско-татарского компонентов.

Глава 2 Чулымские тюрки

Северо-восточную часть территории расселения тюркоязычных групп Западно-Сибирской равнины занимает коренное население, известное в литературе под названием *чулымские тюрки*, *чулымские татары*, а в прошлом *мелесские (мелецкие) татары*, *чулымские инородцы*, *мелецкие инородцы*. Исследователь этнографии чулымских тюрков Э.Л. Львова пишет: „Официально представители этой группы именуются хакасами, хотя, как удалось выяснить, сами чулымцы воспринимают это название как чужеродное“ (Львова, 1969, с. 150). В настоящее время чулымские тюрки частично сливаются с хакасами и русскими (Львова, 1969, с. 160—161; Томилов, 1978, с. 11—12). Тем не менее эта группа, „...проживающая в Томской области, сохраняет этническое самосознание, родной язык и достаточно выраженную эндогамию брачных связей“ (Львова, 1969, с. 160). Чулымские тюрки в настоящее время называют себя *пестын-кижи* (наши люди). Этот этноним употребляется ими как по Среднему Чулыму, в Тегульдетском районе, так и в его низовьях, в частности, так называемыми причулымскими татарами Асиновского района Томской области, среди которых нами зафиксировано и еще одно этническое самоназвание — *татар-кижи* (Томилов, 1969, с. 106—107). В паспортах они пишутся причулымскими татарами.

В языке чулымских тюрков А.П. Дульзоном (1952, 1973) были выделены нижнечулымский и среднечулымский диалекты, а в их составе ряд говоров. Он считал чулымско-тюркский язык своеоб-

разным языком, сложившимся в Причулымье за счет постепенной тюркизации местного населения — кетов, живших в средней части Чулыма, и селькупов, занимавших низовья этой реки (Дульзон, 1956б, с. 100—101). Сейчас чулымские тюрки насчитывают около тысячи человек, живут главным образом в пределах Томской области и частично в соседних районах Красноярского края (Львова, 1972в, с. 21—22; 1978, с. 7).

Вопросы этногенеза чулымских тюрков, тюркизации населения чулымского бассейна с использованием данных антропологии, археологии, лингвистики и этнографии в последние десятилетия неоднократно привлекали внимание многих ученых — А.П. Дульзона (1950б; 1952; 1953; 1959), Э.Л. Львовой (1972а, б; 1973; 1976а, б; 1981), З.Я. Бояршиновой (1950; 1960; 1967; и др.), Н.С. Розова (1956; 1961а, б), Г.И. Пелих (1972), Л.П. Потапова (1957), Р.А. Ураева (1955) и др. Они достаточно полно освещены в нашей науке, поэтому концентрировать внимание на этих вопросах мы не будем. Тем не менее следует заметить, что процесс формирования групп чулымских тюрков продолжался отчасти и в изучаемый нами период конца XVI—XVIII в.

В.В. Радлов (1929, с. 9) выделял в составе тюркоязычного населения бассейна Чулыма три группы: 1) кэцик (к югу от Мариинска); 2) куэрик (к северу от Мариинска); 3) собственно чулымские татары (к северу от низовьев Кии по р. Чердату). Такого же деления чулымских тюрков придерживался и Н.А. Аристов (1896, с. 344). В бассейне Чулыма ранними источниками XVII в. вычленяются три различные группы тюркского населения: 1) чулымские земли; 2) мелесы; 3) киргиссы (Львова, 1977, с. 111). По мнению З.Я. Бояршиновой (1950, с. 421—431), тюркоязычная группа киргиссов на Чулыме названа была так потому, что она находилась в зависимости от киргизских князев. Б.О. Долгих (1960, с. 99), обобщив ряд данных, в первую очередь, исторических источников, писал о четырех группах тюркского населения бассейна Чулыма для XVII в.: 1) кэцик; 2) куэрик; 3) мелесы или милисы; 4) „киргисы“.

Из всех групп коренного тюркского населения две (горные порубежные волости и „киргисы“) оказались впоследствии, по данным Б.О. Долгих (1960, с. 101—102), в составе кызыльцев, вошедших в хакасскую народность (Потапов, 1956б, с. 376). Это, возможно, и привело к перенесению уже в советское время „...на часть населения среднего Чулыма этнонима хакасы“ (Львова, 1977, с. 114). Ряд ученых называли чулымских тюрков группами, родственными кызыльцам и качинцам и в целом хакасам (Ядринцев, 1891, с. 43—44; Иванов, 1929, с. 87; Дульзон, 1959, с. 101—102; и др.). Но их контакты с хакасами так и не привели к этнической ассимиляции чулымцев. Кызыльцы, с одной стороны, и насельники

среднего и нижнего Чулыма, с другой, как отмечает Э.Л. Львова (1977, с. 114), в значительной степени развивались самостоятельно. Собственно чулымских тюрок образовывали жители чулымских и мелесских волостей, связанные друг с другом с ранних этапов их этнической истории.

В составе чулымских тюрок конца XVI—XIX вв., впрочем, и в последующий период, выделяются две этнические группы — нижнечулымские и среднечулымские (мелесские, мелетские) тюрки. Такое деление соответствует и наличию двух диалектов в чулымско-тюркском языке — нижнечулымского, среднечулымского. В составе первого диалекта А.П. Дульзон (1973, с. 16—17) выделяется ряд говоров — кецик, кюзрик, ячинский, чибинский и ежинский. Э.Л. Львова пишет: „Характер этнической общности обитавшего в них (волостях. — Н.Т.) населения подтверждается совпадением границ той или иной волости с территорией распространения отдельных говоров в составе нижнечулымского диалекта чулымско-тюркского языка“ (Львова, 1978, с. 14). Это дает возможность ставить вопрос о выделении в составе нижнечулымских тюрок небольших групп, территориальная локализация которых определялась рамками отдельных волостей. Возможно, что XVII — первой четверти XIX в. жители Байгульских и Каргачинской волостей образовывали все же одну группу. Нам представляется вполне реальным предположение о том, что осваивали Нижнее Причулымье и ассимилировали местное самодийское население прежде всего карагачинцы. Выделившиеся в новых местах их расселения волости с тюркоязычным населением сохраняли прежнее название селькупской Байгульской волости.

С формированием чулымских тюрок тесно связан вопрос о возможном включении в их состав тоболо-иртышских татар. В свое время, как мы уже отмечали, этот вопрос поднимал В.В. Радлов (1888). З.Я. Бояршинова (1960, с. 39) обратила внимание на то, что С.К. Патканов „...еще более определенно указывал, что чулымские татары произошли от смешения тобольских и барабинских татар с телеутами, енисейцами и самоедами“. В 1950-х гг. за эту точку зрения высказывался Л.П. Потапов (1952 б, с. 40). Он был поддержан и В.В. Храмовой, занимавшейся тогда этнографией сибирских татар (1956, с. 475).

А.П. Дульзон (1959, с. 97, 101), наоборот, считал, что существенных сходств (не считая общетюркских) у чулымско-тюркского языка с языком тобольских татар не имеется, и что „в тюркизации Чулыма тобольские татары роли не играли“.

И все же проникновение отдельных тобольских, тюменских, да и барабинских татар в целом в восточные районы Западной Сибири не представляется невероятным. Так, после первого разгрома Ку-

чума в 1582 г. произошли значительные передвижки тюркского населения Тоболо-Иртышского бассейна в сторону Оби и ее притоков. Тогда-то, скорее всего, небольшая часть тоболо-иртышских татар проникла и на территорию Притомья, и далее на восток. Качинская группа будущих хакасов включила в свой состав „...сибирских татар, пришедших, по преданию качинцев, с Тобола“ (Потапов, 1956б, с. 386). Предания кызыльцев, ближайших соседей чулымских тюрков, также рассказывают об их приходе с берегов Ишима и Тобола (Клеменц, 1908, с. 62). В их составе имеется группа аргын, которая, как считает Л.П. Потапов (1952б, с. 190—191), продвинулась на Чулым „в последней четверти XVI в. с Тобола вместе с частью сибирских татар“. Сам Л.П. Потапов привел целый ряд доказательств исторического и этнографического характера, подтверждающих вхождение в состав кызыльцев и качинцев сибирских татар, появление их в районе Красноярска, где они смешались с частью енисейских киргизов (1952б, с. 114; 1957 с. 86—88, 153—156). В связи с этим важным представляется то, что по антропологическим (дерматоглифическим) признакам сибирские татары оказались почти идентичными суммарной группе хакасов, а в их пределах „...наиболее близки к качинцам, сагайцам, бельтирам“ (Хитъ, Томилов, 1981, с. 178). Некоторые шорские предания также повествуют о пришельцах с Тобола (Ярославцев, 1926, с. 165—166). Трудно сказать, были ли переселенцами тюменские, тобольские или тарские татары. Вернее всего, что какая-то часть трех этих групп и их данники мигрировали с приходом русских на восток.

Важно, видимо, и то, что вхождение сибирских татар в состав тюркского населения Среднего Приобья отложилось в сознании местных жителей вплоть до нашего времени. Мы приводили уже факты о том, что память об этом до сих пор сохранилась у зуштинцев и некоторых людей, предки которых назывались обскими татарами и были соседями чулымских тюрков (Томилов, 1981а, с. 195, 228). У самих чулымских тюрков в прошлом также сохранялось представление о том, что какая-то группа людей пришла на Чулым после разгрома Кучума. Интересно в этом отношении сообщение Д.Г. Мессершмидта, относящееся в 1721 г.: „Как Кучум-хан от Тобольска был прогнан, то некоторые из них отправились сюда, другие на томскую сторону“ (Messerschmidt, 1962, с. 155). На Чулыме сибирские татары жили сначала в низовьях Чулыма и Кии, а затем расселялись на восток (Потапов, 1957, с. 155). Но наш взгляд, какие-то тюркоязычные переселенцы из западных районов действительно оказались после поражения Кучума на Чулыме и вступили в контакт с местными тюрками. Возможно, прав Л.П. Потапов (1952б, с. 190), когда считает, что именно тогда на Чулым оказалась часть средневековой группировки аргынов, продвинувшаяся

яся "...сюда в последней четверти XVI в. с Тобола вместе с частью сибирских татар".

В сообщении Д.Г. Мессершмидта указание на то, что раньше переселенцы на Чулым "были одинаковыми с казахской ордой народом", наводит на мысль, что ими могли быть не обязательно только тоболо-иртышские татары. В составе таких переселенцев вполне могли оказаться северные чаты, генетически связанные с казахами, или барабинцы, которые в тот период также были охвачены передвижениями и жили в непосредственном соседстве с казахами. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что по р. Ине были юрты, которые назывались Барабины юрты (Беликов, 1898, с. 115). Исследования лингвистов, в первую очередь А.П. Дульзона, обнаружили значительное сходство нижнечулымского диалекта чулымско-тюркского языка с языком барабинских татар (Дульзон, 1960а; Львова, 1977, с. 113).

Что касается этнографических материалов, то отдельные близкие явления культуры чулымцев и сибирских татар выявляются в них четко. Так, например, в прошлом томским татарам были знакомы женские полотенчатые покрывала "тастар" (Томилов, 1978а, 1978в, с. 184). В XVIII в. они упоминались и у их соседей — чулымских тюрков (Георги, 1799, с. 146). Если принять, что И.Г. Георги под фатами понимал покрывала типа тастар, то таковые отмечал он у томских и барабинских татар (1799, с. 28, 115). Известно, что тастары широко бытовали среди казахов, поволжских татар, башкир, чувашей (Мухамедова, 1972, с. 107; Мухаметшин, 1977, с. 122, 127; Руденко, 1955, с. 195; Татары Среднего Поволжья..., 1967, с. 143). Таким образом, тастары чулымцев — это тастары восточной окраины территории распространения этого вида головного убора. Появление их среди чулымских тюрков вполне может связываться с расселением по Чулыму сибирских татар.

Другой вид сибирско-татарских головных уборов — колпаки (Томилов, 1978в, с. 186—189) — был известен поволжским татарам, чувашам, северным башкирам, отдельным группам мари и удмуртов (Мухамедова, 1972, с. 111; Руденко, 1955, с. 194; Татары..., 1967, с. 145—146). Н.И. Лебедева и Г.С. Маслова высказали предположение, что бытование женского и девичьего колпака у русских в верховьях Дона, Воронежской, Тульской и Тамбовской губерниях обусловлено связями с соседними народами (Русские, 1967, с. 235—236). В Сибири вязанные из белых ниток колпаки носили качинцы, к которым они были завезены якобы с Тобола сибирскими татарами, частично ассимилированными качинцами (Народы Сибири, с. 386, 391). Простые белые колпаки в будничные дни носили и чулымские тюрки, а также кызыльцы (Списки населенных..., т. LX, 1868, с. XXXIII; Риттер, 1877, с. 551). Как видим, и в

данном случае колпаки чулымцев встречаются на восточной периферии и связаны опять-таки с влиянием сибирских татар. Возможно, что и шапки чулымских тюрков, отороченные красным бархатом (покрой их, к сожалению, остался неопианным — Списки населенных..., т. LX, 1868, с. XXXIII), также имеют происхождение от головных уборов сибирских татар, в которых бархат издавна широко применялся.

В средствах передвижения, например, также обнаруживаются определенные аналогии у чулымцев и сибирских татар, прежде всего томских. У них бытовал одинаковый тип ручных нарт, известный также и русскому населению нижнего Притомья (Львова, 1972а, с. 144—145, 147—149; Томилов, 1969, с. 117; 1978е, с. 131—132; 1980д, с. 53). Подшитые лыжи чулымских тюрков имеют сходство с таковыми томских и барабинских татар, а их лыжи с выгибом под ступательной площадкой, можно сказать, совпадают с такими же подволоками барабинцев, а также и нарымских селькупов (Львова, 1972а, с. 141; Пелих, 1972, с. 24—25; табл. XXV, рис. 5; Томилов, 1980д, с. 54—60). Голицы с бортиками, зафиксированные нами у причулымских татар д. Тургай, были распространены также у эуштинцев, темерчинцев Каштаковских юрт, обских татар д. Койбасово (Томилов, 1969, с. 118—119). Нами были собраны данные о бытовании таких лыж у барабинцев и тоболо-иртышских татар (образцы их доставлены в музей Томского университета — МАЭС ТГУ, колл. № 9022-9, 11), встречались они также у русского населения Сибири (Антропова, 1953, с. 27; Пелих, 1972, с. 25—26; Томилов, 1978д, с. 139—140). Вероятно, некоторые названные элементы материальной культуры имеют древнее происхождение, но часть из них вполне могла распространиться среди чулымцев и в период появления среди них сибирских татар.

В.В. Радлов (1888, с. 9) писал, что чулымские татары всех трех племен подверглись влиянию не только со стороны барабинцев но и телеутов. Это, по его мнению, и привело к выравниванию говора всех чулымцев. Н.А. Аристов (1896, с. 344), В.В. Радлов (1888, с. 9), С.К. Патканов и др. отмечали вхождение в состав чулымцев телеутов. Факт участия телеутов в формировании чулымских тюрков признает Л.П. Потапов (1953, с. 117, 169, 170; 1956б, с. 393; 1957, с. 156, 172—173), считая при этом телеутский компонент довольно поздним из вошедших в состав чулымцев. О том, что телеуты оказались среди чулымских тюрков и оказали определенное влияние на их язык, писал и П.Г. Иванов (1927б, с. 4).

Все же в первую очередь речь можно вести о той части тюркоязычного населения бассейна Чулыма, которая входила в состав так называемых горных порубежных и некоторых соседних с ними волостей — Басагарской, Камларской, Ачинской, Кизильской. Значительная часть потомков этого населения, как известно, вошла

позднее в состав кызыльцев — группы хакасской народности. „Выезжие белые калмыки“ действительно проживали в бассейне Чулыма, но контингент их был, видимо, малочислен и непостоянен еще в начале XVIII в. Так, в 1706 г. в волости выезжих белых калмыков был отмечен один плательщик ясака, в 1709 — два, 1710 — три, 1717 — более пяти, а в 1718 г. — снова один чел. (Кузнецов-Красноярский, 1893, с. 1—113). Один из родов кызыльцев получил название *калмак* и, по мнению Н.А. Аристова (1896, с. 345), это родовое имя связано с присоединившимися к кызыльцам телеутами. Такой же точки зрения придерживается и Л.П. Потапов (1956б, с. 393). Он приводит, в частности, интересное сведение из ответов на анкету В.Н. Татищева, относящееся к концу 1730-х гг., о месте нахождения волости „Белый калмык“ в бассейне речки Тисуль (Тус-юлу), правого притока р. Кии (Потапов, 1957, с. 172—173). Близко к этим местам и располагались горные порубежные Басагарская и другие уже названные нами волости.

Отдельные телеуты могли проникать на берега самого Чулыма и расселяться среди чулымских тюрков. Так, например, хотя группа „Белый калмык“ на р. Тус-юл в итоге оказалась в составе кызыльцев, тем не менее по этой же речке жили и чулымцы Аргунской волости (Потапов, 1957, с. 170). Возможность смешения телеутов с ними отнюдь не была исключена. И это доказывается тем, что в составе Больше-Аргунской волости в 1897 г. находились юрты Калмацкие (Патканов, 1911, с. 143), название которых происходит явно от этнонима телеутов *калмак*. По-другому юрты Калмацкие именовались еще ю. Каланачевыми. Под названием Усть-Каланачевы они были зафиксированы в XVIII в. в материалах 4-й ревизии населения (Беликов, 1898, с. 113—114). Э.Л. Львова приводит второе название Аргунской волости — Калмах (1978, с. 14). Этим самым фактически доказывается факт вхождения телеутов в состав тюркского населения Аргунской волости. Интерес в связи с этим может вызвать и сходство этнонимов чулымцев *ангас* (в. М. Байгульская) и *ячи* (в. Ячинская) с названиями сеоков бачатских телеутов *анг* и *очу* (Львова, 1978, с. 14—15). А.Д.Г. Мессершмидт прямо указывал в 1720-х гг., что в устье р. Яи живут калмаки (Messerschmidt, 1962, с. 156), т.е. телеуты.

Время проникновения телеутов на Чулым и его притоки могло быть разным. Но все же в изучаемый нами период они мигрировали сюда, конечно, из районов нижнего Притомья, где расселялись лишь со второй половины XVII в. Поэтому датой появления небольших групп „выезжих белых калмыков“ (телеутов) на Чулыме, по нашему мнению, следует считать вторую половину XVII — первую четверть XVIII в.

Места расположения образованных чулымских волостей указаны З.Я. Бояршиновой (1950, с. 40—41) для первой половины XVII в.

в следующем порядке. По берегам Чулыма (начиная с низовьев) находились волости тюрков: Байгульская, Чулымская, Аргунская, Каргачина, Кизыльдеева, Ачинская, Мелесская-Туталова, Мелесская-Кошенбайкова, Басагарская и Кизыльская. По р. Кемчику располагались волости Кимская-Байгалова и Керексукская, по р. Яе — волость Ячинская, или Ачинская, по правому берегу Кии — волости Кориловская-Абалакова и Кийская-Курчикова. В конце XVII — начале XVIII в. состав волостей тюркского населения бассейна Чулыма изменился мало. В списке волостей, составленном А.П. Дульзоном (1952, с. 83—84) по данным документов 1692 и 1706—1718 гг., по сравнению с вышеприведенными данными первой половины XVII в. отсутствует Чулымская волость и, наоборот, по верхнему течению Чулыма дополнительно указаны Камларская и Шуйская волости. А.П. Дульзоном в 1948 г. была составлена также карта ясачных волостей Томского уезда XVII в., которая позднее была опубликована им (1952, с. 83—84) и Э.Л. Львовой (1979, с. 120).

Подробные данные о размещении в Причулымье ясачных волостей с тюркским населением ближе к середине XVIII в. (по документам 1734 г. из портфелей Г.Ф. Миллера) приводит Л.П. Потапов (1957, с. 169—170). К населению, которое образовало собственно чулымских тюрков, из этого списка, видимо, можно отнести в основном жителей всех волостей, расположенных в бассейнах Чулыма (за исключением Игинской волости, выделившейся из Мелесской в 1828 г., — игинцы образовали отдельный „род“ кызыльцев), Кии, Яи. Таким образом, в изучаемый нами период основная масса чулымских тюрков проживала в Б. Байгульской, М. Байгульской (до конца XVII в. была одна Байгульская татарская волость, разделение ее фиксируется с начала 1690-х гг. — Долгих, 1960, с. 96), Каргатчиной, Аргунской, Кизыльдеевой, Ячинской, Корюковской, Курчиковой, Тутальской и Мелесской волостях.

Глава 3 Казахи

В равнинных районах Западной Сибири казахи в настоящее время составляют довольно значительную прослойку среди всего тюркоязычного населения. В 1970 г. они насчитывали 93,4 тыс. чел. (Итоги Всесоюзной переписи..., 1973).

Считается, что сибирская территория стала заселяться казахами с XVIII в., но их исторические связи с южными районами Западной Сибири имеют более древнюю историю. Не исключено, что казахи проникали в места расселения сибирских татар, начиная с периода религиозных войн в Прииртышье конца XIV в. среди 1700 герцов хана Средней орды Шейбана (Катанов, 1904, с. 20—21), в XV в.

со времен Абулхайра, когда тот стоял во главе объединения кочевников „узбеков“, боролся со своими противниками в казахских степях на р. Тоболе, бывал в Чимга-Туре (Тюмени), имел там своего ставленника и владел областью Тара (Бояршинова, 1960, с. 104; Материалы по истории казахских..., 1969, с. 93, 138, 144—145, 147, 390). Предполагают, что небольшая группа жалаилов (казахов Большой орды) в XV—XVI вв. очутилась в Сибири (Аманжолов, 1959, с. 46). Интересно в этом плане сведение о том, что в соседстве с Пермью в начале XVI в. обитали татары, называвшиеся тюменскими, шейбинскими и кайсацкими (Тихонов, 1941, с. 129). Последними в этом перечне были явно казахи. Существует изложенная в легенде версия о том, что отцом родоначальника сибирских ханов Тайбуги был казахский хан Мамык, убитый Чингис-ханом (Бахрушин, 1959, с. 200). В первой половине XVI в. кочевья казахского хана Тугума находились на сибирских рубежах, видимо, по соседству с чатами, в сражении с которыми и был убит этот хан (Материалы по истории..., 1969, с. 407—408).

В XVI в. казахские кочевые группы часто появлялись в бассейне верхнего Тобола, Ишима, Иртыша, где находились летние кочевья казахов центральных районов Казахстана (Бояршинова, 1960, с. 131; История Казахской ССР, 1957, с. 149). Сибирская летопись сообщает следующий факт о завоевании Кучумом престола Сибирского ханства: „Прииде же степью ис Казачьи орды царь Кучум, Муртазаев сын, со многими воинскими людьми...“ (Сибирские летописи, 1907, с. 117, 186). И хотя известно, что вместе с ним Сибирское ханство завоевывали узбекские и ногайские военные отряды, тем не менее в их составе могла оказаться и небольшая группа казахов, растворившаяся затем среди искеро-тобольской группы сибирских татар. Правда, Сибирское ханство при Кучуме нередко и воевало с казахами. В 1570-е гг. с сибирским ханом вел войну Хакк-Назар, одновременно установивший связи с русскими. Также и казахский хан Тевеккель воевал с Кучумом. В 1590-х гг. он напал на Бухарское ханство и тем самым сковал силы Абдуллы-хана, не дав ему возможности оказать военную помощь Кучуму. В эти же годы велись переговоры с русскими о совместных действиях против Кучума и о принятии казахами русского подданства (История Казахской ССР, с. 223—225).

Тем не менее, видимо, и в этот период в войско самого Кучума входили казахи. Во всяком случае во время военных действий против Ермака в войске Маметкула находились не только татары, но и чуваша, люди Казачьей орды, вогуличи и остяки (Сибирские летописи, с. 323). После Кучума, уже при русских, в районе Тобольска на короткое время осел Сейдяк, сын Едигера. Летопись сообщает о нем следующее: „...князь Сейдяк из града Сибири, с

ним же царевич Казачьи орды Салтан до царя Кучума думной Карача, с ними же воинских людей 500 человек" (Сибирские летописи, с. 155). Из этого ясно, что в составе воинов и подданных Сейдяка находилась какая-то часть казахов. После пленения русскими Сейдяка, Салтана и Карачи и отправки их в Москву вряд ли все остальные их подданные ушли в казахстанские степи. Этногенетические связи казахов с сибирскими татарами отложились и в легендах казахов. В одной из них рассказывается о том, что отставшие от своей орды три брата отправились через Ишим на север, похитили у какого-то народа трех девиц-красавиц, возвратились с ними на Ишим и стали там жить. Потомки этих братьев разошлись и образовали якобы три казахские орды — Большую, Среднюю и Малую (Барон У-р, 1848, с. 145). Под неведомым народом можно подразумевать и тюркоязычные группы, образовавшие позднее сибирских татар. Этногенетические связи казахов и сибирских татар подтверждаются большим сходством величин и сочетаний признаков их дерматоглифических серий (Хитъ, Томилов, 1981, с. 178).

Разгром Сибирского ханства имел большое значение не только для присоединения Сибири к России, но и в том плане, что границы казахов сомкнулись с границами Русского государства, между ними стали укрепляться посольские связи, оживилась торговля (Казахско-русские отношения, 1961, док. 5, 10). В конце XVI—XVII вв. путь из Тобольска в среднеазиатские торговые центры пролегал через казахстанские степи. По пути купцы закупали у казахов скот (История Казахской ССР, с. 223). Из Тобольска в Казахстан и Среднюю Азию в XVII в. были известны три дороги — Тобольская, Ишимская и Иртышская (Аполлова, 1976, с. 38—39). Но в 1606—1608 гг. появились первые группы монголоязычных ойратов в юго-западной части Западной Сибири. В 1620-х гг. значительные массы западных монголов занимали территории по берегам Оби, Иртыша, Оми, Ишима, Тобола, их отряды появились на Вагае, а позднее — в низовьях Тобола. К середине XVII в. походы джунгаров на казахские кочевья приняли систематический характер, войны между казаками и калмыками стали постоянными и практически отодвинули казахов с сибирской территории (История Казахской ССР, с. 178—179; Татищев, 1979, с. 325; Щеглов, 1883, с. 79—80, 82, 84, 89).

В XVII в. связи казахов с Сибирью ослабли, хотя в отдельные периоды они, видимо, появлялись на сибирских землях. Например, в конце XVII в. они вместе с башкирами и каракалпаками собирались в поход на волости барабинцев. Такие набеги совершались особенно энергично в первой половине XVIII в. (АИ, т. 5, 1842, с. 521; ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 481, ч. 4, л. 146—146 об.). Казахи не только нападали на барабинцев, "...но забирали и их самих в

плен" (Потанин, 1884а, с. 102). Только создание русскими южной линии военных укреплений избавило барабинцев от набегов казахов. Походы казахов в конце XVII в. имели место и в более западных районах. Так, в 1690 г. они вместе с каракалпаками были в районе Тарханского острога Тюменского округа, в 1691 г. разоряли слободы Царево-Городище, Утяцкую (позднее территория Курганского округа Тобольской губернии) и Куртамышевскую (вошла затем в Оренбургскую губернию — Щеглов, 1883, с. 135). Из документов конца XVII в. можно также понять, что в тот период казахи совершали походы и дальше на север — в Тобольский и Тарский уезды (ДАИ, т. 10, 1867, с. 379—380. 386).

Нападения казахов на русские территории имели место и в первой четверти XVIII в. (Памятники сибирской истории..., 1885, с. 104, 421; Кабо, 1949, с. 97). Но и русские к тому времени продвинулись уже далеко на юг вплоть до Ямышевого озера (Кабо, 1949, с. 97). В целом, политическая ситуация для казахского народа становилась все более неблагоприятной. „Вторжения джунгарских войск, — отмечает М.М. Громыко, — стали огромным бедствием для казахского народа еще в конце XVII — первой четверти XVIII в.“ (1965, с. 95). В условиях поражения от джунгарских войск часть казахов стала продвигаться на север под защиту Русского государства. Уже в начале XVIII в. продвижение их в южные районы Западной Сибири было замечено по р. Ишиму (Катанаяв, 1886, с. 32). В первой половине XVIII в. казахи заселяли южные районы Сибири уже в более заметном количестве (Патканов, 1912, с. 48), хотя, конечно, их было еще немного, и селились они, по-видимому, главным образом в бассейнах Тобола и Ишима. Во всяком случае, когда русские появились на р. Оми с целью построить в ее устье городок, ни по правому, ни по левому берегу Иртыша казахов еще не было (Извлечение..., 1886, с. 23). Часть казахов могла проникать в это время в Сибирь вместе с бухарцами. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что народная масса казахов (подразумевались разные слои населения: от зажиточных скотоводов и частично тюленгутов — служилых людей — до очень бедных казахов) называлась собирательным термином *бухара* (Бижанов, 1969, с. 168). Возможно, что это в какой-то степени облегчало вхождение казахов названных социальных категорий в состав сибирских бухарцев — социальный термин *бухара* мог быть затем переосмыслен как этническое самоназвание.

Набеги калмыков на казахские стойбища продолжались вплоть до прекращения существования Джунгарии как государства в 1758 г. (История Казахской ССР, с. 234, 262—263). Часть казахов по-прежнему бежала от грабительских походов калмыков и от разорений, нанесенных хивинскими феодалами, к русским границам

(Громыко, 1965, с. 98; Материалы по истории казахских..., 1969, с. 435). В этих условиях происходило добровольное присоединение Казахстана к России. Помимо большинства казахов Младшего жуза во главе с ханом Абулхаиром к России вскоре присоединилась часть родов Среднего жуза, возглавляемых ханом Семесе. В 1740 г. подданство России признала большая часть родов Среднего жуза, в начале 40-х гг. XVIII в. начался процесс присоединения и казахского населения Старшего жуза, который затянулся, правда, почти до середины XIX в. (Памятники Сибирской истории, 1885, с. 152—153, 162; Бекмаханов, 1966, с. 15; История Казахской ССР, с. 227, 241, 244; Халфин, 1974, с. 13).

После падения Джунгарии в 1758 г. часть казахов, обитавшая в XVIII в. в пределах Центрального Казахстана (Наумова, 1979, с. 56), перекочевала ближе к Иртышу и даже вышла за Иртыш. Их кочевья развернулись между Омском и Усть-Каменогорском и вплотную придвинулись к этнической территории сибирских татар (Щеглов, 1883, с. 260; Словцов, 1844, с. 347; и др.). Движение казахов на север, в освободившиеся от калмыков места и на сибирские земли, было столь быстрым, что русские власти в 1765 г. устроили десятиверстную пограничную полосу между Россией и казахскими землями с целью запрещения этого продвижения кочевников (Катанасев, 1886, с. 32; Гейнс, 1866, с. 231). Но эта мера не могла серьезно ограничить миграции казахов в Сибирь, и им стали разрешать переходить эту линию для кочевья в сибирских пределах. Видимо, с конца XVIII в. часть казахов стала оседать на постоянное местожительство в южной полосе Тобольской и Томской губерний. Они устраивались на крестьянских или казенных землях в качестве землевладельцев и пастухов (Патканов, 1912, с. 23). Но таких казахов в тот период было еще немного.

Таким образом, фактически лишь со второй половины XVIII в. (после 1758 г.) переселение казахов в Сибирь на долгое время стало постоянным фактором, меняющим этническую ситуацию в ее южных районах. Не случайно О.Б. Наумова считает 1758 г. началом первого периода (1758—1822 гг.) формирования этнографической группы омских казахов (Опарина, 1977, с. 67), хотя проникновение отдельных небольших групп казахского населения в Сибирь, как было показано выше, имело место и в более ранний период. В 1782 г. в Тобольском наместничестве был выделен Омский уезд, в котором оказалась и часть казахов-переселенцев. В последней четверти XVIII — первой четверти XIX в. они расселялись и по южным округам Тобольской и Томской губерний, сосредоточивались в большой массе вдоль Сибирской пограничной линии, переходили ее, обращаясь с прошениями об отведении им земель в сибирских губерниях (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 318, л. 1—3 об.; д. 319, л. 1—8 об.; д. 320, л. 1—22; и др.).

В этот период разрабатывался целый ряд законодательных мер, в их числе наиболее определяющим был „Устав о сибирских киргизах“ 1822 г. (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 312, л. 1—16; д. 322, л. 1—53). В первой четверти XIX в. часть казахского населения была зафиксирована в Курганском, Ишимском и Омском округах Тобольской губернии (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 13—14). Казахам, живших в Тобольской и Томской губерниях, а также на землях русских казачьих войск, считали „внутренними“ казахами. После того, как казахи Среднего жуза, согласно реформе управления сибирскими губерниями 1822 г., оказались в Омской области, их стали называть сибирскими киргизами (Муканов, 1974, с. 77, 83). Небольшое количество казахам, наряду с башкирами, калмыками, татарами и представителями других национальностей, в XVIII — первой четверти XIX в. оказалось в разных местах Западной Сибири (главным образом в городах в качестве дворовых людей. — ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 3681, л. 4—6; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 281, л. 1—16; ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 977 об., 980; и др.).

На территории Западно-Сибирской равнины расселялись в основном казахи Среднего жуза, состоявшие из племен кереев, кипчаков, аргынов, найманов и уаков (Востров, Муканов, 1868, с. 56—80; Левшин, 1832, с. 16—18; и др.). Именно они кочевали по рекам Тоболу, Ишиму, Иртышу и имели выходы на сибирские земли (Марков, 1976, с. 140—141). Так, до нашествия калмыков кереев кочевали по Тоболу, Туре и Оми (Сибирские летописи, с. 17—18), затем под натиском джунгарских завоевателей отошли на юг, после разгрома Джунгарии снова вернулись на земли по Иртышу (Востров, Муканов, 1968, с. 58). В.В. Востров и М.С. Муканов (1968, с. 70) пишут, что с XVI в., а возможно, и раньше, в северных районах расселения казахам обосновались и аргыны, которые кочевали на очень обширной территории. Видимо, относительно рано в районах южной части Западно-Сибирской равнины стали селиться и уаки, которые по происхождению родственны кереем, а также кипчакам (Востров, Муканов, 1968, с. 79; Муканов, 1974, с. 75). К уакам и кереем отчасти присоединились кочевавшие в южных районах Сибири казахи Младшего жуза из племени жетыру, которые также вошли в состав башкирского народа (Муканов, 1974, с. 71). Подробные сведения о расселении племен казахам Среднего жуза в составе России во второй половине XVIII в. привел в своей работе М.С. Муканов (1974, с. 70—76). Из этих данных видно, что в конце XVIII в. на сибирских территориях между крепостями Железинской и Омской по Иртышу, а также западнее, включая районы нынешней Курганской области, кочевали опять-таки аргыны, кереев, кипчаки и уаки (Муканов, 1974, с. 75).

Материалы казахского отряда Сибирской историко-этнографической экспедиции Омского университета, собранные в 1978 и 1981 гг.,

в том числе массовые записи племенной и родовой принадлежности современных казахов или их предков, показывают, что и сейчас на территории Омской области проживают представители аргынов, кереев, кипчаков и уаков. Уаки нередко показаны в качестве подразделения племени кереев. В небольшом количестве здесь отмечены и найманы, составлявшие в прошлом пятое племя Среднего жуза. Данные таблицы 11 о названиях волостей помогают уточнить нам племенной и родовой состав казахов Омского круга.

Глава 4 Сибирские бухарцы и каракалпаки

Еще в 1930-х гг. В.Г. Карцов ставил вопрос о том, что основная часть тюркских (татарских) групп проникала на земли хантов и манси в XIII—XV вв. из Средней Азии (Карцов, 1935, с. 68). Известны исторические факты вхождения районов юго-западной Сибири в состав среднеазиатских кочевых объединений XIV—XV вв. Так, кочевавший в XIV в. в низовьях Сыр-Дарьи хан Белой орды Тохтамыш установил свою власть и в юго-западных районах Сибири, соперничая здесь с ханом Тимуром (Бахрушин, 1959, с. 198). Барабинские татары в начале XVIII в. рассказывали, что Тамерлан (Тимур) бывал в Барабе и имел здесь стычку с калмыками (монголами) (Зиннер, 1968, с. 51).

По преданию сибирских татар, в 1394—1395 гг. из Средней Азии на берега Иртыша прибыла группа в составе 366 шейхов и 1700 героев (братьев) хана Шейбана (Катанов, 1904, с. 21—22). С этого времени возникла здесь среднеазиатская (бухарская) колония, „сделавшаяся проводницей среди сибирских татар ислама и начатков мусульманской культуры“ (Бахрушин, 1959, с. 207). До сих пор местные саргатско-утузские татары рассказывают, что позднее татар на Иртыше появились выходцы из Бухары — шейхи, которые стали обращать местное население в мусульманскую веру (МСЭЭ ОмГУ, 1978, к. 283). В XV в. южные районы Западно-Сибирской равнины находились в составе Узбекской державы Абулхайра. З.Я. Бояршинова приходит к выводу, что „очевидно, в начальный период правления Абулхайра на Иртыше находились центральные кочевья этого объединения „узбеков““ (1960, с. 104). Затем они захватили кочевья между Ишимом и Тоболом. На р. Туре был захвачен г. Тура (видимо, Чимга-тура — Тюмень), он и стал столицей кочевых „узбеков“ (Ахмедов, 1965, с. 41—45; Сафаргалиев, 1960, с. 207).

В последующий период (во второй половине XV — первой четверти XVI в.) инфильтрация среднеазиатского населения в юго-западные районы Сибири продолжалась. В Тюменском ханстве во второй половине XV в. правил шейбанид, праправнук Менгу-Тимура

тюменской стороне наряду с татарами проживали бухарцы (Словцов, 1838, с. XXI). С конца XV в. развернулась борьба Тайбугина рода „за образование независимого от узбеков юрта с центром в Кашлыке“ (Бахрушин, 1959, с. 198). Но правители Ургенча и Бухары не оставляли своих притязаний на земли сибирских татар, с их помощью Кучум и овладел Сибирским юртом в 1563 г.

Начало поселения бухарцев в Сибирском ханстве в период правления Кучума относится к моменту захвата им власти, т.е. они пришли вместе с ним. Постоянные контакты населения Западной Сибири со Средней Азией осуществлялись в то время также благодаря караванной торговле бухарцев, которые бывали в этих местах часто, „...покупая повсюду у кочующих татар мягкую рухлядь и выменивая им свою, получаемую ими от остяков и вогулов“ (Юшков, 1861, № 36). Кучум выписывал из Бухары и Ургенча грамотных людей (Бахрушин, 1959, с. 207). Первая их группа прибыла в Искер в 1572 г. во главе с шейхом Ургенча Шербети и сеидом Ярымом. Через несколько лет прибыла вторая группа духовенских лиц во главе с Дин-Али-Ходжой из Ургенча. Дин-Али остался жить в Сибири и женился на дочери Кучума Лейле-Каныш (Катанов, 1887, с. 234—238). В конце XVI в. на жительство в Сибирском ханстве стали оседать среднеазиатские купцы (Алексеев, 1941, с. 225). Какая-то часть переселенцев из Средней Азии и их потомков фактически слилась с местными обитателями и вошла в состав разных групп сибирских татар.

В числе тобольских татар были выходцы из городов Бухары, Ургенча. Потомки шейхов и ходжей встречались и позднее в тобольской, тюменской и тарской группах татар, а также в г. Томске (Катанов, 1904, с. 22). Дин-Али-Ходжа положил начало сибирской бухарской фамилии Сеид (Сеидовы) (Потанин, 1868, с. 35). В XVIII в. представители этой фамилии жили в юртах Тадзымовых и Сабанакowych близ Tobольска, в самом г. Tobольске и на Tаре (Бахрушин, 1959, с. 207). В составе купцов, поселившихся в Сибири во времена Кучума, было немало узбеков и таджиков (Алексеев, 1941, с. 225). Вообще-то не только узбекские, но и таджикские купцы, которых в Сибири звали „тезиками“ или „персами“, вели здесь активную караванную торговлю. Нами подчеркнуто это обстоятельство потому, что под сибирскими бухарцами до сих пор нередко представляли лишь узбеков, а роль других этнических групп в их составе остается неизвестной или приниженной.

Среднеазиатский компонент раннего происхождения выявляется также в составе тюменских, курдакско-саргатских, тарских и бабарабинских татар. Можно предполагать, что и в составе томских (эуштинских) татар оказались какие-то выходцы из Средней Азии, так как они были зафиксированы здесь сразу после строительства г. Томска (Томилов, 1972, с. 89).

так как они были зафиксированы здесь сразу после строительства г. Томска (Томилов, 1972, с. 89).

Наибольшая масса бухарцев переселилась в Сибирь все же после вхождения ее в состав Русского государства. Г.Ф. Миллеру большинство бухарцев Тобольска, Тары, Тюмени и Томска рассказывали, что „их предки переселились в Сибирь много позднее, только в русское время“ (Миллер, 1937, с. 201). Такие переселения продолжались вплоть до XIX в. Даже еще в начале XIX в. сообщалось, что число бухарцев в Сибири и „поныне приумножается бухарскими купцами и приказчиками, которые назад от нас не возвращаются“ (Нечто о Сибири..., 1806, с. 98). Основной причиной переселения бухарцев в Сибирь были, безусловно, торговые интересы. Русское государство было заинтересовано в привлечении их для развития торговли, для чего предоставляло среднеазиатским купцам различные льготы. Местные власти обязаны были помогать бухарцам, охранять их товары, „ничем не теснить и задержания им никакого не чинить“ (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 7, л. 1—18 об.).

Видимо, большая часть бухарцев сначала продолжала постоянно проживать в среднеазиатских городах, приезжая в Сибирь лишь для торговли. С.В. Бахрушин приводит данные о том, что в первой половине XVII в. в Тобольск прибыло по 50—100 торговцев в год, во второй половине XVII в. — лишь по 20 с небольшим человек. В Тюмени в 1640-х гг. бывало до 30 среднеазиатских купцов и более, в Таре чаще по 25—30 чел., в 1653 г. — 58 чел., в Томске в конце XVII в. — по несколько человек (менее 10) (Бахрушин, 1959, с. 202). Бухарцы торговали в Сибири в основном с русскими и татарами, но вели торговлю и с северными народами, скупая у них пушнину (Балкашин, 1881, с. 1).

Значительные преимущества в торговле, которые получили бухарские купцы в Сибири, и соответственно высокие доходы побудили многих из них к переселению в сибирские города. Городские бухарцы в Сибири ведут свое начало в основном от торговцев (Миллер, 1937, с. 12—13; Нечто о Сибири..., 1806, с. 98; В.И., 1862, № 10). Считается, что в Тюмени первые бухарцы поселились с 1596 г., когда этому городу было предоставлено право беспошлинной торговли со Средней Азией (В. И., 1862, № 10; Потанин, 1868, с. 70—71). Не исключено, правда, и более раннее поселение здесь отдельных бухарцев сразу после основания Тюмени в 1586 г. Бухарская колония сложилась в этом городе в основном в XVII в. — в конце этого века большинство местных бухарцев родилось в самой Тюмени (Бахрушин, 1959, с. 207). Так же рано, видимо, они стали селиться в Тобольске и Таре. Так, в г. Таре в числе его жителей бухарцы и „торговые сарты“ упоминались в 1608 г.

Помимо этих городов бухарские поселенцы встречались в Томске и Кузнецке. И. Фальк (1824, с. 538) приводил сведение о том, что

в первые годы после строительства Томска несколько бухарцев купили у русских властей землю около города. Вскоре в этом городе образовалась своеобразная бухарская колония. Ряд сведений о переселениях бухарцев в разные места Сибири в XVII—XVIII вв. привели в своих работах Н.Г. Потанин (1868, с. 71), С.В. Бахрушин (1959, с. 207—208), Х.З. Зияев (1968). Немало интересных данных о формировании сибирско-бухарского населения отложилось в последние годы в материалах Ф.Т. Валеева (1965в). Отметим, что с XVIII в. бухарцы поселялись и жили в XIX в. также в Петропавловске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Павлодаре и других местах, пограничных с Западной Сибирью (Словцов, 1884, с. 348; Юшков, 1861, с. 355; Балкашин, 1881, с. 3—4; Словцов, 1881, с. 9; Тюменский уезд, 1969, с. 69).

В XVII в. среди бухарцев помимо купцов числилось немало священнослужителей, встречались семьи, занимавшиеся ремеслом, — шитьем одежды, кожаным производством, ковроткачеством (В.И., 1862, № 10; Бахрушин, 1959, с. 208). Постепенно социальный состав бухарцев усложнился. Вместе с купцами из Средней Азии приходили семьи крестьян. В основном они расселялись недалеко от городов в основанных ими юртах или в юртах сибирских татар. Так, в Тарском уезде в первой половине 20-х гг. XVII в. бухарцы (21 чел.) жили в трех юртах. Немало населенных ими юрт было и в Тюменском уезде, количество бухарских хозяйств в 1701 г. возросло в них до 49 (Оглобин, 1895, с. 297—298; Шунков, 1956, с. 52—53). В памяти тюменских татар сохранилось представление о том, что первым сельским населенным пунктом бухарцев в этих местах были Ембаевские юрты (ю. Манчил) (Каралькин, 1959, с. 11). В 40-гг. XVII в. около Томска за р. Басандайкой бухарцы имели пахотные земли, покосы и заимки (Бояршинова, 1951, с. 116—117). Успешному занятию земледелием способствовали льготы, предоставляемые бухарцам жалованными грамотами. Кроме того, они долгое время были освобождены от постоя иностранных послов и купцов (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 7, д. 4874, л. 1—4), от поставок дров. В 1763 г. они были обложены податью, равной оброку русских крестьян, но в начале XIX в. пользовались некоторыми льготами — так, с 1800 г. на них распространялись дополнительные сборы — 26 коп. с души, наложенные в конце XVIII в. на все категории населения (ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 189, л. 49—50, 53, 60).

Русские власти нередко привлекали бухарцев для исполнения поручений торгового, финансового, дипломатического характера. Часть бухарцев прямо привлекалась на службу, но, видимо, таких было немного. У тюменских бухарцев в ю. Ембаевых был род, называвшийся „юмушлу“, т. к. его члены несли военную службу. Среди служивых татар Тюменского уезда в XVII в. действительно

было несколько бухарцев (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, д. 39, л. 152 об.—153; Бахрушин, 1955, с. 165). Отметим также, что в переписной подворной книге XVII в. нам встречались сведения о юртовых бухарцах — „отпущенниках из холопства“ (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 445, л. 32—33; и др.).

В первые десятилетия XIX в. наблюдались еще случаи перехода бухарцев в русское подданство, как это имело место, например, в Ишимском округе в 1820 г. (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 318, л. 1—6). Но это были уже действительно редкие случаи. Подавляющая масса сибирских бухарцев состояла в то время из потомственных жителей. В документах 1821 г. о поселении „инородцев“ вдоль сибирской линии сказано, что „...все нынешние Бухарцы родились в Российских владениях“ (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 319, л. 41 об.). Таким образом, первую четверть XIX в. мы можем считать периодом затухания переселения бухарцев в Сибирь, во всяком случае прекращения их массовых миграций.

При рассмотрении этнического состава сибирских бухарцев следует иметь в виду то обстоятельство, что подавляющую массу их составляли все же узбеки и таджики. В их числе встречались, кроме того, уйгуры и казахи (Валеев, 1865в, с. 16; Исакова, 1973, с. 36—37). О значительности таджикского компонента в составе сибирских бухарцев много писала С.М. Исакова (1968, с. 70; 1970а; и др.). Она же вместе с Ф.Т. Валеевым исследовала следы таджикского языка в диалектах сибирских татар (Исакова, 1976а, с. 54—57; Исакова, Валеев, 1978б, с. 31—39). Свидетельством наличия большого числа таджиков среди бухарцев является сведение Ю. Клапрота, относящееся к началу XIX в., о том, что бухарцы в Сибири были ираноязычны (Klaproth, 1823, с. 240—241). И ранее, в XVII в., в Тобольске и других городах среди бухарских купцов встречались таджики, или, как их называли, персидские купцы (Алексеев, 1941, с. 217, 284, 370). В диалектах сибирских татар Д.Г. Тумашева (1968, с. 167—168) отметила много общих черт с уйгурским языком, что было связано с постепенным вхождением самих уйгуров в число бухарцев в состав разных групп сибирских татар.

Кроме того, нередко были случаи, когда коренные сибирские татары, особенно занимавшиеся торговлей, входили в состав бухарцев. Г.Н. Потанин (1868, с. 78) писал по этому поводу следующее: „Привилегии бухарцев были так заманчивы, что многие инородцы, не будучи выходцами из Бухары, записывались в бухарцы по простоте прежнего времени“. Среди бухарцев встречались выходцы из Казани, Казанской губернии, некоторые из них, возможно, были казанскими татарами. Среди тобольских юртовых бухарцев один так и был назван — казанцем (Бехмет Казанец. — ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 254, л. 2—4).

Большинство переселенцев-бухарцев составляли выходцы из Бухары, Хорезма, Самарканда, Ташкента, Ургенча, Коканда, Хивы, Ферганской долины, Туркестана (Зияев, 1968, с. 20—25; Тумашева, 1977, с. 17). Интересные сведения о местах выхода в Сибирь таджиков и узбеков привели С.М. Исакова и Ф.Т. Валеев: „Согласно легендам и семейным преданиям, бытующим среди части тарских и тобольских бухарцев, их предки переселились в Сибирь из долин Зеравшана и Амударьи. В рассказах потомков сибирских бухарцев о родине их предков кроме Бухары часто упоминаются Хорезм, Ходжент (ныне Ленинабад), Шахристан, Пенджикент, Ура-Тюба и названия других городов и кишлаков, где издавна проживали таджики“ (Исакова, Валеев, 19786, с. 32).

В начале XIX в. в составе сибирских бухарцев Тобольска назывались не только выходцы из Бухары, но и хивинцы — „харизмы“ (хорезмийцы), ташкентцы (ташкентские татары), туркменцы, татары туркестанские (Ст., 1814, с. 272—273, 306—307, 314). Традиция поселения среди тобольских выходцев из Хорезмской области была давняя (переселенцы из Ургенча были известны еще при Кучуме) (Бахрушин, 1959, с. 201, 207).

Редкие данные о местах, выходцами из которых были бухарцы, поселившиеся среди тобольских татар, встретились нам в архивных материалах конца XVII в. В „Перписной книге татарских юрт по Иртышу“ (ЦГАДА, ф. 214; оп. 5, д. 254, л. 1—8 об.) приводятся данные о 62-х бухарцах — главах хозяйств. Из них 26 человек (41,9%) — это местные, родившиеся уже в Сибири бухарцы. 9 юртовских бухарцев переселились из Казани и Казанского уезда (в том числе из д. Тутаевой), они составили 25% всех вновь поселившихся в юртах сибирских татар. Речь можно вести, видимо, о вторичном переселении бухарцев. Кстати, и еще в одном документе, переписной подворной книге XVII в., тоже имеются сведения о бухарцах (бухаретинах) — „казанцах“ (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 445, л. 32—33). 75% прибывших составили выходцы непосредственно из районов Средней Азии: из бухарского города Карачина (Карачки) — 2 чел., Туркестана (Теркустана, Тукурстана) — 11, Сайрама (Саурана, Сафрана) — 3, Ташкана (Тешкана) — 4, Андижана (Андичана) — 1, Самарканда — 2, Кашкарля (Кашгара?) — 1; из Еркети — 1 чел., 2 бухарца вышли из Калмыцкой земли.

Сведения семейных хроник тарских татар о местах выхода бухарцев подтверждаются письменными источниками — в них называются города Бухара, Хива, Ургенч, Сайрам (Серайм) и др. (Бахрушин, 1959, с. 207; Юшков, 1861, с. 286; и др.). Часть среднеазиатского населения составили здесь выходцы из Бухарии 1709 г. — 41 чел. во главе с Билихты-Дранжан-Имачи Журбаевым поселились тогда в Таре и вошли в состав Порушской волости тарских татар (Потанин, 1868, с. 71).

Г.Н. Потанин писал еще об одной группе переселенцев того периода: „Может быть, одновременно с Журбаевым вышел и Абаз-Бачки Шейх из города Серайма, положивший начало тарской фамилии Шиховых“ (1868, с. 71). Как и в тобольской группе, часть бухарцев составили здесь таджики. Остальные информаторы и сейчас помнят о „тачикском“ происхождении своих предков. Несколько данных такого рода отложилось в родословных, записанных участниками этнографических экспедиций Омского университета 1974—1979 гг. Ряд топонимов (Каракуль, Чарналы и др.) считаются исследователями таджикского происхождения (Исхакова, Валеев, 19786, с. 34).

Из разных мест Средней Азии бухарцы вышли и на землю тюменских татар. Сохранились сведения о названиях „родов“ бухарцев с. Ембаево — эльдик, ашраф, сулейман, миршан, хучаяр (худжаяр), кучан, куча, жыиндык (от слова *жыин* — собирать, т.е. это сборный род), мамасейд (мухаммедсейд), ашман, артык, юмушлу (род военных служилых людей) (ГМЭ, отдел рукописей, ф. 2, оп. 2, № 1341, л. 11). Большая часть этих названий происходит, скорее всего, от имени первых переселенцев, относится, видимо, к группам родственных семей, а не к родам. Правда, не исключено, что эльдик можно ассоциировать с элик узбекской группы юзов или с эльбеками — таджиками, а худжаяр — с узбеко- или таджикоязычными ходжа (см: Кармышева, 1976, с. 50, 91, 96, 118, 132, 148—153; и др.). Название тюменско-татарской волости Каскара весьма сходно с именем среднеазиатского района Кашгар. Наименование с. Ембаева Malsup, по мнению С. М. Исхаковой и Ф.Т. Валеева (19786, с. 34), «восходит к таджикскому манзил, означающему „стоянку“, „привал“, „пристанище“, „дорожную гостиницу“».

Недостаточно ясным остается состав бухарцев Томского уезда, живших сначала в Томске отдельной слободой. Известно, что это были выходцы из Малой Бухарии (Списки населенных..., 1868, т. LX, с. LXXXV) — в основном, видимо, узбеки, тем более что среди них были выходцы из Ташкента (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 13—14).

В целом, среди сибирских бухарцев сложилось 4 территориальных группы: 1) тюменская; 2) тобольская; 3) тарская; 4) томская. Все они ко второй четверти XIX в. были в определенной степени обособлены друг от друга, проживали на землях сибирских татар, с которыми и вступали в самые тесные контакты. Управление бухарцами в Западной Сибири было организовано по уездам, во главе каждой такой группы стояли старшины (Рабцевич, 1973, с. 237).

Независимо от бухарцев в южных районах Западно-Сибирской равнины оседали также выходцы из каракалпаков. В литературе отмечается, что исторические и этногенетические связи каракалпаков с народами Сибири остаются почти неисследованными (Нурмухамедов, Жданко, Камалов, 1971, с. 15). Мы также не ставим себе такую задачу, тем не менее отметим несколько фактов выходов каракалпаков на сибирские земли. На протяжении всего XVII в. наиболее северные их группы были расселены у верховьев рек Урала и Эмбы и вместе с ногаями совершали набеги на сибирские города (Жданко, 1950, с. 135). Во время восстания башкир каракалпаки активно помогали им и нападали на сибирские и уральские города и волости (ДАИ, т. X, 1867, с. 390; Жданко, 1950, с. 136). В 1690—1692 гг. каракалпаки вместе с казаками разоряли Тарханский острог Тюменского округа, Царево городище, Утяцкую и Камышевскую слободы на р. Тоболе, а в 1693 г. они нападали на русских Ялutorовской слободы и у озера Семискуля (ДАИ, т. X, 1867, с. 379; Тыжнов, 1898, с. 52; Жданко, 1950, с. 135—136). В 1694 г. они повторили нападение на русские земли и, в частности, на слободу Чумлярскую (Тыжнов, 1898, с. 52). Набеги каракалпаков на Тюменский уезд продолжались и в последующие годы. Известен также факт, что в 1697 г. они вместе с башкирами и казаками собирались в поход на барабинские волости (АИ, т. V, 1842, с. 521).

В первые десятилетия XVIII в. каракалпаки активно участвовали в набегах казахских отрядов на русские пограничные районы. В таких походах они объединялись также с ногайцами, башкирами и продвигались далеко на север в пределы Тобольского уезда (Памятники сибирской истории, 1882, с. 373; Нурмухамедов, Жданко, Камалов, 1971, с. 22). В первой половине 1720-х г. на Яике и Эмбе появились многочисленные отряды каракалпаков, теснимые из Приаралья джунгарами (Жданко, 1950, с. 136). Этим самым каракалпаки вплотную приблизились к сибирским землям. Продолжая совершать набеги на эти земли почти до принятия ими русского подданства в 1741—1743 гг., они вступали и в хозяйственно-торговые отношения с сибирским населением. Это привело к тому, что небольшая часть каракалпаков расселилась на землях южных округов Западной Сибири.

Так, по данным ревизии 1782 г., каракалпаки были зафиксированы в юртах тобольских татар — Ертышацких, Есеновых, Куларовских, Сабанакановских, Саусканских, Суклемских, Тацимовых и Устамацких, в юртах Новых Шабалинских тюменских татар и в д. Иткуловой тарских татар (ГАТЮТ, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 977—981, 1001, 1009, 1039—1040, 1048, 1089, 1092 об. — 1093, 1152; д. 27, л. 1044; д. 31, л. 985—986). Все они числились в

составе дворовых людей. Такая категория населения отмечена и в некоторых других селениях сибирских татар, русских, а также в городах, но часто без указания национальности. Не исключено, что наряду с казаками и башкирами среди дворовых людей были также каракалпаки.

Глава 5 Поволжские татары

Вопрос о появлении и расселении в Сибири татар — выходцев из Поволжья и Приуралья, — их численность, как и вопрос об их этническом развитии, является фактически неизученным. Так, даже в работах советских исследователей приводятся лишь отдельные сведения о расселении поволжских татар в районах Западной Сибири, в том числе и в прилегающих районах Зауралья (Валеев, 1976а, с. 138—141; Дульзон, 1956в, с. 308—311; Томилов, 1969, 104—109; 1978к, с. 36—37, 43—46, 61—62; Юсупов, 1972, с. 4—5, 17, 32; и др.). Это приводило к тому, что некоторые ученые (в том числе и В.В. Радлов) преувеличивали их роль в формировании этнических групп сибирских татар на первоначальных этапах. С другой стороны, отсутствие исследований по этнической истории поволжских татар, переселившихся в Сибирь, еще относительно недавно приводило к утверждению, что они впервые появились здесь лишь в XVIII в. (Храмова, 1956, с. 474). Такая противоречивость мнений и вызвала необходимость исследования о периодах расселения поволжских татар в Сибири.

Казанские татары мигрировали на территорию Западной Сибири еще до появления здесь русских. Как известно, связи между населением Поволжья и Сибири являются очень древними и прослеживаются по археологическим материалам, начиная с мезолита и неолита (Бадер, 1963; Горюнова, 1961; Сальников, 1962; Смирнов, 1952; Халиков, 1969; и др.). Они не прерывались и в последующие эпохи. В XIV—XVI вв. контакты тюркоязычных народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири наиболее ярко проявились, как считают исследователи этих вопросов, прежде всего в этнической истории башкир и сибирских татар (Мухамедьяров, 1979, с. 104—107). В первой половине XIV в. при хане Узбеке сибирские земли („страны Сибир, Ибир, Чулыман“) входили вместе с землями башкирских племен в состав Золотой Орды (Бояршинова, 1962, с. 102; Тизенгаузен, 1884, с. 243). Это, возможно, способствовало увеличению в тот период контактов населения Сибири и поволжско-приуральского региона.

Возникшее ранее политическое объединение сибирских татар — Тюменское ханство — находилось какое-то время в зависимости от Золотой Орды и управлялось ставленниками золотоордынских

ханстве оказалась в руках ставленника золотоордынского хана Чегры (Бояршинова, 1960, с. 104).

Правитель Тюменского ханства Ибак в 1481 г. во главе отрядов тюменских татар вместе с ногайцами разгромил казанского хана Ахмеда, возвращавшегося домой после знаменитого „угринского стояния“. Ахмед-хан был убит, и какое-то время Ибак стал фактически во главе Казанского ханства. Казанским царем он назван в сибирских летописях, да и в своем послании Ивану III в 1493 г. он сообщал, что ему бог дал счастье „Сиинский стол“ взять и на Волге стоять. Под „Сиинским столом“ подразумевается, как полагает З.Я. Бояршинова, „золотоордынский стол“ (Бояршинова, 1960, с. 105—106, 109; Сибирские летописи, 1907, с. 13). Обращает на себя внимание тот факт, что после разгрома Ахмед-хана часть пленных вместе со скотом и другим имуществом Ибак увел в Тюмень (Устюжский летописный свод, 1950, с. 94). Не исключено, что в этот период небольшая группа казанских татар могла оказаться в Притоболье. Известно, например, что «...сторонник казанского хана Али, свергнутого Иваном III, Алгазый бежал к Ибаку в Тюмень и жил там у него; к Ибаку же поехали другие сторонники Али-хана: Богиш с сыном Утешем, сеиды Тебакай (Тевекел) и Касым и „иные их товарища“» (Бахрушин, 1955 г, с. 156). В 1496 г. брат Ибака Мамук, стоявший во главе Тюменского ханства, действуя активно на западе, захватил Казань (Алексеев, 1941, с. 115). Но в 1497 г. он был изгнан из Казани вместе со своими сторонниками (Калинин, 1955, с. 44) и вернулся с ними в Тюмень. В XV—XVI вв. между Казанским ханством и Чимгой-Турой (столицей тюменских правителей) существовали и торговые связи, которые обеспечивались в основном восточными (среднеазиатскими) купцами. В Казани одни из ворот в тот период назывались Тюменскими (Бахрушин, 1959, с. 195).

В генеалогических преданиях саргатско-утузских татар рассказывается, что сначала по берегам Иртыша жили остяки, пришедшие с юга. Затем сюда поселились татары, а позднее их появились выходцы из Бухары — шейхи. Некоторые жители деревень Усть-Ишимского района Омской области рассказывают сейчас, что татары, смешавшиеся здесь с остяками, пришли с запада, якобы со стороны Казани, а некоторые прямо говорили, что это были казанские татары (МСЭЭ ОмГУ, 1978, к. 283, 284, 289). Эти сведения остаются пока ничем не подтвержденными. Во второй половине XVI в. переселения казанских татар в Западную Сибирь имели место после присоединения Казанского ханства к России. Выходцы из Казани были в то время представлены преимущественно татарской знатью, и их было, видимо, немного (Трофимова, 1947, с. 196). Казанские беглецы „...могли предложить новому сюзерену только

из Казани были в то время представлены преимущественно татарской знатью, и их было, видимо, немного (Трофимова, 1947, с. 196). Казанские беглецы „...могли предложить новому сюзерену только свою службу и ожидали от него самого жалования и феодалов“ (Бахрушин, 1955г, с. 156).

На второй год после захвата власти Кучум побывал в Казани и взял себе в жены дочь казанского хана Мурата. А вместе с нею в Сибирь прибыло много чувашей, абызов (видимо, казанских татар. — Н.Т.) и „русского полону люди“ (Сибирские летописи, с. 319—320). От казанской знати правители Сибирского ханства получали иногда и оружие. Так, в городке князя Бегиша у татар было две пушки, привезенных из Казани (Сибирские летописи, с. 341).

Завершая в кратком виде рассмотрение вопроса о переселениях поволжских татар в Сибирь до прихода русских, отметим прежде всего их нерегулярный характер и небольшой масштаб. Следы их обнаруживаются лишь среди тюменских татар тюменско-туринской группы и искеро-тобольских татар тобольской группы. Поэтому представляется явно преувеличенным бытовавшее в прошлом у отдельных ученых мнение, в частности историка В.И. Огородникова (1920, с. 219), о том, что тоболо-иртышские татары во второй половине XVI в. „...довольно сильно перемешались с явившимися в Сибирь казанскими татарами и утратили свою прежнюю особенность“. Совсем не было казанских татар в XVI в., видимо, среди ясколбинских, курдакско-саргатских и тарских татар, также входивших в тоболо-иртышскую группу.

Часть татар из европейской части России прибыла в Сибирь, возможно, с войском Ермака. Летопись сообщает о том, что вместе с атаманами и казаками Ермака в Сибирь были посланы „...с ними литвы и немец и татар вкупе всех восемьсот сорок человек“ (Сибирские летописи, с. 98). Татары могли служить в отрядах Ермака в качестве военных людей и переводчиков (толмачей). Видимо, их было все же не так много. Строгановы отпустили с Ермаком, по разным данным, от 50 до 300 ратных людей из пермских городков (Скрынников, 1982, с. 137).

С присоединением Сибири к Русскому государству процессы переселения поволжских и приуральских татар в Сибирь продолжали иметь место и даже приняли относительно постоянный характер. Мигрировали татары по-прежнему в районы расселения тобольских и тюменских татар. Так, в 1623 г. в Тюмень прибыли „...из калмаков казанские торговые татарове, Узрабохта, Умамлик, Евушев...“ (РИБ, т. II, 1875, с. 453—454). В середине 1620-х гг. с р. Уфы на территорию Тюменского уезда переселилась группа татар в 16 человек, которые сначала были на три года освобождены от ясака, а затем превращены в гонимых татар и вошли в Табынскую

волость (РИБ, т. VIII, 1884, с. 594—595). В XVII в. среди тюменских служилых татар казанцы (4 чел.) в качестве дворовых людей были отмечены в Матмасовских юртах (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 445, л. 60—61). В Тобольском уезде в конце XVII в. казанских татар, видимо, было больше. По данным довольно неполных переписных книг захребетных татар, казанцы числились в тот период в юртах Супринских (4 чел.), Миримовских (7 чел.), Турбинских (1 чел.), Исеневых (10 чел.), Чашчинских (16 чел.), Байминских (3 чел.), Сузгунских (11 чел.), Иштаманских (1 чел.), Аремзянских (21 чел.), Астанинских (6 чел.) (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 445, л. 4, 14, 27, 60, 62—62 об.; д. 525, л. 3, 11—12, 40, 57—61). Всего переписными книгами конца XVII в. в юртах тобольских татар насчитывалось 80 казанцев.

Среди тобольских татар поселялись пришлые из европейской части России татары, которые позднее получили общее название *оброчных чувальщиков*. Считается, что в Тобольском округе они появились с конца XVIII в. (Патканов, 1911, с. 120). Основную их часть составили татары, переселившиеся действительно в XVIII в. из Казанской, Самарской и других губерний в Тобольск (Нечто о Сибири..., 1806, с. 92; Тумашева, 1977, с. 15). Постепенно они расселялись по юртам местных тобольских татар, в самом городе в 1782 г. их оставалось лишь 24 человека (ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 1218). Относительно времени их появления в Сибири следует сделать существенные замечания. В документах начала второй четверти XIX в. об оброчных чувальщиках говорится, что они расселялись в Сибири уже более двухсот лет назад (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 367, л. 76), т.е. фактически с XVII в. И действительно, в переписной книге живущих по р. Иртышу татар, относящейся, по всей видимости, к концу XVII в., в одном случае встретилось обозначение „татарина чувальщика казанца“ (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 525, л. 3). Имеется относящееся к 1660-м гг. сведение о том, что в Тобольске у сибирских татар в работниках жили „казанские выходцы“, которые в этот период были обложены оброком за выделенные им пашни (Бахрушин, 1955, с. 285). Таким образом, появление первых чувальщиков в Сибири относится, на наш взгляд, ко второй половине XVII в.

В отличие от ясачных татар XVIII в., чувальщики не платили ясак, а состояли в оброчном окладе. Интересно, что, несмотря на указанное обстоятельство, оброчных чувальщиков все же именовали и ясачными татарами, наряду с обозначением их оброчными людьми и крестьянами (ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 1217). Видимо, какая-то часть коренных сибирских татар из ясачных и захребетников также вошла в состав оброчных чувальщиков, поэтому всю эту категорию татар, на наш взгляд, следует считать смешанной сибирско-казанской группой населения. В конце первой четверти

XIX в. они, в отличие от „чистых“ поволжско-приуральских татар-переселенцев, оставшихся в сословии крестьян, были переведены вместе с ясачными на положение оседлых инородцев.

В строительстве г. Тары в 1594 г. наряду с русскими принимали участие сто казанских и свияжских татар и триста башкир (Миллер, 1937, с. 288; А начиналась Тара так..., 1970). Отдельные представители их, возможно, остались жить в этих местах. Тарская дозорная книга 1701 г. отметила в уезде большое количество захребетных татар, зависимых от тарских служилых татар, и в отдельных случаях указала, что это пришельцы из Казани (Бахрушин, 1955г., с. 170).

Наиболее дальним восточным районом Западной Сибири, куда проникали поволжские татары, было Нижнее Притомье и прилегающие районы Приобья. Отдельные казанские татары появились в бассейне Томи уже в первые годы существования г. Томска. Документ 1625 г. фиксирует казанских татар в Притомье в качестве толмачей, посылаемых русскими к телеутскому правителю Абаку (Миллер, 1941, с. 92, 320). Видимо, в первой половине XVII в., как нам представлялось это и раньше (Томилов, 1972, с. 89), в Томске уже появилась небольшая группа казанских татар. В XVIII в. число татар — выходцев из европейской части России — в Притомье увеличилось. Именно к этому времени относятся антропологические материалы раскопанной А.П. Дульзоном в середине 1950-х гг. значительной части мусульманского кладбища в г. Томске (Дульзон, 1956в, с. 309—310). Особенность их заключается в том, что черепа относятся к европейскому типу, резко отличаются от краниологических серий коренного тюркскоязычного населения и представляют собой останки переселенцев — казанских татар и бухарцев (Дремов, 1969, с. 148). В городе для управления казанскими татарами существовала особая Казанская волость (ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 10, л. 5—13).

Часть казанских татар Томского округа вместе с бухарцами, как считает Н.Ф. Емельянов (1976, с. 103), видимо, была включена в состав ясачного населения. Запись казанских татар в ясачные имела место и в других округах Западной Сибири (ГАТОТ, ф. 47, д. 2194, л. 116; ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 4, д. 1182, л. 348, 370, 413—413 об., 417 об.). Тем не менее большая часть татар-переселенцев из европейской части вошла в состав оброчных людей. По томской группе татар-переселенцев есть сведения от 1671 г., в которых речь идет об оброчных платежах гулящих казанских татар (Томск в XVII веке, с. 55). Документы Тюменского уезда XVIII в. свидетельствуют, что там также большинство пришлых поволжских и приуральских татар были оброчными людьми (ГАТОТ, ф. 47, д. 835, л. 189—191; ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 481, л. 78—81 об., ч. 3, л. 86 об.—89, 91; Тюменский уезд..., 1969, с. 60, 62—63).

В конце XVII в. в Западной Сибири часть казанских татар была переведена из захребетных в оброчные. Такое изменение их социального положения зафиксировано, в частности, документами Тарского округа 1698 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 4, д. 1182, л. 348—348 об., 364—364 об., 370, 398 об., 400, 413 об., 417 об.). Но какая-то их часть по-прежнему оставалась ясачными или захребетными и в XVIII в. Кроме того, некоторые пришлые из европейской части страны татары оказались в составе служилых людей. Такого рода сведения содержатся в именных книгах служилых людей Томского уезда 1680 г. — 2 казанских и 2 крымских татарина были поверстаны в пешую службу (Томск в XVII веке, с. 86, 102, 112). Казанские татары встречались также в социальных категориях дворовых людей, наемных работников, торговых людей (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 4, д. 1182, л. 348—348 об., 364—364 об., 370; оп. 5, д. 445, л. 61—62; д. 525, л. 12, 40, 58; РИБ, т. II, с. 453—454). Ссылные татары, оказавшиеся в Сибири, в последней четверти XVIII в. переводились на положение государственных крестьян, как это было, например, в д. Сузгунской Тобольского округа (ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 307/308).

Данных по этническому составу пришлых татар у нас, к сожалению, для того времени очень мало, как и по местам их выходов. Часто в документах они записаны „казанцами“, „оброчными казанцами“, „татарами из Казани“, „казанскими татарами“. Следует считать, что большую часть пришлых татар в Тюменском, Тобольском, Тарском и Томском округах Сибири действительно составляли казанские татары. В Тюменском округе нередки указания на уфимских татар (ГАТот, ф. 47, д. 836, л. 189—191; Тюменский уезд..., 1969, с. 60). В Сузгунских юртах Тобольского округа в конце XVII в. в качестве наемных работников были отмечены трое мишарей (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 525, л. 12). В г. Томске в 1662 г. в числе служилых людей было три крымских татарина и в 1671 г. — два (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, д. 438, л. 63; Томск в XVII веке, с. 118).

В Ишимском округе Тобольской губернии 6-я ревизия населения (1811 г.) зафиксировала 218 татар (мужчин) — выходцев из Сергачского уезда Нижегородской губернии и Маматышского округа Казанской губернии (ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 289, л. 766—788). Они расселились в деревнях Мавлютовой, Шубиной, Чемень, Икшегермы, Ташкинской слободе и Ташкинской заимке. Данные этой же ревизии о населении д. Мавлютовой показывают, что из 156 душ мужского пола 49 были сосланы на поселение в зачет рекрутов еще до 4-й ревизии, т.е. до 1782 г. (в 1795 г. в этой группе было 36 душ), 100 переселились самостоятельно из губерний европейской

части страны и 7 вышли из плена (ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 226, л. 5—5 об.).

Записи родословных, произведенные участниками этнографических экспедиций Омского и Томского университетов в татарских деревнях Западной Сибири в 1969—1979 гг., показывают, что потомками пришлых из Поволжья и Приуралья в XVII — первой четверти XIX в. татар в этих деревнях являются лишь отдельные представители. Так, например, родословными татар деревень Иртышак, Чебурга, Медянки, Исеньево, Байгары, Епанчино, Ворогушино, Шамши, Сабанаки, Уки и Турбинской Тобольского района было выявлено 40% генеалогических линий всего взрослого населения (МЗСЭЭ ОмГУ, 1976, т. 15-1-27). Из этих данных видно, что в д. Сабанаки зафиксированы потомки более ранних переселенцев — казанских татар Саитхуловых. Время миграции их в Сибирь относится к 1808 г. Предки остальных 15 выявленных генеалогических линий казанских татар появились в этих селениях позднее. Обнаружить в тюменской группе татар потомков ранних европейских переселенцев не удалось, несмотря на то, что были обследованы издавна существующие крупные населенные пункты — деревни Ембаево, Тураево, Варваринская, Матмасы, Карбаны, Тарханская, Нижние Тарманы, Средние Тарманы, Яр, Сингуль и др. (МЗСЭЭ ОмГУ, 1977, т. 30-1-17; МСЭЭ ОмГУ, 1978, т. 39-1-16; МСЭЭ ОмГУ, 1979, папка 57-14). Следует заметить, что по данным 4-й и 5-й ревизий населения, казанские татары в конце XVIII в. в небольшом количестве были записаны только в Сингульских юртах. Память об этом среди современного татарского населения не сохранилась — их потомки отнесли себя к сибирским татарам. При заполнении генеалогических схем среди татар Омской области (МЗСЭЭ ОмГУ, 1976, т. 15-1-27; МЭП ОмГУ, 1976, т. 13-1-16; МЭП ОмГУ, 1978, т. 58-1-38; Козина, Кузнецова, Первых, 1978, с. 185) только в д. Малые Туралы нам сообщили сведения о том, что казанские татары Сафиулины жили в Таре с начала XIX в., время прибытия в Сибирь остальных переселенцев определялось более поздними периодами.

Записи родословных, сделанные в 1972—1977 гг. в местах расселения барабинских татар (Томилов, Кузнецова, 1979, с. 96—103), неожиданно (при отсутствии фиксации казанских татар архивными источниками изучаемого периода) дали нам сведения о таких относительно ранних переселенцах. В ауле Кошкуль Чановского района З.Ф. Каримова сообщила о своих предках шести поколений. В конце XVII — начале XVIII в. из района Симбирска в аул Тармакуль переселился Яхья Сулейманов сын. Уже в а. Кошкуле родился сын Архгул и внук Мингул, а от правнука Абдул-карима пошла фамилия

Каримовых (МЭЭТГУ, 1973, т. 524-2, л. 37). В конце XVIII в. а. Кошкуль приехал мишар Наурус, от имени его сына пошла фамилия Мухаметшиных (МЗСЭЭ ОмГУ, 1977, т. 29-6, л. 4). В общей сложности нам сообщили в этих районах о 17 пришлых татарах, переселения которых в Сибирь произошли во второй четверти XIX в. (Архив МАЭ ОмГУ, инв. № 69-1, л. 47). Миграции указанного периода составили к общему числу зафиксированных нами переселений в эти районы (524), 3,2%. Как правило, ранние переселенцы записывались в состав ясачных барабинцев.

Отметим, что среди татарского населения Томского района Томской области в деревнях Тахтамышево, Калтае и Черной Речке (деревни чатов) генеалогиями были выявлены жители, предки которых были казанскими татарами, переселившимися в Сибирь в начале XIX в. (МЭП ТГУ, 1970—1973). Этот факт интересен тем, что позволяет говорить о поселении поволжских татар не только в г. Томске, где была создана Казанская волость, но и в сельской местности Притомья.

Таким образом, записи родословных раскрыли некоторые стороны, связанные с миграциями поволжских и приуральских татар в районы Западной Сибири в изучаемый период. Но и они в целом подтвердили общий вывод о том, что такие переселения не имели тогда массового характера и что пришлые татары в районах Западно-Сибирской равнины в XVII — первой четверти XIX в. были немногочисленны, разбросаны по разным округам и фактически не связаны друг с другом. Основная их часть расселилась среди коренных сибирских татар, с которыми они вступали в тесные контакты. Это прямым образом относится и к оброчным чувальщикам Тобольского округа, которые, несмотря на существование у них отдельной волости, давно уже, как писали в 1828 г., „...рассеялись и живут ныне один от других на весьма дальнем расстоянии“, даже в разных округах (ЦГИА, ф. 1261, оп. 1, д. 367; л. 76—76 об.).

Значительно интенсивнее поволжские и приуральские татары переселялись в Сибирь в последней четверти XIX в. — начале XX в. и в первые годы Советской власти (Томилов, 1969, с. 104—109; Томилов, 1978к, с. 33—34, 44—46; и др.). Часть поволжско-приуральских татар по-прежнему оседала в деревнях коренных сибирских татар или по соседству. В то же время нами (Томилов, 1979в, с. 147—148) выделяются следующие группы поволжско-приуральских татар Западной Сибири, не контактировавших с сибирскими татарами: 1) мариинская (Кемеровская область); 2) зырянско-кривошеинская (Томская область); 3) колпашевско-чанская (Томская область, кряшены); 4) сорокинская (Тюменская область).

РАЗДЕЛ II
ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ
ЭТНИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ
РАВНИНЫ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XX В.

Глава I
Изменения в расселении и численности

Расселение

Вопросы расселения групп сибирских татар, чулымцев и др. в изучаемый период исследовались нами неоднократно (Томилов, 1969, с. 104—109; 1972б, с. 117—119; 1972г, с. 89—91; 1978к, с. 21, 29, 61 и др; 1981а). В результате были уточнены основные направления миграций населения разных групп к началу вхождения Сибири в состав Русского государства. Так, тюменские и тобольские татары имели тенденцию продвижения на Урал и даже в Приуралье, где они пытались освоить земли, занятые в основном мансийским населением. Тобольские татары во времена Кучума устраивали военные походы в северном направлении, заселяя территории по Иртышу, Демьянке и Конде. Продвигались они и на восток, доходили, видимо, и до берегов Оби, хотя далее Барабы инфильтрация в целом тоболо-иртышских татар носила нерегулярный характер. Что касается упомянутой Барабинской степи, то сюда, на земли барабинцев, понемногу продвигались тарские и в меньшей степени курдакско-саргатские татары. Другим направлением миграций этих групп татар и также барабинцев было северное, где они контактировали с васюганскими хантами и пытались превратить их в своих подданных. Барабинцы, кроме того, поселялись на землях тарских татар. Западная граница их владений во времена Кучума доходила до устья Оми (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 73, л. 6 об.). Эуштинские татары стремились освоить ближайшие районы обского бассейна, где проживали их кыштымы. Мы предполагаем также, что какая-то часть эуштинцев и их предков продвинулась в XVI в., а возможно и ранее, на земли тоболо-иртышских татар в район нынешнего г. Тобольска. Чулымские тюрки, осваивая районы При-

чулымья, имели тенденцию продвижения на земли селькупов в западном и северном направлениях.

Всех сибирских татар, так же как и большую часть хантов и манси Западной Сибири, Б.О. Долгих (1960, с. 15) считал населением, мало изменившим свое местоположение в период с XVII в. до настоящего времени. В данном случае он, безусловно, имел в виду географическую зону размещения различных групп этих этнических образований. Для XVI—XVII вв. сам Б.О. Долгих привел немало совпадений о перемещении тех или иных групп сибирских татар, об изменении расселения татар внутри групп, о появлении чересполосности в размещении татар, бухарцев, русских и т.д.

С приходом русских в Западную Сибирь произошло перемещение части тоболо-иртышских татар в восточные районы Западно-Сибирской равнины вплоть до бассейна Оби и далее в сторону Енисея. В первые десятилетия после появления здесь русских поселений потомки Кучума, исторически бесперспективно воевавшие за возвращение земель бывшего сибирского ханства, иногда после набегов уводили с собой в степи небольшие группы татар (в основном тюменских), которые при первой же возможности стремились вернуться обратно на свои земли (Буцинский, 1889, с. 8; Долгих, 1960, с. 41; Миллер, 1941, с. 12).

Тюменские татары в конце XVI—XVII вв. частично продвинулись вниз по Туре и Тавде и плотнее заселили бассейн Тобола. Часть их расселялась в южном направлении, где завершалось формирование ялutorовских татар. Изменения в расселении туринских татар в XVII в. были связаны прежде всего с продвижением татар Япанчина юрта по Туре в сторону собственно тюменских татар и бегством части коренного населения в Уфимский уезд в связи с набегам калмыков. По этой же причине часть верхотурских татар вместе с манси „отъехали в поле“, терсяки Верхотурского уезда в 1630 г. переселились в Тюменский уезд, а в 1640-е гг. часть верхоуфимских татар ушла, наоборот, в сторону Уфы (Долгих, 1960, с. 23—24). С 1660-х г. остатки верхотурских татар вносили ясак в Кунгурском уезде, оторвавшись от основной массы тюменских и туринских татар. Небольшой разрыв возник и в некогда сплошной этнической территории тюменских и туринских татар. В XVIII — начале XIX в. укрепилась стабильность населения, чему способствовали и указы „о переводе живущих в Сибирской губернии инородцев в другие места“ (Щеглов, 1883, с. 243—244). В начале XVIII в. сократилось количество татарских волостей в Туринском уезде, исчезли сведения о сибирских татарах Верхотурского уезда, а сам уезд в 1781 г. вошел в состав Пермского наместничества (Кабузан, Троицкий, 1962, с. 145; ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 118, л. 2—2 об.), был выделен Ялutorовский округ с причислением к нему татар Сингульской и Асланинской волостей, в конце XVIII в. к последним

переселилась группа татар из Терсяцкой волости Пермской губернии, тесно связанная с ялуторовцами (ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 118, л. 128 об., 137).

Тобольские татары после появления русских частично переместились в заболотный край к ясколбинцам, на север — в земли хантов и манси (Храмова, 1956, с. 475), на земли курдакско-саргатских татар вверх по Иртышу, где их застал еще Ермак (Сибирские летописи, с. 342), и в небольшом количестве — в южные степные районы (вместе с разбитым Кучумом), в Бухару, Ногайскую орду и Казахскую орду (Бахрушин, 1955г, с. 158; Синяев, 1951, с. 144—145, 148). Силы кучумовичей в XVII в. в основном состояли из башкир и калмыков (РИБ, т. II, с. 281—283; т. VIII, с. 672), в составе которых сибирских коренных татар немного, причем часть их вернулась на прежние места жительства. Небольшая группа тобольских татар оказалась в составе ялуторовских татар, а некоторые из них селились среди тюменских татар (подробнее см.: Томилов, 1981а). Правда, все эти перемещения почти не изменили самой этнической территории тобольских татар.

Существовавшее долгое время мнение, что тобольские татары составили основную массу ясколбинцев, материалами не подтвердилось. Это была единственная группа тоболо-иртышских татар, большей частью своей имевшая сплошную этническую территорию. Постепенно „затухли“ их миграции на территорию Пелымского округа. В XVIII — начале XIX в. ясколбинские татары активно расселялись на юг в юрты тюменских татар, где их сосредоточилось около 350 чел. (ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 1198—1209; д. 289, л. 249—255), а татары Кошукской волости во второй половине XVIII в. поселились в Эсколбинской волости.

В первые годы освоения русскими Прииртышья небольшая часть курдакско-саргатских и тарских татар оказалась в стане Кучума, а затем и его потомков — кучумовичей, кочевья которых находились по Ишиму, куда и татары Тарского округа ходили заниматься охотой и рыболовством (РИБ, т. II, с. 280; АИ, т. V, с. 521). Часть местных татар, приняв участие в восстании 1628—1629 гг., ушла в степи к кучумовичам и калмыкам (Волкова, 1965, с. 119, 121; Уманский, 1972в, с. 115—117). Но затем имела место резмиграция курдакско-саргатских и тарских татар, что к концу XVII в. нашло отражение в росте их численности в Тарском округе (Долгих, 1960, с. 50—51). К этому же времени часть курдакских татар оказалась расселенной гораздо ниже по Иртышу, за пределами саргатско-утузской группы на территории тобольских (иштыакско-токузских) татар. В конце XVII в. 4 из 12 деревень и в последней четверти XVIII в. 7 из 16 деревень (около 48 % всех жителей) Курдакской волости находились на территории между саргатскими и тобольскими татарами (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 4, д. 1182, л. 416—422; ГАТОТ,

ф. 154, оп. 8, д. 31, л. 990—1053). Саргатско-утузские татары в небольшом количестве (в 1795 г. их было 29 чел. — ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 138, л. 100—102) переселились в д. Себеляково Бухарской волости. Постепенно сокращалось татарское население по Ишиму, сосредоточиваясь лишь в его низовьях или переселяясь в иртышские селения.

Тарские татары имели выходы в степные районы, но в XVII в. с приходом калмыков южная граница их территории стала понемногу отодвигаться на север (РИБ, т. VIII, с. 433, 436, 547; Волкова, 1965, с. 116). Несмотря на отдельные моменты сотрудничества с калмыками, тарские татары постоянно боролись с ними за южные земли Западной Сибири (АИ, т. V, с. 529; РИБ, т. VIII, с. 543—547). В результате этой борьбы аялынды оставили бассейн р. Оми. Во второй половине XVIII в. русские вышли на реки Тартас и Тару и стали понемногу оттеснять татар с севера (Степанов, 1886, с. 19). Часть тарских татар селилась по-прежнему в Барабинской степи.

В свою очередь, в то же время (XVIII в.) несколько семей барабинских татар поселились на территории аялынды (Георги, 1799, с. 208) и стали числиться в Порушной волости Тарского округа (ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 139, л. 38). В целом, часть барабинцев вела еще в XVIII в. полукочевой образ жизни, возникали новые поселения, хотя в XVII в. существовали уже постоянные аулы (Бартольд, 1965, с. 366; Зиннер, 1961, с. 24; Оглобин, 1895, с. 91). Названия этих деревень образовывались от имени местного „правителя“ и поэтому часто менялись (Титова, 1978, с. 9). Стабилизировались они в конце XVIII—XIX вв. В конце XVI — начале XVII в. барабинцы были частично охвачены общим перемещением на восток и оказались в составе чатов, а возможно, чулымцев и хакасов (Бояршинова, 1950, с. 39; Костров, 1874, с. 38; Филимонов, 1892, с. 35; Щеглов, 1883, с. 54). Обские чаты — жители д. Юрт-Оры, по нашим данным, находились в контактах с барабинцами и позднее, вплоть до недавнего времени, а некоторые барабинцы поселялись в этой деревне. В XVIII в. тенденция миграций барабинских татар на север, заселенный хантами и селькупам, в основном прекратила свое действие, постепенно между ними возник территориальный разрыв, связанный также и с тем, что русские потеснили барабинцев в лесостепные районы (Бартольд, 1965, с. 366; Отчет Западно-Сибирского отдела..., 1886, с. 8; Филимонов, 1892, с. 4). Места поселений разных групп местных татар менялись также в связи с тем, что долгое время Бараба была беспокойным пограничным районом русских владений — здесь в разные периоды XVII—XVIII вв. действовали отряды кучумовичей, западных монголов, телеутов, а позднее казахов и уводили часть барабинцев (иногда целыми аулами), в том числе в плен (АИ, т. II, с. 2—4; ДАИ, т. IV, с. 187—188; т. VIII, с. 155—156; РИБ, т. VIII,

с. 400—409, 439—440; АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, д. 31, л. 129; Кочнев, 1933, л. 2; Потанин, 1867, с. 62; 1884а, с. 102; и др.). Такое положение прекратилось только с проведением оборонительных линий, в том числе „Колыванской линии, протянувшейся от Усть-Каменогорска до Кузнецка“ (Андреев, 1960, с. 168—169).

В Притомье несколько сократилась территория расселения эуштинцев, часть их земель заняли чаты. В то же время в XVII—XVIII вв. эуштинские татары продолжали расселяться в бассейне Оби среди обских татар и селькупов, выходцы из их групп оказались на Чулыме и в XVIII в. в поселениях калмаков и чатов (Емельянов, 1976, с. 97; 1978а, с. 74—75, 84; 1978б, с. 107; 1980, с. 50—56). В 1764 г. в связи с подушной переписью населения была выделена Еуштинская волость, в которую входили сначала юрты Горбунова, Тигильдеевы, Еуштинские и Кижирские, а с начала XIX в. только первые три селения (Беликов, 1898а, с. 113—114; Емельянов, 1976, с. 93; ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 39 об.).

Основные изменения в расселении чатов в XVII в. сводятся к переселению их после 1582 г. из Барабы в Среднее Приобье, после 1604 г. — к появлению их в районе Томска и переселению группы их в Притомье в 1630 г. и позднее. Таким образом, находясь в начале XVII в. в 10 днях пути от городка князя Тояна (РИБ, т. II, с. 159—160), чаты во второй четверти XVII в. заняли часть земель эуштинцев. Обские чаты частично оказались на землях телеутов, но в основном они стремились заселить земли по Оби севернее от них и оседали в районах проживания темерчинцев и других групп обских татар (подробнее см.: Томилов, 1981а).

Часть обских татар в XVII в. и отчасти в XVIII в. продвигалась на север. В XVIII—XIX вв. межа между селькупами и татарами проходила между юртами Амбарцевскими (селькупские) и Кайбасовыми (татарские), а население расположенных между ними деревень Тугулино и Козырбак имело смешанный этнический состав (Дульзон, 1956в, с. 307; Кастрен, 1860). Некоторые обские татары в разные периоды (в основном в XVII в.) уходили в другие округа, в частности в Нарымский, или, наоборот, откочевывали на юг „в колмаки“ и, возможно, в Барабинскую степь (Бояршинова, 1950, с. 70; Емельянов, 1976, с. 98, 100).

Постепенно в XVIII — начале XIX в. стабилизировалась этническая территория калмаков, поселившихся по соседству с томскими чатами и эуштинцами. Наиболее старинным из всех поселений калмаков считается д. Зимник, а „все остальные юрты, кроме Константиновых, — это разросшиеся заимки Зимника...“ (Материалы по исследованию крестьянского..., 1900, с. 107). До конца XVIII в. некоторые поселения их, в частности ю. Искитимские и Бабышевы, числились в Кузнецком округе (Беликов, 1898а, с. 113—114, 121). В 1805 г. в Томском уезде находилась Телеутская

волость, которая возникла, видимо, после ревизии населения 1763 г. В нее были включены ю. Константиновы и Искитимские, деревни Константинова, Усть-Искитимская, Бобошева, Шелаева, Саламатовы (ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 39 об.).

В результате изучения изменений в расселении сибирских татар видно, что в XVII в. возникли важные в этническом плане разрывы территории, с одной стороны тюменских, курдакско-саргатских и тарских татар, с другой — тюменских и туринских татар, а также с откочевкой чатов в Приобье — разрыв в этнической территории барабинцев и тюркских групп Среднего Приобья. Правда, Орская волость Колыванского округа, населенная чатами, соседствовала с западными землями барабинцев и, по отчету ясачной комиссии Западной Сибири 1833 г., рассматривалась вместе с барабинскими волостями в одном документе (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1051, л. 1—8). Единой была территория тобольских, тюменских и ясколбинских татар. Тобольские татары жили по соседству с курдакско-саргатскими, а те — с тарскими и барабинскими татарами. Последние две группы также имели общую пограничную зону. На востоке сплошной территорией оказались связаны калмаки, обские татары, чаты и зуштинцы, здесь же расселились отдельные выходцы и небольшие группы (особенно среди чатов) тоболо-иртышских и барабинских татар. Такое расселение разных групп сибирских татар, их размещение по отношению друг к другу, имевшее место в XVII—XVIII вв., фактически почти не менялось в XIX — начале XX в., за исключением отдельных случаев (уход барабинцев с южного и западного берегов оз. Чаны в XIX в., переселение их же из мест нынешнего Убинского района на запад в конце XIX — начале XX в. — Дмитриева, 1981, с. 7—8; и др.).

Другое дело, что в каждой группе наблюдались явления исчезновения или появления отдельных поселений, укрепления населенных пунктов. Так, в тоболо-иртышской группе татар в 1782, 1816, 1897 гг. в среднем, соответственно указанным годам, проживало: тюменских татар — 110, 160 и 247 человек, тобольских — 117, 125 и 203, ясколбинских — 49, 52 и 72, курдакско-саргатских — 112, 122 и 199, тарских татар — 120, 133 и 194 человека (цифры выведены по материалам 4-й и 7-й ревизий и первой всероссийской переписи населения. — ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 4, 26, 27, 31, 38, 289, 347, 347-1, 354, 997; Патканов, 1911). У барабинских татар среднее число жителей на каждый аул в 1625 г. было равно 41 чел., а в 1807 г. — лишь 64 чел. (Долгих, 1960, с. 53; ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 52—53 об.). В целом, более чем за 180 лет мы не видим здесь значительного укрупнения аулов, что было связано с сохранением в быту черт полукочевого образа жизни. Но в 1897 г. этот показатель и у барабинцев вырос до 112 чел, что было связано с исчезновением мелких населенных пунктов и стя-

гиванием татар в XIX в. в более крупные аулы (Миддендорф, 1871, с. 91; Шиле, 1879, с. 38). У эуштинцев в конце XVIII в. в Тояновом городке оставалось всего 4—5 дворов (ГАТО, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 62), зато в ю. Эуштинских в 1805 г. насчитывалось уже 92 жителя (ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 39 об.). Чатские поселения в XVIII в. по численности значительно не вырастали, а в ю. Тахтамышевских численность даже уменьшилась со 130 чел. в 1720 г. до 74 — в 1805 (ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 1-а, л. 240—259 об.). Но в XIX в. произошло значительное укрупнение почти всех населенных пунктов калмаков, чатов и эуштинцев — в 1897 г. среднее число жителей по этой группе томских татар по 17 поселениям составило 205 чел. на один населенный пункт.

С возникновением и развитием русских городов часть сибирских татар поселилась в них на постоянное местожительство. Так, в г. Тюмени на протяжении всего XVIII в. фиксируются новокрещенные татары (ЦГАДА, ф. 248, оп. 8, д. 4342, л. 461 об.; Голодников, 1882, с. 137; Громыко, 1965, с. 65), численность которых в 1816 г. составила 57 чел. обоего пола (ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 354, л. 1). Кроме того, в Тюмени в 1816 г. проживали 23 служилых татарина (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 155). В г. Туринске в 1835 г. числились 12 татар (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 71, л. 49). На месте Тобольска татары расселились еще до его построения (Миллер, 1937, с. 275). При постройке города в условиях естественной сегрегации возникла татарская слобода. Во время пожара 1658 г. в городе сгорело 260 татарских юрт (Тыжнов, 1898, с. 160). К концу XVII в. число татар в Тобольске сократилось (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 254, л. 2—8 об.), но в XVIII в. оно снова возросло (ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 481, л. 16, ч. 2; ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 295, л. 132 об.; ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 289, л. 313; Громыко, 1965, с. 69, 79) и в 1816 г. составили 23 ясачных обоего пола и 134 татарина (мужчин) татарской казачьей команды (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 155). В 1880-х гг. в Тобольске проживали 185 инородцев (Голодников, 1887, с. 29).

В г. Таре в XVII в. тарские татары почти не жили, в 1698 г. там были зафиксированы лишь 2 казанских татарина (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 4, д. 1182, л. 348—348 об.). Но в XVIII в. численность городских тарских татар постоянно росла, в последней четверти XVIII в. она составляла более 30 чел., а в 1816 г. — 72 чел. (ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 31, л. 988—999, 1126—1127; д. 354, л. 585—687, 850—915; ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 295, л. 132 об.; Громыко, 1965, с. 80). В начале 1860-х гг. в Таре количество проживавших татар и бухарцев составляло 261 (В.И., 1864, № 41).

В г. Томске татары первоначально жили вместе с бухарцами в основном обособленно на юрточной горе и в подгорной части. Постепенно русские их вытеснили в низменное Заисточье на берег

р. Томи, где образовалась татарская слобода (Гагемейстер, 1854, с. 140; Россия, 1907, с. 466; Трухин, 1948, с. 61). Общее количество местных татар в Томске в XVII—XVIII вв. оставалось небольшим: в 1627 г. — 120 чел., в 1734 г. — 93 (ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 481, ч. 4; Головачев, б/д, с. 166). В 1745 г. в городе числились 77 служилых татар, да 20 татар из г. Томска несли службу в Каинском форпосте Барабинской степи (Потанин, 1860, с. 223—229). В начале 1820-х гг. в Томской татарской команде числились 54 чел. (а вместе с женами и детьми женского пола около 100 чел.), которые жили непосредственно в городе (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 148 об. — 149, 156 об.; д. 546, л. 18). Вместе с казанскими татарами и бухарцами в 1820-х гг. они составляли примерно 1,6 % всего населения города (Малиновский, 1912, с. 8; Чавыкин, 1912, с. 13). Не исключено, что отдельные сибирские татары (в основном выходцы из Тобольской губернии) во второй половине XVIII—XIX вв. селились в г. Петропавловске, где проживали, кроме того, казанские татары, бухарцы и казахи (ЦГИА, ф. 1265, оп. 9, д. 226, л. 2—7; Словцов, 1881, с. 9).

К концу XIX в. общая численность сибирских татар в городах возросла и составила 653 чел., тем не менее в процентном соотношении они составляли явное меньшинство по сравнению с пришлыми поволжскими татарами (см. табл. 20). В городах они проживали также вместе с сибирскими бухарцами.

Судьбы сибирских татар во многом были связаны с разными группами и представителями других национальностей, расселившись на их территории. Так, в селениях и волостях тюменских татар издавна проживали сибирские бухарцы, поволжские татары, башкиры, в небольшом количестве — казахи, каракалпаки (ГАТЮТ, ф. 154, оп. 8, д. 26, л. 1—55; д. 27, л. 945—1189); Патканов, 1912, с. 103—114). Среди туринских татар жили манси. В Тобольском округе вместе с коренными татарами в ряде селений остановились бухарцы, поволжские татары, каракалпаки, казахи, башкиры, калмыки, ханты. Обращает на себя внимание тот факт, что в деревнях ясколбинцев почти не проживали бухарцы и поволжские татары. Среди курдакско-саргатских татар расселились бухарцы и, в основном с XIX в., казанские татары, в отдельные периоды здесь появлялись ханты (АИ, т. V, с. 521; ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 4, д. 1182, л. 398, 400, 413—413 об., 417 об., 422; ф. 199, оп. 2, д. 481, ч. 4, л. 2 об.—28). В первой половине XVII в. с тарскими и барабинскими татарами в соседстве находились подкочевавшие сюда телеуты, а также частично барын-табынские башкиры. Значительной группой, осевшей на территории тарских татар в XVI—XVIII вв., были бухарцы, позднее здесь поселились поволжские татары. В XVII — первой четверти XVIII в. среди барабинцев проживали калмыки (западные монголы), в том числе сборщики дани, оста-

жившие свои этнонимы в названиях некоторых аулов (Потанин, 1867, с. 64; РИБ, т. VIII, № 11, LXXX, Титова, 1967, с. 135; Филимонов, 1892, с. 38). Преимущественно в XIX в. по всем волостям барабинцев расселились поволжские татары, а в Барабинской, Туражской волостях и по соседству — казахи. Эуштинские татары жили в соседстве с чулымскими тюрками, селькупами и часто в достаточно сильном смешении с ними. В XVII—XVIII вв. в Притомье оседали бухарцы, в это же время и позднее, в XIX — начале XX в., — казанские татары и мишари (Бахрушин, 1959, с. 208; Миллер, 1941, с. 320; Фальк, 1824, с. 538). Значительное их количество расселилось по селениям калмаков, чатов и эуштинцев, хотя часто они были записаны в Бухарской и Казанско-татарской волостях г. Томска (ГАТО, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 2; ф. 321, оп. 1, д. 6, л. 2; ф. 321, оп. 1, д. 12, л. 2—6; Емельянов, 1976, с. 93). На территории обских татар на протяжении почти всего периода проживали селькупы и чулымские тюрки (Бояршинова, 1950, с. 41—42, 64; Емельянов, 1978а, с. 76—77, 79; Патканов, 1912, с. 150, 154—156, 159—160).

Наиболее существенные сдвиги в расселении всех групп сибирских татар были связаны с сельскохозяйственным освоением этого региона русскими. Прежде всего это привело к возникновению чересполосицы в размещении их селений и хозяйственных угодий (История Сибири, т. III, 1968, с. 82). В группах туринских и обских татар русские оседали на местожительство прямо в их деревнях. Обские татары селились и в русских деревнях (ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 36 об., 38—39). В других группах этого почти не наблюдалось, только к концу XIX в. в ряде татарских селений стала увеличиваться прослойка русских, наиболее значительной она была в селениях обских татар (табл. 5). Относительно много русских сосредоточивалось с XVIII в. в некоторых деревнях томских татар, этому способствовало и наличие в них прослойки крещеных татар (ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 39; Костров, 1872а, № 25). Позднее всего, лишь с середины XVIII в., русские появились в Барабе (Колесников, 1973, с. 259; Кузьмина, 1970, с. 187—188), но там скоро возникла чересполосица между их землями и землями барабинских татар. Русские потеснили татар в ряде районов — их стало меньше в бассейнах рек Ишима, Тавды, на севере и востоке Барабинской степи и в некоторых других местах. Хотя продажа и аренда земли татарского населения иногда запрещалась властями (Головачев, 1889, с. 88), перераспределение земель между татарами и русскими развивалось довольно быстро. Исключение составляли лишь ясколбинцы — русские селения встречались по соседству только около юрт со смешанным тюменско-ясколбинским татарским населением, т.е. на южной окраине, да около Эскалбинских юрт по Иртышу. Относительно сплошную территорию в конце XIX в. имели также

тобольские татары Надзинской волости (Патканов, 1911, с. 119). Но это были, действительно, только отдельные исключения, т.к. даже к концу XVII в. „...ясачные волости попали в окружение русских слобод“ (Шунков, 1946, с. 94). Кроме того, почти всюду значительно росла численность русских, и уже очень скоро она стала существенно преобладать над числом тюркоязычных жителей. Наплыв русских привел в ряде мест к сужению территории расселения сибирских татар и к увеличению территориальной разобщенности отдельных групп. Подробно все эти вопросы рассмотрены нами в специальной монографии (Томилов, 1981а).

Основные направления миграций чулымских тюрков сводились к переселениям части мелессов в волости кызыльцев, о чем свидетельствует выделение Игинской волости из Мелесской (1728 г.), отход в Ачинский уезд во второй половине XVIII — начале XIX в. волости Курчиковой, первой и второй половины, и Малой Аргунской (Емельянов, 1976, с. 93; Потапов, 1957, с. 170); к продвижению части чулымцев на север и запад — на земли селькупов и частично кетов (Бояршинова, 1950, с. 34, 41—42; Емельянов, 1976, с. 98; Синяев, 1936б), на территорию групп обских татар — провско-соргулинской, темерчинской и шегарской (особенно с конца XVII в. — ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 38 об., МЭЭ ТГУ, 1969, т. 363-4, л. 22; Емельянов, 1980, с. 67—72; Львова, 1977, с. 121; 1978, с. 13; и др.), а также на земли чатов и эуштинцев. Кроме того, в XVII в. енисейские киргизы, нападая на волости Причулымья, часто уводили с собой пленных и иногда в довольно большом количестве (Бахрушин, 1955в, с. 180; Беликов, 1898а, с. 71; ДАИ, т. 6, 1857, с. 317; Памятники Сибирской истории, 1882, с. 3, 21, 90; Потапов, 1957, с. 142—144, 148—149; Розов, 1956, с. 343; и др.). Видимо, небольшие подвижки населения чулымских волостей в восточном и юго-восточном направлениях были и в XVIII в., в 1703 г. после увода киргизов с Верхнего Енисея джунгарскими феодалами.

В целом, чулымские тюрки были расселены компактно. С XVIII в. наблюдается факт поселений их уже не только семьями, а и целыми селениями в несколько семей (Емельянов, 1980, с. 70—72; Фальк, 1824, с. 522), хотя они и были малочисленны. Правда, появились деревни с числом обитателей до 100 душ, а одна деревня во времена И. Г. Гмелина в 1730-х гг. насчитывала 240 душ (Ядринцев, 1891, с. 44). В 1897 г. средняя численность жителей в чулымско-тюркских деревнях составила 95 чел. на один населенный пункт.

Некоторые изменения в расселении чулымцев происходили под влиянием переселений на их территорию отдельных выходцев из кызыльцев, селькупов, а с начала XVIII в. (возможно, и раньше) — эуштинцев (Емельянов, 1978а, с. 75). Начиная с XVII в., на Чулыме стали возникать русские поселения — вначале в виде острогов и с XVIII в. — в виде деревень (Георги, 1799, с. 144—148; Потапов,

1973, с. 441). Это привело к тому, что часть чулымских тюрков постепенно переселилась в русские деревни Причулымья и частично Притомья и Приобья (Емельянов, 1980, с. 71—72; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 283, л. 4—4 об.). И все же следует отметить, что даже во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. большая часть тюрков проживала по нижнему и среднему Чулыму в своих селениях, изолированно от русских. В конце же XIX в., по данным переписи 1897 г., только в 3-х из 18-ти населенных пунктов чулымцев не были зафиксированы русские.

Некоторых вопросов расселения казахов мы уже коснулись в предыдущем разделе. Изменения в последующий период (XIX — начало XX в.) выразились здесь в том, что в Ишимском округе казахи поселялись в селениях пришлых поволжских татар (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 318, л. 1—3 об.), а в Тюменском и других уездах — среди сибирских татар. В свою очередь, грамотные сибирские и поволжские татары нередко становились муллами и учителями в кочующих группах сибирских казахов (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 216, л. 1—14). В XVIII в. в районах кочевания казахов возникли русские поселения, в первую очередь — казачьи, и казахи сами стали понемногу селиться в этих поселениях, сначала временно, а затем некоторые из них и постоянно, переходя в какое-либо сословие, а иногда и принимая христианскую веру (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 11, л. 1—6 об.; ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 295, л. 194 об.; Аполлова, 1976, с. 122—135, 156—157; Броневский, 1830, с. 177—178). Ограничение территории для кочевков, особенно начиная с XIX в., водворение казахов в казенные селения, закрепление их за землями, расселение среди быстрорастущего по численности русского населения в Курганском, Ишимском и Омском округах (ЦГАДА, ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 13—14; д. 319, л. 68—69; Аполлова, 1976, с. 248; Громыко, 1965, с. 104) приводили к переходу части их на оседлость (Кауфман, 1909, с. 84). Видимо, более массовое переселение казахов в районы Тобольской губернии началось со второго десятилетия XIX в. (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 319, л. 8 об.). В конце XIX в. большая часть казахов Тобольской губернии проживала в Ишимском и Тюкалинском округах (Алексеев, 1975, с. 36). Группа казахов освоила часть земель Каинского округа Томской губернии. Более компактно казахи расселились в Прииртышье, в районе нынешнего г. Омска, и южнее на землях, входивших в Омский уезд, с 1891 г. причисленный к Акмолинской области. Вопросы расселения казахов подробно изучены М.С. Мукановым (1974).

Данные о расселении сельских бухарцев в Сибири мы уже приводили выше. Отметим, что небольшими группами они продолжали жить в конце XIX — начале XX в. также в городах Таре, Тобольске, Томске, Туринске и Тюмени. Что касается поволжских

татар-переселенцев, то нами уже приводились сведения о широком расселении их среди разных групп сибирских татар (за исключением ясколбинцев). Кроме того, они проживали в округах — Ишимском, Курганском, Тюкалинском и в небольшом количестве — в Сургутском округе Тобольской губернии (Первая всеобщая перепись..., т. 78, 1905, с. XXXIII; Дунин-Горкавич, 1909, с. 6). Они также оказались расселенными чересполосно с русскими селениями, но в их деревнях русских почти не было. Значительная часть пришедших поволжско-приуральских татар осела в городах Западной Сибири (табл. 31).

Выявленные нами особенности расселения разных тюркоязычных групп и изменения в их расселении определили целый ряд направлений и особенностей развития этнических процессов в южной части Западно-Сибирской равнины.

Численность

Точных данных о численности всех сибирских татар периода Сибирского ханства нет. Известно, что после сибирского хана Едигера количество прибывших в Москву в 1555 г. „черных людей“ определяли в 30 700 человек. В грамоте Ивана IV об обложении их данью приводится округленная цифра — 40 тыс. человек (Будинский, 1889, с. 15; Преображенский, 1972, с. 45). В это число улусных людей наверняка входили группы манси и хантов, подвергшиеся в то время экспансии со стороны тоболо-иртышских татар. Герберштейн для первой четверти XVI в. определял численность тюменских татар, живших „в лесах“ по соседству с ногаями, до 10 тыс. человек (Замысловский, 1884, с. 511).

Подробные данные о численности тюркоязычных групп Западной Сибири для XVII в. привел в своей основной работе Б.О. Долгих. Нами эти цифры пересчитаны в соответствии с выделенными группами и внесены отдельные уточнения в связи с привлечением новых данных. Так, нами приведены уточненные сведения по служилым татарам, впервые введены почерпнутые из архивных источников цифры по захребетным и крещеным татарам, проведена корректировка цифр в соответствии с полученными нами новыми коэффициентами для перевода чисел, обозначавших ясачных и т.д. Не касаясь частных моментов количественной характеристики тюркоязычных групп по этапам (они рассмотрены нами в специальных работах — Томилов, 1972б; 1978к; 1981а), приведем лишь наиболее общие характеристики.

Большинство тюркских групп Западно-Сибирской равнины в численном отношении в исследуемый период выросло. Даже в беспокойном XVII в. демографические показатели не испытывали очень резких колебаний. Так, численность тюменско-туринских татар держалась на протяжении почти всего этого века где-то на

уровне свыше 4 тыс. чел. Относительно тюменских служилых татар удалось выяснить, что их численность не была столь стабильна, как это представлялось раньше (Долгих, 1960, с. 43). В целом уточнение сведений о численности тюменских татар конца XVII в. на основании изучения соотношения ясачных и служилых татар, с одной стороны, и неподатного населения — с другой (подробнее см.: Томилов, 1981а, с. 42—60), позволило определить численность тюменских татар в 3 865 чел., а всех тюменско-туринских татар — свыше 4,7 тыс. человек. В XVIII — первой четверти XIX в. в тюменско-туринской группе наблюдался быстрый рост численности ялutorовских татар, связанный с миграциями тобольских и тюменских татар в южные районы, и уменьшение числа туринских татар, явившееся результатом частичной ассимиляции их со стороны русских и манси.

В XVII в. численность тобольских татар выросла на 16,8% (а без учета ушедших в степь с Кучумом татар — на 27,8% и составила в 1700 г. 5 460 человек. Отсутствие роста бабасанских татар в XVIII в. связано и с их частичным смешением с тюменскими татарами, переселением некоторых семей бабасанских татар в деревни тюменских. Корректировка разных данных (Томилов, 1981а) приводит нас к выводу, что фактически численность всех тобольских татар на 1782 г. составила 8 175 человек. В целом, данные говорят об увеличении численности тобольских татар с начала XVIII в. по 1816 г. с 5,5 тыс. почти до 8,8 тыс. человек (Томилов, 1981а, с. 80—94). Среднегодовой прирост населения составил здесь 0,33% и оказался ниже, чем у тюменско-туринских татар (0,52%).

Несмотря на отдельные периоды уменьшения численности некоторых групп татар, и в целом, и у остальных тоболо-иртышских татар (ясколбинцев, курдакско-саргатских и тарских татар) она значительно возросла (Томилов, 1981а, с. 106—109, 127—134, 146—153). В конце XVI в. количество всех тоболо-иртышских татар составило 13 тыс. чел., в конце XVII в. — 14,4, в середине XVIII в. — около 17,5, а в 1816 г. — почти 24,5 тыс. чел. Рост численности татар данной группировки, включая и туринских, продолжался и дальше, достигнув в 1897 г. общей цифры — 37,6 тыс. чел. (табл. 1).

Сведения о численности тоболо-иртышских татар за 1834—1835 гг. почерпнуты по тюменским (включая ялutorовских), курдакско-саргатским и тарским татарам из сводных данных, хранящихся в ЦГИА, по ясколбинским и туринским татарам — из первичных документов 8-й ревизии населения, хранящихся в ГА-ТОТ. Данные о тобольских татарах не точные, так как первичные переписные ревизии 1834 г. сохранились не по всем волостям, а в сводных данных приводятся суммарные цифры по всем инородцам Тобольского округа, то есть включая хантов и манси. Но характер частично сохранившихся переписных материалов 1834 г. по отдель-

Таблица 1. Динамика численности групп тобольско-иртышских татар в XIX в., чел.

Татары	1834			1850			1858			1897		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
Тюменские	4832	4726	9558	5772	5079	10851	5258	4603	9861	6807	5911	12718
Тобольские	(5320)	(4480)	(9800)	5792	4885	10677	6086	5161	11247	7810	7295	15105
Ясколинские	864	699	1563	978	767	1745	965	777	1742	800	625	1425
Курдакско-саргатские				(2050)	(1981)	(4031)	2032	1929	3961	2398	2219	4617
Тарские	3851	3224	7075	1925	1568	3493	1811	1483	3294	1906	1628	3534
Итого	14867	13129	27996	16517	14280	30797	16152	13953	30105	19721	17678	37399
Туринские	97	102	199	105	114	219	(105)	(115)	(220)	113	136	249
Всего	14964	13241	28195	16622	14394	31016	16257	14068	30325	19834	17814	37648

Примечания. Рассчитано по: ШТА, ф. 1264, оп. 1, л. 71, л. 49; ГАТТОТ, ф. 154, оп. 8, л. 427, л. 1—32, 191—327; л. 442, л. 1—301, 343—355; л. 457, л. 1—132; л. 459, л. 1—109; л. 460, л. 1—72; л. 461, л. 1—38; л. 470, л. 1—79; л. 559, л. 1—154; л. 569, л. 1—143; л. 570, л. 1—221; л. 573; л. 1—197; л. 585, л. 2—246; л. 594, л. 1—138; л. 595, л. 1—42; л. 596, л. 1—39; л. 608, л. 622, л. 1—70; л. 642, л. 1—70; л. 645, л. 1—38; л. 646, л. 1—199; л. 649; л. 651, л. 1—90; л. 690, л. 1—80; л. 721, л. 1—131; л. 800, л. 1—148; л. 803, л. 1—217; л. 804, л. 1—185; л. 806, л. 1—331; л. 807, л. 1—35; л. 808, л. 1—229 об.; л. 809, л. 1—54; л. 810, л. 1—64; л. 815, л. 1—122; л. 833, л. 1—53; л. 824—826; л. 885, л. 1—187; л. 886, л. 1—38; л. 889, л. 1—107; л. 891, л. 1—103; л. 893, л. 1—195; л. 894, л. 1—40; л. 928, л. 1—159; л. 939, л. 1—122; Патканов, 1911, с. 2—3, 14—21, 70—74, 83, 103—106, 114—115. В скобках (шесть и далее) — данные условных подсчетов.

ным волостям (Надцинской, Истяцкой, Отдельно-Бабасанской, Уватской, волости оброчных чувальщиков. — ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 427, л. 1—85), в сравнении с материалами по этим волостям 7-й (1816 г.) ревизии населения (ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 347, л. 1—20, 138—177, 400—426, 464—817), несмотря на уменьшение числа татар в отдельных селениях, в целом говорит о стойкой тенденции роста численности тобольских татар. Поэтому нами по этой этнической группе выведены средние цифры, исходя из данных ревизий населения 1816 и 1850 гг.

Данные за 1850 г. почерпнуты из первичных переписных листов 9-й ревизии (ГАТОН). Из численности тобольских татар изъяты цифры по четырем юртам Карагайской волости (Кайнаульским, Саургатским, Тайлатским и Тебендинским), относящимся к курдакско-саргатским татарам, к численности которых эти цифры и добавлены. Кроме того, в материалах 9-й ревизии не сохранились сведения о Саргатской волости, поэтому для данной волости взяты цифры 10-й ревизии (1858 г.). При этом учитывалось то, что в самом общем виде изменения в численности татар этой группы, да и некоторых других, незначительны.

В данных 1858 г. также пересчитаны цифры по тобольским и курдакско-саргатским татарам, так как названные уже четыре селения курдакско-саргатских татар числились в Карагайской волости, основную часть которой из-за значительной межволостной смешанности населения в XIX в. составляли тобольские татары. При попытке использовать данные 10-й ревизии, отложившиеся в сводной „Перечневой ведомости Тобольской губернии“ (ЦГИА, ф. 571, оп. 6, д. 1024, л. 241—246), обнаружилась некоторая их неточность (по ялutorовским татарам, например, по сравнению с переписными материалами 10-й ревизии на 100 чел. завышена численность женщин; по тюменской группе завышенность цифр связана, видимо, с включением в их число количества пришедших поволжских татар и т.п.), а кроме того, невозможность выделить количество ясколбинцев из общей численности инородцев Тобольского округа и курдакско-саргатских и тарских татар из числа татар Тарского округа.

В данных 1897 г., подсчитанных С.К. Паткановым, в группу тюменских татар помимо татар Тюменского округа были включены коренные татары соседних южных Ишимского и Курганского округов (41 чел.), а в группу тобольских татар — коренные татары Березовского и Сургутского округов (23 чел.). Кроме того, татарское население юрт Нагорных, Саургатских, Тебендинских, Тайляцких, Кайнаульских и Лешаковских Тобольского уезда было отнесено к курдакско-саргатским татарам.

Сведений о численности барабинцев в момент присоединения их к Русскому государству у нас нет. Можно предполагать, что в

конце XVI в. они насчитывали 1,5—2 тыс. человек. „Уходы в степь“, грабительские набеги степных племен и уводы в плен местных жителей были в XVII в. частым явлением. В целом, какого-либо роста числа барабинцев в XVII в. не наблюдалось. В конце XVII в. численность их составила 745 человек (Томилов, 1981а, с. 173). Более точные данные о них русские получили после создания иртышской линии военных укреплений. Отсюда и причина резкого увеличения численности — с 1100 чел. в 1734 г. до 1875 чел. в 1741 г. (Томилов, 1981а, с. 176). Во второй половине XVIII в. — начале XIX в. их численность продолжала расти, достигнув 5 тыс. человек (Томилов, 1981а, с. 177—178), но далее, в XIX в., она почти не менялась и даже уменьшалась (табл. 2, 3). Причины этого лежат в ухудшении условий жизни барабинцев (в частности в связи с усилением эксплуатации, с крупными падежами скота и т.д.) и в распространении эпидемических заболеваний.

Б.О. Долгих пришел к выводу, что из 300 служилых татар, которые сначала были под руководством князя Тояна, на долю зуштинцев приходится 200 чел. (Долгих, 1960, с. 97). При применении коэффициента перевода 4 мы получаем общую цифру всех татар этой группы — 800 человек. После 1627 г. наблюдается значительное сокращение их числа, что связано с тревожным периодом конца 1620—1630 гг., насыщенным многочисленными на-

Таблица 2. Динамика численности барабинских татар во второй четверти — конце XIX в.

Годы	Количество душ мужского пола	Количество душ женского пола	Всего
1827	2479	(2331)	(4810)
1834	2591	2355	4876
1854	2547	2399	4946
1859	2241	2170	4411*
1865	2361	2274	4635
1883**	(2065)	(1725)	(3790)
1889	2330	2069	4399
1893	2280	2195	4475
1897	2275	2158	4433

Примечания. Рассчитано по: ГАТО, ф. 3, оп. 4, л. 29, л. 295—297 об.; ф. 234, оп. 1, л. 48, л. 16—17; л. 108, л. 4, 7, 17—18; л. 89, л. 147—266; ЦГИА, ф. 371, оп. 6, л. 1024, л. 93—106; ф. 1264, оп. 1, л. 283, л. 7 об.-8. Волости и населенные места, 1893 г., вып. 12; 1894б, с. 56—63; АИЭЛ, ф. К-V, оп. 1, л. 41, л. 8; Патканов, 1912, с. 57; 1911, с. 130—131, 256—259; 1884, с. 241—244.

* Данная цифра взята из „Перечневой ведомости Томской казенной палаты“ о числе душ по 10-й ревизии населения (ЦГИА, ф. 371, оп. 6, л. 1024, л. 93—106). Но в опубликованных материалах ревизии 1858—1859 гг. имеется цифра о 4454 душах барабинцев обоего пола (Список населенных мест по сведениям 1859 г., т. LX; Томская губерния, СПб., 1882, с. LXXXIV).

** В сведениях 1883 г. не содержалось данных о численности татар Каргалинской волости, поэтому были использованы цифры по 1889 г. и подсчитаны приблизительно.

Таблица 3. Динамика численности групп барабинских татар в XIX в., чел.

Татары	1834			1865			1889			1897		
	Муж- чины	Жен- щины	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего
Барабинско- турашские	1747	1646	3393	1689	1634	3323	1598	1389	2987	1636	1560	3196
Любейско- тунусские	559	502	1061	491	457	948	562	530	1092	449	451	900
Теренинско- хойские	215	207	422	181	183	364	170	150	320	151	132	283
Итого	2521	2355	4876	2361	2274	4635	2330	2069	4399	2236	2143	4379

Примечание. Рассчитано по: ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 29, л. 295—287 об.; ф. 234, оп. 1, д. 89, л. 147—266; Radloff, 1884, с. 241—244; Патканов, 1911, с. 256—259.

бегами, восстаниями, а также эпидемиями оспы 1630—1632 гг. (Долгих, 1960, с. 95), уходом части населения на Обь. В 1680 г. число их составило около 320 чел. (Томилов, 1981а, с. 199). В XVIII в. процесс сокращения численности эуштинцев продолжался, составив 160 чел. (Томилов, 1981а, с. 200), что находит объяснение в частичном слиянии их с чатами, калмаками, обскими татарами и русскими, но начиная с 1830-х гг. стал наблюдаться рост их числа (табл. 4).

Таблица 4. Динамика численности томских татар в XIX в., чел.

Группа татар	1805	1824	1834	1858—1859	1897
Эуштинцы:					
мужчины	80	84	138	145	133
женщины	79	(86)	117	(125)	157
Итого	159	(170)	255	(270)	290
Чаты:					
мужчины	366	341	395	481	458
женщины	340	(330)	349	(419)	541
Итого	706	(671)	744	(900)	999
Калмаки:					
мужчины	203	201*	191	(250)	330
женщины	226	196*	202	(250)	358
Итого	429	397*	393	(500)	688
Томские (оба пола):					
сельские	1294	1238	1392	(1670)	1977
коренные жители					
г. Томска		(90)	84	(100)	221
сельские и городские		1328	1476	(1770)	2198

Примечания. Рассчитано по: ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 29, л. 285—286 об.; ф. 144, оп. 1, л. 39—39 об.; ф. 321, оп. 1, д. 11, л. 1—24; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 283, л. 2 об.—3; Список населенных мест Томской губернии по сведениям 1859 г., 1868, с. 8—18; Патканов, 1911, с. 130; 155—159; 161; Емельянов, 1978а, с. 75—76.
* Данные о численности калмаков приведены по 1816 г.

Численность чатов на протяжении XVII в. не менялась и держалась на уровне 400 чел., к 1795 г. она возросла до 706 чел. (Томилов, 1981а, с. 214—215). В первой четверти XIX в. она несколько уменьшилась, но затем до конца XIX в. поднялась до 999 чел. (табл. 4).

Точных данных о числе калмаков, подкочевывавших ближе к Томску в 1660—1670-х гг., у нас нет. В 1745 г. в Томске служили 16 „выезжих белых калмыков“ (Потанин, 1860, с. 223). Впервые полные сведения о численности калмаков имеются в ведомости Томского округа о населении за 1805 г. (Томилов, 1981а, с. 245), тогда их было 429 чел., а в 1816 г. — 397 чел. (ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 11, л. 1—24). Небольшое уменьшение численности калмаков в первой четверти XIX в. и еще позже, видимо, имело место — по данным 1834 г., их было 393 чел. (ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 29, л. 286). Это могло явиться результатом слияния части калмаков-христиан с русскими. В целом же, если принять число калмаков в 1670-х гг. за 100—140 чел. (исходя из 20 „выезжих калмыков“ в 1674 г. при коэффициенте 5—7), то следует признать, что к 1805 г. их численность возросла в 3—4 раза. Она продолжала расти и в середине — второй половине XIX в. (табл. 4), достигнув в 1897 г. 688 человек. Общее количество татар Томского Приобья, консолидировавшихся в группу томских татар (т.е. эуштинцев, чатов и калмаков), составило в конце XIX в. около 2,2 тыс. человек.

В начале XVIII в. численность обских татар определена нами в 550 чел. (Томилов, 1981а, с. 234). По сравнению с началом XVII в. она увеличилась на 20%. Значительный рост обских татар с начала XVIII в. — до 846 чел. в 1751 г. (Томилов, 1981а, с. 234) — объясняется во многом переселением чулымцев на Обь и Томь и образованием здесь новой Обско-Тутальской волости. Почти в два раза возросло коренное тюркское население в период с 1751 по 1820 г. (1634 чел.). Последующее сокращение численности с 1820 по 1824 г. до 1288 чел. объясняется Н.Ф. Емельяновым (1978а, с. 77) тем, что часть населения не желала, согласно „Уставу об инородцах“ 1822 г., перейти в разряд крестьян и укрылась от учета. К концу XIX в. количество обских татар возросло почти до 3 тыс. (табл. 5).

В целом, все тюркские группы, относившиеся в рассматриваемый период к сибирским татарам, в конце XVII в. насчитывали около 16,5 тыс. чел., в конце XVIII в. — свыше 28,5 тыс. чел. и в конце XIX в. (по данным 1897 г.) — свыше 47 тыс. чел.

Из таблицы 6 видно, что на протяжении всего XVII в. имели место колебания численности чулымских тюрков, и в целом она сократилась за все столетие до 830 чел., т.е. примерно на 20%. К сожалению, по чулымским тюркам мы не имеем конкретных материалов для выведения уточненного коэффициента по XVII в. С

Таблица 5. Этнический состав населения волостей и отдельных населенных пунктов обских татар в 1897 г.

Волости и населенные пункты	Все на- селение	Коренные тюрки		Повол- жские татары	Русские	Сель- купы
	человек	%		человек		
Инородческие						
Темерчинская	222	198	89,2	—	24	—
М. Шегарская	1396	1237	88,6	8	151	—
Б. Шегарская	126	95	75,4	1	30	—
Б. Провская						
ю. Кожакские	85	3	3,5	—	2	80
ю. Казырбацкие	161	38	23,6	1	17	105
ю. Анкенчевы	34	2	5,9	—	26	6
М. Провская						
ю. Тугулинские	219	56	25,6	—	20	143
Соргулинская	231	185	80,1	—	42	4
Обско-Тутальская	594	564	94,9	—	29	1
Б. Байгульская Обская						
ю. Тызырачево	161	137	85,1	—	24	—
М. Крюковская						
д. Красноярская	251	211	84,1	—	40	—
ю. Черномысские	179	124	69,3	1	54	—
Итого	3659	2850	77,9	11	459	339
Русские						
с. Богородское	968	59	6,1	—	909	—
д. Б. Брагина	315	33	10,5	—	282	—
д. Рыбалова	203	20	9,9	—	183	—
д. Батурина	768	20	2,6	65	683	—
Итого	2254	132	5,9	65	2057	—
Всего	5913	2982	50,4	76	2516	339

Примечание. Рассчитано по: Патканов, 1911, с. 143, 148, 150, 154—156, 159—161, 163—165.

определенной долей условности можно, на наш взгляд, использовать выведенный Н.Ф. Емельяновым (1976, с. 100) коэффициент 10 не только для XVIII в. (до 3-й ревизии населения), но в данном случае и для последней четверти XVII в. Из учета ясачных плательщиков XVII — первой четверти XVIII в. получается, что число их постепенно сокращалось. Так, если в 1623 г. в 9 чулымских (включая и одну Байгульскую волость) и мелесских волостях насчитывалось 175 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 100), то в 1718 г. в этих волостях (с учетом выделившейся в последней четверти XVII в. еще одной Байгульской волости) их было всего 70 (Кузнецов-Красноярский, 1893, с. 103—113).

Имело ли в действительности место уменьшение численности чулымских тюрков в это время? Возможно, что так оно и было в XVII в., поскольку этот период в Причулымье был насыщен воен-

ными событиями, связанными в первую очередь с разорительными набегами енисейских киргизов и уводом ими части чулымцев в степи. Ярким свидетельством уменьшения численности чулымцев из-за этих походов служат, например, данные 1641—1642 гг., когда в плен были взяты многие плательщики ясака Корюковской и Байгульской волостей, а 6 ясачных Кизылдеевой, Аргунской и Каргачинской волостей были вообще убиты киргизами. Кроме того, к уменьшению численности привели и эпидемии, разразившиеся в 1630—1632 и 1664 гг., имевшие особенно губительные последствия в Мелесских волостях (Долгих, 1960, с. 97). В то же время следует учесть то обстоятельство, что в XVII в. происходила, видимо, концентрация населения вокруг отдельных плательщиков ясака и поэтому, как показали исследования Б.О. Долгих (1960, с. 98) и Н.Ф. Емельянова (1976, с. 100; 1980б, с. 162—164), численность плательщиков ясака в Томском уезде была значительно уменьшена.

Исходя из таких оценок в корреляции коэффициента для определения общей численности чулымско-тюркского населения от числа ясачных и учитывая имеющиеся данные, мы все же принимаем следующие коэффициенты весьма условно: для первой половины XVII в. — 6, для третьей четверти XVII в. — 8, для 1860-х гг. — 10 и для 1690-х гг. — 12.

В первой половине XVIII в. с прекращением набегов енисейских киргизов обстановка в Причулымье стабилизировалась, и численность тюрков стала быстро расти. В таблице 7 данные по Корюковской и Курчиковой волостям для 1720 г. выведены условно, исходя из принятого нами для конца XVII — начала XVIII в. коэффициента пересчета ясачных — 12. По среднечулымским тюркам, за неимением каких-либо данных за 1720 г., была взята условная цифра по их численности в 1699 г. (см. табл. 6). Заметим также, что данные о числе ясачных взяты нами на основании сведений 1718 г., но, как видно из приведенных Н.Ф. Емельяновым цифр о численности ясачных некоторых волостей в 1720 г. (1980б, с. 162—164), они полностью совпадают. Следует заметить, что и в предыдущий период, начиная с 1706 г., эти показатели не менялись (Кузнецов-Красноярский, 1893, с. 1—113), что явно свидетельствует о слабом учете взрослого мужского населения в то время. На наш взгляд, неполнота учета сохранилась здесь и позднее. Поэтому численность чулымских тюрков в 1734 г. была, видимо, больше, чем 1520 чел. (табл. 7), и достигала не менее 2 тыс. человек.

Для второй половины XVIII — первой четверти XIX в. в таблице 8 приводятся общие данные, сведений по отдельным волостям не имеется. И. Г. Георги (1799, с. 144) опубликовал в своей работе данные 1766 г. о размере оклада на 14 чулымских волостей за 2549 луков, то есть за 2549 душ муж. пола. Исходя из них, общая

Таблица 6. Динамика численности чулымских тюроков в XVII в., чел.

Группа тюроков и волость	1623		1629		1632		1641		1661		1681		1691, 1699	
	Ясач- ные	Все насе- ление	Ясач- ные	Все насе- ление	Ясач- ные	Все насе- ление	Ясач- ные	Все насе- ление	Ясач- ные	Все насе- ление	Ясач- ные	Все насе- ление	Ясач- ные	Все насе- ление
Нижнечулымские тюрки														
Б. Байгульская	7		6		6		7		10		11		5	
М. Байгульская													3	
Каргачина	29		20		20		15		19		11		9	
Кизылдеева	7		7		7		8		5		7		5	
Аргунская	12		8		8		7		6		5		4	
Ячинская	10		10		9		5		9		8		6	
Корюковская	10		9		10		11		11		5		4	
Курчикова	9		9		9		8		9		4		4	
Итого	84	(500)	69	(410)	69	(410)	61	(370)	69	(550)	51	(510)	40	(480)
Среднечулымские тюрки														
Мелеская Кошенбайкова	50		48		48		37		32		20		18	
Мелеская Туталова	40		44		32		29		15		13		11	
Итого	90	(540)	92	(550)	80	(480)	66	(390)	47	(370)	33	(330)	29	(350)
Всего	174	(1040)	161	(960)	149	(890)	127	(760)	116	(920)	84	(840)	69	(830)

Примечание. Рассчитано по: Долгих, 1960, с. 96.

Таблица 7. Численность чулымских тюрок в 1720, 1734 гг., чел.

Группа тюрок и волость	1720			1734	
	Ясачные	Юрты, семьи	Все население	Души мужского пола	Все население
Нижнечулымские тюрки					
Б. Байгульская	3	22	278	83	
М. Байгульская	3	11	99	16	
Каргачина	11	19	259	116	
Кизылдеева	5	18	283	97	
Аргунская	4	7	101	62	
Ячинская	6	10	54	39	
Корюковская	4	—	(50)	46	
Курчикова	4	—	(50)	43	
Итого	40	(100)	(1170)	(502)	(1000)
Среднечулымские тюрки					
Мелесская	18	—	—	154	—
Туталова	12	—	—	104	—
Итого	30	—	(350)	258	(520)
Всего	70	—	(1520)	760	(1520)

Примечание. Рассчитано по: ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 1а, л. 69—108, 147—153 об.; Кузнецов-Красноярский, 1893, с. 103—113; Потапов, 1937, с. 169—170.

численность ясачного населения (включая и те волости, жители которых войдут позднее в состав хакасов) может быть определена в 5 тыс. человек. А.П. Дульзоном (1952, с. 85) для 1764 г. выведена цифра 3500 душ муж. пола, учтенных по всем чулымским волостям, включая и волости по притокам Чулыма. Таким образом, общая численность всего нерусского населения чулымского бассейна составляла тогда около 7 тыс. человек. Среди них собственно чулымских тюрок насчитывалось немногим более половины этого населения. Из таблицы 8 видно, что их численность продолжала увеличиваться вплоть до конца взятого нами периода и по сравнению

Таблица 8. Динамика численности чулымских тюрок во второй половине XVIII—XIX вв., чел.

Годы	Нижнечулымские		Среднечулымские		Все чулымские тюрки	
	души мужского пола	все население	души мужского пола	все население	души мужского пола	все население
1751	—	—	—	—	1779	3500
1764	—	—	—	—	1827	3600
1805	—	—	—	—	1644	3200
1816	1513	(3000)	456	(900)	1969	3900
1820	—	—	—	—	2040	4050
1897	1062	2135	1299	2690	2361	4825

Примечание. Рассчитано по: Емельянов, 1980а, с. 67—76; Костров, 1872а, № 3; Кабузан, Троицкий, 1973, с. 276; Патканов, 1911, с. 143—147, 161, 302—303, 330—331.

Таблица 9. Этнический состав населения волостей чулымских тюрков в 1897 г.

Группа тюрков и волость	Всего	Чулымцы		Русские	
	чел.	чел.	%	чел.	%
Нижнечулымские тюрки					
Б. Байгульская	—	—	—	—	—
Чулымская	242	180	74,7	62	25,6
М. Байгульская	—	—	—	—	—
Чулымская	233	138	59,2	95	40,8
Б. Каргачинская	470	389	82,8	81	17,2
Б. Аргунская	241	203	84,2	38	15,8
Ячинская	414	401	96,8	13	3,2
М. Каргачинская	26	25	96,2	1	3,8
Кизылдеевская (1 половина)	35	22	62,9	13	37,1
Кизылдеевская (2 половина)	236	220	93,2	16	6,8
Корюкова	187	168	89,8	19	10,2
Курчуковская	428	389	90,9	39	9,1
Итого	2512	2135	85,0	377	15,0
Среднечулымские тюрки					
Тутальско-Чулымская	1367	1319	96,5	48	3,5
Мелеская	1550	1371	88,4	179	11,6
Итого	2917	2690	92,2	227	7,8
Всего	5429	4825	88,9	604	11,1

Примечание. Рассчитано по: Патканов, 1911, с. 143, 147, 161, 302—303, 330—331. (Из подсчетов исключены несколько человек других национальностей.)

с 1734 г. возросла в 1820 г. в два раза, а в 1897 — еще на 20% (табл. 8, 9).

К сожалению, по раннему периоду заселения южных районов Западно-Сибирской равнины казахами полных сведений мы не имеем. Отдельные данные по статистике жителей Степного края приводит в своей работе М.С. Муканов (1974, с. 79—81). В 1808 г. на Омской дистанции Сибирской линии насчитывалось 225 постоянно проживающих казахов (113 муж. и 112 жен. — ГАОО, ф. 2, оп. 2, оп. 1, д. 183, л. 5).

Таблица 10. Численность казахов Тобольской губернии в 1816 г., чел.

Округ	Мужчины	Женщины	Все население
Курганский	50	32	82
Ишимский	318	234	552
Омский	124	111	235
Итого	492	377	869

Примечание. Рассчитано по: ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 13—14.

Не намного увеличилась эта цифра в 1816 г., она составила тогда 235 чел (табл. 10). В целом, по данным 7-й ревизии населения 1816 г., во всей Тобольской губернии было зафиксировано 869 казахов. Исходя из приведенных выше данных о расселении части ка

казахов в поселениях сибирских татар в Тобольском, Тюменском, Тарском и Ялуторовском округах в последней четверти XVIII в., можно предполагать, что казахи по-прежнему частично проживали в названных округах и в первой четверти XIX в., хотя материалами 7-й ревизии (ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 347, д. 347-1, 354, 357) они не были отмечены (возможно, оказались в составе разных сословий). Далее следует также учесть, что в приведенных сведениях 1816 г. учтены, видимо, только осевшие в этих округах на постоянное жительство казахи. Какая-то часть кочевых казахов по-прежнему периодически переходила границы сибирских губерний и устраивала там свои кочевья (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 319, л. 8 об., 28).

После 1816 г. вплоть до конца первой четверти XIX в. наблюдался значительный рост числа казахов, поселившихся на сибирских землях. Так, в одном из документов Омского архива „О доставлении сведений о торговых азиатцах“, датированном 1824 г., сообщается, что где-то ко времени 7-й ревизии населения (1816 г.) 317 душ из числа киргизов (т.е. казахов) вышли в Томскую губернию, а затем при образовании Омской области поступили в ее ведомство (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 377, л. 12—12 об., 21 об.—22, 85). Скорее всего речь здесь идет о казахах, расселившихся между Усть-Каменогорском и Бийском. В 1823 г. в Омском округе насчитывалось 408 казахских юрт, в которых проживали уже 1622 чел. (892 муж. и 730 жен. — ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 305, л. 34 об., 95 об.). В таблице 11 приведены данные о том, из каких волостей происходят казахи этого округа.

Кроме того, из „Дела о приведении в известность киргизов, кочующих на внутренней стороне линии (1823—1824 гг.)“, из которого и почерпнуты сведения, видно, что 294 казаха (160 муж. и 134 жен.) относились к „прежним верноподданным“, то есть, видимо, учтенным еще раньше, а соответственно 1328 казахов (732 муж. и 596 жен.) являлись „бродящими кочевниками по обе стороны линии“ (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 305, л. 92 об.—95 об.). В этом же деле имеются данные о расселении казахов Омского округа „при разных страницах“. Мы приводим их в таблице 12, не меняя порядок размещения их в документе.

В целом, они свидетельствуют о значительном увеличении плотности казахского населения в южных районах Западно-Сибирской равнины. В 1897 г. здесь насчитывалось уже свыше 50 тыс. казахов (табл. 13).

Полных данных о численности сибирских бухарцев XVII в. и большинства групп первой половины XVIII в. в нашем распоряжении не оказалось. Сведения о тюменских бухарцах весьма отрывочны. Так, в конце XVII в. в юртах Каскариных числилось 14 бухарцев (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 445, л. 8—14). Известно, что в 1686—

Таблица 11. Численность казахов Омского округа
в 1823 г., чел.

Волость	Мужчины	Женщины	Все население
Суюндук-Кара-Атагаевская	64	37	101
Уваковская	7	5	12
Янай Караульная	5	4	9
Атагаевская	85	71	156
Караульная	129	108	237
Киреевская	200	173	373
Кипчатская	72	62	134
Канджигалинская	138	113	251
Сагал-Кипчатская	12	13	25
Косганская	18	8	26
Мадияр-Кипчатская	7	4	11
Жолоба Кипчатская	2	1	3
Айты Караульская	10	6	16
Ромадановская	3	2	5
Жавар Караульная	16	10	26
Салиик Караульная	2	1	3
Мультук Караульная	3	5	8
Рай-Караульная	30	22	52
Саринская	11	8	19
Салпых Караульная	6	6	12
Уватская	6	9	15
Декава Караульная	7	8	15
Крыл Мултучская	13	12	25
Исенбакты-Киреевская	15	18	33
Басентийская	2	2	4
Барак Чебаковская	3	3	6
Туртугульская	8	9	17
Кокальская	4	1	5
Кулутаевская	14	9	23
Итого	892	730	1622

Примечание. Рассчитано по: ГАОО, ф. 3, оп 1, д. 305, л. 92 об.—
95 об.

1687 гг. в юртах Казаровых, Енбаевских, Тураевских, Каскари-
ских, Кобенятковых и Акиярских числилось 29 пашенных бухарцев,
видимо, глав хозяйств. В этих же населенных пунктах и юртах
Осиновых, Салаирских, Шакчинских описанием 1701 г. приведены
сведения о 49 бухарских хозяйствах (Шунков, 1956, с. 53).

В 1631 г. в Тобольске бухарцев насчитывалось 59 чел.,
1636 — 44 (Бахрушин, 1959, с. 208). Б.О. Долгих (1960, с. 58)
приводил для 1686 г. цифру бухарцев Тобольского округа, равную
цифре 1636 г., то есть тоже 44 чел. Для конца XVII в. имеются

Таблица 12. Размещение и численность казахских юрт в Омском округе, по данным 1824 г.

Местонахождение	Количество юрт	Местонахождение	Количество юрт
При редуте Медвежьем	31	При редуте Мельничном	4
ред. Ганькине	4	ред. Степном	15
д. Зароской	8	вол. Кулаченской	8
д. Барской	3	д. Вариной	2
Итого	46	Итого	29
При крепости Лебяжьей	14	При г. Омске	22
ред. Чистом	9	форпосте Ачаирском	26
д. Лебяжьей	9	ред. Усть-Заостровском	6
Итого	32	д. Новой	12
При редуте Лосев	24	Итого	44
д. Лукерьиной	5	При ред. Изылбашевском	25
ред. Село Озерном	20	ред. Соляном	6
Итого	49	ред. Покровском	3
При крепости Николаевской	64	Итого	34
д. Лузиной	8	При ред. Елисаветском	4
д. Худорошной	6	фор. Черлакском	35
Итого	78	ред. Атмасском	18
При крепости Покровской	2	Итого	57
ред. Курганском	4		
д. Воровской	4		
д. Орловой	7	Всего	408
Итого	17		

Примечание. Рассчитано по: ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 305, л. 14—34 об.

данные о 62-х хозяйствах тобольских бухарцев, расположенных по Иртышу (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 254, л. 1—8 об.). Данные переписной подворной книги захребетных татар, относящиеся примерно к концу XVII — началу XVIII в., позволили определить численность тобольских юртовских бухарцев в 181 чел., в том числе 99 мужчин и 82 женщины (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 445, л. 1—62 об.; д. 525, л. 1—63 об.). Но и эти данные, видимо, неполные, так как сама книга не сохранилась полностью, в ней содержатся сведения о 43-х бухарских хозяйствах. Кроме того, есть смысл предполагать, что дворовые юртовских бухарцев чаще всего были также выходцами из Средней Азии или их потомками; в бухарских хозяйствах в названной книге их было зафиксировано 43 человека. Общая численность тобольских бухарцев и их дворовых, расселенных преимущественно в бассейне Тобола, в конце XVII в. составляла не менее 224 человек. Суммируя число бухарских хозяйств по Иртышу (62) и Тоболу (43), мы получаем для конца XVII — начала XVIII в.

Таблица 13. Численность казахов
в Западно-Сибирской равнине в 1897 г., чел.

Губерния, область, округ	Мужчины	Женщины	Все население
Тобольская губерния			
Тобольский	5	—	5
Ишимский	725	678	1403
Курганский	168	106	274
Тарский	170	164	334
Тюкалинский	2825	2375	5200
Тюменский	30	—	30
Ялуторовский	32	19	51
Итого	3955	3342	7297
Томская губерния			
Томский	78	37	115
Маринский	1	—	1
Каинский	2478	2009	4487
Итого	2557	2046	4603
Акмолинская область			
Омский	20040	18144	38184
Всего	26552	23532	50094

Примечание. Рассчитано по: Патканов, 1911, с. 2—3, 130—131; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1904, с. 101—103; Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв., 1980, с. 22.

общую цифру в 105 хозяйств (дворов) бухарцев тобольской группы (табл. 14).

Данные о численности тарских бухарцев имеются, начиная с 1620-х гг. В 1624 г. в трех юртах Тарского уезда их насчитывалось 21 человек (Оглобин, ч. 1—2, 1985, с. 297—298). В 1672 г. в пределах Аялынской волости находилось 53 бухарских двора (Долгих, 1960, с. 53), в которых проживали более 200 человек. В начале XVIII в., по данным 1701 г., в г. Таре и юртах Шиховых, Сеитовых,

Байтугановых, Аиткуловых, Иткучумовых, Кыргаских числилось 84 бухарских хозяйства (Шунков, 1956, с. 52), или примерно 330—350 человек.

Наиболее многочисленной была томская группа бухарцев. В 1646 г., по данным крестовой родной книги, при присяге в Томске коран целовали 13 бу-

Таблица 14. Численность
сибирских бухарцев
в конце XVII — начале XVIII в.

Бухарцы	Всего дворов	Все население
Тюменские	49	210
Тобольские	105	480
Тарские	84	350
Томские	(22)	(110)
Итого	260	1150

Т а б л и ц а 13. Динамика численности сибирских бухарцев во второй половине XVIII — первой четверти XIX в., чел.

Бухарцы	1763		1782		1793		1811		1816*	
	Мужчины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
Тюменские (включая ишимскую подгруппу)	567**	(1080)	815	732	1547	843	(1600)	1083	1017	2100
Тобольские	915	(1600)	1082	806	1888	1176	(2080)	1411	1237	2648
Тарские	669	(1300)	639	604	1243	741	(1440)	938	747	1685
Томские	98	(180)	78	(72)	(150)	81	(150)	131	111	242
Итого	2249	(4160)	2614	2214	4828	2841	(5270)	3563	3112	6675

Примечания. Рассчитано по: ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 3281, л. 37—42; ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, л. 4, л. 976—1246; д. 36, л. 1—55; д. 27, л. 945—1189; д. 31, л. 954—1189; д. 289, л. 289—313; д. 997, л. 1199—126266; ЦГИА, ф. 571, оп. 9, л. 12, л. 110—115; л. 18, л. 103—103об.; ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 13—14; ф. 1341, оп. 1, л. 189, л. 50; д. 295, л. 133 об., 147 об.; Абрамов, 1853, с. 28—29; Потанин, 1868, с. 71—72.

* Данные по 1816 г. помимо бухарцев и таджиков включаются также и календиков.

** Относительно тюменских бухарцев И. Фальзон (1824, с. 347) приведен цифра 602 чел.

харцев (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 204, л. 49—48). Общая их численность в середине XVII в. достигала 50 человек. Каких-либо иных данных о количестве томских бухарцев по XVII — первой половине XVIII в. мы пока не имеем. Известно, что в середине XVIII в. они образовали отдельную Бухарскую волость (Емельянов, 1976, с. 104). Количество бухарцев в томской группе на конец XVII — начало XVIII в. определено условно, исходя из данных 1646 г. (50 чел.) и 1763 г. (около 200 чел.). Полученную общую цифру — 1150 сибирских бухарцев — следует считать неточной, так как для ее выведения были использованы и неполные данные, в частности по тобольской и тюменской группам.

Материалы 3-й ревизии населения показывают нам значительное увеличение численности сибирских бухарцев. В 1763 г. их общее число в Западной Сибири составило около 4 160 чел. (табл. 15), что было в 3,6 раза больше по сравнению с концом XVII в. (табл. 14). Такой рост за 60 с небольшим лет связан не столько с естественным приростом населения, сколько с усилением процесса миграций населения из Средней Азии в Сибирь. Цифры свидетельствуют,

что XVIII в. (особенно его первые три четверти) можно считать кульминационным периодом в развитии этих миграций и оседания бухарцев на сибирских землях на постоянное местожительство. Этот период связан со многими социально-экономическими и политическими факторами, в первую очередь, с новым притоком кочевников в Среднюю Азию, упадком земледельческого хозяйства в Бухарском ханстве, усилением междоусобных войн в целом в среднеазиатских ханствах (Всемирная история, т. V, с. 253), с одной стороны, и с укреплением южных границ сибирских земель Русского государства, сохранением торговых и податных льгот для сибирских бухарцев — с другой.

К 1816 г. общая численность сибирских бухарцев увеличилась по сравнению с 1763 г. на 60% и достигла 6 675 чел., среднегодовой прирост населения составил 1,1%. Известно, что миграции среднеазиатского населения в Сибирь в этот период продолжались, но не были уже столь значительны, как в предшествующее время. Об этом свидетельствует и сильное снижение показателя прироста населения: в конце XVII в. — начале 1760-х гг. в среднем он ежегодно составлял 4,1%.

Данные табл. 15 за 1763, 1795, 1811 и 1816 гг. взяты в основном из сводных ведомостей. Численность тюменских, тобольских и тарских бухарцев в 1782 г. была подсчитана нами в полном объеме по первичным переписным книгам 4-й ревизии населения, хранящимся в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области. При этом благодаря указаниям на этническую и социальную принадлежность женщин удалось выверить и в значительной части скорректировать численность женщин бухарского происхождения. В целом, данные первичных переписных книг за 1782 г. оказались несколько иными, чем приведенные в сводных ведомостях. Так, по сводной ведомости, поступившей в 1-й департамент Правительствующего сената, общая численность тюменских, тобольских и тарских бухарцев-мужчин составила 2613 чел. (ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 295, л. 147 об.), а по первичным переписным листам — 2536 чел.

Таблица 16. Расселение и численность жителей Бухарской волости Томского округа в 1816 г., чел.

Населенные пункты	Мужчины	Женщины	Все население
г. Томск	38	43	81
ю. Калтайские	5	4	9
ю. Черноречинские	20	11	31
ю. Константиновские	5	—	5
Итого	68	58	126

Примечание. Рассчитано по: ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 12, л. 1—7.

Таблица 17. Динамика численности сибирских бухарцев в 30-х гг. — конце XIX в., чел.

Бухарцы	1834			1850			1859			1897		
	Муж- чины	Женщи- ны	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего
Тюменские	1308	(1240)	(2548)	1487	1368	2855	1664	1483	3147	1593	1819	3412
Тобольские	1619	1537	3156	1748	1524	3272	1812	1610	3422	1678	1702	3380
Тарские	1304	1120	2424	1587	1487	3074	1731	1608	3339	2248	2267	4515
Томские	129	138	267	127	(120)	(247)	165	142	307	105	105	210
Итого	4360	4035	8395	4949	4499	9448	5372	4843	10215	5624	5893	11517

Примечание. Рассчитано по: ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1505, л. 1, 50, 206 об.; ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 28, л. 245, 287; ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 427, л. 1—153; д. 454, л. 1—129; д. 561, л. 1—260; д. 609, л. 1—142; д. 638, л. 1—215; д. 690, л. 1—80; д. 721, л. 1—131; д. 820, л. 1—61; д. 877, л. 1—222; д. 928, л. 1—159; д. 997, л. 111—146; ЦГИА, ф. 571, оп. 9, д. 49, л. 284 об.; с. 6, д. 1024, л. 93—106, 211—246; Патканов, 1911, с. 130—131.

В XIX в. массовые переселения бухарцев из Средней Азии в Сибирь прекратились, что сразу нашло отражение в более медленном темпе прироста сибирских бухарцев. В конце XIX в. они насчитывали 11,5 тыс. человек (табл. 17).

Численность поволжских и приуральских татар-переселенцев в Западной Сибири вплоть до 1860-х гг. росла медленно и была в целом незначительной (табл. 18).

При выведении цифр по 1763 г. использованы данные 3-й ревизии населения о казанских татарах Тюменского округа и об оброчных чувальщиках Тобольской губернии (ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 295, л. 92—92 об.). Эти сведения, на наш взгляд, неполные. Мы предполагаем, что количество пришедших татар в тоболо-иртышской группе составляло в начале 1760-х гг. где-то около 250 человек или лишь немногим больше. По томской группе казанских татар для

Таблица 18. Динамика численности поволжских и приуральских татар в тоболо-иртышском и томском регионах во второй половине XVIII—XIX вв., чел.

Округ	1763	1782	1816	1834	1858	1897
Тарский, Тобольский, Туринский, Тюменский и Ялуторовский	(250)	(340)	(400)	(500)	(600)	6197
Томский	(90)	(100)	(107)	93	(100)	3542
Итого	340	440	507	593	700	9769

Примечание. Рассчитано по: ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 29, л. 286; ф. 321, оп. 1, д. 10, л. 5—13; ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 427, л. 1—57; д. 804, л. 1—185; д. 790, л. 2—3; д. 886, л. 1—38; д. 893, л. 1—137; д. 891, л. 90—101; д. 928, л. 1—159; ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 4342, л. 466 об.; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, л. 4, л. 56; ф. 1341, оп. 1, д. 259, л. 92—92 об., 146 об.; Валеев, 1976а, с. 139—140; Кабузан, Троицкий, 1973, с. 276; Патканов, 1911, с. 2—3, 130—131; Томские губернии, всд-ти, 1862, № 12; Фальк, 1824, с. 541.

XVIII в. имеются сведения И. Фалька по 1771 г., что в Томске было тогда 200 татар и бухарцев обоего пола (Фальк, 1824, с. 541). Не исключено, что при этом И. Фальк ориентировался на основании данных 3-й ревизии. Поскольку а 1763 г. в Томске числилось 56 бухарцев муж. пола (Томские губерн. вед-ти, 1862, № 12), то долю татар этого города можно примерно определить в 90 чел. обоего пола.

В 1816 г. Казанская волость Томского округа насчитывала 107 татар, в том числе 59 муж. и 48 жен. (ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 10, л. 5—13). В период между 1763 и 1816 гг. существенных изменений в численности казанских татар, видимо, не происходило, поэтому для 1782 г. нами принята примерная цифра в 100 чел.

По документам, в трех округах Тобольской губернии (Тарском, Тобольском, Тюменском) в 1782 г. числилось 91 и в 1816 — только 27 казанских татар. В действительности в этих округах (особенно в Тобольском) их было, очевидно, больше, поскольку отдельного их учета по этнической принадлежности в составе ясачных, захребетных, дворовых, служилых не проводилось. Часть казанских татар была в составе оброчных чувальщиков, но так как они в этой группе практически сливались с сибирскими татарами, вычленив их здесь также не удастся. В 1782 г. оброчных чувальщиков в Тобольской губернии, по одним данным, было 254 чел. муж. пола (ЦГАДА, ф. 248, оп. 53, д. 4342, л. 466 об.; ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 295, л. 146 об.), по другим — 249 чел. (ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 295, л. 92—92 об.); в 1812 г. — 325 ревизских душ, в 1816 — 376 чел. муж. пола, или 622 чел. обоего пола (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 56; Валеев, 1976а, с. 139—140; Кабузан, Троицкий, 1973, с. 276), в 1834 — 679 чел. и в 1858 г. — 920 чел. обоего пола (ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 427, л. 1—57; д. 804, л. 1—185). Если условно принять, что казанские татары составляли половину оброчных чувальщиков, то можно определить примерные цифры всей их численности, включая данные по новым переселенцам, для 1782 г. — 340 чел. обоего пола, для 1816 — 400, для 1834 — 500 и для 1858 г. — 600 человек.

С. К. Патканов, говоря о многочисленности пришедших татар и их потомков в данном регионе в конце XIX в., отмечал, что „...значительная часть их осела уже давно и обзавелась семьями и хозяйствами...“ (Патканов, 1912, с. 49). Очевидно, было преувеличением считать, что большая часть поволжских татар переселилась в Сибирь уже в XVII — первой половине XIX в. Материалы свидетельствуют, что это произошло позднее — переселение татар из Европы в Сибирь приняло массовый характер лишь в последней трети XIX в. Даже в 1858 г. пришедших татар в Западно-Сибирской равнине было лишь 700 чел. (или немногим более). К 1897 г.

Таблица 19. Численность поволжских и приуральских татар
Западно-Сибирской равнины в 1897 г., чел.

Группа татар, округ	Городское население			Сельское население			Городское и сельское население		
	Муж- чины	Жен- щины	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего
Тобольская									
Тобольский, Туринский, Тюменский, Ялуторовский и Тарский (с коренными сибирскими татарами)	493	252	745	2999	2453	5452	3492	2705	6197
Березовский, Ишимский, Курганский, Сургутский, Тюкалинский (без сибирских татар)	90	20	110	1042	725	1767	1132	745	1877
Итого	583	272	855	4041	3178	7219	4624	3450	8074
Барабинская									
Каинский	92	21	113	718	533	1251	810	554	1364
Томская									
Томский	694	641	1335	1212	1025	2237	1906	1666	3572
Марининский	72	21	113	718	533	1251	810	554	1364
Итого	786	662	1448	1930	1558	3488	2716	2220	4936
Всего	1461	955	2416	6649	5269	11958	8150	6224	14374

Примечание. Рассчитано по: Патканов, 1911, с. 2—3, 130—131.

численность их быстро выросла до 14,4 тыс. чел. (табл. 19). Еще большими темпами, за счет усиления миграций из Поволжья и Приуралья, росла их численность в первые полтора десятка лет XX в. Так, в одной только Томской губернии, по данным 1911 г., насчитывалось свыше 36 тысяч мусульман, большую часть из которых и составляли пришлые поволжско-приуральские татары (Памятная книжка Томской губернии за 1912 год, с. 184). В Тобольской губернии рост численности пришлых татар привел также к быстрому увеличению числа всех татар (коренных и пришлых) в начале XX в. — в 1907 г., в губернии их было свыше 66 тыс. чел. (Дунин-Горкавич, 1909, с. 6). В меньшей степени мигрировали в эти районы башкиры — в 1897 г. их насчитывалось здесь (в округах Тобольской и Томской губерний, расположенных в Западно-Сибирской равнине) 565 человек.

Рост численности коренных тюркских групп в данном регионе в целом свидетельствует о высокой степени их жизнеспособности в тот период и стабильности их этнического воспроизводства. В литературе было высказано мнение, что увеличение нерусского населения в сибирских регионах в XVIII в. в основном шло за счет естественного прироста (Кабузан, Троицкий, 1962, с. 157). Отметим

также включения в состав этого населения в Западной Сибири башкир, бухарцев, казанских татар, казахов, каракалпаков, телеутов и лиц других национальностей, с разной степенью интенсивности заселявших Сибирь в изучаемую эпоху. В целом значительный рост жизнеспособных этнических образований тюркоязычного населения увеличивал его плотность и расширял возможность контактов отдельных групп и народов друг с другом.

Таблица 20. Численность сибирских татар, бухарцев и поволжско-приуральских татар-переселенцев в конце XIX в., по данным переписи 1897 г.

Группа татар	Всего	Коренные тюрки (сибирские татары)		Поволжские и при- уральские татары		Бухарцы	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
Сельская местность							
Тоболо-иртышская	55391	37217	67,2	7219*	13,2	10956	19,6
	50502	36217	73,8	4948	9,7	8337	16,5
Варабинская	6576	4421	77,9	1251	22,0	4	0,1
	5260	4421	84,0	835	15,9	4	0,1
Томская	5015	3795**	75,7	1078	21,5	142	2,8
Итого	66082	45433	68,8	9548	14,4	11101	16,8
	60777	45433	74,7	6861	11,3	8483	19,0
Городская местность							
Тоболо-иртышская	1638	431	26,3	855	52,2	352	21,5
	1488	431	28,8	724	48,7	333	22,5
Варабинская	114	1	0,9	113	99,1	—	—
Томская	1611	221	13,7	1322	82,1	68	4,2
Итого	3363	653	19,4	2290	68,1	420	12,5
	3099	652	21,1	2046	66,0	401	12,9
Сельская и городская местность							
Тоболо-иртышская	57029	37648	66,0	8074	14,2	11307	19,8
	51990	37648	72,5	5672	10,8	8670	16,7
Варабинская	5790	4422	76,4	1364	23,5	4	0,1
	5260	4421	84,1	835	15,8	4	0,1
Томская	6626	4016	60,6	2400	36,2	210	3,2
Итого	69445	46086	66,4	11838	17,0	11521	16,6
	63876	46085	72,1	8907	14,0	8884	13,9

Примечания: Рассчитано по: Патканов, 1911; Числитель — общая численность татар в группе, знаменатель — в том числе в поселениях с коренными татарами.

* В данное число не включены пришлое татары, расселившиеся в Тобольской губернии из округов с сибирскими татарами.

** В томскую группу включены чаты, зуштинцы и калмаки (Телеутская волость) численностью 1977 человек, а также население тех деревень с обскими тюрками, которое А. П. Дульзон (1956, с. 297—308) включает в группу томских татар (1818 человек).

Глава 2 Процессы этнического развития сибирских татар

Социальные связи

Многие вопросы социально-экономического и политического развития сибирских татар периода XVI — начала XX в. уже изучены (Бахрушин, 1955г; Бояршинова, 1950, 1960, 1967; Валеев, 1980а; Емельянов, 1978а, 1980; История Сибири, 1968, т. I, II, III; и др.). Это облегчает нашу задачу и позволяет сосредоточиться лишь на этнических аспектах развития социально-экономической системы разных групп сибирских татар, их социальных и торгово-хозяйственных связей.

В период Сибирского ханства основную массу трудового татарского населения составляли „черные“ улусные люди, а класс эксплуататоров — правители ханств, салтаны, беки, тарханы, мурзы. Существовала улусная система, но во внутреннюю жизнь улусов центральная власть, как правило, не вмешивалась, посылая лишь для их управления ясаулов и даругов — сборщиков „даров“ и ясака. Историки пришли к выводу, что „Сибирское ханство при Кучуме представляло собой непрочный государственный организм, состоявший из отдельных единиц — улусов, между которыми отсутствовали сколько-нибудь развитые экономические связи“, поэтому в результате военного поражения Кучума «...государственное „единство“ сибирских татар перестало существовать» (История Сибири, т. I, с. 376). Кроме того, часть соседних тюркских племен либо совсем не входила в состав Сибирского ханства, либо признавала свою зависимость номинально. Хотя было высказано мнение, что Тоян был ставленником Кучума для надзора и сбора ясака с кочевников Томского Приобья (Потапов, 1969, с. 84), все же племена Приобья были, видимо, независимы от сибирских ханов. Относительно татар, живших в верховьях Тобола, по Туре и Исети, Т.А. Трофимова пишет, ссылаясь на сведения Ремезовской летописи, что они, „по-видимому, подчинялись другому князю“ (Трофимова, 1947, с. 195). Не столько подданными, сколько союзниками Кучума были чаты (Бахрушин, 1937, с. 60). Очевидно, непрочным было объединение в одном государстве тюркоязычных племен Барабинской степи с тоболо-иртышскими татарами. После прихода русских барабинцы отстранились от борьбы с казаками и не помогли Кучуму (Авдеев, Струкова, 1937, с. 68).

Отметим также, что у разных групп внутри Сибирского ханства на первый план выступали черты различных социально-экономических устоев. С одной стороны, развивались отношения раннефеодального типа, с другой — у кочевников-скотоводов наблюдались и родоплеменные отношения. Недостаточная развитость социально-экономических отношений феодального типа, слабая централизация

власти в Сибирском ханстве детерминировали и слабость социальных, торгово-хозяйственных и политических связей разных тюркских групп друг с другом, что прямым образом влияло на ход этнических процессов в данном регионе.

С присоединением Сибири к Русскому государству окончательно рухнули остатки родоплеменных отношений среди небольших групп Томского Приобья и Барабинской степи. Правда, пережитки этих отношений долгое время сохранялись у отдельных татарских групп. В.И. Ленин писал, что на необъятнейших пространствах Сибири „...царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость“ (Ленин, т. 43, с. 228). Эта характеристика в какой-то мере может быть отнесена и к местам расселения сибирских татар. На протяжении XVII в. у них существовали патриархально-феодальные отношения, что в значительной степени было связано с ясачной системой обложения населения. К.В. Волкова (1965, с. 113) пишет, что у тарских татар „относительно низкий уровень развития производительных сил обусловил длительность становления феодализма...“ В целом, по сравнению с другими народами Сибири группы сибирских татар довольно быстро включились в общую систему феодальных отношений России XVII — первой половины XIX в. Тем не менее их социальная структура на протяжении конца XVI — первой четверти XIX в. не была единообразной.

Основную массу татарского населения Западной Сибири до реформы М. Сперанского составляли ясачные — „рядовые общинники, владевшие собственными орудиями труда и самостоятельно ведущие свое хозяйство. На них лежала основная тяжесть ясачного гнета“ (Волкова, 1965, с. 114). Постепенно развивался процесс превращения ясачных татар в часть крестьянства России (Громыко, 1970, с. 4—37; Миненко, 1971, с. 82—84). Но помимо ясачной части населения среди сибирских татар в этот период встречались группы служилых татар (казаки), отставных служилых татар, захребетных татар, татар, платящих хлебный ясак, „гулящих“ татар, вдов татарских (Громыко, 1965, с. 40), а также оброчных чувальщиков и ново-крещеных татар. При этом некоторые социальные категории были представлены лишь у нескольких групп татар. Так, служилых татар не было среди барабинцев. Наоборот, сначала зуштинцы и чаты в большинстве своем были служилыми татарами и татарами, выполнявшими „подводную повинность“ (Бояршинова, 1953, с. 37), но постепенно в XVIII в. почти все они и калмаки попали в категорию ясачных татар. В середине XVIII в. среди тюменских татар было выделено несколько человек, принадлежавших к категории „сиротских“ и „бездворно ясачных“ (ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 481, л. 78—78 об., 89 об., ч. 3). Отметим, что часть татар вплоть до отмены крепостного права находилась в составе так называемых дворовых, то есть полностью зависимых людей (АИ, т. V, с. 530;

Оглобин, 1901, с. 17; Преображенский, 1972, с. 169 — 170; и др.). Даже в 1858 г. в Тобольской и Томской губерниях насчитывалось 319 дворовых людей (Тройницкий, 1861, с. 60). В первой трети XVII в. в Томском уезде среди обских татар была группа кыштымов — зависимых от чатов людей, в том числе и темерчинцы. Но в 1631 г. они были включены русскими властями в состав ясачных людей (Бояршинова, 1950, с. 36). Среди зажиточной части татар встречались категории дворян, купцов и мусульманских духовных лиц (Валеев, 1980а, с. 62; Известия о торгах сибирских, 1755, с. 222; Рабцевич, 1973, с. 238—239; и др.). Такая социальная неоднородность сибирских татар в определенной степени являлась препятствием в усилении их контактов между собой, в том числе и семейно-брачных, и замедляла ход этнических консолидационных процессов.

Значительные изменения в области общественных отношений произошли после реформы М. Сперанского. По „Уставу об инородцах“ 1822 г. все сибирские татары были переведены в категорию оседлых инородцев, их волости существовали обособленно от русских волостей (Венюков, 1874, с. 5; Народы Сибири, 1956, с. 476). Некоторое время у барабинцев оставалась еще категория кочевых инородцев, но и они в 1834 г. все были перечислены в состав оседлых (Костров, 1874, № 44). Таким образом, сословные перегородки в группах сибирских татар уменьшились, хотя в третьей четверти XIX — начале XX в. классовые отношения, наоборот, углубились и обострились.

Татарское население Западной Сибири было объединено в волостях, возникших в большинстве своем из улусов бывшего Сибирского ханства (Бахрушин, 1955ж, с. 56), организация которых была приспособлена к фискальным целям царской администрации, как, впрочем, и вся административная система России (Ленин, т. 24, с. 147). Волостная система у сибирских татар подробно рассмотрена Ф.Т. Валеевым (1980а, с. 58—69). Отметим только, что на протяжении XVII — начала XX в. постоянно происходило смешение населения разных волостей, что приводило к усилению консолидации отдельных татарских групп. Так, эуштинские татары частично расселились в XVII—XVIII вв. в соседних чатских селениях, войдя в состав их волости (Фальк, 1924, с. 545), и это способствовало образованию уже в тот период единой чатско-эуштинской группы татар. Среди тоболо-иртышских татар нередко наблюдалось смешение населения разных групп в пограничных волостях, а иногда исполнение повинностей сразу в двух округах, как это было, например, с ясколбинцами, переселившимися в юрты тюменских татар и подавшими в 1832 г. прошение о дозволении им остаться в Тюменском округе исполнять там общественные повинности по Калымской волости, а подати платить по-прежнему

в Эсколбинской волости Тобольского округа (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1158, л. 1—16). Татарская волость нередко представляла собой территориальную общину, хотя часто она сама состояла из нескольких сельских общин (однодеревенских и объединявших несколько деревень общин).

У барабинских и ясколбинских татар, а также в отдельных местах расселения некоторых групп тоболо-иртышских и томских татар имела распространение система организации по родственным связям — так называемая тугумная организация. Материалами наших экспедиций 1970-х гг. к барабинским татарам (Томилов, 1975а, с. 31—32) выявлены следующие наиболее общие черты тугума. Структура его охватывала группу патриархальных и моногамных семей, а на позднем этапе — только группу моногамных семей. Среди членов тугума существовало представление об общности происхождения их от реального предка. Члены одного тугума проживали, как правило, в одном или нескольких соседних селениях, во всяком случае по соседству. Они были связаны и совершением общих религиозных церемоний. Так, у тугума „аялу“ барабинцев был общий идол, которому поклонялись только члены этого тугумного объединения. В ауле Малом Тебисе у каждого тугума также были свои идолы. Если в ауле было несколько тугумных групп, то каждая из них имела свое место захоронения на кладбище. Тугумы имели свои названия — например, куян (заяц), эт (собака), буре (волк), торна (журавль), коит (люди, живущие на отшибе), потажир (кушающий ногу), иштанах (порода от мальчика, родившегося через штанину), шагир, чунгур (конкретные имена предков) и др. (подробнее см.: Томилов, 1975а, с. 31—32; Томилов, Кузнецов, 1979, с. 96—103).

Выявляются некоторые следы хозяйственных функций тугумной группы (общность пастбищ, совместный выпас скота, хозяйственная взаимопомощь и т.п.). Члены тугума проявляли солидарность в таких общих делах, как женитьба или замужество, организация похорон. В отдельных тугумах соблюдалась экзогамия при заключении браков, в других такой нормы не было. При переходе в другую группу (при заключении брака или по другой причине) менялась и тугумная принадлежность человека. Наследование тугумной принадлежности происходило по отцовской линии, хотя нам известны рассказы о наследовании ее и по материнской линии. Отмечены были и некоторые черты управления тугумами, связанные с советом стариков или советом глав семей. Основной функцией таких тугумных групп, на наш взгляд, было ограничение социально-экономических связей внутри родственных семей в условиях недостаточного уровня развития производительных сил для поддержания оптимальных условий экономического и социального развития населения. С дальнейшим развитием производительных сил

тугумные объединения, особенно в условиях капитализма, теряли свое социальное назначение и распадались.

У ряда тугумных образований выявляется явно патронимическая сущность. В связи с разрабатываемой в нашей этнографии теорией патронимии (Косвен, 1963; Крюков, 1967; Вайнштейн, 1968; Козлов, 1970; Першиц, 1970; Тумаркин, 1970; и др.), обращает на себя внимание тот факт, что тугумные объединения сибирских татар по сути своей все же не совсем подходят под это понятие. Как известно, патронимия характерна для периода разложения родового строя и периода патриархально-общинного и раннеклассового общества. Она выступала как форма разложения первобытнообщинного строя. У сибирских же татар тугумы образовывались и гораздо позднее, даже в начале XX в. Сущность их сводилась тогда к коллективной защите интересов тугумной группы, к возможности зажиточной группе населения обособиться, а также к возможности эксплуатации бедных членов через обычай взаимопомощи и т.д. Тугумная группа состояла в этот период почти исключительно из малых моногамных семей. На наш взгляд, такое объединение родственных, образовавшихся от общего генетического корня семей в одну социальную группу на стадии классового общества лучше именовать генеалогической группой. Различение понятий *патронимия* и *генеалогическая группа* (генеалогия) важно в таком же стадийном отношении, как, например, различение понятий *патриархальная семья*, *патриархальная семейная община* (характерна для патриархально-родового строя) и *большая семья* (характерна для классового общества) (Козлова, 1978, с. 182).

Тугумные объединения чаще всего были открыты для пришельцев, и те стремились либо войти в какую-то тугумную группу, либо, если их было достаточно много, образовать свой тугум и включиться в систему местных тугумных отношений. Это обстоятельство также способствовало углублению как внутригрупповых, так и межгрупповых этнических процессов. Следует обратить внимание в связи с этим на то, что генеалогическая группа классового общества, как и патронимия эпохи разложения родового строя и формирования раннеклассового общества, представляла собой „...в большей мере организационно-идеологическое, нежели экономическое образование“ (Бромлей, 1981б, с. 194).

На протяжении XVII—XVIII вв. социально-политические связи и контакты между разными группами сибирских татар осуществлялись в ходе совместного участия в строительстве городов, в военных походах против Кучума и кучумовичей, калмыков, сибирских киргизов, во время платежей ясака в общих пунктах их сбора, при исполнении гонимой службы, а также во время совместных выступлений против эксплуатации и засилья русских чиновничьих служб. Тесные связи существовали у служилых татар то-

больской, тюменской и тарской групп. В 1598 г. в разгроме Кучума совместно участвовали 10 тюменских, 100 тобольских и 30 тарских татар (АИ, т. II, с. 1; Синяев, 1951, с. 144—147). А до этого тобольские и тюменские татары участвовали в походе 1595 г., во время которого они долгое время находились в Таре и вступали, видимо, в контакты с тарскими татарами (Миллер, 1937, с. 296, 370). Тюменские татары участвовали в строительстве городов Тобольска и Тары, тобольские татары в XVII в. часто посылались на службу в г. Тару (ДАИ, т. III, с. 174; Тобольск, 1885, с. 27—28), а гонимые тобольские татары, неся ямскую службу по 4-м дорогам от Тобольска (Тобольск, 1885, с. 28), часто проезжали селения тюменских, курдакско-саргатских и тарских татар. В конце 1630-х гг. в поход против енисейских киргизов были посланы татары из Тобольска, Тюмени и Тары (ДАИ, т. VIII, с. 14—151).

Некоторая часть тюменских, тобольских и тарских ясачных татар принимала участие в совместных выступлениях (бунтах) против русских властей (ДАИ, т. III, с. 329—330; Оглобин, 1900, ч. 3, с. 39). А в XVIII—XIX вв. тобольские, тюменские, курдакско-саргатские, тарские и ясколбинские татары нередко договаривались между собой о совместных челобитных и подавали их сразу от имени всех татар Тобольской губернии, от имени двух округов, или отдельно, от имени татар разных округов, но с одинаковыми требованиями (Памятники Сибирской истории XVIII века, 1885, с. 287; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 282, л. 1—10; д. 365, л. 1—51 об., 95—102 об.; ф. 1291, оп. 84, д. 343—345; и др.).

В изучаемый период контакты на социально-политической основе также имели место между тоболо-иртышскими и барабинскими татарами. В 1590-х гг. Кучум с группой своих приверженцев (тоболо-иртышских татар) находился в Барабинской степи (до 1595 г. сидел в Тулусском городке) и собирал с барабинцев дань, а в 1597 г. он приказал части тарских татар переселиться к барабинцам на реки Омь и Тару, что и было выполнено (Катанов, 1893, с. 29, 33; Щеглов, 1883, с. 54—55). В последнем походе русских против Кучума в 1598 г. тобольские, тарские и тюменские татары проходили по Барабе и принимали участие в приведении барабинцев в русское подданство (Синяев, 1951, с. 144—154). Известно также, что в общем восстании 1628—1631 гг. против русских властей наряду с кучумовичами, телеутами и калмыками приняли участие также тарские татары и барабинцы, часто действуя и проживая при этом совместно (Миллер, 1941, с. 98—100; Волкова, 1965, с. 119—121; Уманский, 1972, с. 115). В XVII в. тобольские и тюменские татары, ехавшие на службу в г. Томск, совершали этот путь через Барабу, вступая в контакты с барабинцами. В период напряженной политической обстановки на юге Сибири эти контакты имели для тобольских татар и неблагоприятный исход — так, в 1629 г. ба-

рабинцы напали на ехавших из Томска тобольских служилых людей — русских убили, а татар ограбили и отпустили (РИБ, т. VIII, с. 614). Из отряда Тухачевского во время похода в конце 1630-х гг. в Барабинской степи бежали несколько русских и тобольских, тюменских служилых татар (Оглобин, 1900, с. 38), которые могли вступить в контакты с барабинцами. Сами барабинцы в XVII—XVIII вв. долгое время приезжали платить ясак в г. Тару (Потанин, 1867, с. 54; Зиннер, 1961, с. 18), где постоянно встречались с тарскими и тобольскими татарами, несшими там воинскую службу. Известно, также, что барабинцы долгое время платили дань и западным монголам — калмыкам. В 1670-х гг. вместе с ними платил ее ездили и татары Аялынской волости (ДАИ, т. VIII, с. 155—156), а в 1678 г. недовольные гнетом калмыков они выступили против них в поход (ЦГАДА, ф. 214, оп. 4, д. 88, л. 1—15). Известны случаи, когда одновременно с прошениями тоболо-иртышских, томских татар и бухарцев в XVIII — начале XX в. и барабинцы подавали прошения по тем же самым поводам (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 365, л. 1—102 об.; ф. 1291, оп. 84, д. 65; л. 2—49). В Тарском округе постепенно сложилась группа порушных татар (а затем и Порушная волость), в которую помимо тарских, курдакско-саргатских и тобольских татар частично вошли, видимо, и барабинцы, так как порушных татар образовали люди, пришедшие из разных мест (ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 481, ч. 4, л. 29).

Барабинцы были нередко в контактах и с томскими татарами. В восстании 1628—1631 гг. наряду с барабинцами участвовала часть чатов и зуштинцев, присоединившихся к барабинскому князьку Когутаю и действовавших как в Барабинской степи, так и на территории Томского уезда (Миллер, 1941, с. 98—99; Волкова, 1965, с. 121; Уманский, 1972в, с. 116—117, 123). Осенью 1629 г. барабинцы вместе с тарскими татарами участвовали в походе Аблайгерима на Томский уезд, т. е. были на землях чатов, зуштинцев и обских татар. Летом 1630 г. чаты и примкнувшие к ним зуштинские татары-новокрещены находились на землях барабинцев и лишь осенью вернулись на Обь (Уманский, 1972в, с. 123, 127). Каинский округ, образовавшийся в 1782 г. в составе Тобольской губернии, вошел затем в 1803 г. в Томскую губернию (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 73, л. 46; Щеглов, 1883, с. 175), а все волости барабинцев оказались в Каинском округе. Это, с одной стороны, ослабило связи их с тарскими татарами, но, с другой стороны, создало возможность для более частых контактов их с зуштинцами и чатами.

В Томском Приобье тесные связи установились между зуштинцами и чатами, а затем и калмаками, существовали также контакты их с обскими татарами (ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 309, л. 1—17; РИБ, т. II, с. 162; Шунков, 1956, с. 80; и др.). Но первые три группы,

консолидировавшиеся в единую группу томских татар, были знакомы и с тоболо-иртышскими татарами. Мы уже говорили, что последние принимали участие в строительстве Томского городка и в несении здесь военной службы вместе с зуштинцами и чатами, на землях которых тарские татары тоже побывали в 1629 г. Вспомним и тот факт, что чатские татары с 1598 по 1603 г., до строительства Томска, платили ясак и поминки в г. Тару (АИ, т. II, с. 7). В XVII в. тарские татары несли гонимую службу в направлении Томска; часто бывали там (Титов, 1890, с. 19). Такого рода служба продолжалась у них и в XVIII в. Во время этих поездок они явно встречались с чатами и зуштинцами, тем более что Чатский городок находился по пути из Тары в Томск (Ядринцев, 1891, с. 43).

Но, видимо, наиболее частые контакты в первой половине XVII в. у зуштинцев и чатов были все же с тобольскими и тюменскими служилыми татарами, которые какой-то период постоянно посылались в Томск на годовую службу (через год приходила замена). Так, тюменских татар в 1620-х гг. ежегодно посылали по 20 чел., а тобольских — по 136 (РИБ, т. VIII, с. 465; Томск в XVII веке, с. 29; Бахрушин, 1955, с. 166). Ясно, что они вступали в служебные, хозяйственные отношения с зуштинцами и чатами, общались с ними в бытовой обстановке и имели, видимо, брачные и внебрачные связи с местными татарскими женщинами. В XIX в. зуштинцы, чаты и калмаки иногда подавали челобитные согласованно с тоболо-иртышскими и барабинскими татарами (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 365, л. 1—78 об.). О разнообразных социально-политических связях сибирских татар с телеутами нет смысла говорить, поскольку есть специальная статья по этому вопросу А.П. Уманского (1972в). Отметим только важность этих связей в формировании калмаков и их консолидации с чатами и зуштинцами.

Необходимо отметить также, что внутри сибирских татар существовали тесные связи между сельскими и городскими жителями, в том числе и родственные. Д.Г. Мессершмидт описывает в 1721 г., как по улицам Томска татарские женщины, одетые в наряды и державшие в руках кнуты, ехали верхом на лошадях в деревню в гости (Messerschmidt, 1962, с. 90).

Контакты городских татар разных групп между собой, влияние их друг на друга приводили к распространению знаний о них и среди сельских татар.

Социальные и политические связи разных групп сибирских татар между собой, как видно из приведенных данных, имели место на протяжении всего изучаемого периода. Но они все же были недостаточно тесными между главными группировками — тоболо-иртышскими, барабинскими и томскими татарами. Кроме того, эти связи чаще всего возникали в критические периоды истории. Отметим также, что постепенно, с прекращением борьбы против русских властей, отменой посылки тобольских и тюменских татар

на службу в другие города и исчезновением необходимости иметь контакты друг с другом по другим вопросам, а также в связи с закреплением татар к постоянным местам жительства (Щеглов, 1883, с. 243—244) социально-политические связи сибирских татар друг с другом в XIX в. ослабевали или даже между отдаленными группами прекращались совсем. Административно же они были разобщены двумя губерниями и шестью округами, что способствовало развитию их обособленными группами, контактировавшими только с одним-двумя соседними татарскими образованиями. В целом общение у коренного населения Сибири до революции было „ограничено личностными контактами в малых локальных группах“, и не наблюдались всеобъемлющие „широкие социально-информационные процессы“ (Окладников, Бойко, 1980, с. 24).

Все это сказалось и на семейно-брачных отношениях, как особом виде социальных связей, которые в основном ограничивались пределами своей группы и нескольких селений соседних групп. В некоторых случаях к прекращению межгрупповых брачных связей приводили возникшие различия в религии. Так, разные религиозные судьбы туринских (одни из них отказались от ислама, а другие — от идолопоклонства и приняли в первой четверти XVIII в. христианство — Юшков, 1861, с. 320; Голодников, 1882, с. 18) и собственно тюменских татар-мусульман привели к прекращению браков между ними. В 1782 г. у туринских татар с тюменскими (видимо, крещеной татаркой) был заключен всего один брак (ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 38, л. 1—12). У обских татар с принятием в первой четверти XVIII в. христианства (Георги, 1799, с. 145) также прекратились брачные связи с мусульманами — чатами, эуштинцами и калмаками. В итоге это привело к разным этническим судьбам туринских и обских татар по сравнению с остальными группами сибирских татар.

В тюменско-туринской группе обращает на себя внимание факт сравнительно постоянных брачных связей ялutorовских татар с собственно тюменскими татарами и тюменскими бухарцами, их ближайшими соседями, факт даже небольшого увеличения доли этих браков с 20,4% в 1782 г. до 26,9% в 1785 г. Количество браков ялutorовцев с тобольскими татарами было в эти годы относительно невелико, но, видимо, стабильно в абсолютных числах (Табл. 21). У тюменских татар выделяются браки с тобольскими и ялutorовскими татарами. Единичными были случаи заключения браков тюменцев с тарскими и томскими татарами (Табл. 22).

В тобольской группе, по данным 1782 г., частные брачные связи имели место между искеро-тобольскими и аремзянско-надцинскими, искеро-тобольскими и бабасанскими, искеро-тобольскими и иштякско-токузскими, бабасанскими и иштякско-токузскими татарами. В то же время отмечается отсутствие браков у аремзянско-надцинских татар с бабасанскими, не имевшими общего территориального со-

Таблица 21. Количество браков у ялutorовских татар в последней четверти XVIII в., по данным 4-й и 5-й ревизий населения

Виды браков	1782		1795	
	абс.	%	абс.	%
Внутригрупповые	247	72,0	372	69,1
С татарами:				
тюменскими и бухарцами	70	20,4	145	26,9
тобольскими	11	3,2	9	1,7
из Оренбургской губернии	11	3,2	10	1,9
С башкирами	2	0,6	1	0,2
С казаками	2	0,6	1	0,2
Итого	343	100,0	538	100,0

Примечание. Рассчитано по: ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 983—994, 1099—1137; д. 26, л. 1—55; д. 212, л. 1—146.

Таблица 22. Количество браков у тюменских татар и бухарцев в последней четверти XVIII в., по данным 4-й и 5-й ревизий населения

Виды браков	1782		1795	
	абс.	%	абс.	%
Внутригрупповые	1504	91,8	1212	93,4
С татарами:				
тобольскими, ясколбинскими и бухарцами	72	4,4	22	1,7
ялutorовскими	47	2,9	42	3,2
тарскими	1	0,4	2	0,15
томскими	—	—	1	0,1
из Казанской и Оренбургской губерний	5	0,3	10	0,8
С людьми других национальностей (башкирами, каракалпаками, казаками, русскими и др.)	3	0,2	8	0,65
Итого	1638	100,0	1297	100,0

Примечание. Рассчитано по: ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 27, л. 945—1029, 1041—1190; д. 108, л. 1—108; д. 109, л. 3—25; д. 110, л. 1—28 об.; д. 111, л. 1—118.

седства (Табл. 23). Все группы тобольских татар поддерживали семейно-брачные отношения с тюменскими и ясколбинскими татарами. Издавна семейно-родственные связи имели место между тобольскими и курдакско-саргатскими татарами. Ермак, например, в составе курдакско-саргатских застал и тобольских татар — их родственников (Сибирские летописи, с. 342). В 1782 г. тобольские татары имели довольно много браков с курдакско-саргатскими и тарскими. Ни тюменско-туринские, ни тобольские татары не имели браков с барабинцами.

Таблица 23. Количество браков у различных групп тобольских татар в 1782 г., по данным 4-й ревизии

Виды браков	Аремзянско-надцинская		Искеро-тобольская		Бабасанская		Иштыяско-токузская	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Внутригрупповые	302	83,2	860	80,3	225	71,5	449	77,1
С татарами:								
аремзянско-надцинскими	х	х	58	5,4	—	—	1	0,1
искеро-тобольскими	38	10,5	х	х	70	19,6	74	12,7
бабасанскими	—	—	39	3,7	х	х	6	1,1
иштыяско-токузскими	1	0,2	36	3,4	7	2,0	х	х
ясколбинскими	18	5,0	15	1,4	2	0,6	1	0,1
тюменскими	4	1,1	13	1,2	21	5,9	4	0,7
тарскими и курдакско-саргатскими	—	—	38	3,5	1	0,2	47	8,1
из Казанской и Оренбургской губерний	—	—	3	0,3	1	0,2	1	0,1
С людьми других национальностей (башкирами, казаками, калмыками)	—	—	9	0,8	—	—	—	—
Итого:	363	100,0	1071	100,0	357	100,0	583	100,0

Примечания. Рассчитано по: ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 976—981, 995—1172, 1212—1263 об.; л. 289, л. 289—313 об. Знак х здесь и далее обозначает браки, цифры по которым уже указаны в графе внутригрупповых браков.

Наибольшее число межгрупповых браков (7,4% от всех браков 1782 г.) во второй половине XVIII в. было заключено ясколбинцами с тюменскими татарами. В 4-х брачных союзах (2,1%) состояли жены из аремзянско-надцинских деревень, в 2-х (1,0%) — из бабасанских деревень и в 2-х же (1,0%) — из деревень искеро-тобольских татар (ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 1173—1211). Таким образом, из всех видов межгрупповых брачных связей, имевших в тот период определенное этническое значение для ясколбинцев, в основном можно назвать браки с тюменскими татарами. Их браки с локальными группами тобольских татар все вместе составили только половину от браков с тюменскими татарами.

У курдакско-саргатских татар, по данным 1795 г., больше всего брачных союзов имели курдакские татары с саргатско-утузскими (13,1% от всех браков), что отражает факт нахождения их в одной этнической группе. Другое ясно определившееся направление их связей — это браки с тобольскими татарами, составившие 7,6%. Браков с соседними тарскими татарами, а также с тюменскими, у них оказалось совсем немного и вообще не было браков с барабинцами (Табл. 24). Саргатско-утузских татар брачные союзы крепко сплачивали с курдакскими татарами (11,6%) и только в 7 браках жены были взяты у тарских татар, в основном у туралинцев.

Таблица 24. Количество браков у курдакских и саргатско-утузских татар в 1795 г., по данным 5-й ревизии

Виды браков	Курдакские		Саргатско-утузские	
	абс.	%	абс.	%
Внутригрупповые	356	77,4	423	86,0
С татарами:				
курдакскими	x	x	57	11,6
саргатско-утузскими	60	13,1	x	x
тарскими	8	1,7	7	1,4
тобольскими	35	7,6	5	1,0
тюменскими	1	0,2	—	—
Итого	460	100,0	492	100,0

Примечания. Рассчитано по: ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 138, л. 1—116; д. 142, л. 9—35; д. 143, л. 2—167.

Чрезвычайно низким оказался в этой группе и показатель семейно-брачных отношений с тобольскими татарами (5 браков), хотя в преданиях рассказывается, что между жителями бассейна р. Ишима и оз. Уватского существовали давние торговые связи (МСЭЭ ОмГУ, 1978, к. 291).

В тарской группе в конце XVIII в. аялынды оказались тесно связанными семейно-брачными отношениями с туралинцами и барабинцами и весьма слабо — с курдакско-саргатскими татарами. Туралинды имели брачные союзы, помимо аялынды, также с барабинскими и курдакско-саргатскими татарами, но число их было невелико (Табл. 25).

Наиболее многочисленную группу барабинцев в XVII—XIX в. составляли жители, населявшие волости Барабинскую, Каргалинскую и значительную часть Турашской. Это барабинско-турашская группа. Для XIX в., согласно данным генеалогий, процент внутригрупповых брачных связей для этой группы довольно высокий —

Таблица 25. Количество браков у различных групп тарских татар в 1795 г., по данным 5-й ревизии

Виды браков	Аялыньские		Туралиньские	
	абс.	%	абс.	%
Внутригрупповые	167	65,0	216	92,7
С татарами:				
аялыньскими	x	x	8	3,4
туралиньскими	64	24,9	x	x
барабинскими	20	7,8	6	2,6
курдакско-саргатскими	6	2,3	3	1,3
Итого	257	100,0	233	100,0

14,6% (164 из 194 браков, включенных в подсчеты). Брачные союзы с соседними группами барабинцев до революции составляли примерно 14,9%, с тарскими татарами — 0,5%. Обращаем внимание на условность этих цифр, позволивших выявить лишь основные тенденции семейно-брачных связей барабинско-турашских татар.

Вторая группа барабинцев — любейско-тунусская. Уровень эндогамной замкнутости этих татар в дореволюционный период характеризовался, по данным генеалогий, 82,4% внутригрупповых браков. 16,8% браков были заключены с барабинцами остальных двух групп и 0,8% — с тарскими татарами. Третью группу мы называем теренинско-чойской. Основная часть браков заключалась этими татарами внутри группы между собой, по данным генеалогий, они составляли примерно 73,5%. Доля внегрупповых браков с остальными барабинцами и пришлыми поволжско-приуральскими татарами равнялась 26,5%.

Данные записанных родословных раскрыли нам картину семейно-брачных связей томских татар второй половины XIX — начала XX в. Эти сведения указывают, прежде всего, на более тесные связи эуштинцев с чатами, а также на существование нерегулярных брачных связей эуштинцев с калмаками и пришлыми поволжскими татарами. Семейно-брачные связи томских чатов все больше осуществлялись внутри самой группы. Но именно эта группа была тесно связана также с эуштинцами, калмаками и обскими чатами. По данным генеалогий, имели место и отдельные случаи браков чатов с тобольскими и тарскими татарами. В калмакских селениях большую часть заключенных в дореволюционное время браков составляли внутридеревенские браки. Кроме того, семейно-брачные отношения поддерживались местными татарами с жителями соседних калмакских юрт, а также чатских и эуштинских юрт, г. Томска, селений пришлых поволжских татар и русских.

Еще одним своеобразным видом социальных связей были религиозные связи. В период феодализма, как считают многие ученые, общность религиозная нередко заменяла этническую или имела даже большее значение (Джаббаров, 1973, с. 34; Джунусов, 1975, с. 181; Саидбаев, 1978, с. 80). Значительная часть местных тюркоязычных групп приняла мусульманскую религию. Существенный шаг в этом направлении был сделан еще во времена Кучума (Катанов, 1897, с. 60), но все же значительная часть тюркских групп, входившая в Сибирское ханство, осталась необращенной в мусульманскую веру, основной формой религии у многих из них был шаманизм (Миллер, 1937, с. 199; Сибирские летописи, с. 327; АИЭЛ, ф. К—V, оп. 1, д. 2, л. 5; Бояршинова, 1947; 1950, с. 73—74; Зеленин, 1936, с. 6). В XVII — первой половине XVIII в. даже некоторые группы тоболо-иртышских татар (часть тюменских, армянских, аялыных и др.) сохраняли еще языческую веру (Миллер,

1937, с. 199, 241; 1941, с. 473; Е., 1894, № 90; Алексеев, 1941, с. 322—323). Относительно барабинцев, считается, что распространение ислама среди них началось в 1720 г., в середине XVIII в. большая часть их еще не восприняла этой религии, окончательно ислам утвердился среди них в первой половине XIX в., хотя и в 50-х гг. XIX в. встречались еще барабинцы-немусульмане (Георги, 1799, с. 117; Бараба, 1893, №53; Щеглов, 1883, с. 240; Шиле, 1879, с. 30; Radloff, 1884, с. 241; Бартольд, 1965, с. 366). Заметим все же, что попытки распространения ислама среди этой группы начались гораздо раньше, видимо, во времена Кучума. Во всяком случае князек Барабинской волости Кугутай давал присягу верности русскому царю на коране, а когда он восстал, то для увещевания восставших барабинцев в 1628 г. в составе посланников был направлен мулла Арат Тарыбердеев (РИБ, т. VIII, с. 607; Волкова, 1965, с. 119—120). Среди тюркских групп Среднего Приобья до прихода сюда русских мусульманами были, видимо, лишь некоторые из чатов — при принятии ими подданства Русскому государству в 1598 г. ярлык и поминок от чатов принес в Тару сеит Тул-Мамет (АИ, т. II, с. 7). Но лишь в первой половине XVIII в. ислам укрепился у них, а также у значительной части эуштинцев и части калмаков (Дульзон, 1956в, с. 309; Ядринцев, 1891, с. 46).

Наконец отметим, что кое-где имели место процессы перехода мусульман в православие, и происходило образование небольших групп новокрещенных. Так исчезли, например, мусульмане в туринской группе (Андреев, 1960, с. 162; Тобольская епархия, 1892, с. 19). Но притеснения со стороны русских священников, массовые разрушения мечетей и другие факторы приводили к потере авторитета православной церкви среди татарского населения и укреплению среди них позиций ислама (Андриевич, 1887, с. 206—207, 216; Словцов, 1844, с. 469; Филимонов, 1892, с. 45; Шашков, 1898, с. 589; Щеглов, 1883, с. 257).

Среди сибирских татар распространением и укреплением ислама долгое время занимались бухарцы (Андриевич, 1887, с. 223; Головачев, 1914, с. 46), затем духовники из казанских татар, а затем духовные лица появились и у собственно сибирских татар. Возникла церковная организация мусульман Западной Сибири, которая находилась в подчинении оренбургского муфтия и оренбургского духовного магометанского собрания. Во главе окружной церковной организации мусульман стояли ахуны, мечетями руководили муллы (выделялись волостные муллы), а помощниками их были абызы и азанчеи. В тех селениях, где муллы не было, его место занимали абызы. Церковные и школьные дела мусульман в округе были объединены и подведомственны ахунам (Военно-статистическое обозрение..., 1894, т. XVIII, ч. 2, с. 78; Долгоруков, 1903 — 1904, с. 174; Миллер, 1937, с. 199; Каинские инородцы, 1858, с. 10;

(Юшков, 1861, с. 299—300; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 264, л. 137 об.). Они же руководили работой по распространению исламских верований среди тюркского населения (а в XVII в. и среди хантов), посылали в деревни проповедников-мулл, выезжали на места и сами (Миллер, 1937, с. 199—200; Андриевич, 1887, с. 216; Потанин, 1867, с. 56; Шиле, 1879, с. 30; Карцов, 1937, с. 71—72; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 264, л. 134—134 об.). Возникшее в 1909 г. в г. Томске общество мусульман-прогрессистов, объявившее своей целью „улучшение и развитие культурной, правовой и экономической жизни мусульман и распространение современного просвещения в г. Томске и в пределах Томского уезда“, фактически находилось под опекой местного духовенства. На городскую мечеть в 1909 г. было израсходовано около 700 руб., или 63,6% всех расходов общества, в то время как затраты на образование составили всего 37 руб. 85 коп. (Чавыкин, 1911, с. 113).

Как явление культуры единая религия разных групп сибирских татар выступала в тот период не только как бы их этническим признаком, но выполняла и другие функции: облегчала общение, являясь своего рода формой общения их друг с другом, в какой-то мере способствовала сплочению татар в единое целое, то есть играла ту социальную роль, о значении которой в разных религиозных системах много говорилось в дискуссии ж. „Советская этнография“ (Токарев, 1979, с. 87—105; 1981, с. 51—65; Крывелев, 1980, с. 72—79; Громов, 1980, с. 72—83; Григулевич, 1980, с. 61—66; и др.). В XIX — начале XX в. в литературе не раз указывалось на значение религиозного единства для сибирских татар (Передвижения и судьбы..., 1887, с. 214; Филиппов, 1904, с. 7; Юшков, 1861, с. 295; и др.). У сибирских татар значение религии в этнических процессах нередко преувеличивалось, но тем не менее роль ислама в их жизни действительно была заметна. Эта религия способствовала сближению разных групп сибирских татар. Под ее влиянием распространялось осознание сибирскими татарами того факта, что другие группы татар-мусульман являются „своими“, правоверными. Соблюдение определенных бытовых правил, соответствующих законам шариата, укрепляло осознание сибирскими татарами своего единства. И все же необходимо сделать вывод, что религиозные связи и связи татар на религиозной основе в основном осуществлялись в рамках отдельных округов, волостей и селений, так как в целом религиозные организации сибирских татар были разобщены, что, безусловно, ослабляло консолидирующую роль религии. Кроме того, для сибирских татар было характерно плохое знание религиозных догм, большое значение в их жизни домусульманских религиозных верований, даже своеобразные толкования положений ислама, отличающиеся от корана. Все это приводило к тому, что единство в религиозных воззрениях и поведении сибирских татар было лишь относительным.

Торгово-хозяйственные связи

Важную роль в развитии этнических процессов, как известно, играет развитие экономических и торговых связей разных групп населения. В целом, хозяйство и уровень торгово-экономического развития сибирских татар в разные периоды после присоединения Сибири к России рассмотрены довольно подробно в целом ряде научных работ (Бояршинова, 1950; 1960; Валеев, 1980а; Емельянов, 1980; История Сибири, т. I, II; Титова, 1976; Томилов, 1973б; 1980д; и др.). На сибирских татар можно смело распространить следующий вывод советских историков: "...уже в XVII в. можно отметить отдельные случаи, а в XVIII в. и в первой половине XIX в. уже довольно многочисленные факты внедрения в хозяйство коренного населения новых, более высоких трудовых навыков — обращение к земледелию (что особо ощутимо наблюдается в первой половине XIX в.), более широкое внедрение сенокосения и стойлового содержания скота, улучшение орудий лова и охоты. В то же время запасы рыбы, пушного зверя (за исключением наиболее ценных пород соболя), пастбищ для скота позволяли сохранить традиционные формы хозяйства" (История Сибири, т. II, с. 505). Изменения в хозяйстве сибирских татар в условиях царской России происходили под влиянием новых развивающихся социально-экономических и политических условий в районе их расселения. Происходило интенсивное заселение этого региона народами с более высокой культурой (прежде всего русскими). Хозяйственное освоение южной части Западной Сибири выдвигало ее в число наиболее развитых сибирских экономических районов. Здесь гораздо интенсивнее, чем в северных районах, среди коренных жителей, развивались феодальные, а затем и капиталистические отношения, увеличивалась подвижность населения и т.д. Усиление влияния русских в области экономики приводило к постепенному отказу коренного населения от наиболее архаичных форм и методов ведения хозяйства.

В связи с бурным экономическим развитием южных районов Западной Сибири, ростом городов в XIX — начале XX в. в хозяйстве сибирских татар происходили существенные перемены: падало значение охоты и рыболовства, хотя для некоторых групп населения они и продолжали играть значительную роль, на первое место выдвигались занятия земледелием, скотоводством и промыслами. По видам хозяйственной деятельности некоторые группы татар (томские, тюменские) в конце XIX — начале XX в. характеризовались преобладанием у них промыслов (извозно-ямщицкого, лесодровяного, сенозаготовительного и др.). Так, например, в 1917 г. в Томском уезде число хозяйств с внеземледельческими промыслами среди инородцев составило около 40% (Томская губерния и ее производительные силы, 1922, с. 46).

Быстрое развитие капитализма втягивало жителей татарских деревень в товарно-денежные отношения, приводило к классовому расслоению населения. В целом в дореволюционные годы экономическое положение большинства татарских семей было тяжелым — в гнету зажиточных односельчан, купцов, служителей культа присоединялся социально-экономический и национальный гнет со стороны царского самодержавия. В ряде татарских волостей, а также в городах появились небольшие промышленные предприятия и мастерские, принадлежавшие сибирским татарам (Валеев, 1980а, с. 95—96), которые работали и в качестве наемных рабочих на предприятиях русских владельцев, а также на приисках Восточной Сибири и южных районов Западной Сибири (Томилов, 1980д, с. 30—31).

Экономические связи сибирских татар до революции в основном осуществлялись в рамках своих округов, редко выходя за их пределы, и прежде всего в сфере общероссийских экономических связей, то есть особых экономических отношений между разными группами сибирских татар, отдельных, скажем, от экономических связей, которые были у русских, здесь не сложилось, а в условиях значительного меньшинства и территориальной распыленности татарского населения — и не могло сложиться. Тем не менее развитие экономических связей в Западной Сибири в целом в ряде случаев приводило к контактам татар разных групп. Скажем, увеличение значения пушного промысла в XVII—XVIII вв. вело к тому, что охотники соседних групп добывали зверя на совместных богатых охотничьих угодьях (АИ т. V, с. 521; ДАИ, т. VI, с. 298; РИБ, т. II, с. 466; т. VIII, с. 547; Алексеев, 1941, с. 134). Тарские, тобольские и тюменские татары вместе опправлялись к Ямышу-озеру за солью. Более тесные экономические связи существовали, естественно, между соседними группами — например между эуштинцами, чатами и калмаками (Дульзон, 1956в, с. 297). Занятия многих татар извозным промыслом, ямщиной и бурлачеством также приводили к контактам разных сибирско-татарских групп населения (Георги, 1799, с. 28; Юшков, 1861, с. 355; В.И., 1862, № 20; Абрамов, 1864, № 27; Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе, 1900, т. II, вып. III, с. 152, 180—181, 189—196; Бараба, 1893, № 57; О.П., 18586, № 51; Станюкович, 1977, с. 318; Валеев, 1980а, с. 99—101; Томилов, 1980д, с. 26—27).

Часть сибирских татар в разных масштабах занималась торговлей. Большинство из них вело мелкую торговлю продуктами сельского хозяйства, охоты и рыболовства, а также изделиями своих домашних промыслов и ремесел. В XVII в. татары продавали скот, рыбу, мясо, пушнину, кожи (в т.ч. и выделанные — красную юфть), лодки, одежду (в основном шубы), обувь и пр., а также занимались перепродажей металлических изделий (ножей, топоров,

оружия, посуды), кож, сукна, шелка, бархата, бумаги, предметов конского убранства, перца, имбиря, меда и др. (Миллер, 1941, с. 228; Томск в XVII веке, с. 140—143; Потанин, 1859, с. 133—144; Алексеев, 1941, с. 211, 257, 264, 322; Бояршинова, 1950, с. 57; Вилков, 1962, с. 88—92; Павлова, 1962, с. 133; Уманский, 1972а, с. 131). В XVIII в. ассортимент товаров татарских торговцев и сельских татар, продававших свои продукты и изделия, почти не изменился — в перечнях товаров добавились мочала, веревки, попоны для лошадей, ковры домашнего изготовления, головные уборы и др. (Георги, 1799, с. 24; Балкашин, 1881, с. 1—3; Громыко, 1965, с. 42, 81). Но эти добавления свидетельствуют как раз о том, что промышленная деятельность сибирских татар (на кустарном уровне) продолжала развиваться.

В XIX — начале XX в. ассортимент товаров, продаваемых татарами, стал еще шире. Из своих продуктов и изделий они продавали мясо домашнего скота, домашней и дикой птицы, сало, кожи, пушнину, пух птиц, рыбу, живой скот, ягоду, орехи, хмель, мох, пнявок (в основном барабинцы), птичьи шкурки (они же), а также войлок, мочала, веревки и заготовки, дрова, сено, доски, березовое корье, лопаты ветловые, колоды, баты (лодки), лыжи, корыта, селенцы, кадушки, бочки, сани, деготь, смолу. Для кожевенных заводов они возами поставляли толую кору, кожи, а для фабрик по производству стекла — дрова, соломенную и осиновую золу. Татарские купцы и лавочники продавали привозные товары — ковры, шелковую, шерстяную и хлопчатобумажную ткань, готовую одежду, войлок, кожи, сало, металлические изделия, посуду, чай, фрукты, пряности и т.п. (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, л. 30, л. 9—10; Бараба, 1893, № 57, 108; Венюков, 1868, с. 285; Город Томск, 1912, с. 48—71; Ельницкий, 1895, с. 91; Костров, 1874, № 25, 27, 32; Скалозубов, 1902, с. 32, 37—38, 45; В.И., 1862, № 20, 21; Стефановский, 1864, № 7; Филиппов, 1904, с. 3; Фрейдин, Гавровский, 1912, с. 31; Хвостов, 1809, с. 9; Валеев, 1980а, с. 97; Томилов, Богомолов, Курочка, 1975, с. 183—185).

Местами торговли были прежде всего города Тобольск, Тюмень, Ялуторовск, Тара, Омск, Каинск, Томск и др. Так, Тобольск уже в XVII в. стал „крупным торгово-промышленным и торгово-транзитным центром“, имея торговые связи с 55 российскими городами (Вилков, 1967, с. 322—323). В Тобольске часто вели торговлю тобольские, тюменско-туринские, ясколбинские, курдакско-саргатские и тарские татары, где они вступали в контакты друг с другом. Нередко тоболо-итрышские татары выезжали с товарами на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки, а также в Оренбург, города Казахстана. Кроме того, проводились ярмарки и в отдельных поселениях местных татар, в основном в волостных центрах. Так, крупная ярмарка проводилась ежегодно в с. Ембаево, приуроченная

проведению праздника сабантуя (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 1, д. 30, 10; Балкашин, 1881, с. 3; В.И., 1862, № 20, 21). Такие местные ярмарки организовывались также в барабинских и томских селениях. Часто тобольские татары бывали в Тюмени и Ялutorовске, выезжая через эти города на Московский тракт. Через Ялutorовск, в частности, проходили дороги на Уфу, Казань и в сибирские города (Наш край в документах..., 1966, с. 52). Некоторые татары занимались молочной (разносной) торговлей по деревням, в том числе и по отдаленным от торговых центров и ярмарок (В.И., 1862, № 20; Ельницкий, 1895, с. 91).

Тобольские татары на протяжении всего изучаемого нами периода нередко появлялись на томском рынке, воспоминания эуштинцев об общении с ними сохранились до сих пор (Томск в XVII веке, с. 139—140; Messerschmidt, 1962, с. 117; МЭП ТГУ, 1970, л. 872). Проезжая Барабу, тобольские татары вступали в контакты с барабинскими татарами, часть из которых вела мелкую торговлю вдоль Московского тракта, а затем вдоль Сибирской железной дороги (Воробьев, 1933, с. 2). Барабинцы редко бывали с торговыми целями дальше Омска и Тары, лишь единицы из них ездили торговать в Томск, и то нерегулярно. Только поздней осенью и в зимнее время их обозы с рябчиками, гусями и рыбой отправлялись в соседние округа Тобольской и Томской губерний, порой «далеко на восток и запад», вплоть до Ишимской ярмарки и г. Тюмени, а также на юг в Барнаульский округ (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 264, л. 7—7 об.; Бараба, 1893, № 108). В свою очередь, томские бухарцы и отдельные татары иногда вели торговлю в Барабе, кроме того, бывали они в Тобольске и Тюмени (Messerschmidt, 1962, с. 54, 149). Но в основном их торговые интересы были направлены на юг, где они с XVII в. торговали с телеутами, шорцами, казаками (Бояршинова, 1950, с. 57; Уманский, 1972, с. 131). В целом, торговые связи эуштинцев, чатов и калмаков с остальными сибирскими татарами были весьма слабыми, можно даже сказать, что в какие-то периоды их фактически не существовало. Нам представляется верным вывод Ф.Т. Валеева (1980а, с. 97) о том, что «торговля большинства трудовых масс татарского населения не выходила за пределы волости, уезда».

Этнокультурные процессы

К концу XVI — первой четверти XIX в., т.е. до начала развития капиталистических отношений у сибирских татар, этнокультурные процессы среди них развивались прежде всего в направлении увеличения культурной однородности отдельных этнических групп, а также возрастания общих черт в культуре соседних групп, в возникновении культурной общности всех групп тоболо-иртышских татар, групп барабинцев и групп томских татар (эуштинцев, чатов, калмаков).

Татары тоболо-иртышской группы вели в этот период оседлый образ жизни (Кабо, 1949, с. 35). Основным типом жилищ для тюменских, тобольских, курдакско-саргатских и тарских татар были бревенчатые избы, обычно с плоским верхом, или бревенчатые юрты без настила пола, известные им до прихода русских (Ядринцев, 1885, с. 141). Подобными были летние постройки конусообразной формы. Для тарских и тобольских татар в наиболее ранний период были характерны жилища из сырцовых кирпичей и дерна, но впоследствии среди всех сибирских татар распространились избы русского типа с сенями, видимо, появившиеся сначала у тюменских татар. Основным видом очага были чувалы и глинобитные печи с вмазанным котлом. В таких домах окна на улицу не выходили, а имелись только со стороны двора (РИБ, т. II, с. 280; Памятники сибирской истории, 1885, с. 287; Алексеев, 1941, с. 134; Белявский, 1833, с. 4—5; Георги, 1799, с. 26; Зиннер, 1961, с. 23; Кабо, 1949, с. 25; Карцов, 1935, с. 69; Катанаев, 1893, с. 38—39; Катанов, 1905, с. 3; Кацурагава Хосю, 1978, с. 127; Миллер, 1937, с. 232—233; Оглобин, ч. 1—2, с. 94; Хондажевский, 1880, с. 7; Шунков, 1956, с. 19).

В качестве средств передвижения у всех групп татар Тоболо-Иртышского бассейна бытовали в тот период лодки — как дощатые, так и долбленные, — лыжи-подволоки и голицы, нарты ручные и нарты, запрягаемые собаками, а у ясколбинцев оленями. Использовались верховые лошади, их запрягали также в телеги, а зимой в сани русского типа или даже в нарты на севере у ясколбинцев (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, д. 30, л. 94; АИ, т. I, с. 341; Алексеев, 1941, с. 211; Георги, 1799, с. 24; Зиннер, 1968, с. 18; Катанаев, 1893, с. 27, 39; Миллер, 1937, с. 296, 370; 1941, с. 152; РИБ, т. II, с. 275, 280; Сибирские летописи, с. 316, 321, 337; Томск в XVII веке, с. 148; Фирсов, 1920, с. 16; и др.).

Относительно одежды тоболо-иртышских татар XVII — начала XIX в. сведения по всем группам отложились неравномерно. Известно, что во всех группах носили небольшие мужские шапки типа тюбетеек, камзолы с длинными рукавами, головные повязки, шубы. У тарских и тобольских татар бытовали бешметы, халаты бухарского покроя. Часто мужская одежда шилась из шкур мехом наружу или сукна, а женская — из хлопчатобумажных тканей. Мужская одежда у тобольских татар была короткая, а женская длинная. Имеются такие сведения, что тобольские татары носили тулупы, модные платья, покрывала на голову (женские, одевали только на улице), мужские и женские шапки, короткую обувь (царык), из украшений — серьги, кольца в носу (их носили самые знатные и зажиточные женщины), мужчины брили голову и оставшиеся только на макушке волосы заплетали в три пряди, бороду не носили (Алексеев, 1941, с. 134, 210, 348; Белявский, 1833 с. 5).

Зиннер, 1961, с. 23; Катанов, 1905, с. 4; Кацурагава Хосю, 1978, с. 127; и др.). Кольцами в носу украшали себя и тарские татарки (Зиннер, 1961, с. 23).

В Государственном музее этнографии народов СССР хранится коллекция предметов быта тарских татар, поступившая от Ю.О. Горбатовского в 1904 г. Все они датируются второй половиной XVIII — началом XIX в. Коллекция включает татарский халат бухарского покроя, сшитый из полосатого шелка и украшенный аппликациями — цветами, сделанными из кусочков ткани; головные уборы кавац — мужская бархатная шапочка с тульей из полоски прямоугольной формы и с круглым верхом, колпак — праздничная женская шапка из голубой парчи и красного бархата с высоким вытянутым верхом, расшитая цветами из шелковых лент, золотой и серебряной канители и украшенная бусами и медными бляшками; шейное украшение чилбыр из цветных лент, тесьмы, бляшек, серебряных цепочек и камней; пять серебряных пуговиц и одна коралловая (ГМЭ, колл. № 474-1-10). Возможно, что такого рода одежда, головные уборы и украшения имели распространение и у других татар Тоболо-Иртышского бассейна. Но в одежде татар этой группировки, как видно из приведенных сведений, имелись и групповые различия. Так, в одном фольклорном сюжете ясколбинских татар описываются кожаные башмаки с деревянной подошвой (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, д. 30, л. 94). Д.Г. Мессершмидт писал о курдакско-саргатских татарах, что у них он видел женские остроконечные сшитые монетами шапки, которые не носили тогда тобольские татарки (Messerschmidt, 1962, с. 46).

В пище татар Тоболо-Иртышского бассейна в указанный период было много общего. Все они употребляли рыбу (вареную, жареную, сушеную), мясо диких животных и особенно любили лошадиное мясо, пили кумыс. Целый ряд общих блюд был у тобольских, тарских и курдакско-саргатских татар — ячменная мука, истолченная в деревянной ступе, вареная в котле сухая рыба, чай с мукой и маслом, изготовленная из овсяной муки брага (буза), выгнанная из кобыльего молока водка (арака). Видимо, эти блюда бытовали и среди тюменских татар, но данных об этом у нас нет (Алексеев, 1941, с. 53, 134, 143, 210, 323, 348—349, 393; Андреев, 1960, с. 162; Зиннер, 1961, с. 23; Катанов, 1905, с. 3—4; Кириллов, 1839, с. 433; Никольский, 1901, с. 257; Поляков, 1877, с. 9—10; и др.). В то же время существовали, вероятно, и какие-то отличия в питании разных групп. В частности, некоторые из них в XVII в. не употребляли или почти не употребляли в пищу хлеб. Дошло до нас сведение о своеобразном напитке тюменских татар середины XVI в. — смеси кобыльего молока со свежей кровью забитой лошади (Алексеев, 1941, с. 143). Немало общих или сходных предметов домашней утвари и орудий труда тоболо-иртышских татар XVI—

XVIII вв. фиксируются сведениями ученых и путешественников (АИЭЛ, ф. К-V, оп. 1, № 2, л. 4; Алексеев, 1941, с. 349; Знаменский, л. 3—14 об.; Сергеев, 1889, № 33; Смирнов, 1936, л. 5; Тальгрэн, 1917, с. 5—21; и др.).

С распространением среди татарского населения мусульманской религии укреплялись общие моменты в семейных отношениях и обрядах. К таким сходным явлениям относились обычаи калыма, сговора, раздельного угощения мужчин и женщин во время семейных событий, левирата, погребения с умершими оружия, сосудов и других предметов, очистительных омовений и др. (Алексеев, 1941, с. 360; Буцинский, 1889, с. 305; Зиннер, 1961, с. 23; Катанов, 1905, с. 4; Нечто о Сибири..., 1806, с. 88; Спасский, 1822, с. 22; и др.). Но и здесь, видимо, были различия между отдельными группами, о чем свидетельствуют некоторые материалы по XIX — началу XX в. (Валеев, 1972, с. 99—116; Валеев, 1980а, с. 156—177; МЗСЭЭ ОмГУ, 1974—1985).

Данные о религии тоболо-иртышских татар, главным образом домусульманских верованиях (Алексеев, 1941, с. 35; Бахрушин, 1916, с. 13, 17, 21—23; 1955а, с. 41; Валеев, 1976в, с. 320—331; 1980а, с. 195—210; Катанов, 1905, с. 3; Комаров, 1895, с. 159; Поляков, 1877, с. 21—22; Храмова, 1956, с. 484; Юшков, 1861, с. 305—308, 318, 345; и др.), также свидетельствуют как об общих чертах в этой сфере их культуры, так и своеобразии конкретных представлений у отдельных групп. То же самое следует сказать о фольклоре и его сюжетах (Архив НБ ТГУ, фонд Г.Н. Потанина, д. 2327, л. 158; Бахрушин, 1955а, с. 35—36, 41, 49—50, 58—59; Катанов, 1895—1896, 1897; Лосева, Томилов, 1980, с. 18—32; Потанин, 1892, с. 41—45, 65—67; 1898; Саттаров, 1959, с. 9—10; Сибирские летописи, с. 342; и др.).

Много материалов по культуре барабинских татар XVII—XVIII вв. привела в своей статье З.Д. Титова (1976, с. 108—147), но почти все они остались недифференцированными по каким-либо группам барабинцев, поэтому создается впечатление, что культура у них была единообразной. Но даже по материалам более позднего периода, в основном второй половины XIX — 20-х гг. XX в. (Томилов, Богомолов, Курочка, 1975, с. 178—205), удалось обнаружить у них некоторые своеобразия в хозяйстве и культуре по отдельным районам расселения. Да и по данным разных опубликованных источников все же можно выделить отдельные различия в культуре разных групп барабинцев конца XVI — первой четверти XIX в. Они проявлялись, например, в средствах передвижения татар Изембекских юрт в особых повозках с колесами из березовых сучьев диаметром свыше двух метров, в своеобразном способе отгона насекомых с помощью привязанных пучков березовых ветвей при движении верхом на лошади татар северо-запада Барабы (Merschmidt, 1962, с. 58; Филимонов, 1892, с. 13).

В жилищах, помимо общего деления их на летние и зимние постройки, наличия всюду чувалов и нар внутри зимних помещений, наблюдались все же отличия (Бараба, 1893, № 73; Георги, 1799, с. 113—114; Зиннер, 1961, с. 18, 24; Катанов, 1905, с. 4; Костров, 1874, № 74; Messerschmidt, 1962, с. 57, 62—63, 69; Потанин, 1884а, с. 102; Ядринцев, 1891, с. 52; и др.) У разных групп были, например, различные виды летних построек из жердей — навесы, постройки типа шалашей (палаток), чумы. Покрытия их также отличались: в одних местах покрывали просто ветками и травой, в других — тростниковыми циновками и рогожами, в третьих — войлочными покрывками и шкурами, в четвертых — берестой. Зимние жилища в основном представляли собой четырехугольные бревенчатые сооружения — юрты без пола и часто без окон, но в северных районах имели распространение полуземлянки, а в отдельных деревнях постройки с каркасными стенами, заполненными смесью глины и соломы. Даже бревенчатые постройки у разных групп татар отличались друг от друга по покрытию (крыли кос-где балками, а в других местах жердями, глиной и соломой, в третьих — жердями и землей), наличию или отсутствию окон, сеней и щелей для стрельбы в случае обороны жилища. Отметим и разные виды поселений — в одних случаях они состояли из неправильных улиц, в других дома соединялись друг с другом заборами и образовывали звездоподобную фигуру поселения или какую-либо другую фигуру.

Сведения об одежде барабинцев (Бараба, 1893, № 73; Зиннер, 1961, с. 24; Костров, 1874, № 37; Messerschmidt, 1962, с. 58; Титова, 1976, с. 126—128; Томилов, 1978а, с. 176—198; Филимонов, 1892, с. 13; и др.) свидетельствуют о целом ряде одинаковых для всех местных татар видов одежды, обуви и головных уборов. Но имели место и определенные различия — например в видах чулков (меховые или вязаные) или замене их наматываемыми на ноги кусками ткани, в видах бешметов (с рукавами или без рукавов), в украшениях (в ношении или отсутствии колец в носу и т.п.), в обуви и других элементах комплексов одежды барабинцев. Вероятно, определенные своеобразные блюда и отличия в составе пищи татар разных групп также можно проследить по каким-то материалам, но пока имеющиеся сведения не дают возможности сделать этого, они говорят об определенном единообразии пищи барабинцев. В семейных обрядах некоторые различия проступают в способах захоронения: в наземных, воздушных, грунтовых захоронениях, одевании покойника в одежду или завертывании в саван, в разной ориентировке тела покойного в могиле, разных видах надмогильных сооружений и других моментах (Георги, 1799, с. 118; Зиннер, 1968, с. 51—52; Messerschmidt, 1962, с. 58—59; Радлов, 1895, с. 191; Томилов, 1980б, с. 119—123). Определенные, свойственные только одним группам татарского населения Барабы фольклорные сюжеты

и религиозные домусульманские верования также могут быть выявлены материалами (Архив НБ ТГУ, № 2327, л. 57—58, 159; Георги, 1799, с. 117—118; Зиннер, 1961, с. 19—20; Костров, 1874, № 25, 37, 38; Татары Западной Сибири, 1860, с. 644; Титова, 1976, с. 133—142; и др.), но больше всего здесь проступали все же общие для всех барабинцев явления.

В Томском Приобье эуштинцы, чаты, калмаки и обские татары к приходу русских для верховой езды и для перевозок грузов использовали лошадей. Об этом свидетельствуют находки стремян и удила в погребениях „Тоянова городка“ и Басандайки, кроме того, лошадь использовалась татарами для несения службы в томском гарнизоне в XVII в. и для выполнения подводной повинности (Бояршинова, 1950, с. 52; Плетнева, 1976, с. 65—72; Грязнов, 1976, с. 73—89). Поскольку категория служилых татар существовала и в XVIII—XIX вв. (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 546, л. 2 об., 6 об., 18; Завалишин, 1863, № 47; Потанин, 1867, с. 8), а ямскую повинность выполняли вплоть до начала XX в. (Материалы по исследованию крест. и инор. хоз-ва в Томском округе, 1900, т. II, вып. IV, с. 21), и тогда еще широко бытовала верховая езда. Что касается саней, телег и соответственной конной упряжи, то они были заимствованы местными тюрками у русских и поэтому были относительно однообразными. У местного населения были и нарты, в XVII в. ими пользовались служилые эуштинцы, чаты, калмаки, в походы зимой они отправлялись на нартах (Миллер, 1941, с. 583), которые, по всей видимости, сами и изготовляли (Бояршинова, 1950, с. 54). А.Ф. Миддендорф (1869, с. 534) отмечал, что в начале XVIII в. „...даже по большой столбовой дороге около Томска летом ездили на лошадях, а зимой на собаках“. По данным М.А. Абдрахманова (1959, с. 216), томско-тарское название нарт — цанак — позднее перешло на небольшие ручные нарты. Исчезновение собачьей упряжки и нарт у томских татар произошло в результате возрастания в их хозяйстве роли русских саней и под влиянием постепенного ослабления охоты в связи с экономическим освоением района. Старейшие жители д. Тахтамышево рассказывают, что слышали от своих дедов или отцов, как раньше татары разводили собак и ездили в собачьих упряжках.

Основным средством передвижения тюрков Притомья зимой в начальный период присоединения Сибири к России были, несомненно, лыжи. Использовать для верховой езды лошадь могли далеко не все, так как не все имели ее, а при занятии пешей охотой в условиях таежной и лесостепной полосы лыжи были незаменимы. В первой половине XVII в. нередким было использование лыж местными тюрками и для военных переходов в составе русских отрядов (Миллер, 1937, с. 452; Бояршинова, 1950, с. 44; Памятники Сибирской истории, 1882, с. 137, 141). Летом в качестве передви-

жения широко использовались лодки. Предполагается применение эуштинцами в прошлом плотов сал, но подробностей об их сооружении получить не удалось. В XVII в. аборигенное население Томского уезда изготовляло лодки из бересты, в прошлом широко распространенные в Западной Сибири (Бояршинова, 1950, с. 55; Историко-этнографический атлас Сибири, с. 115), но основным типом лодки у томских татар была долбленка, изготовлением которой эуштинцы занимались еще до прихода русских (Бояршинова, 1950, с. 54). Видимо, с появлением среди калмаков, чатов и эуштинцев русских, распространились одинакового вида дощатые лодки.

Сведения о жилищах названных тюркских групп в литературе, к сожалению, отрывочны. В XVII в. среди них широко бытовали землянки и полуземлянки (Бояршинова, 1950, с. 30—31; Очерки истории города Томска, с. 15). Некоторые типы древних жилищ, относящиеся к дорусскому населению юга Томской области, связываются местными жителями с легендами о „чуди“ или „черных людях“ и называются „чудскими“ (Томилов, 1964, с. 19—21; МЭП ТГУ, 1964, л. 594, 835, 1594, 1621). Скорее всего, что тюркам Притомья до прихода русских также известно было жилище в виде четырехугольного сруба. Летним жилищем им служили каркасные постройки, сооружаемые на летовках (летних поселениях) из жердей и покрытые либо берестяными тисками, либо войлоком, либо рогожей, а у обских татар, кроме того, шкурами досей (Адрианов, 1912, с. 2; Георги, 1799, с. 143, 161; Ельницкий, с. 89; Иванов, 1927а, с. 101; Ядринцев, 1891, с. 44—45). Телеутам (в том числе затем и группе калмаков) и татарам были известны и шалаши с плетеными стенками (Историко-этнографический атлас Сибири, с. 158), для обозначения которых применялись термины *утоу* у эуштинцев и *оду* у калмаков (Абдрахманов, 1959в, с. 214; 1964, с. 88). Память о распространении в прошлом шалашей со стенками из веток в качестве жилищ сохранилась среди калмаков до сих пор (МЭЭ ТГУ, 1971, т. 391-2, л. 29). Одним из наиболее древних типов жилищ телеутов были своеобразные сооружения в ярах или расщелинах гор с передней стенкой из ветвей, но в середине XVIII в. такие жилища уже исчезли (Георги, 1799, с. 161). Широко распространенными в телеутских селениях были мазанки с плетеными стенками. Позднее такую постройку описал и привел ее рисунок В. Радлов, (Radloff, 1884, с. 331—333). О распространении в прошлом глиняных мазанок в калмакских деревнях нам рассказывали несколько местных жителей, а одну из таких с пологой двухскатной крышей мне довелось увидеть в д. Б. Улус (МЭЭ ТГУ, 1970, т. 391-3, л. 11, 24; т. 391-4, л. 11; и др.).

Уже в первые десятилетия присоединения Сибири к России в поселениях томских татар, расположенных близ Томского городка, появились русские срубные жилища (Бояршинова, 1950, с. 70).

Постепенно от русских переселенцев томские татары научились сами строить бревенчатые избы, надворные постройки, бани, колодцы и т.д. (Очерки истории города Томска, с. 15). В XVIII в. изба русского типа стала среди групп томских татар повсеместно распространенным явлением, в том числе и среди северной группы телеутов (Георги, 1799, с. 161; Ядринцев, 1891, с. 149—150). В целом изменение типов татарского жилища было характерно для всех сибирских татар, но быстрый переход к русским типам построек был особенно заметен у тюменских и томских татар (Россия, 1907, с. 250; Храмова, 1956, с. 475).

В XVII в. у томских татар существовало ткачество, а также скорняжное дело. Из тканей и обработанных шкур шили различные изделия, в том числе и одежду. Местное население при изготовлении обуви в качестве вспомогательного материала использовало бересту — в Басандайском могильнике были обнаружены берестяные задники и каблуки. У русских и среднеазиатских купцов татары получали бисер, бусы, бронзовые перстни, пуговицы, стеклянные круглые зеркала, серьги, колокольчики и другие предметы, часть которых, по всей видимости, использовалась в качестве украшений (Бояршинова, 1950, с. 56—57). При военных действиях первой половины XVII в. чаты и белые калмыки надевали на себя куяки и пансыри, одежду, обшитую толстой кожей (Емельянов, 1978а, с. 84). О головных повязках и фате, о заплетании девушками трех и более кос, а на свадьбе у чатов тридцати кос сообщил П.С. Паллас (1786, с. 423—424), а о двух видах женских шапок, вышитых воротниках и ушных подвесках-нитях всех татар Томского Приобья — И.Г. Георги (1799, с. 28). И.П. Фальк (1824, с. 546) заметил, что татары-магометане одевались опрятнее по сравнению с обскими татарами, оставшимися язычниками. Последние носили одежду, сшитую из шкур и выделанных кож (Георги, 1799, с. 143). Некоторые виды одежды из шкур носили также зуштинцы, чаты и калмаки — в частности нагрудники с большим количеством украшений, штаны, камзолы, шубы, тулупы. По сведениям информаторов, в далеком прошлом охотники одевались раньше в какую-то меховую одежду длиной до колен и тканую одежду с меховым подкладом. С такой одеждой использовали охотничьи ремни (кайыш). О покрое этого вида распашной одежды подробностей получить не удалось. Городские знатные татарки в XVIII в. носили яркие наряды из зеленой и красной штофной ткани (Messerschmidt, 1962, с. 90).

В XVII в. основные пищевые продукты всем тюркоязычным группам Томского Приобья давали их главные занятия — охота и рыболовство. Скотоводство, которое они вели в небольших масштабах, было источником получения молока и мяса. Довольно значительной среди продуктов была доля дикорастущих трав, ягод,

кедрового ореха. Зерновые продукты занимали в пище небольшое место, потому что мотыжное земледелие примитивного типа не могло дать значительного количества зерна, да и не все местные тюрки им занимались. Вероятно, в составе пищевых продуктов татар Приобья не было каких-либо кардинальных изменений и в XVIII в. (Бояршинова, 1950, с. 48—50; Паллас, 1786, с. 424). Мясо и рыба были по-прежнему основными продуктами питания, поскольку охота и рыболовство в тот период сохраняли свое значение. Лишь постепенно за счет домашнего скота увеличивалась доля мяса и молока. На протяжении XVII и XVIII вв. определился и состав скота, который они держали и кололи на мясо. Еще до прихода русских местные тюрки употребляли конину (Бояршинова, 1953, с. 27), с приходом русских увеличилось значение говядины и баранины. Свинину употребляли в пищу лишь те татары, которые были обращены в христианство, основная же масса татар-мусульман относилась к свинине отрицательно. Под влиянием русского населения увеличилось значение хлебных продуктов. По-прежнему значительной оставалась роль собирательства: ягоды, съедобные травы и корни, выкопанные с помощью корнекопалок, были существенным дополнением к остальным продуктам питания. Среди зажиточных татар распространялось употребление чая, но многие вместо чая заваривали кипятком травы (Георги, 1799, с. 28; Паллас, 1786, с. 424).

О конкретных блюдах разных групп татар Приобья в период с XVII — первой четверти XIX в. сведений почти не сохранилось. Но материалы последующих десятилетий XIX — начала XX в. свидетельствуют о большом единообразии кухни всех групп татар Приобья. Процессы, которые привели к этому единообразию, развивались именно в предшествующее время. Такие же выводы были получены нами при рассмотрении семейных и общественных обрядов, различных сторон духовной культуры калмаков, чатов и зуштинцев.

При обобщении изложенных здесь в кратком виде данных по этнокультурным процессам всех групп сибирских татар приходим к еще одному выводу. Наряду с тем, что круг общих культурно-бытовых явлений в больших группировках тоболо-иртышских, барабинских и томских татар увеличивался, возникали и общие черты культуры всех трех названных групп. И.Г. Георги и П.С. Паллас приводили, например, одинаковое наблюдение относительно однотипности одежды татар Приобья и Приобья и тоболо-иртышских татар. Д.Г. Мессершмидт сообщал об одинаковом обычае тарских татар и барабинцев давать названия населенным пунктам в XVII — первой четверти XVIII в. по именам известных людей (Messerschmidt, 1962, с. 47, 56—58). Н.М. Ядринцев (1891, с. 46) считал, что в XVIII в. томские татары по одежде и обычаям были

схожи с тобольскими и тюменскими татарами. А.П. Дульзон (1956в, с. 303) полагал, что обычай ставить над могилами бревенчатые сооружения, который сохранился до наших дней, „...составляет отличительную черту чатов среди другого тюркского населения Томи“. Это наблюдение представляется верным, хотя бревенчатые срубные постройки над могилами ставили затем и зуштинцы, и калмаки. Но интересно и то, что такого рода сооружения были зафиксированы нами фактически у всех групп тоболо-иртышских и также барабинских татар (Томилов, 1980б, с. 119—123). В 1933 г. Н.И. Воробьев, известный советский исследователь этнографии татар, писал, что внешний быт оседлых барабинцев был близок „к татарскому, особенно тобольским татарам, с которыми они связаны в культурном отношении“ (1933, с. 2).

Этнокультурные процессы у разных групп сибирских татар в XIX — начале XX в. были постоянно в центре нашего внимания и в последние годы нашли отражение в целом ряде публикаций (Томилов, 1969, с. 103—130; 1972а, с. 84—88; 1972в, с. 126—139; 1972г, с. 87—97; 1973б, с. 209—227; 1973в, с. 169—177; 1976г, с. 148—162; 1978б, с. 131—149; 178в, с. 176—198; 1978д, с. 88—95; 1978к, с. 208; 1979, с. 122—127; 1980б, с. 119—123; 1980г, с. 31—35; 1980д, с. 200; 1981, с. 46—47; Томилов, Богомолов, Курочка, 1975, с. 178—205; Богомолов, Томилов, 1976, с. 196—213; и др.). Часть материалов по культуре сибирских татар была опубликована в „Историко-этнографическом атласе Сибири“ (1961). Недавно в печати вышла также книга по этнографии тоболо-иртышских татар Ф.Т. Валеева (1980в, с. 232), большая часть разделов которой посвящена культуре и быту этого же периода. Все это избавляет нас от необходимости подробно анализировать каждое культурное явление в каждой этнической и локальной группе. Наши основные выводы при анализе этнокультурных процессов у сибирских татар следующие.

К концу XIX — началу XX в. возросла прежде всего культурная однородность больших этнокультурных группировок тоболо-иртышских, барабинских и томских (включая зуштинцев, чатов и калмаков) татар. Особенно ярко этот процесс проявился у тоболо-иртышских татар. В.В. Храмова отмечала, что до революции у них были распространены общие занятия: земледелие, животноводство, охота, рыболовство, большую роль играл извоз, общие черты отмечались в поселениях, жилищах, одежде, пище, семейном быте, народном искусстве. Одновременно она указывала на преобладание у тюменских татар земледелия, у ясколбинских (заболотных) татар — рыболовства, отмечала и некоторые бытовые отличия между разными тюркоязычными группами Тоболо-Иртышского бассейна (Храмова, 1956, с. 476—485). Интересное исследование традиционных свадебных обрядов сибирских татар провел Ф.Т. Валеев. Он

обнаружил большую общность в этих обрядах у татар Тоболо-Иртышья. В то же время для дореволюционного периода им отмечены и отдельные различия в свадебных циклах тобольских, тюменских и тарских татар. Они проявились, в частности, в обычае колыбельного стовора, сватовстве, церемониале свадебного поезда, в обычае „очищения“ молодых огнем и других обрядах (Валеев, 1972, с. 99—113).

В своей основной работе Ф.Т. Валеев рассматривает культуру тоболо-иртышских татар в основном как цельное явление, не дифференцируя описания культурных сторон разных групп этих татар. В то же время им отмечаются отдельные моменты культуры и быта, характерные лишь для какой-то группы татар Тоболо-Иртышья. Так, он описывает своеобразные облавные приемы охоты на волков в южных и юго-западных районах Тарского уезда, из его материалов выявляются некоторые различия в ремесленных занятиях тобольских, тюменских и тарских татар, отмечается своеобразие амбаров с самцовыми перекрытиями тобольских татар, домов с приподнятой с одной стороны крышей „заболотных“ татар, различия в названиях саней у тобольских, тюменских и тарских татар, в разных видах баурсаков — жареных в масле кусков сдобного теста у этих же групп татар, особый вид печенья из пресного теста — колчен — у тюменских татар, приготовление кумыса только в южных и юго-западных районах Тарского уезда, употребление в пищу тарскими татарами цоцек — тонкого слоя на стволе березы — и тюменцами мэрэ — тонкого слоя на стволе сосны, особое свадебное угощение тобольских татар (неизвестно тарским) — янбаш туй, своеобразие выдолбленных из дерева чайных чашек тюменских татар, камзола с короткими рукавами тюменских и ялutorовских татар, верхней одежды — сукмэн — у тарских и тюменских, войлочных шляп у тобольских и тюменских татар (Валеев, 1980а, с. 91—95, 110, 113—114, 130—131, 134—136, 139—141, 145, 147, 169). Им отмечены особенности в свадебных обрядах всех основных групп татар Тобольской губернии, обращено также внимание на своеобразие некоторых обычаев: угощения по поводу первого сбривания волос у ребенка, способа определения сроков начала весеннего сева по весу гусиных яиц у тарских татар. Ф.Т. Валеев приводит описания меры длины пэцэтнэ, равной примерно трем аршинам, у тобольских и тюменских татар, иррационального способа лечения радикулита ударами ковша по дверям семи домов у части тобольских татар, лечения малярии испугом у тарских и тобольских, выпечки блинов при чтении молитв по усопшим у тюменских, а также разных представлений о хозяине леса и разных видов оберегов у всех татар Тоболо-Иртышского бассейна (Валеев, 1980а, с. 169—171, 175, 184, 189, 193, 201—203, 207—209).

В то же время сбор этнографических материалов у разных групп тоболо-иртышских татар (МЗСЭЭ ОмГУ, 1974—1985; МЭП ОмГУ,

1975—1980), изучение музейных материалов — БНМ, колл. № 97—103, 108, 134, 288, 293, 347, 789, 820 и др.; ГМЭ, колл. № 7 (1—11), 91 (1, 28—30, 140, 141), 489 (1—2), 596 (1—3), 7198 (1—26); МАЭ, колл. № 770 (1—2), 3660 (1—2); 4921 (1—35), 6066 (1—5); МАЭ ОмГУ, колл. № 1 (1—90), 2 (1—81), 12 (1—3), 13 (1—36), 14 (1—103), 15 (1—122), 20 (1—36), 22 (1—182), 27 (1—22), 30 (1—18); МАЭС ТГУ, колл. № 2109, 6050—1, 9022—11; ОмГИЛМ, № 7048, 7143, 8583 (5—7), 8683, 8721 (1—8), 8974 (1—77), ТГМЗ, № 26—107, 109—208, 254, 258—273, 275—333, 335—379, 382—396, 406, 411—416, 419—471, 1239, 1336—1343; ТюмОКМ, № 1407, 1420, 1742, 1801, 1931, 1934, 1936, 1939, 1988, 1990, 2021, 2818, 2825, 3081, 3086, 3089; и др.) — и более дифференцированный подход к изучению культуры каждой этнической и каждой локальной группы позволяют сделать вывод, что такого рода своеобразных моментов в культуре и быте отдельных татарских групп можно выявить значительно больше. Некоторые результаты наших исследований в этом направлении опубликованы, в частности материалы по погребальному обряду, орнаментике, головным уборам тоболо-иртышских татар (Томилов, 1978в, с. 176—198; 1980б, с. 119—123; Богомолов, Томилов, 1980, с. 153—160; Богомолов, 1978в, с. 96—101; 1978в, с. 159—171; и др.). Фактически выявляемые особенности культурных явлений позволяют очертить этнокультурные ареалы, в основном совпадающие с дифференциацией тоболо-иртышских татар на пять этнических групп. Кроме того, внутри тобольской, тюменской, тарской и курдакско-саргатской групп выделяются некоторые культурные особенности локального характера, соответствующие выделенным нами локальным этнографическим группам. Так, удастся выявить своеобразие некоторых видов средств передвижения, фольклорных сюжетов, религиозных воззрений у ялуторовских татар по сравнению с тюменскими, в погребальных обрядах и фольклоре курдакских и саргатско-утузских татар, в целом ряде культурных явлений иштякско-токузской и бабасанской групп тобольских татар, аялынцева и туралинцев в тарской группе. Но в целом в начале XX в. действительно наблюдалась высокая степень культурной однородности тоболо-иртышских татар. Этот факт нашел отражение и в оценке ученых того времени, которые указывали, что татары Тобольской губернии „по своему этнографическому составу и формам быта представляют из себя более или менее неразделимое целое“ (Россия, 1907, с. 270).

Для барабинцев в конце XIX — начале XX в. также было характерно наличие многих общих культурно-бытовых характеристик, хотя отмечались некоторые различия в отдельных явлениях культуры по районам расселения татар — Томилов, Богомолов, Курочка, 1975, с. 178—205; Томилов, 1978к; с. 30; МАЭ ОмГУ, колл. № 3 (1—33), 19 (1—45); МАЭС ТГУ, № 5962—73, 7102

(1—6), 9022 (5—10); НОКМ; № 9056, 10990 (1—19, 84—87); ОмГИЛМ, № 1448, 1451, 1455, 1456, 1508, 1521, 1539, 1558, 1569, 2175, 2191, 2192, 2199, 2217, 2219, 2345; 2545, 2549, 3075, 3087, 3155, 4603; ТОКМ № 4075 (1—27). Среди всех местных татар в той или иной мере были распространены охота, рыболовство, скотоводство, земледелие. С другой стороны, по нашим материалам обнаруживаются различия в хозяйственных укладах северных и южных барабинцев. У северных групп наиболее развиты были пешая охота и рыболовство, количество скота было небольшим, а земледелием занимались не все хозяйства. В южных районах Барабинской степи аборигенное население больше занималось скотоводством, определенную роль в их хозяйстве играли рыболовство, охотничья охота и частично земледелие.

Среди жилищ барабинских татар в этот период встречались разные типы — землянки, полуземлянки, дома из дерна, плетеные мазанки и бревенчатые дома. Многие из них имели широкое распространение по всей Барабе. В то же время землянки и полуземлянки, как это отмечал Г.Н. Потанин (1884а, с. 102), были характерны для северных барабинцев. В средствах передвижения у всех барабинцев выделяются одинаковые типы лодок (остроконечная долбленка западносибирского варианта, колодообразный бат, небольшие дощатые лодки), лыж (выгнутые и прямые подволоки, голицы с прибивной дощатой ступательной площадкой, голицы с бортиками), встречались одинаковые нарты, верховые седла. Однако обнаруживается более широкое распространение лыж в северной группе, а верховой езды — в южной группе барабинцев. В одежде некоторые отличия выявляются между западными и восточными барабинцами, а своеобразные моменты в фольклорных сюжетах, домусульманских религиозных верованиях, народной медицине, погребальных обрядах были характерны в XIX — начале XX в. для татар разных мест Барабы.

В тот же период продолжается синтез культурно-бытовых явлений эуштинцев, чатов и калмаков в Томском Приобье и Притомье. Процесс этот начался в XVII в. и развивался неравномерно, несмотря на сильное смешение этих этнических образований. Тем не менее, хотя и существовали некоторые различия в занятиях этих групп, отдельных явлениях культуры и быта, все же в конце XIX — начале XX в. они носили в большей степени вариантный характер и не всегда являлись этноразделяющими факторами (Томилов, 1980д, с. 200). Так, в томской группе татар (этим понятием для XIX—XX вв. объединяются указанные три группы местных тюрков) распространились одинаковые виды орудий и способы охоты, рыбной ловли и собирательства. В целом, в XIX — начале XX в. из этих местных традиционных занятий значительно упала роль охоты, а в некоторых деревнях ею не занимались вообще. В охоте томские

татары использовали ружья и покупные железные капканы. При охоте на волков (этот вид охоты был особенно развит среди калмаков) употребляли чекмары-дубинки, ловили волков и западнями. Иногда охотники применяли на охоте длинные ножи (клинки). На колонка, горностаю и глухаря ставили самодельные деревянные ловушки, в охоте использовали черканы и самострелы, на зайца ставили петли (Томилов, 1973б, с. 218—219).

В рыболовстве основными орудиями у всех групп томских татар были сети и невода. Рыбаки при ловле неводом объединялись в артели по три-четыре человека (Материалы по исследованию крест. и инср. хоз-ва в Томском округе, 1900, т. II, вып. III, с. 206). Рыбу ловили удочками (кармак), переметами, „дорожками“. Широко распространены были орудия лова корзиночного типа: морды-суган, корчажки. Для рыбалки в протоках использовали фитили и др. Осенью крупную рыбу били ночью острой (цацки, сапак). Иногда небольшую речку либо часть реки перегораживали запрудой — читан (Томилов, 1973б, с. 219—221).

В животноводстве, роль которого в конце XIX — начале XX в. повысилась во всех группах томских татар, методы содержания и ухода за скотом были одинаковы. Для пастбы скота в теплый период два раза в год (до посева и после уборки урожая) устраивали покотины, использовали все общинные земли. Для молодняка и лошадей, постоянно необходимых в хозяйстве, устраивали „засеки“ — отдельные загородки внутри покотины. Зимой за скотом обычно ухаживали мужчины, подвозили сено, убирали новоз, кормили овсом и сеном. Крупный рогатый скот обычно держали в стайках, прикрытых жердями и соломой, или просто на крытом дворе, часто и в открытых загонах. Теплые хлева строились только для мелкого скота и молодняка (Материалы... Томского округа, 1900, т. II, вып. III, с. 145).

Отличия в занятиях томских татар в конце XIX в. были в том, что если у эуштинцев отсутствовало хлебопашество, среди чатов им занимались немногие, то в хозяйстве калмаков, наоборот, оно играло главную роль (Материалы... Томского округа, 1899, т. I, вып. I, с. 248—249, 256—265, 272—281, 288—295; Абдрахманов, 1959а, с. 34). В последних двух группах способы ведения земледелия и сельскохозяйственные орудия труда были одинаковы. У всех групп томских татар до революции отсутствовало огородничество. У чатов и эуштинцев в XIX — начале XX в. на первое место выдвигаются занятия промыслами — извозно-ямщицким, лесным, дровяным, сенозаготовительным. Некоторые своеобразные черты в группах томских татар сохранились в средствах передвижения. Так, например, у чатов и эуштинцев были подшитые лосиными и лошадиными шкурами лыжи с выгибом под ступательной площадкой, выделяемые нами в особый западносибирский тип подволоков (Томилов, 1980д,

с. 57—60), а в калмакских деревнях они не бытовали. Наоборот, прямые лыжи калмаков и эуштинцев, видимо, не имели распространения среди чатов. Некоторое разнообразие наблюдалось и в голицах, но во всех группах встречались и однотипные лыжи, например голицы с круто загнутым носком и прямо обрезанным задником (Томилов, 1979б, с. 197—198; МАЭС ТГУ, колл. № 7067-4; ТОКМ, колл. № 4074-1; МЭЭ ТГУ, 1970; т. 391-1, л. 2, 3, 12, 18—19, 26—27; т. 391-2, л. 28; т. 391-3, л. 29; т. 391-7, л. 36; т. 391-11, л. 26; т. 391-13, л. 42; МЭП ТГУ, 1970, л. 40, 47, 880; и др.). Основным типом лодки у всех томских татар была долбленка с острым носом и кормой. В то же время у калмаков и эуштинцев были колодообразные лодки, не имевшие в конце XIX в. распространения среди чатов.

Некоторые различия сохранялись до революции, с одной стороны, между жилыми постройками калмаков, с другой — постройками чатов и эуштинцев. Встречались разные типы землянок и полужемлянок. У чатов и эуштинцев они чаще всего были рублеными, с двухскатными крышами, в калмакских жилищах большее распространение имели обмазанные глиной стенки из плетня и плоские крыши. Кроме того, калмаки обычно строили свои землянки в ярах по берегам рек и заводей, как и их предки телеуты. В бревенчатых же домах всех томских татар наблюдалось единообразие их типов (однокамерная изба, пятистенный дом, реже крестовый дом). Много общих традиционных черт было во внутреннем интерьере жилищ — нары, использование кошмы, ковров, печи чувалы, расположение постельных принадлежностей на нарах или сундуках „горой“, занавески около нар, перекладыны под потолком для подвешивания одежды и т. д. В большинстве срубных домов стены не белили и не красили, пол также ничем не покрывался. Лишь с внешней стороны жилища томских татар украшались орнаментом, расположенным на наличниках окон, карнизах. Встречались одинаковые орнаменты в большинстве деревень, но имелись и отличия. Так, например, в узорах чатских домов выявлялось гораздо больше мотивов растительного характера, чем в эуштинских и калмакских (преимущественно геометрических) орнаментах (Томилов, 1980д, с. 80—98; Томилов, Богомолов, 1976, с. 196—213). Общими могут считаться отдельные типы хозяйственных построек (загоны для скота, земляные постройки, стайки, овины, амбары, сараи и бани). В то же время, хотя большее количество амбаров и сараев было зафиксировано в 1894 г. в калмакских деревнях (Материалы... Томского округа, 1899, т. I, вып. 1, с. 248—249, 252—255, 264—265, 269—271, 280—281, 284—287), их постройки чаще были сделаны из плетеных прутьев. Среди чатов и эуштинцев преобладали, наоборот, срубные и дощатые хозяйственные постройки.

Одежда томских татар данного периода была в основном однотипной (Томилов, 1980д, с. 137—160). Но и в этой сфере материальной культуры также выявляются различия. Своеобразные виды одежды и головных уборов отмечены прежде всего в калмакской одежде — женская одежда кинек, женские штаны чамбар, прямоспинная шуба (тон), мужские штаны, сшитые из двух пар кусков шкуры, безрукавка сырмак, шапка тагья, сшитая из четырех прямоугольных полос, войлочная шапка бурек (МЭЭ ТГУ, 1970, т. 391-1, л. 8, 38, 45; т. 391-7, 41; т. 391-13, л. 6; т. 391-15, л. 13; и др.). Все они имеют явные аналоги с телеутской одеждой (Потапов, 1951, с. 32, 33, 35—36; Историко-этнографический атлас Сибири, с. 335; МЭЭ ТГУ, 1970, т. 391-7, л. 6, 7, 41) и в прошлом у других групп томских татар не встречались.

В пище большинство блюд было общим для всех томско-татарских деревень (Томилов, 1976г, с. 148—162; Томилов, 1980д, с. 181—198). Различия в этой области наблюдались скорее между разными социальными категориями татар, нежели их группами. Но в целом в материальной культуре и занятиях прослеживались черты, которые отличали эуштинцев, чатов и калмаков друг от друга.

Различия проявлялись также в области семейной обрядности. Например, в программу свадьбы обских чатов в XIX в. входили конные скачки, у остальных групп они не проводились. Даже в похоронных обрядах, которые под влиянием мусульманства были общими для всех татар, отмечались отдельные особенности. Если покойников обычно хоронили завернутыми в саван в могиле с нишей, то в д. Тегильдеево (эуштинская группа) бывали случаи захоронения в долбленных гробах. В этой же деревне вокруг могил ставили плетенные из прутьев круговые загородки, а для чатских кладбищ были более характерны срубы на могилах. В то же время отметим, что обряды томских татар, связанные с рождением, наречением имени ребенку, бракосочетанием, похоронами, имели и много общих черт.

Сходными были также домусульманские религиозные верования, фольклорные сюжеты и жанры. Но и здесь наблюдались различия. У калмаков имелись культовые места вне поселений (в горе Тешик-тау и других местах), что почти не имело места у чатов и эуштинцев. Отмечаются разные сюжеты легенд и сказок. Так, легенда эуштинцев о том, что их предки приплыли в низовья Томи на бревне, легенды о богатырях, перебрасывающихся топорами, об Ушае и Томи и другие неизвестны калмакам, а некоторые из них — чатам. В то же время сказания калмаков о богатырях Яркови, Хамзаби, Занзаби, Галтабие, Кашкадые, Меркуттае и других не знают и не знали раньше эуштинцы и чаты. В чатских деревнях до сих пор рассказывают легенды об арсланах-силачах, сюжеты которых неизвестны в соседних селениях эуштинцев и калмаков.

Объем общих культурных явлений в XIX — начале XX в. увеличивался в целом у всех сибирских татар, чему способствовали контакты (хотя и нерегулярные) тоболо-иртышских, барабинских и томских татар, общность мусульманских воззрений, обрядов и обычаев, увеличивающееся влияние культуры поволжских татар. Для хозяйственного облика многих групп сибирских татар в прошлом была характерна комплексность — соединение земледелия, животноводства с охотой и рыболовством. Почти у всех у них к концу XIX — началу XX в. увеличивалась роль промысловых занятий. В способах и орудиях традиционных видов охоты и рыболовства обнаруживается много общих черт у всех сибирских татар. Мотыжное земледелие, характерное для томских татар XVII в., в прошлом было знакомо тоболо-иртышским и барабинским татарам. И плужное земледелие, распространившееся в основном под влиянием передовых форм русского хозяйства, было в общих своих чертах однотипным, развивающимся в одном направлении с русским земледелием.

В традиционных средствах передвижения сибирских татар общими были типы деревянных седел, ручные охотничьи нарт, лыжи-подволоки западносибирского типа, лыжи-голицы с бортиками в месте ступательной площадки, лодки-долбенки западносибирского варианта остроконечных лодок. Общие черты в поселениях, жилищах и хозяйственных постройках имелись в дореволюционные годы у томских, барабинских и тоболо-иртышских татар, что, в частности, нашло свое отражение в близости определенной группы терминов (Абдрахманов, 1959в, с. 210—213; Храмова, 1956, с. 479—491; и др.). Многие виды одежды сибирских татар, как видно из приведенных материалов, были общими для разных групп, сходство в одежде отмечалось с XVIII в., что могло явиться как отражением давних историко-культурных и отчасти этногенетических связей, так и результатом более поздних контактов. Значительное сходство обнаруживается в пище разных групп сибирских татар. Но, несмотря на выявляющийся комплекс общих явлений материальной культуры тоболо-иртышских, барабинских и томских татар, в этой области сохранились различия этнодифференцирующего и этноразделяющего характера. То же самое относится и к различным сферам духовной культуры, к области общественного и семейного быта, обрядности. В начале XX в. в научной литературе отмечалось, что томские татары „вполне похожи на тобольских“, что „близко подходят по типу к томским татарам и каинские, известные под именем барабинцев“ (Головачев, 1914, с. 46; Россия, 1907, с. 270). Необходимо заметить, что эти высказывания основывались на поверхностных наблюдениях быта сибирских татар и отмечали лишь одну сторону развивающихся среди них этнокультурных процессов.

Следует отметить слабую религиозность в дореволюционное время отдельных групп барабинских и томских татар (например, в

некоторых аулах барабинцев мечети посещались очень редко, в мечетях или около входа в них мужчины курили, спорили с муллой и т. д.) и широкую распространенность разнообразных религиозных верований домусульманского характера. Это ослабляло консолидирующую роль мусульманства в этнокультурных процессах сибирских татар. В начале XX в. их этнокультурное развитие по-прежнему осуществлялось преимущественно в рамках отдельных крупных этнокультурных ареалов, в основном совпадающих с этническими образованиями тоболо-иртышских, барабинских и томских татар. Некоторые возникавшие формы профессиональной и полупрофессиональной культуры и литературы у сибирских татар, а также система образования (частные школы, народные училища и т. д.), как правило, ограничивались рамками татарского населения отдельных губерний и округов (Валеев, 1980а, с. 210—214; Город Томск, 1912, с. 72; Долгоруков, 1903—1904, с. 174; Карпова, 1912, с. 54—55; Музыкальная этнография..., 1909, с. 134—135; Памятная книжка Западно-Сибирского учеб. округа, 1895, с. 237; Саттаров, 1959, с. 9; Чавыкин, 1911, с. 158; и др.).

Этноязыковые процессы

На территории Тоболо-Иртышского бассейна довольно компактное расселение каждой из групп татар приводило к формированию у них отдельных наречий. В то же время языки тобольских, тюменско-туринских, ясколбинских, курдакско-саргатских и тарских татар взаимодействовали друг с другом и в целом имели общую основу в виде „говоров кыпчакских и карлукских племен“ (Ахатов, 1963, с. 24). Возникшая близость этих языков и дала возможность Д.Г. Тумашевой рассматривать их как говоры одного тоболо-иртышского диалекта (1977, с. 28). Она выделяет тюменский, тобольский (с восточно-тобольским подговором), заболотный, тевризский и тарский говоры (Тумашева, 1977, с. 241). К сожалению, историческому языкознанию сибирских татар в лингвистике пока уделяется недостаточно внимания, поэтому вопросы хронологии формирования и функционирования выделенных говоров остаются еще не изученными.

Г.Х. Ахатов считает, что диалект западносибирских татар, под которыми он подразумевает именно татар Тоболо-Иртышского бассейна, начинал формироваться еще в XV-XVI вв., а с присоединением Сибири к Русскому государству процесс сложения этого диалекта значительно углубился и в целом завершился еще в феодальную эпоху (1963, с. 24; 1965, с. 5). Этот диалект, по его мнению, имеет распространение у тюменских, ялуторовских, тобольских и тарских татар. Д.Г. Тумашева полагает, что формирование отдельных говоров проходило интенсивно в рамках вхождения Сибири в состав Русского государства. Она пишет: „Активное об-

щение населения внутри одного и соседних районов, большие территориальные перемещения, участие в общих военных походах, использование татарского населения на строительстве городов, ямской службе и т. д. приводило к интенсивному этническому и языковому смешению. Помимо этих факторов на развитие диалекта оказывали значительное языковое влияние бухарцы... Более поздним по времени, но не менее интенсивным являлось влияние языка поволжских татар в его диалектной и литературной форме. Разные соотношения всех этих компонентов на различных территориях и привели к образованию существенных диалектных расхождений, позволяющих выделить на данной территории... пять говоров..." (Тумашева, 1977, с. 154).

Данная лингвистическая классификация в основном совпадает с нашей этнической дифференциацией тоболо-иртышских татар. Тюменский говор охватывает тюменских и ялуторовских татар (тюменско-туринская группа), тобольский говор — тобольских и частично курдакских татар, заболотный — ясколбинских, тарский — тарских и тевризский — большую часть курдакско-саргатских татар.

Уже отмечалось, что все пять говоров объединяются Д.Г. Тумашевой в единый диалект. Она считает также, что „наибольшее языковое сходство имеют тюменский, тобольский и тарский говор..." (1977, с. 154), на основе их языковых особенностей происходило сложение прообраза общенародного языка тоболо-иртышских татар, наддиалектного койнэ (1968, с. 174). Этот ятноязыковый процесс развивался в результате „стихийной нормализации языковых явлений, создание подобия наддиалектного койнэ было общим процессом для всей территории и диалекта" (Тумашева, 1969, с. 27). Тем не менее единого разговорного языка тоболо-иртышских татар, по ее мнению, так и не возникло, говорные различия оставались существенными. Наоборот, Г.Х. Ахатов считает, что развивавшийся процесс сближения говоров татар Тоболо-Иртышского бассейна привел к значительной языковой однородности и исчезновению различий между ними. Он полагает, что „исторические условия и хозяйственно-экономические уклады в жизни западносибирских татар создали такие предпосылки, при которых различия между говорами становились весьма незначительными и едва-едва уловимыми", а в настоящее время говоров в этом диалекте не существует вовсе (Ахатов, 1963, с. 26). Представляется, что этот исследователь больше исходит из современного состояния языка тоболо-иртышских татар, когда говорные различия действительно продолжают сглаживаться. Что же касается всего предшествующего дореволюционного периода, то особенности отдельных говоров имели довольно существенный характер. В XIX в. отмечалось, например, что тарское и тобольское наречия различались между собой „в словах и выговоре" (Словцов, 1844, с. 104). Известно, что В.В. Радлов выделял тарское, тобольское

и тюменское наречия, а затем туралинский, курдакский и тоболо-тюменский диалекты (Тумашева, 1977, с. 7—8).

Развитие говоров барабинских татар привело к тому, что к началу XX в. их язык считался единым диалектом, не имеющим говоров и входящим в систему диалектов сибирских татар. „Язык их есть татарский и при том меньше башкирского испорченного наречия“, — сообщалось в справочном издании начала XIX в. (Географический словарь, 1801, с. 342). Отметим все же, что, на наш взгляд, язык восточных барабинцев так и остался не изученным лингвистами, о чем мы уже говорили во втором разделе настоящей работы. Это, естественно, несколько снижает значение полученного лингвистами вывода об однородности и цельности барабинского диалекта (Тумашева, 1977, с. 226), тем более, что радловскими материалами выявляются различия между словами теренинцев и барабинцев — двух групп местных татар (Дмитриева, 1966, с. 157). Л.В. Дмитриева пишет, что „разнобой в передаче слов между нашими записями 1950 и 1967—1968 гг. и, чаще в последних, даже в пределах одного аула свидетельствует о том, что барабинское произношение еще не стабилизировалось, и это находит отражение в словаре к текстам“ (1981, с. 6). Она считает, в отличие от выводов Д.Г. Тумашевой, что процесс диалектного становления языка барабинцев еще далеко не завершен и в наши дни (Дмитриева, 1981, с. 5). Как видим, имеются серьезные основания считать, что диалект барабинцев в конце XIX — начале XX в. все же не был единым и состоял из двух или более говоров.

Эуштинцы, чаты и калмаки, хотя и были довольно различными группами тюркского населения Томского Приобья, но с XVII в. находились между собой в довольно тесных связях, а их языки, как считает А.П. Дульзон (1956в, с. 297), были близки друг к другу. Все это способствовало выравниванию этих трех тюркских групп. В конце XIX — первой четверти XX в. широкое распространение получила точка зрения о том, что томские татары, т.е. эуштинцы, чаты, калмаки, переселившиеся к ним из разных местностей Сибири татары и бухарцы говорят на одном языке (Россия, 1907, с. 270; Ядринцев, 1891, с. 42; Шнейдер и Доброва-Ядринцева, 1928, с. 62). О едином томском наречии писали и раньше, в первой половине XIX в. (Словцов, 1844, с. 104). Исследователь говоров томских татар М.А. Абдрахманов отмечал, что особенно быстро процесс нивелирования различий тюркских языков в Притомье „...про- текал в чатском и эуштинском говоре, что позволило Г.Ф. Миллеру, оставившему некоторые рукописные материалы по языку томских тюрков, заметить, что эуштинский диалект является „совершенно схожим с чатским“ (Абдрахманов, 1960, с. 1). Следовательно, время формирования чатско-эуштинского говора следует отнести к XVIII в., скорее, его первой половине. Тогда же, видимо, шло сложение

калмакского говора, но он еще долгое время отличался от чатско-зуштинского и окончательно сблизился с ним где-то только во второй половине XIX — начале XX в. В это время в основных своих чертах завершился процесс формирования томского диалекта сибирских татар, который начал развиваться с XVII в., когда при общении с белыми калмыками (телеутами) русские в качестве толмачей использовали зуштинцев.

Наряду с языковыми процессами у татар отдельных территорий Западной Сибири, приводившими к формированию говоров и диалектов, развивались этноязыковые процессы более широкого плана — процессы сближения трех диалектов (тоболо-иртышского, барабинского и томского). И.Г. Георги еще во второй половине XVIII в. считал, что по языку и культуре томские татары „...совершенно подобны тобольским татарам, и думать надобно, что они с ними и туралинцами (у Георги это тюменские татары. — *Н.Т.*) одной орды“ (1799, с. 28). Также полагал и И.Х. Аделунг (Adelung, 1806, с. 490), а Н.М. Ядринцев (1891, с. 45) в конце XIX в. указывал на сходство языка томских и тарских татар. М.А. Абдрахманов (1959а, с. 20) полагал, что „тоболо-иртышские элементы были внесены в общий томско-тюркский языковой комплекс благодаря чатам“. На общность черт в языке барабинцев и тоболо-иртышских татар указывал В.А. Богородицкий (1933, с. 55; 1953, с. 13). Л.В. Дмитриева (1951, с. 5) также пришла к выводу, что язык тоболо-иртышских татар имеет много общего с языком барабинцев. На общие черты говоров томских, барабинских и тоболо-иртышских татар обращал внимание и М.А. Абдрахманов (1959в, с. 195; 1960, с. 1—2).

Общее изучение всех трех диалектов сибирских татар позволило Д.Г. Тумашевой серьезно обосновать положение о близкородственности этих диалектов. С другой стороны, она пришла к выводу, что процесс этноязыковой консолидации в XVII — начале XX в. развивался все же очень медленно. „В результате этого, — пишет она, — диалектная дробность, которая не была преодолена в эпоху существования Сибирского ханства, продолжала сохраняться, а иногда даже и углублялась“ (1977, с. 271). Какого-то единого общенародного языка у сибирских татар, расселенных на значительной территории, несмотря на связи, имевшие место между отдельными группами, не возникло. „Процесс объединения диалектов и нивелировка диалектных черт у сибирских татар, слабо вовлеченных в процесс капиталистического развития, не имел под собой, — считает Д.Г. Тумашева, — необходимой социально-экономической основы и поэтому не достиг той степени концентрации, которая могла привести к образованию общего и единого для данной территории языка“ (1968, с. 168—169). Совершенно самостоятельными диалектами считает и Г.Х. Ахатов (1963, с. 24, 184) языки томских и

барабинских татар (он объединяет их в диалекте восточносибирских татар) и язык тоболо-иртышских татар (диалект западносибирских татар).

И все же в разные периоды конца XVI — начала XX в. функционировавшие с различной степенью интенсивности разного рода социальные и хозяйственно-торговые связи, культурно-бытовые контакты привели к тому, что тоболо-иртышский, барабинский и томский диалекты приобрели характер диалектов смешанного типа. Даже говор наиболее отдаленной на восток группы томских татар — калмаков — не составлял исключения. В нем появились сходные черты не только с эуштинско-чатским говором, но и с тевризским и в целом с тоболо-иртышским диалектом (Тумашева, 1968, с. 167, 174). Нивелированию этноязыковых различий разных групп сибирских татар и увеличению их языковой однородности во многом способствовал язык сибирских бухарцев, а также язык поволжско-приуральских татар. О результатах их взаимоотношений с диалектами сибирских татар речь еще пойдет в нашей работе.

На местных сибирских диалектах говорила подавляющая часть коренного татарского населения. Так, в 1897 г. в Тобольской губернии татарский язык считали родным 99,3% всех татар, в том числе 99,4% мужчин и 99,2% женщин. Среди барабинцев в том же году татарский язык называли родным 96,2% татар, в т.ч. 96,5% мужчин и 95,9% женщин (Патканов, 1911, с. 5, 255).

Этническое самосознание

В выбранный для изучения период в разных группах сибирских татар в качестве самоназваний долгое время функционировали племенные, родовые названия или этнонимы этнических образований, вошедших в состав этих групп в качестве компонентов. К ним относятся: в тюменской группе — *шибани* (от шейбанидов), в тобольской, тарской и тюменской — *нугай*, *ногай*, в тарской группе — *кидани*, *аялу*, *туралы*, в курдакско-саргатской — *курдаки* (*коурдаки*), *саргачи*, *сарты*, в ясколбинской — некоторые тугумные наименования — *юша*, *торна*, *цаплай* и др., в барабинской — *бараба*, *терена*, *келеве*, *лонга*, *теленгуты*, *сарты* и др., в томской — *яушталар*, *цаттыр*, *калмактар*. Некоторые из этих названий сохранились сейчас, в употреблении соседних с разными группами татар народов. Так, башкиры, казахи, ханты и манси именуют татар *хатань* (видимо, кидани), *турали*, *ногай*, *бараба*, селькупы — *тын*, чулымские тюрки — *цат* (мн. ч. *цатлар*, *цаттар*) (Ахатов, 1963, с. 20; Миллер, 1937, с. 188, 291; Радлов, 1872, с. XI—XII; Сибирские татары, с. 911; Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов, 1871, с. LXVIII; Томилов, 1969, с. 106; 1978к, с. 29; и др.). Постепенно некоторые из них выходили из употребления самих татар, о них сохранились только воспоминания, или

они забылись окончательно. Но такие этнонимы, как *нугай*, *аялу*, *яушталар*, *цаттыр*, *калмаklar* и некоторые другие и в начале XX в. использовались как обозначения отдельных групп населения.

Наблюдалась тенденция образования этнонимов, характерных для этнических групп. У тоболо-иртышских татар такими групповыми этнонимами стали *тоболик* (*табулык*), *тарлик* (*тарлык*, *тарылык*), *тюменик* (*тюменлек*), *курдак* (*коурдак*). Ясколбинских татар в прошлом видимо, называли *ясколба* (*яскалбы*), в XIX — начале XX в. их все чаще стали называть заболотными татарами. Но это второе название не стало самоназванием этой группы татар. Одно из племенных названий *бараба* (*барама*, *параба*) становится общим этническим самоназванием коренных барабинских татар. У томских татар с XVII в. существовало название *томтатарлар* (томские татары), первоначально употреблявшееся лишь по отношению к эуштинцам и другим мелким тюркоязычным группам, населявшим Притомье еще до прихода русских. Позднее им стали обозначать и чатов, и калмаков, но насколько этот этноним в дореволюционный период превратился в эндоэтноним остается неизвестным. Среди томских татар по-прежнему сохраняли определенное значение самоназвания *яушталар*, *цаттыр*, *калмаklar*, а среди обских чатов бытовало еще и самоназвание *умартатарлар* (обские татары), так же называли их соседи и пришлые татары. В д. Юрт-оры в прошлом был распространен еще этноним *кыштымтатарлар* (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, № 30, с. 25; 42; Бояршинова, 1950; с. 33, 36; Буцинский, 1889, с. 289; Валеев, 1980а, с. 22; Волости и населенные места 1893 года, 1894, вып. 10, с. 80; Георги, 1799, с. 111; Зиннер, 1961, с. 18, Миллер, 1937, с. 188; Памятники Сибирской истории XVIII века, 1882, с. 517, 522; Радлов, 1872, с. XI—XII; Тихонов, 1941, с. 129; Томилов, 1978к, с. 24, 29, 31, 38—39; Храмова, 1956, с. 473; Щюц, 1841, № 3; и др.).

Обращает на себя внимание и тот факт, что складывающееся в каждой территориально-этнической группе представление о своем единстве проявлялось не только в возникновении группового этнического самоназвания, но прежде всего в представлении о своем отличии от других групп. С этим явлением мы встречались и в недавнее время. Отвечая на вопрос опросного листа для изучения современных этнических процессов „Какие группы сибирских татар Вы знаете?“, барабинские татары, например, часто говорили: „Ну, как же, как же, томских мы знаем — в Черной речке, в Барабинке живут, но это уже другие татары, не наши“ (МЭЭ ТГУ, 1971, т. 391-1, л. 14). Такое явление наблюдали мы и в группе тоболо-иртышских татар, например, тобольские и тюменские татары отличали себя друг от друга. С другой стороны, осознание тоболо-иртышскими татарами своей этнокультурной и языковой общности, а также расселение их только в Тобольской губернии приводило к

тому, что всех их называли тобольскими татарами, и порой они сами себя так называли. Это нашло отражение в публикации С.К. Паткановым материалов переписи населения 1897 г., в которой всех коренных татар Тарского, Тобольского, Тюменского и Ялуторовского уездов он назвал тобольскими татарами.

Во всех этнических группах сибирских татар в качестве этнических самоназваний среди разных категорий населения выступали социальные термины. Так, многие называли себя *ясаклы*, *ясачные* (*ясашные*, *исашные*), *ямушлы*, т.е. служилые татары, а после реформы Сперанского стали называться инородцами (МЭЭ ТГУ, 1969, т. 363-1, л. 8, 19, 26, 27, 66, 67; т. 363-6, л. 16; т. 363-7, л. 1; и др.; АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, № 30, л. 25; Храмова, 1956, с. 473). Некоторые из этих этнонимов в разговорах среди людей самых старших возрастов употреблялись еще относительно недавно, что нашло отражение в списке народов СССР в разделе самоназваний, опубликованном в 1967 г. (Брук, Козлов, 1967, с. 18). В прошлом в сознании людей социальные термины, обозначающие категории населения, играли важную роль в повседневной жизни и нередко служили терминами, отличающими их от людей других национальностей, в данном случае татар — *ясачных*, *служилых*, *инородцев* — от русских крестьян. А порой и этнонимы воспринимались, наоборот, как социальные наименования. Одно интересное дело, относящееся к самому началу XX в., хранится в ЦГИА в Ленинграде — это прошение инородца Туражской волости (барабинского татарина) Ахметчана Богсутинова о перечислении его в киргизы Павлодарского уезда Семипалатинской области (ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 60, л. 1—6).

Отличая себя от пришлых бухарцев и поволжско-приуральских татар, сибирские татары в отдельных районах Тоболо-Иртышского бассейна называли себя топ-нерлы-халк, то есть старожилы (Храмова, 1956, с. 473). Ясколбинские татары в насмешку называли первых казанских татар, поселившихся у них в 1914 г., *кылымчак* (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, № 30, л. 43). В свою очередь, пришлые татары коренных сибирских татар во многих местах называли *курчаклар*, то есть кукольники, за их поклонение куклам-идолам.

Появление таких общих для большинства сибирских татар этнических самоназваний, как *ясашные*, *инородцы* способствовало в дореволюционный период, конечно, в определенной степени, осознанию общности своих судеб и своей близости. Также и единая мусульманская религия привела к тому, что татары называли себя мусульманами, нередко вкладывая в этот конфессионим этнический смысл (Словцов, 1838, с. 4). Интересно, что при опросе барабинских татар в 1971 г. один человек назвал себя мухамедзянским татаринном (Томилов, 1978к, с. 86).

Русские сначала называли тоболо-иртышских татар *агарянами*, но сразу же называли их и татарами, а в некоторых местах

чалдонами (за цоканье в языке). По отношению к татарам разных групп были широко распространены территориальные обозначения: русские звали их тюменскими, ялutorовскими, тобольскими, туринскими, заболотными, ясколбинскими, тарскими, барабинскими, томскими, андреевскими (по названию озера), белаковскими (по названию речки), киньрскими (по названию городка), верхотурскими и т. д. (Миллер, 1937, с. 288; 1941, с. 12; Сибирские летописи, с. 191, 197, 317; и др.). Об этом говорят прежде всего архивные материалы разных веков. Позднейших татарских переселенцев из-за Урала русские звали захребетными татарами, то есть переселившимися из-за хребта, но широкого распространения и длительности бытования этот термин не получил.

Ясно, что русские с самого начала называли местное тюркоязычное население татарами, так же они часто именовали их в документах, наряду с обозначениями *ясачные*, *инородцы* и т. д. Сами местные жители вначале не называли себя татарами, во всяком случае сведений, подтверждающих обратное, у нас нет. И.Е. Фишер (1755, с. 430) писал в середине XVIII в., что те, кого сейчас зовут татарами, имени этого не принимают, считая поношением. В середине XIX в. в литературе по-прежнему отмечалось, что казанские и астраханские татары отрицают, что они татары, а сибирским татарам это название „собственно не принадлежит“ (Гагеместер, 1854, с. 8; Павловский, 1860, с. 33—34).

Но все же с приходом русских и под их непосредственным влиянием обращение к местным тюркам в форме *татары* постепенно закрепилось, и сами они также считали себя татарами. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные материалы — челобитные и прошения XVIII — начала XX в. Их так много, что приводить сноски на них не имеет смысла. В одном деле, документы которого относятся к концу XIX в., мы обратили внимание на выражение „звание ясашных татар“ (ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 24, л. 9 об). Можно предположить, что термин *татары* имел для части сибирских татар социальный смысл. Но в целом, конечно, употребляя его, они прежде всего имели в виду свое этническое определение. Даже в конце XIX — начале XX в., видимо, еще не все сибирские татары называли себя татарами. Так, по данным 1893 г., в тоболо-иртышском регионе „...некоторая часть населения губернии (Тобольской. — Н.Т.) называет себя татарами“ (Волости и населенные места 1893 года, 1894а, вып. 10, с. 42).

Одновременно в XIX — начале XX в. распространяется более сложная форма данного этнонима, а именно *сибиртатарлар*, то есть сибирские татары. В первых двух десятилетиях XX в. общий этноним *сибиртатарлар* получает более широкое бытование во всех группах сибирских татар, отражая тем самым родство этих групп и общность их исторического пути. И хотя по-прежнему

употреблялись еще и старые этнические самоназвания, тем не менее этноним *татарлар* (татары) и его сложная форма *сибиртатарлар* стал основным для значительной части сибирских татар. Необходимость бытования самоназвания *сибиртатарлар* была связана с практикой общения в тот период разных татар — коренных сибирских, пришлых поволжских и приуральских. Последних же часто называли казанскими, уфимскими, симбирскими татарами, мишарами и др.

На наш взгляд, усиление притока поволжских татар в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX в. привело сибирских татар к необходимости как-то отличать себя от пришельцев и соответственно к более широкому распространению эндоэтнонима *сибиртатарлар*. Видимо, в тех селениях сибирских татар, где пришлых татар было меньше или не было вовсе, этот вид этнонима получил меньшее распространение. Об этом свидетельствуют и данные нашего времени. Так, по результатам анкетирования разных групп сибирских татар 1969—1971 гг. видно, что в тоболо-иртышской группе процент назвавшихся сибирскими татарами (50,4%) оказался ниже, чем в барабинской (66,1%) и томской (66,7%) группах. Данные наших генеалогических обследований татарского населения Западной Сибири как раз и говорят о том, что меньше контактов с поволжскими татарами имели именно тоболо-иртышские татары.

И все же следует еще раз подчеркнуть, что во всех группах сибирских татар продолжали бытовать и местные групповые этнические самоназвания, то есть существовала система двух уровней этнического самоназвания — группового и общесибирского татарского. А общая тенденция изменений в этническом самоназвании сибирских татар постепенно развивалась тогда в сторону возрастания значения общего этнического самосознания, нашедшего выражение в этническом самоназвании *татарлар* и в его сложной форме *сибиртатарлар*.

Усилению общего этнического самосознания сибирских татар в тот период способствовали и некоторые представления в их сознании, в частности, представления о том, что все они потомки кучумовских татар, что наиболее древние их предки появились в Сибири в эпоху Чингиз-хана, пришли сюда вместе с ним, что основная „родина“ сибирских татар — это территория, где когда-то существовало Сибирское ханство, то есть районы Притоболья и Прииртышья, что там находятся захоронения их предков и т.п. Такие представления имели распространение не только среди тоболо-иртышских татар, но и среди барабинских и томских, у которых и сейчас можно услышать предания о переселении их предков с берегов Тобола и Иртыша, о бегстве их отсюда во времена сражений Ермака с Кучумом и др. У сибирских татар были и свои священные места, в частности, могилы рядом с Кучумовым городищем, около которых

в мае и сентябре собирались татары „для поминовения своих погребенных там предков, живших в Искере“ (Абрамов, 1862, № 22). Интересно, что часть казанских татар, поселившихся в Сибири, восприняла эти представления у сибирских татар. Мне приходилось слышать, например, даже от казанских татар г. Енисейска, где они жили в прошлом обособленной группой и где совсем не жили сибирские татары, что Кучум был их татарским ханом, а произошли они от татар Чингиз-хана.

Глава 3 Межэтнические контакты

Процессы взаимодействия тюркских этнических образований

Поскольку сибирские татары были наиболее многочисленными в изучаемом регионе, рассмотрим сначала их межэтнические связи. Круг этих связей был довольно широк, но наибольшее значение для них имели контакты с сибирскими бухарцами, а затем и с казанскими татарами.

Как видно из предыдущего изложения, в Сибири бухарцы были довольно многочисленны — их было только в 4 раза меньше сибирских татар, и расселены они были в селениях коренных татар либо в ближайшем соседстве с ними. Прослойки трудовых слоев сельских бухарцев по экономическому положению были близки к ясачным и служилым татарам, их захребетникам. Правда, долгое время бухарцы-земледельцы имели льготы и не платили оброков с земель, не несли ямской повинности и т. д., но в 1698 г. правительство наложило оброк на бухарские земли, и далее оно продолжало постепенно ограничивать льготы бухарцев. Во второй половине XVIII в. они уже были фактически на одном положении с местным татарским населением, по реформе 1822 г. вместе с татарами они попали в одну категорию оседлых инородцев (Бахрушин, 1959, с. 21, 460—461). Вместе они подавали и прошения с просьбой освободить их от ямских повинностей, крестьянского оклада и вернуть в прежнее положение (ГАОО, ф. 2, оп. 2, д. 158; л. 1—344; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 365, л. 98—102 об. — „Прошение захребетных татар и бухарцев Тобольской губернии на имя царя“ 1825 г.).

В 1834 г. были определены новые права бухарцев в отношении торговли, фактически ликвидировавшие их льготы и в этой области, увеличены подати с земли (введена подымная подать по 10 руб. с дыма) и определены натуральные повинности (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1505, л. 1—6). Естественно, это опять вызвало ряд прошений бухарцев, оставшихся без отклика со стороны правящих кругов (ЦГИА, ф. 1265, оп. 5, д. 211, л. 1—7). С основной массы бухарцев,

занимавшихся на землях частного владения земледелием и торговлей, в XIX в. взималась подымная подать, а с тех, кто имел участки на казенных землях — оброчная подать (ЦГИА, ф. 1265, оп. 3, д. 63, л. 2—3). По положению о бухарцах 1834 г. было решено лишь „ташкентцам и бухарцам Западной Сибири, занимающимся одною торговлею товарами из Бухарии, Ташкентии и прочих азиатских мест и живущих в городах Сибири не позднее учета 7-й ревизии, оставить право по грамоте 1795 г. торговать без гильдейских повинностей“ (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1505, л. 5—5 об.). Но эта группа сибирских бухарцев, проживавшая в городах, стремившаяся сохранить звание „бухарец“ и льготы в торговле, была в XIX в. очень малочисленной, в городах Таре, Тюмени и Тобольске их были буквально единицы (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 377, л. 72—78, 97—99; д. 1505, л. 108—190 об.). Некоторое представление о занятиях и социально-профессиональных группах бухарцев дают данные 1835 г. (табл. 26). В целом они свидетельствуют о многих общих моментах в их положении с сибирскими татарами. Многие из них, как и сибирские татары, помимо земледелия, занимались в XIX в. ремеслами, извозом, ямщиной, работами по найму и т. д., а также охотой и рыболовством (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 365, л. 98—100).

Наблюдались отдельные случаи перехода бухарцев в группы сибирских татар. Так, в конце XVII в. в юртах Каскаринских Тюменского уезда сыновья юртовского бухаретина числились захребетными татарами (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 445, л. 11—12). В тюменской окладной книге 1626—1627 гг. среди служилых татар были записаны один сарт и два бухарца (Бахрушин, 1955, с. 165). С целью получения земли некоторые бухарцы записывались в категорию ясачных татар. Совместное проживание бухарцев и сибирских татар приводило к тесным экономическим связям. В рамках сельских общин бухарцы покупали и арендовали у татар землю, вместе они производили выпас скота и т. д. (АТГМЗ, д. 154, л. 6—6 об.; Потанин, 1868, с. 69). Вместе с сибирскими бухарцами в одних караванах и обозах отправлялись по торговым путям местные татары, особенно татары тоболо-иртышской группы, которые часто ездили в города Средней Азии и Казахстана и вместе с бухарцами в некоторых из них имели даже небольшие торговые колонии (Балкашин, 1881, с. 3; Венюков, 1868, с. 297; Громыко, 1965, с. 31; ДАИ, с. 389; Ельницкий, 1895, с. 91; Полевой, 1965, с. 124).

Такие тесные связи и сближающееся социальное положение сибирских бухарцев и татар приводили к частым смешанным бракам между ними и укреплению семейно-брачных отношений в целом. Какая-то небольшая группа бухарцев, видимо, в XVI—XVII вв. вошла в состав барабинцев и полностью растворилась среди них, о чем свидетельствует наличие в XVII в. торговой группы среди

Таблица 26. Показатели занятий различных групп сибирских бухарцев, по данным 1835 г.

Социально-профессиональные группы	Тобольские		Тюменские		Тарские		Томские	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Земледельцы	508	31,7	425	34,8	461	36,4	7	5,4
Торговцы	184	11,5	79	6,5	50	3,9	—	—
Занятые извозно-ямщицкими работами	113	7,0	37	3,1	105	8,3	74	57,4
Ремесленники, наемные рабочие и служащие	766	47,7	656	53,7	638	50,3	14	10,9
Не имеющие собственного хозяйства, нищие	13	0,8	15	1,2	3	0,2	—	—
Не занимающиеся ничем по малолетству и инвалидности	—	—	—	—	11	0,9	34	26,3
Нет сведений	21	1,3	9	0,7	—	—	—	—
Итого	1605	100,0	1221	100,0	1268	100,0	129	100,0

Примечание. Рассчитано по: ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1505, л. 108—168.

барабинцев, ведшей торговлю с Джунгарией, Бухарой и Сибирью, а также воспоминания местных татар, поездки томских бухарцев в Барабу и другие моменты (Воробьев, 1933, с. 1; Messerschmidt, 1962, с. 149; ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 65, л. 19 об.). Издавна, еще до прихода русских, бухарцы вливались в состав тоболо-иртышских татар (особенно тобольских — Небольсин, 1848, с. 256). О смешении тюменских татар и бухарцев в городах в XVIII в. писал И.Г. Георги (1799, с. 23). Томские татары, как считали в XX в., также в значительной мере ассимилировали бухарцев (Шнейдер, Доброва-Ядринцева, 1928, с. 62), заключая с ними браки. Об интенсивном смешении бухарцев с сибирскими татарами в XVIII в. сообщает, основываясь на документах, Г.Н. Потанин (1868, с. 94).

Материалы 4-й и 5-й ревизий населения дают нам широкую картину брачных связей сибирских татар и бухарцев (табл. 27). Из них видно, что более пятой части всех браков сибирских татар было заключено с бухарцами в последней четверти XVIII в. Следует заметить, что они охотно отдавали своих дочерей замуж за бухарцев, но сами меньше женились на бухарских женщинах. С другой стороны, бухарцы заметно чаще, чем выдавали своих женщин замуж за сибирских татар, сами женились на ясачных и казачках (табл. 28, 29). Видимо, здесь все же сохранилась определенная тенденция негативного отношения части бухарцев к выдаче своих дочерей замуж за татар. Это могло быть связано с разным социальным положением этих групп населения, с сохранением небольших льгот для бухарцев, поэтому они и не желали перехода своих дочерей и сестер в более низкую, на их взгляд, категорию ясачных. Все же подавляющее большинство бухарцев в конце XVIII в. было

Таблица 27. Количество браков у сибирских татар в последней четверти XVIII в.

Виды браков	1782		1795*	
	абс.	%	абс.	%
Внутригрупповые	2745	74,8	1717	77,5
С людьми других национальностей:				
бухарцами	853	23,2	485	21,9
русскими	27	0,7	1	0,1
казанскими татарами	15	0,4	5	0,2
казаками	11	0,3	2	0,1
башкирами	6	0,2	2	0,1
калмыками	5	0,1	—	—
хантами	4	0,1	—	—
каракалпаками	2	0,1	2	0,1
манси	1	0,1	—	—
Итого	3669	100,0	2214	100,0

Примечания. Рассчитано по: ГАТЮТ, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 27, 31, 108—111, 138, 139, 141—143, 180, 289, 997.

* За 1795 г. имеются данные только по тюменским, ялutorовским, тарским и части курдакско-саргатских татар.

Таблица 28. Брачные связи бухарцев Тоболо-Иртышского бассейна в 1782 г.

Виды браков	Мужчины		Женщины		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Внутригрупповые	498	53,8	498	60,4	996	56,9
Браки с:						
ясачными	307	33,1	216	20,2	523	29,9
казаками	110	11,9	97	11,8	207	11,8
оброчными чувальщиками	8	0,9	9	1,1	17	1,0
дворовыми	2	0,2	4	0,5	6	0,3
казанскими татарами	1	0,1	—	—	1	0,1
Итого	926	100,0	824	100,0	1750	100,0

Таблица 29. Брачные связи бухарцев Тарского, Тюменского и Ялutorовского округов в 1795 г.

Виды браков	Мужчины		Женщины		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Внутригрупповые	568	60,2	568	75,4	1136	67,0
Браки с:						
ясачными	321	34,0	164	21,8	485	28,6
казаками	50	5,3	17	2,3	67	4,0
дворовыми	4	0,5	4	0,5	8	0,4
Итого	943	100,0	753	100,0	1696	100,0

Таблица 30. Количество браков у бухарцев
Тоболо-Иртышского бассейна
в последней четверти XVIII в.

Виды браков	1782 г.		1795 г.	
	абс.	%	абс.	%
Внутригрупповые	498	36,7	568	50,3
С народами других национальностей:				
сибирскими татарами	853	62,8	560	49,6
каракалпаками	4	0,3	2	0,1
башкирами	2	0,1	—	—
казанскими татарами	1	0,1	—	—
Итого	1358	100,0	1130	100,0

втянуто в постоянные брачные связи с местными татарами — в 1782 г. число таких браков у них равнялось почти 63% от всех брачных союзов (табл. 30).

В языке сибирских бухарцев наблюдался основной процесс перехода их при переселении в Сибирь на местные татарские наречия, хотя какое-то время среди них сохранялось знание персидского, таджикского или узбекского языков. Какого-то особого говора сибирских бухарцев не образовалось. В свою очередь, сами они повлияли на язык сибирских татар, внося в него много элементов среднеазиатских иранских и тюркских языков (Исхакова, Валеев, 1978, с. 31—39; Патканов, 1912, с. 162; Саттаров, 1959, с. 4; Тумашева, 1968, с. 13). В культуре сибирских татар они также способствовали распространению многих явлений культуры народов Средней Азии (Валеев, 1963; 1965; 1979б; 1980а; Томилов, 1976б; 1978д; 1980д; и др.).

Существенные изменения под влиянием связей с сибирскими татарами стали происходить и в этническом самосознании бухарцев. Если в XVIII в. из-за стремления сохранить свои льготы они утверждали иногда, что являются в России инородцами (ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 189, с. 49), то в XIX — начале XX в. они уже не в такой мере возражали против того, чтобы их называли бухарскими татарами. Тем не менее, в «дореволюционное время бухарцы в Сибири постоянно указывали на свое среднеазиатское происхождение, называя себя „бухарлык“ (бухарец)...» (Валеев, 1980а, с. 31). Социальные перегородки мешали бухарцам окончательно войти в состав сибирских татар. Будучи по языку и культуре уже фактически татарами, сильно смешавшись с ними, сибирские бухарцы сохраняли еще свое этническое самосознание. Тем не менее уже тогда, т. е. до Октябрьской революции, часть их вошла этническим компонентом в состав основных групп сибирских татар.

Большую роль в этнической истории сибирских татар сыграли родственные им казанские татары и мишари. На протяжении дли-

тельного периода времени в XIII—XVI вв. они часто находились в одних политических объединениях или поддерживали друг с другом политические и торговые связи, заключали династические браки и т. д. (см. об этом разд. II). Переселения казанских татар в Сибирь ведут, по меньшей мере, с XVI в., правда, вплоть до второй половины XIX в. они не имели массового характера. Собственно, мы приходим к выводу, что уже в XVI в. в результате переселений казанских татар и их брачных связей с местными жителями (Бахрушин, 1955а, с. 93—95; Миллер, 1937, с. 194, 230; Наш край..., 1966, с. 26; Сибирские летописи, 1907, с. 1—6, 18, 319—320; Тихонов, 1941, с. 129; и др.) отложился небольшой еще по своему объему и значению казанско-татарский компонент, во всяком случае в составе тобольских и тюменских татар.

После присоединения Сибири к Русскому государству переселения поволжских и приуральских татар продолжались в небольших масштабах. Они, как правило, оседали в сельской местности среди сибирских татар, стремились войти в состав их сельских общин и включались в систему экономических отношений и связей местного населения. В свою очередь сибирские татары (особенно тюменские) поддерживали торговые связи с Казанью и Уфой, где вступали в контакты с казанскими татарами. Нередко они вместе отправлялись в торговые поездки (Алексеев, 1941, с. 211; ДАИ, т. IV, с. 153; Vambery, 1885, с. 100—101; и др.).

Оказавшись в Сибири, пришлые поволжские и приуральские татары стремились обзавестись землей и с этой целью по истечении определенного времени оказывались чаще в составе ясачных и реже — служилых татар. Об этом говорят такие факты: часть барабинцев в XVIII в. считала себя по происхождению кунгурскими, прибывшими из Кунгурского уезда; частыми среди них были случаи усыновления ими казанских татар (АИЭЛ. ф. К-1, оп. 2, № 32, л. 212; Messerschmidt, 1961, с. 64; и др.); по данным наших массовых генеалогических записей, во всех группах сибирских татар выявляются отдельные казанские татары и мишари, вошедшие в состав ясачных татар, а позднее — оседлых инородцев. В социальном плане казанцы оставались крестьянами, их оброчные платежи были выше платежей коренных сибирских татар. Это, а также желание избавиться от рекрутчины, было также существенной причиной, чтобы породниться с ясачными татарами и перейти в их категорию.

При поездках к различным татарским группам Западной Сибири в 1969—1980 гг. обратило на себя внимание то обстоятельство, что жители некоторых деревень отрицали наличие в их составе в прошлом казанских татар. В то же время, по данным переписи 1897 г., такие группы в данных деревнях были отмечены (д. Юрт-Оры, Епанчино и др.). Об этом явлении, имевшем место в отдельных томско-татарских деревнях, М.А. Абдрахманов пишет

следующее: «Нельзя не отметить, что для самих жителей „вкрапливание“ в их состав приезжих происходит почти незаметно, они считают, что у них почти все „свои“, а „чужих“, можно сказать, нет» (1959а, с. 37). Следует заметить, что здесь речь идет о тех селениях, где пришлых татар было немного, и они серьезно не нарушали структуру землепользования. Видимо, вплоть до последней трети XIX в. явление вхождения пришлых татар в состав социальных категорий местных сибирских татар было характерным. Мы уже говорили о судьбе оброчных чувальщиков, сначала ставших фактически ясачными (их так называли в конце XVIII в. и в документах — ГАТОН, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 1217), а затем после 1822 г. оседлыми инородцами. С.К. Патканов (1911, с. 120) отмечал, что часть татар Тобольского округа — переселенцев конца XVIII в. — принадлежала к сословию инородцев и в конце XIX в. относилась к коренным татарам.

С другой стороны, в ряде мест наблюдалось обратное явление — поглащение пришлыми татарами немногочисленных коренных тюрков. Это особенно характерно было для второй половины XIX — начала XX в., когда развернулись массовые переселения в Сибирь татар из Поволжья и Приуралья. Для некоторых деревень томских татар это отмечал П.Г. Иванов (1927а, с. 104). С.К. Патканов (1911, с. 117) писал, что отдельные инородцы Тюменского и Тобольского округов перешли в сословие крестьян и выделить их из состава пришлых татар уже не было возможности. Но, видимо, в целом этот процесс имел гораздо меньшее распространение, по сравнению с процессом перехода пришлых татар в социальные категории сибирских татар. Он имел место лишь в тех деревнях, где стали преобладать татары-переселенцы. А таких деревень было немного. Как видно из таблицы 31, пришлые татары в конце XIX в.

Таблица 31. Показатели расселения групп сибирских и поволжско-приуральских татар в конце XIX в., по данным переписи 1897 г.

Деревни	Тоболо-иртышская		Барабинская		Томская		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Всего	253	—	50	—	28	—	331	—
Из них:								
только с коренными татарами	140	55,3	20	40,0	14	50,0	174	52,2
с коренными и пришлыми татарами	113	44,7	30	60,0	14	50,0	157	47,8
в том числе с преобладанием пришлых татар (более 50 %)	12	4,7	3	6,0	5	17,9	20	6,0

Примечание. В таблицу не включены деревни Западной Сибири, целиком состоящие из пришлых татар.

проживали почти в половине населенных пунктов сибирских татар, но количество деревень с численным преобладанием пришлых татар над коренным населением составило всего лишь 6%. В остальных 94% населенных пунктов казанских татар и мишарей либо не было вообще, либо они составляли меньшинство. Укажем также на перевод татар бывшего пятисотенного татарского конного полка в сословие крестьян.

Такие переходы казанских и сибирских татар в сословия друг друга, безусловно, облегчали их контакты между собой и способствовали углублению этнических процессов. Но до революции во многих деревнях между пришлыми поволжскими татарами и коренными тюрками, как правило, возникала вражда, что приводило к расселению их в разных концах деревни, к отсутствию на первых порах смешанных браков. Это отмечали и многие наши информаторы (МЭЭ ТГУ, 1969—1970, т. 373-1, л. 59, 88; 391-1, л. 3, 4 и др.).

Различия в сословной принадлежности дополнялись моментами эксплуатации со стороны зажиточных старожилов-инородцев прибывших переселенцев-крестьян, которые на первых порах из-за тяжелого экономического положения вынуждены были наниматься в работники (Кирияков, 1902, с. 210). „Раньше держались казанские и сибирские татары по отдельности. Внутри своих дружные были, а между собой (те и другие. — Н.Т.) не мирились, враждовали“, — рассказывала нам жительница д. Эушта Томской области Б.Х. Тушакова (МЭП ТГУ, 1970, л. 832). Условия для розни коренились не только в существовании социальных причин (борьба за пашни, покосы, пастбища, равноправное положение в общине и т. п.), но и в имеющихся языковых и этнических различиях. Нередко наши информаторы, переселившиеся в Сибирь до революции, вспоминали, что местные татары относились к ним гораздо хуже, чем русские. „Переехали к ним, думали, что это наши, раз татары, а оказалось совсем другой народ“ (МЭЭ ТГУ, 1969, т. 391-15, л. 2). Это, естественно, вызывало желание пришлых татар, в большинстве своем бывших бедняками, приспособиться к местной социальной и этнической среде.

Поволжские и приуральские татары-переселенцы XVII — первой половины XIX в., будучи немногочисленными, активно вступали в брачные отношения с местными сибирскими татарами, среди которых растворилась, например, группа оброчных чувальщиков; в 1782 г. более трех четвертей браков составляли брачные союзы с ясачными и служилыми татарами, почти пятую часть — браки с бухарцами и только 2,2% — браки между собой (табл. 32).

Браки казанских татар Тоболо-Иртышского бассейна в последней четверти XVIII в. заключались на сорок с лишним процентов внутри этой группы населения, но примерно столько же браков заключалось с сибирскими татарами (табл. 33). При этом проявление этносо-

Таблица 32. Брачные связи оброчных чувальщиков тобольской группы в 1782 г.

Браки	Мужчины		Женщины		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
С оброчными чувальщиками	1	2,8	1	1,9	2	2,2
ясачными	22	61,1	31	58,5	53	59,6
казаками	4	11,1	13	24,5	17	19,1
бухарцами	9	25,0	8	15,1	17	19,1
Итого	36	100,0	53	100,0	89	100,0

Таблица 33. Брачные связи в селениях сибирских татар в 1782 г.

Браки	Башкиры		Казанские татары		Каракалпаки		Казахи	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
С башкирами	1	10,0	—	—	—	—	1	6,2
казанскими татарами	—	—	14	43,8	—	—	1	6,2
каракалпаками	—	—	—	—	4	33,3	2	12,5
казахами	1	10,0	1	3,1	2	16,7	1	6,3
сибирскими татарами	6	60,0	15	46,9	2	16,7	11	68,8
бухарцами	2	20,0	1	3,1	4	33,3	—	—
калмыками	—	—	1	3,1	—	—	—	—
Итого	10	100,0	32	100,0	12	100,0	16	100,0

Таблица 34. Брачные связи казанских татар Тоболо-Иртышского бассейна в последней четверти XVIII в.

Браки	Мужчины		Женщины		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
С казанскими татарами	15	79,0	15	48,4	30	60,0
ясачными	2	10,5	15	48,4	17	34,0
казаками	2	10,5	1	3,2	3	6,0
Итого	19	100,0	31	100,0	50	100,0

циальных процессов выразалось здесь в том, что ясачные и служилые татары сами охотно женились на казанских татарках, но не стремились отдавать замуж за казанских татар своих дочерей и сестер, таких браков было меньше (табл. 34). Данные наших генеалогических схем свидетельствуют, что в XIX в. брачные связи сохранялись между казанскими и сибирскими татарами. Новый наплыв казанских татар в конце XIX — начале XX в., видимо, привел к уменьшению в процентном отношении доли этнически смешанных браков казанских татар, дальнейший рост их наблюдается лишь в годы Советской власти.

Казанские татары-переселенцы сыграли определенную роль в нивелировании языкового и культурно-бытового разнообразия у

сибирских татар. Это нивелирование проходило по двум путям: 1) влияние в условиях совместного или соседского проживания в одних либо соседних поселениях; 2) влияние в условиях возникновения брачных связей между этими группами и ассимиляции сибирскими татарами казанских татар в сельской местности. В начале XVIII в. было высказано мнение, что татары г. Tobольска по языку сходны с татарами Казани и Астрахани (Зиннер, 1968, с. 49). Видимо, относительно городских татар это замечание было справедливо. Но что касается языка сибирских татар в целом, вернее, его наречий, то в XIX в. целый ряд авторов утверждали, что язык этот значительно отличается от языка татар европейской части страны и что сибирские татары не понимают многих слов казанских татар (Первая всеобщая перепись..., 1905, т. LXXVIII, с. XXXIV; Ельницкий, 1895, с. 89; Шиле, 1879, с. 29; Юшков, 1861, с. 396). Современные лингвисты пришли к следующему выводу: „Язык сибирских татар не является частью казанско-татарского языка, оторвавшейся от него в далеком прошлом и поэтому обособившейся. Напротив, самостоятельно возникнув, язык... развивался в плане сближения и консолидации с казанско-татарским языком“ (Тумашева, 1960б, с. 181). Считается, что диалекты сибирских татар представляют собой переход от алтайских языков к поволжско-приуральской языковой области (Богородицкий, 1953, с. 125—126; Тумашева, 1977, с. 36), что влияние языка казанских татар они испытывали довольно рано, например в области вокализма — с XV—XVI вв. (Radloff, 1901, с. 434, 462; Тумашева, 1977, с. 34, 46). Г.Х. Ахатов (1960а, с. 108) говорит, что „...переселенцы из Казанской, Самарской и других губерний, наделенные землей в Tobольском округе, быстро слились с коренными жителями этого округа и в настоящее время не отличаются от них ни языком, ни образом жизни, ни одеждой“.

Тем не менее большинство советских исследователей считает, что процесс приобщения диалектов сибирских татар к общетатарскому языку, распространения в них норм литературного татарского языка начался во второй половине XIX в. (Залялетдинов, 1958, с. 39; Саттаров, 1959, с. 4; и др.). М.А. Абдрахманов (1959в, с. 165) считает, что язык татар Поволжья выступил по отношению к томско-тюркским говорам не как общенародный, а как литературный, поэтому сначала здесь создалось двуязычие из-за большого различия языков. А.П. Дульзон (1971, с. 199—200) полагал, что только на синхронный срез начала второй половины XX в. говоры тоболо-иртышских татар стали представлять собой говоры татарского языка, а у барабинцев этот процесс татаризации их языка не завершился.

Расселение пришлых татар в Западной Сибири вызвало потребность в беспрепятственном общении их и местных татар и способ-

ствовало преодолению языкового барьера, который обнаружился между их разными языками. Видимо, в конце XIX — начале XX в. была заложена почва для сближения между языком пришлых татар в народно-разговорной форме и диалектами сибирских татар (Тумашева, 1968, с. 21). М.А. Абдрахманов (1959а, с. 39) считает, что именно этот период знаменует перелом в направлении развития местных говоров томских татар: стало проходить смешение их с татарским языком.

Некоторую, но гораздо меньшую роль в этом процессе играло распространение грамотности среди части татар Сибири. Так, например, письменность арабской графикой знали тобольско-иртышские татары (по-татарски) еще в XVII в., но число грамотных было невелико даже среди должностных лиц — подавляющее большинство из них вместо подписи ставили тамги — личные знаки собственности (Бахрушин, 1955г, с. 166; Симченко, 1965, с. 59; Словцов, 1838, с. 6). То же явление наблюдалось, кстати, и у соседних приуральских татар даже во второй половине XVIII в. (ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 118, л. 33—38). Миссионерская деятельность русского духовенства в Сибири в XVIII в. вызвала необходимость преподавания татарского языка в Тобольской семинарии (Копылов, 1968, с. 65), куда в редких случаях попадали учиться крещенные татары. В сельской местности первоначально существовала форма обучения на дому. Учителями в таких случаях были муллы или пришельцы из европейских губерний, выдававшие себя за знатоков арабского языка. Но в целом учение почти целиком сводилось к зазубриванию корана и других религиозных книг (Абрамов, 1864, с. 7; Иванов, 1928, с. 136; Кочнев, 1933, с. 7; Храмова, 1956, с. 485). Постепенно открывались и сельские магометанские школы — частные и государственные начальные училища, медресе в с. Ембаево (Голодников, 1882, с. 23; Долгоруков, 1903—1904, с. 174; Карпова, 1912, с. 54—55; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, 1895, с. 237; Саттаров, 1959, с. 9; Чавыкин, 1911, с. 81), принимались меры к обучению татарскому языку тобольских семинаристов в Казанском университете (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 640, л. 1—13 об.). Благодаря тому обстоятельству, что татарский язык (т.е. язык казанских татар) стал языком школы, позиции его постепенно укреплялись. Но преувеличивать роль школы в тот период не следует — грамотность среди татар Западной Сибири до революции не превышала 10%, а среди барабинцев была еще ниже (Авдеев и Струкова, 1937, с. 69; Географический словарь..., 1801, с. 342; Филимонов, 1892, с. 43). Число мэкгебов и медресе было незначительно и, кроме того, татарский литературный язык как предмет в них вообще не изучали. Только после Октябрьской революции сибирские татары в новых школах и группах ликбеза стали знакомиться с литературными нормами татарского языка,

тогда и произошел резкий поворот в направлении сближения диалектов сибирских татар с литературным языком (Ахатов, 1963, с. 25; Залялетдинов, 1958, с. 39). С весны 1912 г. в Томске стала ежедневно выходить первая в Сибири татарская газета „Сибирь“ на татарском и частично русском языках, но обслуживала она в основном городское татарское население, большинство которого составляли казанские татары (Город Томск, 1912, с. 72; Чавыкин, 1911, с. 158).

Влияние пришедших из Поволжья и Приуралья татар в области хозяйства сибирско-татарского населения проявилось прежде всего в более широком распространении земледелия, которое для поволжских татар было основной экономики (Мухамедова, 1972, с. 37; Мухаметшина, 1977, с. 30; Халиков, 1976, с. 123). В XVIII — начале XX в. в литературе не раз указывалось на сходство сибирских татар с казанскими в материальной культуре (Венюков, 1874, с. 9, 16; Вся Сибирь, 1924, с. 8; Георги, 1799, с. 24; Зиннер, 1968, с. 49; Паллас, 1786, с. 423; Щюц, 1841, с. 3; Ядринцев, 1891, с. 46). К чертам, появившимся в поселениях и жилищах сибирских татар под влиянием казанских, относятся большее озеленение деревень, появление некоторых мотивов растительных орнаментов на наличниках окон, распространение отдельных общих черт во внутреннем интерьере жилищ (использование ковров, занавесок около нар и др.). Сильное влияние поволжские татары оказали на одежду сибирских татар, которые заимствовали от них некоторые типы женских рубаш, платьев, камзолов, бешметов, казакинов, отдельные виды колпаков, мозаичные ичиги, башмаки. Пришедшие татары распространили также некоторые мясные блюда, главным образом разнообразные виды блюд из теста (балиш, паштет и др.). Видимо, большое влияние пришедшие татары оказали на развитие обрядов, духовную культуру сибирских татар, их религию (Богомоллов, 1978б, с. 134; Валеев, 1976а, с. 138—141; Георги, 1799, с. 27—29; Зиннер, 1968, с. 49; Музыкальная этнография..., 1909, с. 134—135; Паллас, 1786, с. 423; Томилов, 1978к, с. 37; Юшков, 1861, с. 319; Vambery, 1885, с. 100—101; и др.).

У сибирских татар сохранилось значительное своеобразие хозяйства, культуры и быта по сравнению с казанскими татарами. Даже в тех группах, которые наиболее сильно перемешались с пришлыми татарами, и то сохранились культурно-бытовые компоненты местного происхождения. Рассмотрим это положение на примере томских татар. Их своеобразие по сравнению с поволжскими татарами в XIX — начале XX в. заключалось в занятиях охотой и рыболовством (это отличало всех сибирских татар от казанских), в слабом развитии земледелия, использовании особых орудий труда (охотничьих ловушек, специфических орудий рыболовства). Типы лыж и лодок томских татар были незнакомы поволжским татарам.

То же следует сказать и о некоторых типах жилищ (землянки, полуземлянки, мазанки), хозяйственных построек (загоны для скота, земляные постройки). Разбросанность построек в усадьбе и отсутствие определенного плана их размещения отличали томских татар от казанских. В одежде также выявлялось различие. До революции среди томских татар были распространены местные виды и детали одежды — налобная повязка, женская рубаха кинек, штаны чамбар, мужские штаны из овчины, шуба местного типа, безрукавка сырмак, шапка тагья, войлочная шапка бурек, короткая обувь чарык, сапоги с двумя швами. В пище отличие томских татар от казанских заключалось в том, что среди первых большое место в питании занимали рыба, мясо, продукты собирательства. Имелся и целый ряд блюд (собственно рыбных, молочных и мясных), не характерных для пищи казанских татар, но схожих с блюдами, употреблявшимися соседними тюркоязычными народами — шорцами, алтайцами, хакасами и др. Это нашло отражение и в терминологии пищевых блюд (Потапов, 1953б).

Своеобразные черты обнаружились у томских татар в области семейной обрядности, общественного быта и разных сторон духовной культуры. Так, свадьба томских татар отличалась некоторыми своими моментами от свадьбы пришлых поволжских татар. Часто никах (религиозный обряд бракосочетания) и вся свадьба проводилась в доме жениха, а у поволжских татар один из этапов свадьбы проходил и в доме родителей невесты. Период пребывания ново-брачной в доме своих родителей после официального бракосочетания и наездов к ней мужа, характерный для поволжских татар (Татары Среднего Поволжья и Приуралья, 1967, с. 236), хотя и был отмечен у томских татар (Костров, 1875, с. 28), но широкого распространения не получил. Менее строго томские татары выполняли различные религиозные предписания. Иногда юноша и девушка сами знакомились друг с другом, родители подчас сквозь пальцы смотрели на встречи жениха и невесты до бракосочетания. В проведении самой свадьбы это своеобразие выражалось в конных скачках, в отдельных случаях присутствия жениха и невесты на пиршестве, в специфических свадебных песнях, плясках (в том числе и танце невесты и жениха) и некоторых других моментах. Особенности захоронений томских татар по сравнению с похоронами пришлых поволжских татар проявились в калмакских погребениях покойников в естественной яме, захоронениях татарами д. Тегильдеево в долбленных стволах, в обряде жертвоприношения над могилой (резали скот и ели мясо), надмогильных сооружениях (срубы в виде домиков). Своеобразные черты отмечались в жертвоприношениях томских татар, которые устраивались летом с целью вызвать дождь, весной — отвести наводнение и нередко принимали характер увеселений. Отличия томских татар от поволжских проявлялись и в досуль-

манских верованиях (остатках шаманства, вере в богов-идолов, духов в виде кукол, в почитании священных деревьев, вере в духов — „хозяев“ лесов, озер, рек — и т.д.).

Отметим в общем, что сходные черты в культуре и быте сибирских и поволжских татар, с одной стороны явились, видимо, результатом древних генетических связей (такие общие черты обнаруживаются у сибирских татар с тюрками Средней Азии и Алтая). С другой стороны, некоторая близость культурно-бытового облика возникла в результате длительных контактов и переселений казанских татар в Сибирь. При этом влияние двух этнических сред было взаимным — многое заимствовали от сибирского населения и жившие в Сибири поволжские татары, например, занятия охотой и рыболовством, типы лыж и лодок, отдельные блюда в пище, элементы одежды и т. д. (Томилов, 1969, с. 115). Отмечая подобие культур этих двух группировок, дореволюционные авторы чаще всего апеллировали к одежде. Действительно, здесь общность выступала в более яркой форме, хотя распространение имели и местные типы одежды, а также заимствованные от русского населения. Появление типов одежды, характерных для поволжских татар, среди сибирских не всегда связывалось непосредственно с переселенцами, часть ее попадала через казанских торговцев, распространялась она путем веяний моды. Видимо, эта одежда лучше соответствовала запросам зажиточной верхушки сибирских татар.

Процесс восприятия сибирскими татарами элементов культуры и быта поволжских татар не был единовременным актом. Нередко коренные тюрки вносили свои изменения в заимствуемые элементы, приспособляя их к своей культуре. Это приводило к тому, что постепенно эти элементы культуры стали рассматриваться сибирскими татарами как свои („наши“). Таким образом, процесс заимствования отнюдь не означал перехода сибирских татар к культуре поволжских татар. Наоборот, элементы казанско-татарской культуры органически вошли в состав местной культуры, так же как и элементы русской культуры. О явлениях такого рода пишет С.И. Королев (1970, с. 36), когда рассматривает восприятие элементов общемировой культуры отдельными этническими группами. При этом он отмечает, что воспринятые элементы „становятся, по нашему мнению, достижением местной культуры, ибо восприятие — не механический процесс, оно требует определенного переосмысления и интеграции заимствуемого материала“.

Из других видов этнических взаимоотношений следует выделить связь сибирских татар с башкирами. Во времена Сибирского ханства известны многочисленные явления торговых связей башкир с тюменскими татарами, а затем, после прихода в Сибирь русских, — переселений башкир на территорию Тюменского уезда, а тюменских татар — на земли зауральских башкир, вхождение башкир в состав

барабинских, тюменских и ялutorовских татар и т. п., что нашло отражение и в культуре этих двух этнических образований (Бахрушин, 1955а, с. 109; ДАИ, т. IV, с. 284, 286, 289—290; Долгих, 1960, с. 42—44, 47; Катанасев, 1893, с. 54; Кузеев, Бикбулатов, Шитова, 1962, с. 173, 189—190, 194, 201—202; Памятники Сибирской истории, 1882, с. 75; Потанин, 1892, с. 39, 45—47; Преображенский, 1972, с. 168; РИБ, т. II, с. 280—283; Руденко, 1925, с. 296; и др.). К концу XVIII в. связи сибирских татар с башкирами, видимо, ослабевали. Во всяком случае, количество брачных союзов между ними исчислялось в последней четверти XVIII в. буквально в единицах (табл. 27, 33). В XIX в. семейно-брачные отношения существовали в небольшом объеме у сибирских татар с башкирами, переселенцами в Сибирь, — такие случаи отмечены нашими записями генеалогий у тоболо-иртышских и барабинских татар. В целом, можно фиксировать вхождение в состав некоторых групп татар (прежде всего, тюменских, ялutorовских и барабинских) башкирского этнического компонента на протяжении XVII—XIX вв.

Разнообразные связи разные группы сибирских татар имели с казахами. Во втором разделе данной работы уже приводились данные о том, что казахи еще до присоединения Сибири к России часто были на службе у сибирских ханов и вошли тогда в состав тоболо-иртышских татар, прежде всего тобольских. И хотя Кучум нередко враждовал с казахскими ханами, в период его военных действий против Ермака в войске Маметкула находились и люди Казачьей орды, т.е. казахи, были они и позднее среди отрядов Ситдяка (последнего правителя тобольских татар) и кучумовичей (АИ, т. 1, 1841, с. 341; Миллер, 1937, с. 275; Сибирские летописи, с. 323; и др.). В XVII в. тобольские татары часто бывали в Казачьей орде в составе посланников для переговоров с казахскими ханами, а также с торговыми целями. В Казахской степи проживало много беглых татар. В XVII—XVIII вв. казахи часто устраивали военные набеги на земли тюменских и особенно барабинских татар, уводили с собой пленных, но и барабинцы, нередко удачно отражая эти набеги или совершая свои походы против казахов, брали их в плен (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, № 32, л. 215; ДАИ, т. X, 1867, с. 375, 376, 381, 382, 385, 387, 389; Памятники Сибирской истории..., 1885, с. 158; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 341, л. 21—21 об.).

С установлением мирных отношений с казахами, а также с принятием частью их русского подданства и подселением их в южные районы Западной Сибири стали укрепляться и отношения с сибирскими татарами — хозяйственные (нередко проживали в одних аулах, совместно с барабинцами пасли скот и т. д.), торговые, религиозные. Тобольские татары назначались к казахам муллами. Тесные связи с казахами были прежде всего у тюменских и барабинских татар. Но как соседи, расселяясь по р. Ишиму, контакти-

ровали они и с тарскими, и курдакско-саргатскими татарами. Томские татары нередко покупали у них лошадей, а калмаки вместе с казахами в XIX — начале XX в. часто работали пастухами в хозяйствах зажиточных казахов (АИЭЛ, ф. К-1, оп. 2, № 31, л. 192—193; № 32, л. 205; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 216, л. 1—14; д. 377, л. 28 об.; МЭЭ ТГУ, 1970—1971 гг.; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 546, л. 11; Щеглов, 1883, с. 313; и др.). Эти связи нашли достаточно четкое отражение и в браках казахов с сибирскими татарами. Выявляются они по генеалогическим записям у барабинцев. Наибольшее количество брачных союзов казахов с тоболо-иртышскими татарами в XVIII в. фиксируется материалами 4-й и 5-й ревизий населения (табл. 27, 33). Все это приводило к значительному взаимовлиянию их в языке и культуре (Абдрахманов, 1969, с. 11—14; Богомолов, 1979 а, с. 206—210; Валеев, 1975, с. 217—219; 1976 г., с. 28—29; Потанин, 1892, с. 611; 1898, с. 313—314; Томилов, 1973 г., с. 171—173; Томилов, Богомолов, Курочка, 1975, с. 178—205; Тумашева, 1968, с. 167; 1977, с. 67, 73, 76, 186, 210, 214; и др.). Влиянию татарского языка на язык казахов способствовало, в частности, и то обстоятельство, что религиозные книги, распространяемые среди казахов, были написаны на татарском языке (Малов, 1941, с. 99).

Из среднеазиатских народов сибирские татары в небольшом объеме поддерживали семейно-брачные отношения с каракалпаками. В одном документе конца XVII в. сообщается: „...приехал в каракалпаки тобольский татарин, посадский человек Муратко Курманов... а каракалпаки де называли его Муратка свойственником“ (ДАИ, т. X, с. 384). Каракалпаки, проживавшие среди тобольских татар, в XVIII в. изредка вступали с ними в браки (табл. 34).

Для тарских, барабинских и томских татар большое значение в этническом плане имели контакты их с телеутами. Эти связи в разные периоды XVII—XVIII вв. были разносторонними, они имели и политический, и торгово-хозяйственный характер. Фактически в составе всех названных групп татар и частично в составе тобольских татар благодаря этим связям и семейно-брачным отношениям, изученным довольно подробно, отложился алтайско-телеутский компонент, проявляющийся в языке и культуре (Бараба, 1893, № 73; Бояршинова, 1950, с. 57—58; Дульзон, 1956в, с. 304—306; Миллер, 1941, с. 98—99; Потапов, 1957, с. 154; Титова, 1976, с. 122; Томилов, 1980д, с. 200; Тумашева, 1968, с. 167; Уманский, 1970а, с. 3—21; 1972в, с. 103—143; Юшков, 1861, с. 285; Ядринцев, 1891, с. 45; и др.). Томские и обские татары контактировали с чулымскими тюрками. Некоторые материалы по этим видам этнических связей приведены нами во втором разделе данной работы.

В XVI—XVII вв. большую роль в этнических процессах у тоболо-иртышских татар играли их довольно мощные связи с ногай-

цами, меньшую роль — связи с чувашами, а у томских татар — с енисейскими киргизами (Гаджиева, 1976, с. 219; 1979, с. 166; Новая жизнь народов Севера, 1967, с. 14; Сибирские летописи, с. 319—323, 334; Томилов, 1981а; Тумашева, 1977, с. 67, 98; Юшков, 1861, с. 276—277, 285; и др.). В XVIII в. значение этих связей ослабло и фактически прекратило свое действие, тем не менее как в языке, так и в культуре сибирских татар они находят свое отражение до сих пор.

В XVII в. в районах расселения тюменских, тобольских, тарских и барабинских татар часто появлялись калмыки (торгоуты, зюнгары и др.). Отношения их с татарами чаще были напряженными, но помимо совершения грабительских походов, сбора дани с барабинцев они вступали иногда в хозяйственные и торговые связи с местными жителями. Часть калмыков вместе с татарами находилась в отрядах кучумовичей. Во второй половине 1620-х гг. сбору алмана со стороны калмыков подверглись тарские татары, а во время восстания они вместе кочевали южнее оз. Чаны. Во времена военных стычек калмыков с русскими и тоболо-иртышскими татарами часть их попадала в плен и становилась ясырем (рабами). В результате этого небольшая часть калмыков оказалась в категории дворовых людей, в том числе и в хозяйствах зажиточных тобольских татар (АИ, т. V, с. 521; ДАИ, т. V, с. 289; т. VIII, с. 33—34; Волкова, 1965, с. 116—117, 126; История Казахской ССР, т. I, 1957, с. 226—227; РИБ, т. VIII, с. 672; и др.). Местные татары вступали в браки с этими калмыками и в XVIII в. (табл. 27), некоторые калмыки (их было небольшое число) переходили в сословие ясачных и сливались с татарами. В тоболо-иртышской группе таких было немного, а среди барабинцев калмыки бывали часто, совершая набеги, собирая дань, жили здесь подолгу, имели жен из местных татар. Барабинцы и сами нападали на калмыков, брали у них пленных, ездили в Зенгорские владения в качестве посланников и торговых людей. Брачные отношения барабинцев с калмыками фиксируются также и в XVIII в. (Абдулгази-Баядур-хан, т. II, с. 126; Волкова, 1965, с. 115—118, 123—124; ДАИ, т. VIII, с. 155—156, 177; Потанин, 1866, с. 64, 67; Радлов, 1895, с. 156; РИБ, т. VIII, с. 400, 403, 406, 408—409, 439, 547; Титова, 1976, с. 121, 133, 135; Уманский, 1972в, с. 113, 115; Щеглов, 1883, с. 104; Юшков, 1861, с. 287; и др.). В XIX — начале XX в. связи сибирских татар с западными монголами прекратились. Наибольший след калмыки оставили среди барабинцев, что нашло отражение и в их более монголоидном облике, и в языке (в XVII—XVIII вв. часть барабинцев была даже двуязычна, т. е. владела и калмыцким языком), и в ряде элементов культуры (Бараба, 1893, № 57; Бартольд, 1965, с. 366; Зиннер, 1961, с. 19; Костров, 1874, № 38; Томилов, 1973г, с. 173; Шиле, 1879, с. 31). Возможно, что существовавшие в прошлом у томских

татар сапоги с двумя швами на голенищах отражают давнее монгольское влияние (Томилов, 1980д, с. 164, 176—177), хотя в период после прихода в Томское Приобье русских связи томских татар с западными монголами почти не фиксируются.

Из контактов сибирских татар с нетюрскими этническими образованиями, помимо их связей на юге с западными монголами, определенное значение в XVI—XVII вв. имело взаимодействие тобольских, курдакско-саргатских, тарских и барабинских татар с хантами Прииртышья и Васюганья, туринских, ясколбинских и отчасти тобольских — с манси, барабинских и томских татар — с селькупам, татар Тарского уезда — с расселившимися когда-то шире в Западной Сибири эвенками (АИ, т. V, с. 521; Бахрушин, 1948, с. 272; Бояршинова, 1950, с. 34—35; 1956, с. 113; Бущинский, 1889, с. 305, 310; Григоровский, 1884, с. 30; Доннер, 1915, с. 48; Извлечения из протоколов..., 1884, с. 25; История Урала, т. I, 1963, с. 51; Лукина, 1972, с. 80, МЭЭ ТГУ, 1961, т. 4, л. 5; Миддендорф, 1871, с. 94; Отчет Западно-Сибирского отдела..., 1886, с. 8; Преображенский, 1956, с. 28; РИБ, т. II, с. 429—430; Сибирские летописи, с. 333; Томилов, 1981а; Туголуков, 1980, с. 169—170; Филимонов, 1892, с. 51; Шунков, 1946, с. 62; см. также табл. 35). Наибольшую роль в этнических процессах сибирских татар все же играли их связи с самодийцами и уграми, нередко они жили с ними по соседству или в одних поселках, имели хозяйственные, торговые контакты, вступали в межэтнические браки. История их отношений насыщена, правда, и периодами военных стычек. Торговля татар с северными народами Сибири в XVI—XVII вв. носила более менее стабильный характер. Их торговцы, скупая пушнину, достигали низовьев Оби и, возможно, низовьев Енисея — известно, что татарские луки появлялись у нганасан (Попов, 1948, с. 20).

В целом, взаимодействие татарских, самодийских и угорских групп населения западно-сибирской зоны имело традиционный характер. Служилые татары по делам службы бывали в поселениях манси, хантов, селькупов и, естественно, оказывали на них культурное влияние. Татары-торговцы продавали им не только изделия

русского производства, но и предметы, изготовленные татарскими мастерами. Но постепенно связи татар с самодийскими и обско-угорскими народами ослабевали, и в XVIII — начале XX в. они уже не оказывали существенного влияния на этническое развитие сибирских татар. Тем не менее исследователи не раз указывали на процессы воздействия этих народов на язык, культуру и быт отдельных групп татарского насе-

Таблица 35. Брачные связи туринских татар в 1782 г.

Браки	абс.	%
С туринцами	53	69,7
русскими	16	21,1
манси	7	9,2
Итого	76	100,0

Примечание. Рассчитано по: ГАТот, ф. 154, оп. 8, д. 38, л. 1—12.

ния (Алексеев, 1941, с. 134, 360—361; Анучин, 1890, с. 74; Ахатов, 1963, с. 19—20; Богомолов, 1979а, с. 206—210; Богомолов, Томилов, 1973, с. 129—131; Валеев, 1980а, с. 23—25; Георги, 1799, с. 25; Карцов, 1937, с. 15; Томилов, 1973г, с. 171—173; 1976а, с. 42—44; 1978д, с. 88—95; Тумашева, 1977, с. 169—171; и др.).

В XVII — начале XX в. относительно стабильными были контакты чулымских тюрков с татарами, в первую очередь обскими и томскими, о чем уже говорилось выше. Нами приводились данные о переселении в Причулымье небольших групп тоболо-иртышских татар и, возможно, барабинцев и чатов в конце XVI — начале XVII в.), о расселении чулымцев среди томских и обских татар вплоть до предместьев г. Томска, а последних, в свою очередь, и среди чулымцев. Томские татары и чулымские тюрки имели между собой хозяйственные и торговые связи, их контактам способствовали и дороги, проложенные в Томско-чулымской тайге (Зиннер, 1961, с. 25). Известен случай записи чулымского татарина Б. Артыбаева в 1649 г. в служилые татары, то есть в воинскую команду томских татар (Оглобин, 1900, с. 110). Смешение чулымцев с эуштинцами и чатами имело место, как нам представляется, до тех пор, пока большая часть чулымцев не приняла христианства, что произошло в XVIII в., а большинство эуштинцев и чатов не стало мусульманами. Брачные связи с принявшими христианство обскими тюрками у чулымцев, особенно у проживавших на Оби и в низовьях Чулыма, имели место и позднее. В целом, можно сделать заключение о том, что в состав чулымских тюрков в конце XVI—XVIII вв. вошел сибирско-татарский компонент. Он нашел определенное отражение в языке и культуре как среднечулымских, так и нижнечулымских тюрков, но особенно у последних, о чем свидетельствуют высказывания и материалы, приводимые целым рядом исследователей разных эпох (Аристов, 1896, с. 344; Василевич, 1963, с. 56; Георги, 1799, с. 146—147; Дульзон, 1952, с. 86, 99; Емельянов, 1980, с. 73—77; Иванов, 1927б, с. 4; Костров, 1875, с. 18—19; Львова, 1972а, с. 140—151; 1977б, с. 136; П., 1884а, с. 195; Списки населенных мест..., т. LX, 1868, с. LXXXIII; Томилов, 1969, с. 103—145; 1980д, с. 42, 53, 57—71, 153, 156, 165, 194; Ядринцев, 1891, с. 45).

Из других видов этнических контактов важную роль для чулымцев сыграли их связи с телеутами, о поселении последних выходцев из которых в XVII в. в Причулымье уже говорилось выше. Это привело также к образованию алтайско-телеутского этнического компонента в составе чулымцев, нашедшего отражение, в частности, в краниологическом сходстве телеутов и чулымцев (Ким, 1978, с. 152—157). Определенное значение играли также связи с енисейскими киргизами до их ухода из Минусинской котловины, а также с хакасами, особенно с соседними кызыльцами, поддерживавшими с чулымцами семейно-брачные и хозяйственно-

культурные отношения, что проявилось в близости языка и культуры (Аристов, 1896, с. 344; Бояршинова, 1953, с. 25; Георги, 1799, с. 147—148; Иванов, 1927, с. 4; Иванов, 1962, с. 371, 373, 376, 378, 425; Дульзон, 1959; Потапов, 19566, с. 392—395; 1957, с. 172—173; Ядринцев, 1891, с. 46; и др.). На протяжении всего изучаемого нами периода чулымцы довольно активно контактировали с селькупами рек Оби и Кети, куда они иногда переселялись отдельными семьями. Тенденция переселения чулымцев на Кеть, в частности, имела место и в первые годы Советской власти (Сokolova, 1961, с. 48). В XVI—XVII вв. чулымцы были связаны и с кетоязычным населением, часть которого проживала в тот период в Нацко-Пумпокольской волости в верховьях Кети. Часть селькупов нижнего Чулыма была ассимилирована чулымцами уже в XVII и частично в XVIII вв. (Емельянов, 1980, с. 69; Потапов, 19566, с. 393). Вхождение селькупского компонента в состав чулымских тюрков также нашло отражение в ряде явлений их культуры и быта, в том числе в пище, погребальном обряде, религии, утвари и т. д. (Георги, 1799, с. 146; Дульзон, 1952, с. 99; Зиннер, 1961, с. 43; П., 1884а, с. 195—196; 1884б, с. 244; и др.).

При рассмотрении этнических контактов сибирских татар уже были рассмотрены их связи с бухарцами, казахами, поволжскими татарами и башкирами, поэтому касаться данного вопроса мы больше не будем. У сибирских бухарцев, по данным о браках (Табл. 30), кроме того выявляются в небольшом объеме контакты с каркалпаками и еще в меньшем — с башкирами и казанскими татарами. Башкиры изредка заключали браки также с казахами, казанскими татарами — с бухарцами, казахами и калмыками, казахи — с каркалпаками, башкирами и казанскими татарами (Табл. 33). Обращаем еще раз внимание, что объем этих этнических контактов был гораздо меньше, чем объем связей названных групп с сибирскими татарами. Но тем не менее они сыграли определенную роль в распространении отдельных явлений культуры и языка, в увеличении культурно-языковой однородности тюркоязычного населения. В частности, что касается бухарцев, то все они в конце XIX в. говорили только на местных татарских диалектах (Патканов, 1911, с. 5, 133).

Процессы сближения тюркского населения с русским

Контакты русских с сибирскими татарами, жившими в Сибири башкирами, казахами, ногайцами, сибирскими бухарцами имели место, как уже говорилось, до присоединения Сибири к Русскому государству. Небольшое число русских пленных проживало среди тобольских татар во времена Кучума (АИ, т. I, с. 341; Сибирские летописи, с. 319—320). С приходом русских в Сибирь, мирным земледельческим освоением ими пространства этого края возникали,

укреплялись и постоянно расширялись связи с ними аборигенного населения. Этому способствовало и чересполосное размещение русских и татарских волостей и селений, совместное проживание их в ряде населенных пунктов. Так, по переписи 1897 г., доля русских в деревнях томских татар составила 9,4%, барабинских — 11,8%, тоболо-иртышских — 1,8%. В XIX — начале XX в. некоторые селения сибирских татар, в частности томских, стали местами для поселения ссыльных, в том числе русских (Материалы по исследованию..., т. II, вып. II, 1898, с. 29).

В конце XVI — первой четверти XIX в. ясачные татары платили русским властям ясак и ежегодно в период платежей контактировали с ними. Такие контакты сохранялись позднее на основе выплаты подушной подати татарами. Во время военной службы татар-казаков их прямые взаимоотношения с русскими осуществлялись постоянно. Кроме того, и русские казаки в XVII в. нередко несли службу в татарских городках и селениях (Бояршинова, 1956, с. 110; Миллер, 1937, с. 448; 1941, с. 91; Очерки истории Томской области, 1968, с. 22—24; Уманский, 1972в, с. 121; Юшков, 1861, с. 328; и др.). В XVII—XVIII вв. сближению русских с татарами способствовало и то обстоятельство, что среди русских возникла небольшая по численности категория ясачных людей, а среди ясачных татар, особенно крещеных, наоборот, наблюдались случаи перехода их в сословие крестьян (Памятники Сибирской истории, 1882, с. 204; Преображенский, 1972, с. 169; Тобольская епархия, 1892, с. 19; Шиле, 1879, с. 31; Шунков, 1946, с. 92). В XIX в. также наблюдались случаи перехода оседлых инородцев в категорию крестьян и даже мещан, на что требовалось особое разрешение властей (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 270). В социальном плане сближению татар с русскими крестьянами способствовал перевод татар еще в XVII в. на денежное обложение, а также в XVIII в. приобретение ими в хозяйственном и социальном положении черт крестьянства (Громыко, 1965, с. 42; 1970, с. 4—37; История Сибири, т. III, с. 82; Миненко, 1971, с. 82—84; Шунков, 1946, с. 92, 96; и др.). Иногда русские и татары подавали властям совместные челобитные (Шунков, 1946, с. 70). Сближение татар с русскими крестьянами в социальном и экономическом положении, их чересполосное расселение вызывало со стороны администрации попытки причислить часть татар к русским волостям, как это было, например, с томскими и обскими татарами в 1827 г. (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 283, л. 3, об. 6). В конце XIX в. была преобразована система волостного управления у татар Тобольской губернии — вместо волостных голов и старост стали избираться волостные старшины и т. д., то есть система эта стала идентичной с системой управления русскими крестьянами (Е., 1894, № 84).

Советскими учеными уже был сделан вывод о том, что смешение сибирских татар с русскими „...способствовало развитию экономи-

ческих связей между народами, сближению между ними" (История Сибири, т. III, с. 82). Хозяйственно-торговые связи сибирских татар и русских были очень разнообразными и выражались в следующих основных направлениях: 1) аренде русскими татарских пахенных земель, лугов, озер, лесов и др.; 2) совместном пользовании русских и татар покосами, лесами, рыбными угодьями и т.п.; 3) устройстве в ряде мест общей покотины и соответственно общего выпаса скота; 4) заказах друг другу на выполнение ряда работ — например, русским заказывали кузнечные работы, а татарам — изготовление лыж, лодок и т.п.; 5) расширении связей во время занятий извозно-ямщицким промыслом; 6) активной торговле русских и татар на рынках в городах и крупных селениях, на ярмарках; 7) продаже татарами русским заготовленного древесного сырья, дегтя, сена и т.д., а русскими — промышленных и ремесленных изделий, хлеба (особенно в неурожайные годы) и т.д. (Абдрахманов, Гордеева, 1962, с. 178; Громыко, 1965, с. 42; Е., 1894, с. 84; Материалы по исследованию..., т. II, вып. II, с. 4, 28, 49—50, 81, 95—98, 103—105; т. II, вып. III, с. 225, 227—230; Русакова, 1973, с. 283, 288; Стефановский, 1864, № 7; и др.). Иногда эти связи были настолько разнообразны, что фактически татары и русские в отдельных местах образовывали население одной общины. Так, в Томском округе рядом с д. Юрт-Константиновкой находилась русская деревня Константиновка и неподалеку еще одна русская деревня Усть-Сосновка. У всех трех деревень в XIX в. была одна общая покотина, скот пас общий пастух, они совместно пользовались лесом, степными покосами, Татарской протокой для рыболовства и т.д. Такая же картина хозяйственных взаимоотношений с русскими была у татар томских деревень Калтай и Кафтанчикова (Материалы по исследованию..., т. II, вып. II, с. 95 — 96, 98, 283).

В то же время в отношениях между сибирскими татарами и русскими порой наблюдались предубежденность и элементы враждебности. Этому способствовала социально-экономическая и политическая обстановка царской России, вызывавшая земельные конфликты в Сибири (Асалханов, 1975, с. 42—44). Русские нередко захватывали земли татар силой, вытесняя их в более неудобные для сельского хозяйства районы, прекращали платить арендную плату. Татары в свою очередь, поднимали споры из-за земель, пытаясь доказать свои права на земли русских общин, отказывали в аренде. Все это иногда приводило к столкновениям и обострению отношений между ними (ГАТОН, ф. 345, оп. 1, д. 84 л. 2—3; Громыко, 1965, с. 42; Е., 1894, № 84; Миллер, 1941, с. 393; Материалы по исследованию..., т. II, вып. II, с. 104, 107; Radioff, 1884, с. 241; и др.). В конце XIX — начале XX в. усиление противоречий было связано, в частности, с проведением землеустройства. Исследуя землеустроительную политику правительства в

Западной Сибири, Л.Г. Сухотина (1956, с. 72) отмечает: „Прямым следствием землеустройства было не только усиление борьбы старожилов и переселенцев, но и вражда между русским крестьянством и туземным населением. Сокращая размеры землепользования туземного населения на общих основаниях, землеустроители отводили отрезки русским крестьянам-переселенцам, что приводило к многочисленным тяжбам и столкновениям между русским и туземным населением и бесконечным жалобам как тех, так и других на притеснение со стороны их соседей“. В результате такой политики в 1890-х гг. были нарушены, в частности, дружеские отношения татар д. Юрт-Константиновки с окружающим русским населением. Соглашая у коренных татар этой деревни не было и с бухарцами, переселившимися сюда из Томска (Материалы по исследованию..., т. II, вып. II, с. 96—97, 107).

В целом, для сибирских татар характерным было гостеприимство и терпимость по отношению к окружающему населению немусульманской веры, о котором в XIX в. писал М. Кастрен (Castren, 1856, с. 158). В XVII в. нередкими были браки между татарами и русскими. З.Я. Бояршинова, исходя из анализа документов, делает вывод, что „...смешанные браки русских мужчин и женщин из коренного сибирского населения были обычным для XVII в. явлением“ (1967, с. 88). В XVIII в. нередки были и случаи женитьбы русских на татарках; такие браки имели место и в XIX в. (Катанов, 1886, с. 572; Россия, 1907, с. 224; Фирсов, 1921, с. 54; Шапов, 1937, с. 88, 90—91). Результатами этих браков, как правило, была постоянно проходившая ассимиляция небольшой части татарского населения русскими. О ней немало писали в XIX в., указывая при этом на имевшую место мисцегенацию, на монголоидные особенности антропологического типа русских, на изменения этнического самосознания русско-татарского потомства (Списки населенных мест..., 1868, т. LX, с. LXIXX; Шапов, 1906, с. 432; Ядринцев, 1885, с. 150). С конца XVI—XVII вв. ведут начало и межэтнические браки татар с русскими женщинами, а также внебрачные половые связи. Известны случаи продажи привезенных в Сибирь русских женщин татарам. Н.Н. Фирсов писал о таких отношениях татар и русских в XVII в.: „Бывало так, что поселившись на время в татарских юртах, привыкнув есть и пить из одних сосудов с татарами, упиваясь с ними в посты и пользуясь их женщинами, русские люди так обживались, что оставались в юртах на много лет и не строили своих дворов, хотя ничто внешне этому не мешало“ (1920, с. 57, 67).

Сильное влияние русские оказали на группу обских тюрок, относительно изолированных от основной массы томских татар и принявших христианство. Это привело к ассимиляции значительной части их русским населением. Часть калмаков и чатов, перешедших

в христианскую веру, была также ассимилирована русскими, смешанные браки между ними были частым явлением, как и переселения этих крещеных татар из своих селений в русские деревни и города (Бояршинова, 1950, с. 74; Шапов, 1906, с. 446; Ядринцев, 1885, с. 163; 1891, с. 46; Castren, 1856, с. 158). И в настоящее время томские татары помнят, что предки некоторых русских из окрестных деревень некогда были татарами, и называют конкретные фамилии таких лиц (МЭЭ ТГУ, 1969—1970, т. 363-3, л. 30, 31; 391-13, л. 44; т. 391-14, л. 4). Близ Тобольска и по Иртышу в XIX в. также можно было встретить „русских крестьян, которым предание приписывает татарское происхождение“ (Реклю, 1883, с. 519). Особенно интенсивно смешивались с русскими крещеные татары — в начале XIX в. в Тобольском, Туринском и Тюменском уездах таких насчитывалось 258 душ муж. пола, или около 500 человек (ГАОО, ф. 2, оп. 2, д. 158, л. 158 об., 336 об.). Русских — потомков от смешанных браков с татарами — немало фиксировалось среди тюменских и тобольских татар (Шапов, 1937, с. 88). И в наши дни во многих деревнях тарских татар в Большереченском районе В.С. Аношиным (1961, с. 109) среди русских было выявлено немало потомков от браков татар с русскими. Ассимиляция русскими протекала также среди туринских татар, принявших христианство, частично среди ясколбинцев и барабинцев (Бараба, 1893, № 53; Голодников, 1882, с. 18; Миллер, 1937, с. 199; и др.).

Приняв христианскую веру, татары нередко вынуждены были переселяться в населенные пункты русских. Новокрещенные татары в уездах поступали под управление особых старшин и этим как бы изолировались от татар-мусульман (Буцинский, 1891а, с. 5; Рабцевич, 1973, с. 237). Их брали на военную службу, платили жалование, при крещении каждый получал подарок, крещение избавляло от наказания за совершенные преступления. Крестили не только мужчин, но и женщин, которых русские крестили иногда насильно и женились на них. В начале XIX в. для крещеных татар и казахов делались переводы Евангелия на татарский язык (Буцинский, 1891а, с. 5—6; Юшков, 1861, с. 320). Но все эти мероприятия далеко не всегда достигали цели. В XIX в. число татар, желавших принять христианство, стало сокращаться, некоторые из крещеных татар по-прежнему оставались жить в деревнях вместе с татарами-мусульманами, держались старых обычаев и нередко возвращались в прежнюю мусульманскую веру (Буцинский, 1891а, с. 5; 1891б, с. 24). Приверженность старым обычаям, религиозным верованиям проявлялась у крещеных татар во все времена, в том числе и в XVII в., когда многие из них продолжали быть шаманистами (Материалы для истории отношений..., 1885, с. 5—6).

Начиная с XVIII в., православная церковь стала активно препятствовать русским и татарам вступлению в совместные браки.

Укрепившиеся в татарских селениях мусульманские священнослужители также запрещали браки с иноверцами, то есть с христианами. Поэтому в XIX — начале XX в. случаи браков татар-мусульман с русскими стали чрезвычайно редким явлением. Татарки вообще не вступали в такие браки, в случае же выхода русской женщины за татарина ее фактически обращали в мусульманку (МЭЭ ТГУ, 1969—1970, т. 363-2, л. 30; т. 391-2, л. 32).

Относительно слабым был процесс языковой ассимиляции — татары лишь „в некоторых местах переменили... свой материнский язык на русский“ (Щапов, 1906, с. 446). В 1897 г. русский язык называли своим родным языком только 268 тобольских и 167 барабинских татар. Более интенсивно переход на русский язык осуществлялся в группе томских татар — родным его считало примерно 47,2% человек. Но основную массу томских татар составили обские татары-христиане; среди калмаков, чатов и эуштинцев процент татар с родным русским языком составил 9,4 или 358 человек (Патканов, 1911, с. 5, 140, 255). В тоболо-иртышской группе даже среди многих крещеных татар в конце XIX в. основным разговорным языком был татарский. Среди них были и крещеные в XVIII в., состоявшие в браках с русскими, но все они говорили по-татарски (Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов, 1871, с. CLVII; Тобольская епархия, 1892, с. 19).

С усилением торгово-экономических контактов с русскими среди сибирских татар шире распространилось двуязычие, постепенно превращаясь во всеобщее явление (Вся Сибирь, 1942, с. 8; Головачев, 1914, с. 46; Россия, 1907, с. 270; Списки населенных мест..., 1868, с. LXXXVI; Шиле, 1879, с. 29). „Потребности экономического оборота, — писал В.И. Ленин, — будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений“ (Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, с. 116). Необходимость общения с русскими властями также требовала овладения татарами русским языком. „Только пятилетние ребятишки не говорят по-русски, а некоторые говорят отлично“, — писалось в прессе середины XIX в. о барабинских татарах (Татары Западной Сибири, 1860, № 169). К. Ельницкий (1895, с. 89, 95) сообщал, что многие из сибирских татар-мусульман говорят по-русски не только с русскими, но и между собой, и обучают своих детей русской грамоте, часто в русской школе. Заметим все же, что русский язык не был для татар вторым родным языком, с самого детства он, как правило, не усваивался, часть татарских женщин знали его хуже татар-мужчин или не знали совсем. Только в немногих школах детей учили русскому языку, в Зоболотье, например, до Октябрьской революции вообще никто не знал русской грамоты (Гордеева, 1962, с. 76; Саттаров, 1959, с. 9; Татары Западной Сибири, 1860, № 169). Интересно, что из-за незнания или очень плохого знания русского

письма муллами местные власти не смогли привлечь их к переписи населения в 1858 г. (ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 782, л. 5). Изучая русский говор томских татар, О.И. Гордеева (1965а, с. 3, 9, 12) пришла к заключению, что первоначально они усваивали русский язык в его местной диалектной разновидности, и затем под влиянием системы родного языка татар у них сложилась собственная система русского языка. Это явление было характерным в тот период, видимо, и для остальных групп сибирских татар. Кроме того, в местные татарские наречия проникло много русских слов, что характерно в XIX в. для языков многих тюркских народов Сибири (Абдрахманов, Гордеева, 1962, с. 179; 1971; Катанов, 1894, с. 13; Юшков, 1861, с. 369).

Значительным было культурное влияние русских и сибирских татар. Последние перенимали русские приемы хозяйства, орудия труда, жилища, обстановку, одежду, пищу и некоторые обычаи. Переход к русским формам культуры и быта, как отмечалось в литературе, был особенно заметен на примере татар Туринского, Тюменского и Томского округов (Россия, 1907, с. 250). В поездках 1964, 1969—1970 гг. к разным группам сибирских татар нами был собран конкретный материал о процессе культурного сближения их с русскими, который нашел отражение в целом ряде работ (Томилов, 1969, с. 103—145; 1972а, с. 84—88; 1972в, с. 126—139; 1973б, с. 209—227; 1973в, с. 169—177; 1976г, с. 148—162; 1978в, с. 176—198; 1978к, с. 48—51; 1980д, с. 200; Томилов, Богомолов, Курочка, 1975, с. 178—205; и др.). Основные наблюдения в этой области этнокультурных связей изложены нами ниже. Заметим, что проведение такого изучения этнокультурного взаимовлияния русского и татарского населения Сибири стало возможным благодаря появлению в последние десятилетия значительного количества работ по этнографии русских Сибири (Александров, 1960, с. 44—56; 1964; 1971, с. 57—75; Ащепков, 1950; Бардина, 1978, с. 141—159; Болонев, 1980, с. 139—163; Быт и искусство..., 1971, с. 232; 1975, с. 184; Лебедева, 1971; 1972, с. 213—223; Липинская, 1965; 1980, с. 38—46; Маслова, Сабурова, 1958, с. 154—167; Миненко, 1975, с. 308; Народы Сибири, с. 115—214; Окладников, Гоголев, Ащепков, 1977, с. 212; Проблемы изучения материальной культуры..., 1974, с. 296; Сабурова, 1967, с. 280; Сафьянова, 1972, с. 232—241; 1979, с. 28—37; Томилов, 1964, с. 19—21; 1978г, с. 113—128; 1978е, с. 130—140; Хозяйство и быт..., 1979, с. 248; Этнография русского населения..., 1969; и др.).

Установившиеся и сохранившиеся на протяжении трех веков тесные экономические связи татар с русскими приводили к обогащению их трудовыми навыками. Русские передавали татарам более прогрессивные методы ведения сельского хозяйства, распространяли улучшенные и новые орудия труда. Весь земледельческий цикл

работ, способы животноводства, заготовки сена, многие промысловые занятия сибирских татар в XIX — начале XX в. почти ничем не отличались от русских форм хозяйства. В системе средств передвижения у большинства сибирско-татарских групп на первом месте находился санный и тележный транспорт, типы которого были заимствованы ими у русского населения. Широкое распространение получили дощатые лодки русского типа. Некоторые виды лыж и долбленых лодок были общими для татар и русских.

Исключительно большое влияние окружающее русское население оказывало на развитие жилищ, хозяйственных построек, поселений. Это выразилось в распространении прямолинейной планировки, дощатых типов заборов, русских изб и других типов срубных домов. В жилищах некоторых групп татар лесных районов наблюдалась традиция построения высокой северовеликорусской бревенчатой избы на подклете. Этот тип был широко распространен в тот период среди русских Западной Сибири (Бломквист, 1956, с. 239—240). Во второй половине XIX — начале XX в. в татарских жилищах начинают преобладать, как и в русских жилищах Западной Сибири того времени, черты средне- и южнорусских типов построек (Лебедева, Липинская, Сабурова, Сафьянова, 1974, с. 73—75; Липинская, Сафьянова, 1974, с. 170—201), распространение получают пятистенные дома. Влияние русских проявилось также во внутренней планировке (русские типы расположения печи в избах), отчасти во внутреннем интерьере (полоты, использование печи в качестве лежанки, лавка, табуреты, столы), в распространении хлебопекарной печи, во внешних украшениях домов (орнаменты и способы их нанесения). Разнообразие типов домов может быть объяснено и разнообразным влиянием русского населения, поскольку русские переселенцы приходили в Сибирь из разных районов европейской части страны (Бояршинова, 1971, с. 40—56). В то же время в ряде групп сибирских татар обнаруживалось преобладание в прошлом северно-среднерусского типа внутренней планировки домов (Русские, 1967, с. 139). В планировке усадьбы в некоторых деревнях сибирских татар прослеживалась русская система расположения построек (в частности в Г-образной форме). В татарских поселениях в конце XIX — начале XX в. стали появляться большие двухэтажные дома, выстроенные и меблированные по русским образцам (В.И., 1862, № 20), количество которых и в русских селениях также стало увеличиваться (Сафьянова, 1974, с. 287). Большинство типов хозяйственных построек (бани, амбары, сарай, стойки и др.) также было заимствовано татарами у русского населения.

Сибирские татары переняли от русских отдельные виды или элементы одежды, способы кройки и шитья. От русских были заимствованы такие типы одежды, как женская рубаша на кокетке, мужские рубахи (косоворотки и рубахи с отложным воротником),

нижнее белье, пиджаки, жилеты, пальто, тулупы, шубы, армяки, дохи, что подтверждается не только нашими материалами, но и данными дореволюционной литературы (Азиатская Россия, 1914, с. 151; Абулгази-Баядур-хан, 1770; с. 131; Прыткова, 1952, с. 19; Тобольская епархия, 1892, с. 24; Списки населенных мест..., 1868, с. LXXXIII; Юшков, 1861, с. 372; Castren, 1856, с. 158; и др.). Татарки восприняли от русских способы ношения платков (подвязывание на затылке, закидывание конца шали на плечо), мужчины носили шапки-ушанки. Под влиянием русских татары перешли к ношению сапог русского покроя и валенок.

Длительные контакты с русскими привели к целому ряду заимствований в области пищи. От русских сибирские татары научились выпекать хлеб и другие виды мучных изделий (пироги, ватрушки и т.п.), восприняли ряд молочных продуктов. При изготовлении мясных блюд татары стали пользоваться способами жарения и тушения мяса, значительное место в питании заняли разнообразные виды супов, каши, появились овощные блюда, хотя до революции их готовили редко. Появились и новые способы консервирования продуктов — изготовление варенья из ягод, засолка овощей. В кухонной утвари и посуде бытовали изделия местного изготовления — материалом служили дерево, береста и тальниковые прутья. Но и в деревянной утвари появились образцы, заимствованные от русских и связанные в первую очередь с приготовлением теста, выпечкой хлеба и других мучных изделий (скалка, квашня, лопата и т.д.). В то же время возросло количество покупной кухонной утвари и посуды.

В семейном быте сибирских татар также выявилось влияние русских. В целом, значительное благотворное воздействие обычаев русского населения оказали на положение женщины в семьях сибирских татар. Далеко не все татарки вели замкнутый образ жизни, многие из них не прятались от посторонних мужчин, не соблюдали строгого обычая закрывать лицо, часто посещали своих родных, соседей, подруг, имели право голоса в семье и нередко руководили хозяйством сами (Голодников, 1882, с. 21; Ельницкий, 1895, с. 95; Костров, 1875, с. 28; Тобольская епархия, с. 24; Юшков, 1861, с. 371—372). Вероятно, от русских был заимствован обычай отпирания замков, прикрывания дверей в доме во время родов, который был зафиксирован нами у томских татар (МЭЭ ТГУ, 1969—1970, т. 363—2, л. 15; т. 391—10, л. 15; МЭП ТГУ, 1971, л. 890, 893, 897). С конца XIX — начала XX в. в татарскую свадьбу проникает „русский элемент в виде русской музыки и пляски“ (Валеев, 1972, с. 100). В некоторых селениях томских татар в доме невесты накануне свадьбы проводились девичники, как и в соседних русских деревнях, или гуляние парней и девушек. Отмечались случаи совместного празднования свадьбы стариками и молодежью.

Сближению татар с русскими в области общественного быта способствовали общинные связи. Благодаря им развивались культурно-бытовые контакты. Среди татар распространялись русские игры (бабки, городки и др.); сами они активно участвовали в ярмарочных гуляниях в русских селениях и городах, устраивали совместные праздники (Миненко, 1979, с. 23; Окладников, 1981, с. 28—29). Определенное влияние русских отразилось на знахарстве сибирских татар, например, в томской группе знахари ворожили на бобах, картах, медных монетах и т.д. В случае болезни татары обращались к русским знахарям (МЭЭ ТГУ, 1970, т. 391-1, л. 28; 391-5, л. 11; т. 391-7, л. 33, 38; т. 391-10, л. 16; и др.). Влияние русских проявлялось в немусульманских религиозных верованиях бытового порядка (в представлении о домовых, чертях, ведьмах и т.п.), а также в фольклоре, в области которого взаимодействие татар и русских прослеживается в XVII в. (Тыжнов, 1887, с. 146). Среди части татар-мусульман было замечено почитание ими святого Николая (Павловский, 1860, с. 40). Некоторые татары помимо своих имели еще и русские имена — это явление известно здесь еще с XVII — начала XVIII в. (РИБ, т. II, с. 609; Филимонов, 1892, с. 45; ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, д. 172, л. 127—131; ф. 214, оп. 1, ч. 5, д. 1598, л. 115 об.—283).

Русские также испытывали влияние татар в области культуры и быта. В.А. Александров (1974, с. 20) справедливо пишет, что в Сибири „в выработке своеобразных форм русской культуры имел значение длительный и постоянный контакт с аборигенным населением“. В литературе отмечалось влияние татар на средства передвижения русских (особенно это заметно в лыжах и лодках), на хозяйственные занятия (особенно в охоте и рыболовстве, а в XVII в. даже в земледелии), на пищу, одежду, семейные обряды и обычаи (кое-где это проявилось в распространении калыма, в содержании сударок — как бы вторых жен — и т.д.), на народное искусство, антропонию, топонимию и др. (Валеев, 1980а, с. 48—49; Воробьева, 1973, с. 248; Маслюков, 1899, с. 402; Осипов, 1893, с. 96, 98; Поляков, 1877, с. 186—187; Уманский, 1972в, с. 121; Шунков, 1946, с. 109). Мы не ставим задачу изучения этого вопроса, для нас важен момент, что в отношениях сибирских татар и русских было не одностороннее влияние, а фактически культурно-бытовое взаимовлияние. Хотя, без сомнения, для татарского населения влияние культуры русских играло большую роль и было прогрессивным явлением.

Заканчивая краткое рассмотрение вопроса о влиянии русских на татар в хозяйстве, быте, отметим, что менее всего это влияние было заметно в семейной обрядности. Это объясняется замкнутостью семейного быта сибирских татар, почти полным отсутствием контактов русских и татар в этой сфере быта, резкими религиозными

различиями. С другой стороны, необходимо заметить, что сибирские татары сохраняли и своеобразие своего облика. По этому поводу относительно тобольских татар последней четверти XIX в. была высказана следующая мысль: „Удивительное явление представляет эта горсть вымирающего народа... которая не слилась с русским населением и осталась независимой в культурном и религиозном отношениях“ (Ядринцев, 1884, с. 74).

Сибирские татары и русские еще довольно резко отличались друг от друга языком, своеобразием быта и культуры, религией, психологическими характеристиками, социальным положением. Острой необходимости в общении с русскими, и тем более повседневно, у всех татар в прошлом не было, поэтому процесс освоения ими русского языка и культуры проходил неравномерно. Все это тормозило развитие процесса сближения между ними.

Обращает на себя внимание и этносоциальная сторона процессов сближения татар с русскими и частичной ассимиляции первых со стороны русских. Нами уже обращалось внимание на то, что в социальном плане крещенные татары быстрее сравнивались с русскими крестьянами, казаками (часто крещенные инородцы составляли особый разряд служилых людей), мещанами, испытывали сильное русское влияние и сливались с русским населением. Так, все 27 брачных союзов татар с русскими, зафиксированных ревизией населения 1782 г., падают на новокрещеных татар г. Тюмени и Тюменского округа (табл. 27; ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 27, л. 1031—1038). Из других социальных слоев татар с русскими более интенсивно контактировали служилые татары и татары-горожане. П.Н. Будинский пришел к заключению, что в XVII в. „с усилением русского элемента в Сибири инородцы, особенно служилые, все более и более осваиваются со своими завоевателями, принимают русские нравы и обычаи...“ (1889, с. 304). В Томске, например, значительная часть татар проживала в пределах города в соседстве с русскими с 30-х г. XVII в. Хозяйственные приемы и некоторые черты культуры русских рано заимствовались ими. Двуязычие становилось характерной чертой татарского населения. Изредка заключались смешанные браки между русскими и татарками (Очерки истории города Томска, 1954, с. 15). Некоторые местные турки были обращены в христианство (Бояршинова, 1950, с. 74). Длительное совместное проживание приводило к тому, что часть их была ассимилирована русскими (Малиновский, 1912, с. 7). Но большинство коренных татар Томска подпало в конце XVII в. под влияние мусульманской религии, распространявшейся бухарцами и казанскими татарами. Тем не менее сближение татар с русскими в этом городе продолжало развиваться в XVIII — начале XX в. под влиянием русского языка, хозяйственных и бытовых связей. Вплоть до середины XIX в. в Томске происходили традиционные

кулачные бои между русскими и татарами, в основном по праздничным дням. Эти бои носили больше характер зрелищ, но вызывали подчас и вражду. В целом же о характере взаимоотношений этих двух групп населения в прошлом веке пресса писала: „Заметно, однако ж, что между русскими и татарами вековой непримиримой вражды не существует: в обыкновенное время они, встречаясь, между собой здороваются как хорошие знакомые, жмут руки“ (О.П., 1858а, № 27).

Такие же, в основном дружеские, отношения сложились между татарами и русскими и в других городах Западной Сибири — Таре, Тобольске, Тюмени и др. Тесные связи и контакты между ними проявлялись здесь в хозяйственно-торговых, а также культурно-бытовых взаимоотношениях — татары и русские ходили друг к другу в гости, в домах татар проживали русские работники, которые носили и татарскую одежду, многие годы после пожаров в Тобольске русские жили в татарских домах, питались вместе с татарами, нередко вступали в небрачные и брачные связи с татарками, городские татары нередко гуляли в одних компаниях с русскими, участвовали в танцах, употребляли спиртные напитки во время этих вечеринок, образованные татары читали русскую литературу, посещали театры и изредка вместе с русскими принимали участие в любительских спектаклях и концертах и т.п. (Бущинский, 1889, с. 328, 334; Линьков, 1915, с. 439—440; Юшков, 1861, с. 336).

Большая часть чулымцев вступила в прямые контакты с русскими только в XVIII в. После этого стали развиваться и крепнуть торговые и хозяйственные связи между ними, хотя, конечно, торговля с русскими велась чулымцами и в XVII в. (Георги, 1799, с. 145; Дульзон, 1952, с. 101—102; Емельянов, 1980, с. 72). Именно в первой четверти XVIII в. почти все чулымские тюрки были насильно крещены, и в материалах первой ревизии (1720 г.) они все были отмечены новокрещеными (Дульзон, 1959, с. 97; Емельянов, 1980, с. 169). Благодаря этому обстоятельству стали заключаться и браки чулымцев с русскими, которые в XVIII в. были редким явлением и более частыми стали в XIX в. лишь в некоторых селениях со смешанным тюркско-русским населением. В отдельных деревнях такое смешение приводило к ассимиляции части чулымских тюрков русскими, чему препятствовала разная сословная принадлежность этих двух групп населения и некоторые проявления этноцентризма русских по отношению к аборигенам Чулыма (Дульзон, 1952, с. 82; Потапов, 1956, с. 392; Списки населенных мест..., 1868, с. LXXXIV). По данным обследования 1910—1911 гг., среди коренного населения Причулымья насчитывалось 54 семьи, в которых муж был чулымцем, а жена русской (Томская губерния..., 1922, с. 49).

Русские оказывали значительное влияние на этноязыковую ситуацию чулымских тюрков. Во второй половине XIX — начале XX в. в ряде мест, особенно среди нижнечулымских тюрков, наблюдались процессы языковой ассимиляции, то есть полностью переход на обслуживание русским языком, забывание местного тюркского языка (Дульзон, 1952, с. 82; Костров, 1875, с. 18; Россия, 1907, с. 272; Списки населенных мест..., 1868, с. LXXXIV). В 1897 г. коренные тюрки Мариинского округа (в основном среднечулымские) на 30% признавали русский язык родным (Патканов, 1911, с. 304). По данным 1910—1911 гг., 31% коренных жителей Причулымья не владели чулымско-тюркским языком и не принимали его, разговаривая только по-русски (Томская губерния..., 1922, с. 49). В то же время доля совсем не владевших русским языком составляла здесь 7% местного инородческого населения. Таким образом, для начала XX в. выявляется очень высокая степень и двуязычия чулымцев — свыше 60% из говоривших на местном тюркском языке одновременно владели и русским языком. Активное усвоение русского языка чулымцами падало, скорее всего, на последнюю четверть XIX — начало XX в., то есть на период усиления переселенческого движения русских в Сибирь и более интенсивного заселения ими районов Причулымья. В 1880-х гг. значительное число чулымцев владело русским языком, но в то же время в восточной части расселения среднечулымских тюрков большинство их либо не говорило еще по-русски, либо только понимало этот язык и могло объясняться, а женщины среди всех чулымцев вообще слабо понимали русский язык (П., 1884а, с. 189; Поездка пресвященного Макария..., 1886, с. 329; Vambery, 1885, с. 101). Влияние русского языка проявилось также в том, что в чулымско-тюркских диалектах появился целый пласт русских слов (Дульзон, 1952, с. 97).

В культуре чулымских тюрков влияние русских в значительной степени стало проявляться также с XVIII в. Тогда часть чулымцев стала заниматься земледелием, но „приобщение к пашенному земледелию находилось еще в начальной стадии“ (Емельянов, 1980, с. 73), о чем свидетельствуют и данные первой ревизии населения 1720 г. (ГАТО, ф. 32, оп. 1, д. 1а, л. 69—108, 147—153 об.). Лишь во второй половине XVIII в. земледелие становится для некоторых семей главным занятием (С. Крашенинников..., 1966, с. 56), а основная масса чулымцев по-прежнему занималась охотой, рыболовством и в незначительной мере скотоводством. Жилища делились у них на зимние и летние, только в тех местах, где они жили рядом с русскими, получили распространение русские избы (Георги, 1799, с. 145; Потапов, 1957, с. 171—172). Быстро заимствовались чулымцами разные виды одежды, пищи (Георги, 1799, с. 146—147; Емельянов, 1980, с. 73—75; С. Крашенинников..., 1966, с. 55—56;

Потапов, 1957, с. 173—174). Именно в XVIII в. "...введение христианства... привело у чулымских тюрков к коренной ломке старой обрядности и принятию довольно однообразного ритуала христианства с погребением в колодах и грунтовых могилах вместо наземных погребений без гробов, с возведением курганов" (Дульзон, 1952, с. 104; 1959, с. 97). И все же следует отметить, что приводимые разными исследователями и путешественниками материалы свидетельствуют о большом еще этнокультурном своеобразии чулымских тюрков в XVIII — первой четверти XIX в. Даже в религиозных представлениях и действиях у них фактически оставалась еще старая основа шаманизма, а при крещении детей в церкви им давались свои местные, а не русские имена (Емельянов, 1980, с. 76).

Перелом в сближении с русской культурой и бытом, массовый переход к русским формам бытовой культуры наступил у чулымцев, по нашему мнению, в XIX в., скорее всего, со второй четверти. В XIX — начале XX в. в хозяйстве чулымцев и их способе жизни преобладающей стала оседлость, они стали больше заниматься земледелием, хотя по-прежнему велика была роль охоты и рыболовства, исчезли примитивные виды собирательства корней и стеблей разных трав, скотоводство окончательно преобразовалось в стойловое животноводство (Дульзон, 1952, с. 100; Клеменец, 1908, с. 63; Риттер, 1877, с. 556; Радлов, 1929, с. 9; Списки населенных мест..., 1868, с. LXXXIV; Шнейдер и Доброва-Ядринцева, 1928, с. 62; Radloff, 1884, с. 211; и др.). По данным 1910 г., 95% чулымских тюрков имели скот, 77 — занимались рыболовством, 37 — земледелием, 94 — сенокосением, 87 — огородничеством, 4 — сбором орехов и ягод, 5 — пчеловодством, 9 — извозом и 4% — заготовкой дров (Томская губерния..., 1912, с. 49). Особенно интенсивно процессы этнокультурного сближения с русскими проходили в тех местах, где чулымцы жили непосредственно в одних поселках с ними, там "...они сделались окончательно оседлыми, строят себе избы такие, как у русских, приняли русские орудия, приемы хозяйства, русский костюм и всю обстановку. Между этими инородцами и земледелие развито гораздо более, чем в чисто инородческих поселках, где преобладающими занятиями являются звероловство и рыболовство" (Поездка преосвященного Макария..., 1886, с. 329). Кое-где сохранялись еще в пользовании летние жилища, но преобладающим видом жилища стала изба или срубная юрта, в мелецкой группе в начале XIX в. исчезли войлочные юрты (Потапов, 1956, с. 394). Основу питания во многих местах стал составлять хлеб, чулымцы готовили русские борщи, квас и другие блюда. В семейных обрядах также закрепились русские обрядовые явления (Дульзон, 1952, с. 106—107).

Сближение сибирских бухарцев с русскими проявилось прежде всего в культурно-бытовой сфере, в конце XIX — начале XX в.

результаты этого сближения были для них примерно такие же, как и для сибирских татар. Ф.Т. Валеев (1965в, с. 15) отмечает, что в области быта русские оказали значительное влияние на сибирских бухарцев, и оно проявилось гораздо сильнее, чем влияние на них татар. И все же в начале XX в. сибирские бухарцы сохраняли много своеобразного в своей бытовой культуре как привнесенного из Средней Азии, так и заимствованного у татар. Здесь фактически не зафиксированы процессы языковой ассимиляции их русскими — в 1897 г. из всех бухарцев Тобольской и Томской губерний лишь 1 человек назвал родным русский язык (Патканов, 1911, с. 5, 133). Не наблюдались у них и межэтнические браки с русскими. Все бухарцы были мусульманами, только в городах встречались единицы христиан, так, в 1834 г. в Томске было отмечено 5 крещеных бухарцев (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1505, л. 50).

Со второй половины XVIII в. и особенно в XIX — начале XX в. устанавливаются прочные контакты с русскими у казахов южных районов Западно-Сибирской низменности. Постепенно между ними возрастал объем торговых связей, имевший начальный период еще в XVII в. Он осуществлялся в XVIII — начале XX в. на рынках городов Кургана, Омска, на Ирбитской и Тюменской ярмарках, а также в других городах и крупных русских станциях и деревнях (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 319, л. 132; Басин, 1971, с. 101; Бекмаханов, 1966, с. 13; Лебедева, 1979, с. 101—107; Сильвергельм, 1852, с. 53; Словцов, 1844, с. 79—80; 348, 350; Шоинбаев, 1975, с. 19—24). Те казахи, которые и в XIX в. сохраняли свой кочевой образ жизни, весной передвигались со своими стадами на север вниз по Ишиму, где постоянно вступали в контакты с русскими (Шмидт, 1894, с. 11). Занятия казахов извозом в XIX — начале XX в., дававшие им неплохой заработок, также способствовали развитию их взаимоотношений с русскими (Волости и населенные места 1893 года, 1893, с. 23).

Но наиболее тесным было общение у оседлых и полuosедлых казахов Тобольской губернии, а также Каинского округа Томской губернии и Омского округа Акмолинской области. Нередко казахи жили не только в селениях русских, но и прямо в их домах, снимали у русских квартиры, часто нанимались к ним в работники (Венюков, 1874, с. 9; Миддендорф, 1871, с. 88; Волости и населенные места 1893 года, 1894а, с. 42). В Омске казахи нередко собирались тысячами на ярмарках, устраивали здесь свои праздники (соревнования-скачки, соколиные охоты и др. — Миддендорф, 1871, с. 89). С молодых лет некоторые казахи общались с русскими, обучаясь в школе в Омске (Щеглов, 1883, с. 617). А в XVIII — первой четверти XIX в. часть казахов находилась на положении дворовых в зажиточных русских домах, только в 1825 г. была запрещена купля-продажа „азиатцев“ и назначен срок для освобождения „прежде

купленных азиатцев" (Словцов, 1884, с. 17—18). Как правило, дворовые казахи все были крещены, что в ряде случаев способствовало заключению браков с русскими (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 855, л. 1—2 об.; Словцов, 1844, с. 17; Щапов, 1906, с. 433). Небольшое количество крещеных казахов (10 муж. в 1795 г. — ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 295, л. 194 об.) было зафиксировано и в Омском округе. Отдельные случаи крещения казахов и перехода их в сословие крестьян имели место и позднее — в XIX в. (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 111, л. 1—6 об.).

С середины XIX в. усиливается влияние русского языка, среди казахов шире распространяется двуязычие. В это время отмечалось, что "...султаны и почетные баи пытаются научить детей своих грамоте не только на киргизском, но и на русском языке..." (Сильвергельм, 1852, с. 55). По данным 1897 г., среди казахов Тобольской губернии 7309 чел. родным называли казахский, 206 — татарский и 31 чел. — русский язык (Патканов, 1911, с. 5). И хотя последняя цифра кажется незначительной, она свидетельствует, что небольшие этноязыковые ассимиляционные процессы у казахов со стороны русских все же имели место.

Новые социально-экономические условия, в которых оказались казахи после принятия ими русского подданства, способствовали хозяйственно-культурному и бытовому сближению их с русскими (Бекмаханов, 1980, с. 58—61). В XVIII в. процессы оседания казахов, хотя проходили в южных районах Западной Сибири и в небольших масштабах, но уже тогда стали усиливаться. Это было связано с некоторыми признаками разложения кочевого скотоводства и первых земледельческих опытов казахов (История Казахской ССР, т. 1, с. 253; Марков, 1974, с. 40, 42). Еще более усиливались эти тенденции в XIX в. (Аргынбаев, Кауанова, Ходжаева, 1980, с. 73; Кауфман, 1909, с. 84; Марков, 1974, с. 42; Сильвергельм, 1852, с. 47; Щеглов, 1883, с. 413; и др.). Тем не менее вплоть до конца XIX в. земледелие было основным занятием лишь у небольшой части казахов (например, в Каинском округе в 1897 г. лишь у 8,1%), в некоторых районах Омского округа отсутствовало вообще (Алексеев, 1975, с. 36; Берг, Игнатов, 1901, с. 81). В конце XIX — начале XX в. начинается массовый переход казахов Западной Сибири к земледелию и соответственно к оседлому образу жизни. Так, в 1897 г. 82,1% казахов Ишимского округа и 97,4% Тюкалинского основным занятием называли земледелие (Алексеев, 1975, с. 36). В Омском округе в 1897 г. земледелием занималось лишь 3,3% казахских хозяйств, а в 1908 г. этот показатель резко возрос до 27%, при этом примерно одна треть этих хозяйств занималась только земледелием (Биржанов, Захарова, 1980, с. 168; Кошкинбаева, 1975, с. 42). Менялся и состав скота в их хозяйствах — так, в 1901 г. в Омском округе был самый высокий процент крупного

рогатого скота (36,1) по сравнению с другими видами домашних животных во всей Акмолинской области (Аргынбаев, Кауанова, Ходжаева, 1980, с. 103). В конце XIX — начале XX в. в казахских хозяйствах стали распространяться новые сорта пшеницы, лучшие пахотные орудия (плуги „тюменки“), жатки, сенокосилки, конные грабли (Востров, 1980, с. 200; Муканов, 1980, с. 215—218, 234).

В XIX — начале XX в. казахи Западной Сибири стали использовать в своем хозяйстве телеги, постепенно распространялись среди них новые виды построек — землянки, избушки, глиняные мазанки и, наконец, обычные избы и пятистенники русского вида. В Омском округе у казахов даже среди надмогильных сооружений в конце XIX в. строились четырехугольные загородки из бревешек или досок, сходные с русскими (Азиатская Россия, с. 154—155; Аргынбаев, Кауанова, Ходжаева, 1980, с. 73; Берг, Игнатов, 1901, с. 81—82, 86; Потанин, 1861, с. 7; Сильвергельм, 1852, с. 47; Студенецкий, 1929, с. 81; Тобольская епархия, 1892, с. 73; и др.). В научной литературе отмечается, что „по данным начала XX в., к существенным признакам в сфере материальной культуры омских казахов следует отнести: наличие дерновых землянок, широкое распространение русской утвари, значительный удельный вес новых продуктов в пищевом рационе (хлеб, овощи, сахар и др.); в одежде заметно сочетание традиционных и заимствованных элементов (выкройка „хаулык“, русский способ повязывания платка и др.)“ (Опарина, 1977, с. 67). В то же время и данные литературы (Берг, Игнатов, 1901; Зеланд, 1885; Киргизское хозяйство в Акмолинской области, 1810; Материалы по киргизскому землепользованию..., 1902; и др.), и материалы наших этнографических экспедиций к казахам Новосибирской и Омской областей (МЗСЭЭ ОмГУ, 1975, п. 62-1-4, т. 4-1-22; МЭП ОмГУ, 1976, п. 5-1-4; т. 17-1-17; МЭСЭЭ ОмГУ, 1977, п. 66—1; МСЭЭ ОмГУ, 1978, п. 67—1; МСЭЭ ОмГУ, 1980, п. 70—1; МСЭЭ ОмГУ, 1981), и музейные коллекции (МАЭ ОмГУ, колл. № 4-1-15; 8-1-64; 2-1-18) свидетельствуют о значительном своеобразии этнокультурного облика казахов Западной Сибири в XIX — начале XX в.

При изучении изменений в казахской одежде И.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева (1964, с. 167—168) выделили три периода. В XVIII — начале XIX в. полностью сохранялись традиционные материалы и виды одежды казахов, в середине XIX в. происходили изменения в материалах, идущих на одежду, во второй половине XIX в. исчезли некоторые виды традиционной одежды, изживалась возрастная специфика женской одежды, распространялись покупные изделия, в конце XIX — начале XX в. „в казахский быт стала проникать одежда русского покроя, почти исключительно мужская“. Примерно такая же периодизация изменений этнокультурного направления характерна и для районов юга Западно-Сибирской рав-

нины. Только проникновение отдельных элементов одежды русского покроя в быт казахов, особенно осевших в городах и русских селениях, начиналось здесь раньше — с середины XIX в.

Процессы сближения с русскими развивались в Западной Сибири и у поволжских татар-переселенцев и их потомков. Основную их часть в сельской местности составляли крестьяне, то есть они входили в одно сословие с русскими. Были среди них также мещане, купцы и др. Основным занятием татар из Поволжья и Приуралья было земледелие, значительное место занимали животноводство и птицеводство. Некоторые татары переняли традиционные занятия местных жителей — охоту и рыболовство, но и в этих семьях основную часть дохода давало земледелие (Томилов, 1969, с. 115—116). Будучи близки к русским по направлениям хозяйственной деятельности, расселившись среди русских селений, поволжские и приуральские татары-переселенцы были тесно связаны с русскими хозяйственно-торговыми и социальными (в первую очередь общинными) отношениями: среди них распространялось двуязычие, некоторые татары, а таких было немало, знали русский язык и до переселения в Сибирь. В сибирских условиях в окружении русского населения татары-переселенцы и их потомки активнее воспринимали формы русской народной культуры. Некоторые казанские татары принимали участие даже в воспроизводстве отдельных явлений культуры русских — изготавливали телеги, принадлежности конной сбруи, шили одежду и обувь, в основном для продажи русскому населению (Томилов, 1969, с. 115). Необходимо заметить и то, что влияние русской культуры на пришедших в Сибирь татар ослаблялось в XIX — начале XX в. проводимой царским самодержавием политикой национальной розни, социальными конфликтами (в основном борьбой за землю между старожилами и переселенцами), разной религиозной принадлежностью, замкнутостью татарского быта и т. п.

Глава 4

Этнические процессы.

Этнические и этнографические общности

Основным направлением этнических процессов, развивающихся среди сибирских татар в XVI — начале XX в., были процессы этногенетической консолидации. Они проходили прежде всего среди населения отдельных территорий и приводили уже в рамках Сибирского ханства к формированию территориально-этнических групп. Конкретные вопросы формирования этих групп рассмотрены нами во втором разделе настоящей работы. Необходимо заметить, что такие группы татар, как тюменско-туринская, тобольская, ясколбинская, курдакско-саргатская, тарская и барабинская сущест-

вовали уже в конце XVI—XVII вв. Этнические процессы, проходившие в изучаемое нами время, способствовавшие укреплению внутренних этнических связей, однородности говора или диалекта, культурного облика, носили этноэволюционный характер. Конечно, имели место и моменты этнической ассимиляции татарами определенного числа бухарцев, телеутов, казахов, башкир, западных монголов, хантов, манси, русских и людей других национальностей, но для самих татар указанных групп эти процессы также были этноэволюционными процессами, существенно не меняя их языка, этнокультурного облика и этнического самосознания.

Несколько иначе дело обстояло с формированием групп томских татар. В Среднем Приобье в XVII в. существовали такие самостоятельные этнические группы, как зуштинцы, чаты и калмаки, а также так называемые обские татары. До прихода русских они были довольно разрозненными группами, не представляя собой каких-либо, даже небольших, народностей, и такие этнические образования периода разложения первобытного строя и начала классового расслоения следует именовать, на наш взгляд, именно территориально-этническими группами, что уже предлагалось (Пучков, 1968, с. 97). Речь идет фактически о таких переходных от племени к народности этнических образованиях, которые Л.П. Лашуком (1972, с. 5) названы „земляческими общностями“. Но в XVII в. с подселением на территорию зуштинцев чатов и калмаков, с появлением здесь небольшого числа тобольских татар среди этих трех родственных тюркоязычных групп стали интенсивно развиваться процессы этногенетической консолидации. Окончательно группа томских татар сформировалась в первые десятилетия XX в., но фактически единое в этническом отношении образование они представляли собой уже в XIX в. Что касается групп обских татар, то какая-то часть из них также включалась в этот процесс и вошла в состав томских татар, но большинство их постигла судьба, связанная с развивавшейся ассимиляцией их русскими. Возможности углубления внутриэтнической консолидации томских татар в первые десятилетия XX в. исчерпаны не были (например, в их диалекте сохранились зуштинско-чатские и калмакские говоры, а в первом — орский подговор) и имели перспективы дальнейшего развития. Отметим также, что в Тоболо-Иртышском бассейне шел процесс формирования тоболо-иртышской группы сибирских татар, который мог в перспективе привести к образованию здесь местного татарского этноса (в Сибирском ханстве тобольские и тюменские татары были уже скорее постплеменными народностями). Но этот процесс так и остался незавершенным, поскольку в него были втянуты не все группы даже местных татар. К тому же эти группы татар Тоболо-Иртышского бассейна были захвачены общим процессом консолидации всех сибирских татар в одну этническую общность.

Все сформировавшиеся группы сибирских татар можно было бы определить как субэтноты, но поскольку консолидация их в единый этнос не завершилась, мы считаем правильнее назвать их территориально-этническими группами. Нет необходимости останавливаться на рассмотрении этнических процессов среди всех сибирских татар, поскольку они подробно освещены в целом ряде работ, во второй главе данного раздела настоящей работы, поэтому резюмируем здесь основные выводы. Среди сибирских татар на протяжении всего изучаемого нами периода развивались процессы этногенетической консолидации их в единую этническую общность. Основу этих процессов составило то, что в XVII—XVIII вв. они представляли собой сложившуюся историческую общность (суммативную общность историко-этнографического характера) близкородственных в генетическом отношении тюркоязычных групп, среди которых имели место социальные и торгово-хозяйственные связи, в небольшом масштабе наблюдалось смешение некоторых групп, возникла конфессиональная общность, развивались этноязыковые и этнокультурные процессы, увеличивавшие их языковую, культурную, психологическую однородность, постепенно распространялось общее этническое самосознание и т. д.

Этнические свойства культуры и всего образа жизни сибирских татар в условиях вхождения их территории в состав Русского государства, в условиях новой социально-экономической и политической обстановки, окружения их русскими значительно усилили свои интегрирующие и даже защитные качества, а также адаптивную функцию. Стремление местных татар защититься от эксплуатации и угнетения самодержавным строем, от посягательств русских на их земли обострило их этническое самосознание. Этническое, дополненное конфессиональным, стало их защитным средством. Кроме того, этнические свойства стали и средством адаптации сибирских татар к меняющейся политической и социальной сфере, и средством использования новой социально-политической обстановки для продолжения существования и даже средством для расширения сферы своего существования. Условия антагонизма их с царской администрацией, феодальной, а затем капиталистической эксплуатации приводили к тому, что их ценностные ориентации были явно направлены в сторону культурных традиций, резко отличающихся от таковых русского населения.

На развитие этнических процессов среди сибирских татар влияли государственно-правовые и политико-идеологические факторы. С одной стороны, политика царизма объединяла татар в единые сословные группы, отличающиеся от сословий русских, устанавливала для татар общее правовое положение, распространяла среди них этноним *татары* в устной и письменной форме. Но, с другой стороны, царизм проводил политику, препятствующую развитию

процессов этнической консолидации сибирских татар, осуществлял русификаторские мероприятия, проводил идеологию религиозной и этнической розни, создавая препятствия для осуществления связей отдельных социальных и религиозных групп татар между собой.

Конечно, поскольку существовала широкая территориальная расселенность групп, разрывы этнической территории, увеличивавшиеся чересполосным расселением их с русскими, поскольку плотность коренного татарского населения в Западной Сибири была явно небольшая (в конце XIX в. она составляла около 0,15 чел. на 1 кв. км на территории их расселения), поскольку социально-экономические связи между группами были очень слабыми (а между некоторыми группами они отсутствовали либо прекращались), то говорить о формировании этноса сибирских татар как эсо вообще не приходится.

Своеобразие этнической ситуации заключалось здесь в том, что при отсутствии возможности сложения сибирских татар как эсо, здесь все же имели место процессы этногенетической консолидации их в этнос как этникос. Собственно, обладание этнической стороной, по сравнению с социальной стороной этнических процессов, определенной самостоятельностью (Бромлей, 1981б, с. 74) вкупе с другими названными факторами и создало возможность для такого своеобразия этнических процессов. Основная особенность хода этнических процессов состояла в том, что этникос сибирских татар не сохранялся здесь якобы в результате распада эсо (эсо здесь так и не образовалось), а формировался в силу уже указанных обстоятельств. Фактически мы имели редкую возможность проследить развитие этногенеза своеобразным путем.

В свое время нами был сделан вывод о том, что в конце XIX — начале XX в. „возникшая относительная языковая и культурная близость групп сибирских татар, с одной стороны, и сохранение групповых этнодифференцирующих признаков, с другой стороны, и позволяет определить этот этнический тюркоязычный массив как несконсолидировавшуюся в народность слабо интегрированную этническую общность“ (Томилов, 1978к, с. 39). Проведя более обстоятельное изучение этногенетических процессов среди сибирских татар, мы приходим сейчас к выводу, что в результате многостороннего, хотя и слабого взаимодействия их этнических групп друг с другом на протяжении XVII — начала XX в. историческая (историко-этнографическая) общность сибирских татар, имевшая и в прошлом общие этнические свойства и значительно увеличившаяся в указанный период, преобразовалась в метаэтническую общность. Начальный этап этногенетических процессов данного этнотрансформационного направления приходится на XVI в., значительно интенсифицируются они в XVII—XVIII вв. в связи с принятием большинством сибирских татар мусульманской религии, усилением связей между группами и другими факторами и завершаются в

основном в конце XVIII — начале XIX в. Особенностью данной метаэтнической общности являлось то обстоятельство, что ее составными, то есть этническими подразделениями, выступали не этносы, а территориально-этнические группы сибирских татар (в прошлом племенные объединения и постплеменные народности или земляческие общности), у которых увеличивалось осознание своей общности в генетическом, расовом и этническом плане в целом. Другой особенностью метаэтнической общности сибирских татар было то, что трансформационные этногенетические процессы в XIX — начале XX в. продолжали развиваться внутри нее. Это приводило к возможности дальнейшей ее трансформации и превращению в этникос. Ю.В. Бромлей высказывает мысль, что „наличие хотя бы у части представителей историко-культурной общности сознания ее единства позволяет говорить о превращении такой общности в этническую. Ведь налицо и объективные, и субъективные признаки этноса, правда, последние появляются в ограниченном масштабе, но это лишь свидетельствует о незавершенности процесса его формирования“ (1981б, с. 24). Обстоятельства этнического развития сибирских татар, о которых много говорилось выше, не привели к завершению этнических процессов, что и не дает нам права говорить о существовании в конце XIX — начале XX в. народности сибирских татар.

Другим важным, почти единовременно развивающимся трансформационным этногенетическим процессом для коренных татар Западной Сибири была их консолидация с поволжскими и приуральскими татарами, частично расселившимися на их этнической территории. С.К. Патканов писал, что в Западной Сибири имели место процессы ассимиляции татар-переселенцев сибирскими татарами (1911, с. 117). Но поскольку речь идет о смешении групп, относительно близких по языку и культуре, следует, конечно, говорить не об ассимиляции, а о развитии в XIX — начале XX в. консолидационных процессов в рамках расселения сибирских татар, то есть сближении и смешении этих групп с разными пока результатами (в одних местах преобладали сибирские татары, в других — поволжские). Численное соотношение пришлых и сибирских татар в конце XIX в. (приведенное в табл. 20) помогает уяснить некоторые особенности этих процессов. Явное преобладание поволжских и приуральских татар в городах по сравнению с коренными татарами было причиной растворения коренных татар в новой этнической среде. Этот процесс частично характерен и для томских сельских татар. Меньшая широта возможных контактов сибирских поволжско-приуральских татар наблюдалась для барабинской и тоболо-иртышской групп. В последней группе возможность этнических взаимодействий распределялась неравномерно, шире она была на территории тарских и тюменских татар.

Надо сказать, что некоторые авторы преувеличивают влияние складывавшейся в Поволжье казанско-татарской буржуазии на развитие сибирских татар. По существу, в сферу ее влияния, в основном через торговлю, попадали города и лишь некоторые территории сельской местности (при этом не обязательно территории сибирских татар). Если уж вести речь о роли Казани в изменении быта и культуры сибирских татар, то, видимо, в первую очередь следует учитывать значение этого города как центра мусульманской идеологии и татарской культуры — отсюда направлялись священнослужители, открывавшие мечети и школы, отсюда распространялись печатные издания большей частью на религиозные темы. Говорить о вхождении групп сибирских татар в состав формирующейся нации поволжских татар для дореволюционного периода нет оснований. В какой-то мере в конце XIX — начале XX в. лишь создались некоторые предпосылки для развития этого процесса в будущем. Расселявшиеся в деревнях сибирских татар поволжские и приуральские татары составляли этнический компонент, частично вошедший уже тогда в состав сибирских татар.

В некоторых группах сибирских татар (тобольской, томской, меньше — тюменской, тарской и курдакско-саргатской) процесс этнического взаимодействия с татарами-переселенцами из Поволжья и Приуралья начался давно, но до второй половины XIX в. не имел существенного значения для сибирских татар, так как осуществлялся не повсеместно и в небольших масштабах. Значительно интенсифицировались процессы этнической консолидации сибирских и поволжско-приуральских татар со времени массовых переселений татар из европейской части страны в Сибирь, то есть во второй половине XIX — начале XX в. Они привели к существенному сближению языков этих двух этнических образований, началу распространения татарского литературного языка среди сибирских татар и к сложению этноязыковой общности, а также к возрастанию этнокультурной и этнопсихологической общности, укреплению конфессиональной общности и к появлению осознания своей близости друг к другу.

В конце XIX — начале XX в. поволжско-приуральские татары вместе с сибирскими и, видимо, астраханскими представляли собой метаэтническую общность, то есть резко интенсифицировавшийся во второй половине XIX — начале XX в. процесс трансформации историко-этнографической (историко-культурной) общности сибирских и поволжско-приуральских татар в метаэтническую общность в основном завершился. Процессы этнической консолидации сибирских татар с поволжско-приуральскими продолжали развиваться дальше в направлении возникновения единого татарского этноса. Но в начале XX в. единое этническое самосознание у них еще не сложилось, будущий общий их этноним *татары* не считался этническим самоназванием даже поволжскими татарами, восприни-

мавшими его до революции как обидное прозвище. Нам представляется, что этот этноним стал этническим самоназванием сначала у некоторых групп сибирских татар еще в XIX в. по поводу чего имеются определенные данные.

Изучение этнических процессов у сибирских татар показывает, что почти одновременно действовала целая совокупность разных их типов. Например, у томских калмаков иерархия этнических процессов складывалась из следующих направлений: 1) этническая дивергенция — отделение от основной массы телеутов; 2) этногенетическая консолидация с чатами и эуштинцами в территориально-этническое образование томских татар; 3) втягивание в процесс этногенетической консолидации всех групп сибирских татар; 4) участие в процессе формирования метаятнической общности поволжско-приуральских и сибирских татар; 5) этническая ассимиляция части калмаков русскими; 6) ассимиляция калмаками части сибирских бухарцев, а в наиболее значимый период своего отделения от телеутов — небольших местных тюркоязычных групп Томского Приобья.

При рассмотрении разных сторон и результатов этнического взаимодействия сибирских татар с соседями уже обращалось внимание на следующее: ассимиляцию части сибирских татар русскими фактически во всех их группах; ассимиляцию со стороны манси части турунских татар и татар, поселившихся в бассейне р. Конды; слияние отдельных эуштинцев с чулымцами; ассимиляцию иртышскими хантами части тобольских татар и т.д. Нужно заметить, что для основной массы сибирских татар эти процессы носили до революции частный характер. Только для турунских татар, растворившихся среди русских и манси, и для обских татар, сливавшихся с русскими, они имели существенное значение. Но даже в начале XX в. часть татар этих двух групп владела местным татарским диалектом, сохраняла этническое самосознание и некоторое этническое своеобразие.

Обращая внимание на развитие этнических процессов среди чулымских тюрков, ряд советских ученых пришли к выводу, что они сформировались в самостоятельную чулымско-тюркскую народность (Дульзон, 1952, с. 82; 1958, с. 94; Львова, 1977, с. 109; Розов, 1956, с. 340; и др.). А.П. Дульзон, в частности, пришел к выводу, „что чулымские тюрки сложились как особая народность на территории Причулымья путем ассимиляции тюрками селькупского и кетского субстрата — более древних аборигенов Сибири“ (1959, с. 94). На наш взгляд, процесс формирования чулымских тюрков был длительным. В конце XVI—XVII в. они представляли собой еще мелкие тюркоязычные группы типа земляческих общностей. В XVII—XVIII вв. в связи с расширением различных видов связей между нижнечулымскими и среднечулымскими тюрками,

смешением населения разных волостей, принятием христианства и другими факторами (Емельянов, 1980б, с. 161—170; Катанов, 1905, с. 5; Потапов, 1957, с. 169—170; Томилов, 1987б, с. 145—176) процессы этногенетической консолидации интенсифицировались. В этот период происходило отделение от этих процессов кызыльцев, исторические судьбы которых оказались в будущем связанными больше с соседними хакасскими группами, хотя и в конце XIX в. их иногда объединяли в один народ с чулымскими тюрками (Волости и населенные места..., 1894б, с. 66—67).

По данным Д.Г. Мессершмидта, чулымцы называли себя по волостям, русские звали их чулымскими татарами, эуштинцы — по названию волостей. Этот исследователь в 1721 г. не мог выявить общего самоназвания чулымских тюрков (Messerschmidt, 1962, с. 152). Видимо, значительная часть их называла себя тогда *ясашными*, этот термин в качестве этнонима сохранялся у некоторых чулымцев и в советский период (Бояршинова, 1950, с. 45). Вплоть до революции у чулымских тюрков сохранялись некоторые общинно-родовые пережитки, в частности, родовые кладбища, лишь в некоторых местах появлялись кладбища у каждой деревни (Дульзон, 1952, с. 93). Тем не менее рост численности чулымцев, дальнейшее расширение связей между их группами (особенно в период капитализации), общая социально-экономическая структура населения, наличие общего самоназвания *пестын-кыжы* у нижнечулымских и среднечулымских тюрков, тесная языковая и культурная общность, сходство исторических судеб привели в XIX в. к завершению в общих чертах этногенетических процессов и образованию чулымско-тюркской народности.

В разные периоды в ходе этногенетической консолидации чулымцами были ассимилированы небольшие группы селькупов, кетов, телеутов, енисейских киргизов. В изучаемый период в их состав вошли также выходцы из тоболо-иртышских, барабинских татар, эуштинцев, обских татар, кызыльцев. С другой стороны, небольшая часть чулымцев была ассимилирована русскими, а некоторые из них слились с кызыльцами, обскими и томскими татарами (подробнее см.: Томилов, 1987б, с. 145—176).

У многочисленных выходцев из Средней Азии, объединившихся понятием *сибирские бухарцы*, то есть у узбеков, таджиков, уйгуров, казахов и представителей некоторых других национальностей, в условиях поселения их в Сибири относительно компактными группами (тарской, томской, тобольской и тюменской), одинакового сословного положения в конце XVI — первой четверти XIX в., да и в дальнейшем, интенсивно развивались процессы смешения друг с другом. В результате этого ираноязычные таджики стали тюркоязычными, так как в группах сибирских бухарцев преобладали тюркоязычные выходцы из Средней Азии. Возникали определенные особенности быта бухарцев в Сибири, общие черты в культуре, все

они были мусульманами. В результате такого вида этнических процессов формировались фактически новые этнические группы, получившие название *сибирских бухарцев*. Сами себя они стали называть также бухарцами — бухарлык (Радлов, 1929 с. 23). Каждая из таких групп представляла собой эсо, то есть была этносоциальной группой, сплотившей среднеазиатских и казахстанских выходцев в единое этносоциальное образование, долгое время имевшее, в связи с торговыми и податными льготами, свои особенности по сравнению с окружающим русским и татарским населением. Кроме того, эти выделенные нами четыре группы сибирских бухарцев были связаны между собой торговыми интересами.

Возможно, что их дальнейшее этническое развитие в условиях смешанного этнического состава, интенсивных этнотрансформационных консолидационных и ассимиляционных процессов, усиления оторванности от этнических „родителей“ их предков, роста численности потомственных бухарцев могло привести к образованию в Западной Сибири особой народности. Но расселение их среди сибирских татар, установившиеся самые тесные связи с ними, заключение браков в большинстве с сибирскими татарами, освоение ими местных татарских диалектов вызвали к жизни процессы этнической ассимиляции их со стороны сибирских татар. Уже в XVI—XVII вв. какая-то часть сибирских бухарцев отложила этническим компонентом в составе тобольских, тюменских и тарских татар, а также барабинцев. Но это не привело к исчезновению основной массы сибирских бухарцев, численность которых постоянно возрастала. В XVIII—XIX вв. бухарцы продолжали принимать участие в сложении сибирских татар, но характер этого участия изменился. На какой-то период XVIII — начала XIX в. в связи с увеличением групп сибирских бухарцев и более активным взаимодействием их с сибирскими татарами этнические процессы между ними приняли характер этногенетической миксации. Но дело в том, что сибирские бухарцы в XIX в., во всяком случае со второй половины, полностью перешли на местные татарские диалекты и стали считать своим родным языком татарский, в хозяйственно-культурном отношении значительно сблизившись с сибирскими татарами. Н.М. Ядринцев писал в 1891 г. (с. 41), что „бухарцы остаются при том же названии, но это в сущности уже татары“. Поэтому, видимо, следует считать, что группы сибирских бухарцев приобрели характер этнически родственных с сибирскими татарами групп, и этнические процессы между ними приняли характер этногенетических процессов. В XIX — начале XX в. сибирские бухарцы фактически входили в метаэтническую общность сибирских татар и вместе с ними были охвачены этнической консолидацией с поволжско-приуральскими татарами, войдя составной частью в метаэтническую общность более широкого масштаба, охватившую их, сибирских татар и татар Поволжья и Приуралья.

Часть казахов, издавна расселившись небольшими группами в южных округах Тобольской губернии среди тоболо-иртышских татар и оторвавшись от основной массы казахов в XIX — начале XX в., фактически сливалась с татарами Западной Сибири. Небольшое количество казахов вошло в состав барабинских татар. Но казахи, проживавшие в Омском и Каинском округах, а также в округах Тобольской губернии, где не было татарских поселений (Тюкалинский, Ишимский), и постепенно переходившие на оседлый образ жизни, были охвачены лишь процессами межэтнической интеграции с русскими и частично с сибирскими татарами. Эти процессы, а также постепенное включение сибирских казахов (сибирских киргизов, как их называли до революции) в единую систему социально-экономических отношений с русскими приводили к формированию особой западносибирской этнографической группы казахского народа. Данный процесс начался фактически со второй половины XVIII в., а в начале XX в. особенно ощутимы были его результаты: хозяйство становится скотоводческо-земледельческим, формируется этнокультурное своеобразие, „закрепляются диалектные особенности в языке“ (Опарина, 1977, с. 67). Казахи Западно-Сибирской равнины поддерживали самые тесные связи с казахами северных районов Казахстана, считая себя одним с ними народом. Но, с другой стороны, они замечали возникшее своеобразие их культуры и языка и начинали иногда выделять себя из состава всех казахов. В свою очередь казахи Казахстана также отличали себя от казахов Западной Сибири и называли их сибирскими казахами. Возникшие у части казахов Западной Сибири моменты осознания своей общности свидетельствовали о внутриэтнической трансформации их этнографической группы в этническую. Но последний вид этнического процесса в конце XIX — начале XX в. только начинал развиваться у западносибирских казахов.

Что касается поволжско-приуральских татар-переселенцев и их потомков, то об этнических процессах среди них фактически уже говорилось выше. Переселенцы XVI — первой половины XIX в., будучи немногочисленными, как правило, растворялись среди сибирских татар, частично ассимилировались русскими. Только в некоторых городах (например, в Томске) они осели более значительными группами, где и сохранились как казанские татары. Массовые переселения поволжско-приуральских татар в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX в. привели к образованию нескольких групп их, расселенных в разных округах Тобольской и Томской губерний. Там, где казанские татары и мишари активно контактировали с сибирскими татарами и бухарцами, между ними развивались процессы этнической консолидации, которые и привели к образованию уже названной выше метаятнической общности. Отметим также, что в сибирских условиях у

поволжско-приуральских татар наблюдались процессы сглаживания этноязыковых и этнокультурных различий между казанскими татарами и мишарями. Что касается небольших групп кряшенов-переселенцев в Сибирь, то, будучи христианами, они расселялись отдельно от татар-мусульман и, как правило, в контакты с ними не вступали. Зато у них быстрее начинали проявляться процессы сближения с русскими, то есть процессы межэтнической интеграции.

В южных районах Западно-Сибирской равнины значительные группы тюркоязычного населения были почти полностью мусульманскими. К ним относятся тюменские и ялуторовские, тобольские, тарские, курдакско-саргатские, ясколбинские, барабинские татары, чаты, казахи, бухарцы, башкиры, казанские татары, мишари, а кроме того, большая часть калмаков и зуштинцев. Все эти группы образовали четкую конфессионально-этнографическую общность. Начало формирования ее приходится на последнюю четверть XVI в., когда еще в рамках Сибирского ханства была предпринята серьезная попытка обратить в ислам все население этого государства, а также группы населения, располагавшиеся по соседству. Особенно важный этап в формировании данного конфессионально-этнографического ареала приходится на XVIII — начало XIX в. Его расширение связано, во-первых, с обращением в мусульманскую веру барабинских и части тоболо-иртышских и томских татар, остававшихся до этого шаманистами, во-вторых, с активным переселением в Сибирь жителей Средней Азии и, в-третьих, с подселением в южные районы Западной Сибири казахов. Образование такой конфессионально-этнографической общности способствовало усилению взаимодействия названных групп населения и развитию у них процессов межэтнической интеграции, этнической миксации и консолидации.

Туринские татары, часть зуштинцев и калмаков, обские татары, чулымцы и чуваша в разное время были обращены в христианство и не входили в названную конфессионально-этнографическую общность. Фактически они примкнули к метаятноконфессиональной общности русских, украинцев, белорусов.

Гораздо более широкой была этнографо-лингвистическая общность тюркского населения Западно-Сибирской равнины. В нее входили все группы сибирских татар, чулымские тюрки, сибирские бухарцы, казахи, каракалпаки, поволжско-приуральские татары, башкиры. Эта общность складывалась с периода массового заселения данной территории тюркскими группами — с XIII—XIV вв. В XV — первой четверти XIX в. она расширялась за счет переселения в Сибирь так называемых бухарцев, во второй половине XVIII—XIX вв. — благодаря приходу казахов и во второй половине XIX — начале XX в. — за счет массовых переселений в Сибирь поволжско-приуральских татар. Кроме того, в XVI—XVII вв. в эту общность

входили ногайцы, оставившие свой след в диалектах сибирских татар и казахов и ушедшие затем в Восточную Европу.

С этнографической точки зрения особый интерес представляет формирование хозяйственно-культурных ареалов на территории тюркского населения Западно-Сибирской равнины, а также региональной историко-культурной общности. Системообразующим фактором в формировании хозяйственно-культурных ареалов выступал преобладающий хозяйственно-культурный тип (ХКТ) у населения. У значительной части сибирских татар и чулымских тюрков таковым долгое время был интегрированный ХКТ рыболовов-охотников-земледельцев (Томилов, 1979а, с. 122-127; 1980д, с. 40—44); у казахов — ХКТ кочевых скотоводов степей; у поволжско-приуральских татар, сибирских бухарцев, части сибирских татар и в конце XIX — начале XX в. у части казахов — ХКТ плужных земледельцев. В разные периоды границы этих хозяйственно-культурных ареалов менялись, но в целом они были связаны с названными группами этнических образований.

В результате длительного взаимодействия тюркского населения разных хозяйственно-культурных ареалов Западно-Сибирской равнины, а также благодаря этнокультурной близости и даже родственности в генетическом отношении предков изучаемых нами тюркских этнических образований, общности некоторых этнических компонентов в их составе, этноязыковой общности здесь издавна происходили процессы формирования особой традиционно-культурной общности регионального порядка. В Сибирской историко-этнографической провинции этнографами были выделены Ямало-Таймырская, Западносибирская, Алтае-Саянская, Восточносибирская, Камчатско-Чукотская, Амуро-Сахалинская историко-этнографические области, а это деление принято в науке и сегодня (Левин, Чебоксаров, 1955, с. 10-17; Андрианов, Чебоксаров, 1975, с. 18). Представляется более правильным выделять Западносибирскую областную историко-этнографическую общность, включая в нее народы в основном лесной зоны — манси, хантов, селькупов, коми и некоторых других этнических образований, но не включая тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины, относящееся к другому историко-этнографическому миру. Алтае-Саянская историко-этнографическая областная общность, на наш взгляд, сложилась, и до сих пор реально существует Южносибирская областная историко-этнографическая общность, в которую наряду с алтае-саянскими народами, якутами и бурятами вошли сибирские татары, чулымские тюрки, сибирские бухарцы, северные казахи и некоторые другие этнические образования, этническая история которых была связана друг с другом или в далеком прошлом, или в более поздние периоды.

И.С. Гурвич, отмечая большое своеобразие Южносибирской историко-этнографической общности, пишет: „Огромная территория,

значительное численное преобладание русского населения привели к тому, что коренные народы — якуты, буряты, тувинцы, алтайцы, хакасы — на протяжении последних столетий были слабо связаны друг с другом“ (19776, с. 27—28). Это привело к тому, что относительно южных районов Западной и Средней Сибири можно говорить как о двух региональных (подобластных) историко-культурных общностях, в которых проходило и проходит сейчас распространение общих традиционных черт культуры среди целой группы народов. Это Саяно-Алтайская региональная историко-этнографическая общность, охватывающая алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев, тофаларов. Территориально она охватывает регион Саяно-Алтайского нагорья и прилегающие к нему с севера районы Хакасско-Минусинской котловины и Салаирского кряжа. И далее — Южнозападносибирская региональная историко-этнографическая общность, охватывающая северных казахов, разные группы сибирских татар, чулымцев, сибирских бухарцев, поволжско-приуральских татар, башкир, в историческом прошлом часть западных монголов, ногайцев и др. Территория этой общности представляет собой сравнительно узкую полосу от Зауралья до бассейна Томи и среднего течения Оби с притоками (Томилов, 1978а, с. 20; 19816, с. 47).

К наиболее общим чертам Южнозападносибирской региональной историко-этнографической общности относятся еще ее полиэтничность, относительная общность этногенетических процессов и наличие общих этнических компонентов, общность исторических судеб и своеобразие исторического пути каждого этнического образования; наличие нескольких ХКТ и на основе их различия взаимодействие групп населения друг с другом; возникшая этнокультурная общность в культурно-хозяйственной сфере, в других сферах материальной культуры, в духовной культуре и языке и сложившееся культурное и языковое своеобразие этнических общностей данного региона; связь с Саяно-Алтайской региональной историко-этнографической общностью в этногенезе и историческом развитии, в ХКТ, культуре, языках, но наличие и больших различий, связанных с разным уровнем плотности, в сходстве и близости тех или иных сторон культурных явлений.

Южнозападносибирская историко-этнографическая общность прежде всего сложилась в результате длительных процессов культурного взаимодействия местных этнических (в основном тюркоязычных) образований. Материалы об этнокультурных взаимодействиях сибирских татар с бухарцами, чулымцами, поволжскими и приуральскими татарами-переселенцами приводились в разных разделах настоящей работы. Культурное взаимообогащение (некоторые ученые считают его основным и наиболее прогрессивным направлением в этнических процессах — Хомич, 1969, с. 85, 86) особенно заметно, и притом с давних времен, у казахов и сибирских татар.

К общим сходным видам и элементам их традиционно-бытовой культуры относятся, например, камзолы, ряд головных уборов (тюбетейки, зимние шапки — такыя, тумак и др.), сапоги на мягкой подошве — ичиги, национальные блюда — баурсаки, парамечи, кумыс, айран, сыр курт и др., сходные фольклорные сюжеты о народных героях, криволинейные геометрические орнаменты, похожие способы лечения в народной медицине, общие черты в семейных обрядах и др.

Следует заметить, что в состав названных двух региональных культурных общностей не входили многие группы переселенцев и их потомков — это прежде всего русские, а также украинцы, белорусы, поляки, немцы и другие, культурные традиции которых существенно отличались в прошлом от культуры тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. В то же время значительный объем общих черт в культуре распространялся в данной зоне среди русских, украинцев и белорусов. Можно говорить, что на одной и той же территории развивались процессы складывания двух таких взаимодействующих друг с другом видов традиционнокультурных общностей — общности славянских народов и групп и общности тюркских народов и групп. Данные общности не были изолированы друг от друга, а, наоборот, интенсивно взаимодействовали, что приводило к усложнению этнокультурной картины, но одновременно и к увеличению общих черт в культуре и быте всех этих народов и групп.

Выделение двух региональных тюркских историко-этнографических общностей — Саяно-Алтайской и Южнозападносибирской — связано с природными факторами: различием географических условий их складывания (в одном случае преимущественно горный массив, в другом — степь и лесостепь) и большой территориальной широтной протяженностью всей этой южной и средней зоны Западной и Средней Сибири. Последнее обстоятельство приводило к тому, что в развитии этнокультурного взаимовлияния в XIX — начале XX в. наблюдалось определенное ослабление его между населением западных и восточных районов Южносибирской историко-этнографической общности. Тем не менее большая этнокультурная близость выявляется у казахов, сибирских татар, чулымцев — с одной стороны, алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев и тофаларов — с другой. Эта близость складывалась как в изучаемый нами период, так и в более древние времена. Таково в самом общем виде наше решение проблемы выделения некоторых областных и региональных историко-этнографических общностей в районах Западной и Средней Сибири, а также характеристики Южнозападносибирской региональной историко-этнографической общности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во введении настоящей работы рассмотрены постановки ряда вопросов по этнической истории тюркского населения Западно-Сибирской равнины в дореволюционной и советской литературе, в том числе вопросы изучения этнического состава населения и этнической классификации, этногенеза, развития разных направлений этнических процессов среди изучаемых тюркских образований. Выявлены и успехи, и ограниченность дореволюционных авторов в подходе к решению этих вопросов, раскрыт вклад советских ученых в изучение исторических, этнографических, антропологических, археологических и лингвистических аспектов проблем этнической истории тюркского населения данного региона, обнаружена и научная неразработанность целого ряда вопросов этой проблематики.

В работе представлена во многом новая схема этнографической классификации тюркского населения Западно-Сибирской равнины изучаемого периода. Среди так называемых сибирских татар выделены следующие этнические группы с выявлением внутри них локальных групп этнографического характера.

1. Тюменско-туринские татары и их группы:
 - 1) тюменская; 2) ялutorовская; 3) туринская; 4) верхотурская.
2. Тобольские татары и их группы:
 - 1) аремзянско-надцинская; 2) искеро-тобольская; 3) бабасанская; 4) иштякско-токузская.
3. Ясколбинские татары и их группы:
 - 1) ясколбинская; 2) кошукская; 3) табаринская.
4. Курдакско-саргатские татары и их группы:
 - 1) курдакская; 2) саргатско-утузская.
5. Тарские татары и их группы:
 - 1) аялынская; 2) туралинская.
6. Барабинцы и их группы:
 - 1) барабинско-туражская; 2) любейско-тунусская; 3) теренинско-чойская.
7. Томские (эуштинские) татары и их группы:
 - 1) эуштинская; 2) басандайская; 3) евагинская.

8. Чаты и их группы:

1) обская; 2) томская.

9. Обские татары и их группы:

1) темерчинская; 2) шегарская; 3) провско-соргулинская; 4) черномысская.

10. Калмаки.

В составе чулымских тюрок выделяются нижнечулымские и среднечулымские (мелесские) тюрки, а в составе первых — байгульско-каргачинская, аргунская, кизылдеевская, ячинская, корюковская и курчиковская группы. Казахи южных районов Западно-Сибирской равнины объединялись в западносибирскую этнографическую группу казахского народа. Среди сибирских бухарцев нами выделены 4 территориальных группы: 1) тюменская; 2) тобольская; 3) тарская; 4) томская. В Западной Сибири формировались также следующие группы поволжско-приуральских татар, расселившихся отдельно от сибирских татар: 1) маринская; 2) зырянско-кривошеинская; 3) колпашевско-чанская; 4) сорокинская.

Одновременно выявлены этнические компоненты в составе как территориально-этнических образований, так и локальных групп. Часть из них вошла в состав местного тюркского населения в изучаемый нами исторический период. Основу тюменско-туринских татар составили, на наш взгляд, местные племена, предки которых были наиболее ранними тюркскими насельниками этих мест. В их составе выявляются также группы башкирского происхождения или, вернее, группы, вошедшие в состав как башкир, так и тюменско-туринских татар. Наряду с этими особенностями этнического состава собственно тюменских татар было и то обстоятельство, что в их состав влиялись выходцы из ранних узбекских племен, зафиксированные потомки одной из групп среднеазиатских ходжей. В XVII — начале XX в. они активно смешивались с бухарцами (в основном узбеками, таджиками) и частично с тобольскими и ясколбинскими татарами. Ялutorовские татары как группа выделялись в этот исторический период довольно четко.

Основа их была заложена тюменскими татарами, но в их состав вошел и тобольско-татарский компонент. Туринцы своим происхождением прежде всего связаны также с тюменскими татарами, значительной в их составе была доля местных манси. Попытку определить этнический состав коренных жителей Туринского уезда лишь мансийским следует признать неудачной. Верхотурские татары состояли из тюменских и туринских татар, смешавшихся с ними поволжских татар и башкир.

Во всех группах тобольских татар в качестве основного компонента для того периода выявляются потомки древнего населения этих мест, тюрки „тайбугина рода“. Другим общим компонентом были угры. Особенности армянско-надцинской группы в XVII—

XVIII вв. определялись вхождением в их состав небольшого числа иртышских хантов и, возможно, манси, отсутствием смешения с бухарцами и казанскими татарами и возможными связями с телеутами. В изучаемый период с аремзянско-надцинскими татарами частично смешались искеро-тобольские, бабасанские и ясколбинские татары. В состав искеро-тобольских татар, кроме общетобольских компонентов, вошли ногайцы, среднеазиатские тюрки — в основном узбеки, частично казахи, казанские татары и чуваша. Своеобразие бабасанской группы заключалось в более мощной прослойке татар „тайбутина рода“, в смешении с тюменскими и искеро-тобольскими татарами, в отсутствии в их составе бухарцев и казанских татар. У иштякско-токузских татар более выпукло представлен пласт южных угров Западной Сибири, выявлены древнеугорские связи этой группы и смешение в изучаемый период с искеро-тобольскими и курдакско-саргатскими татарами. В ряде мест среди тобольских татар в XVIII в. расселились так называемые оброчные чувальщики, которые представляли в то время казанско-сибирско-татарскую группу населения.

В этническом составе ясколбинцев относительно четко выявляются древнетюркский, кыпчакский, угорский и самодийский компоненты, фиксируется отсутствие бухарцев и казанских татар. Особенностью формирования небольшой периферийной группы кошукских татар, как нам представляется, было смешение ясколбинцев с тюменскими татарами и манси. Основу табаринских татар составили ясколбинские и туринские татары, также смешавшиеся с манси.

Общими этническими компонентами курдакско-саргатских татар в этот период были потомки тюрков — ранних поселенцев в этих местах, южных хантов, а также ногайский и тобольско-татарский компоненты (последний фиксируется с 1580-х гг.). Характерным для них было и отсутствие смешения с бухарцами. В курдакскую группу вошли, правда, сарты, это были, видимо, более ранние узбеки. Кроме того, кыпчакский пласт у курдаков фиксируется этнонимом *кара-кылчаки*. Особенность саргатско-угузских татар определялась включением в их состав киданей — потомков монгольской по происхождению группы племен, впоследствии тюркизированных, и потомков „угуз-татар“ орхонских надписей. Пришлые поволжско-приуральские татары расселились среди курдакско-саргатских татар довольно поздно, в основном в конце XIX — начале XX в.

Общность тарских татар проявилась в том, что аялынды не только образовали самостоятельную группу, но и влились в состав туралинцев. Общими для обеих групп тарских татар были также телеутский, барабинско-татарский компоненты и угорский, более древнего происхождения. Казанские татары в XVII — середине XIX в. встречались здесь единицами и не оказывали тогда влияния

на изменение этнического состава местных татар. Особенностью аялынецов было то, что они были потомками печенежско-огузских и огузо-кыпчакских племен. А в состав туралинцев входили бухарцы и с конца XVIII в. в небольшом количестве каракалпаки.

В числе барабинцев было много потомков ранних тюркоязычных племен алтайского происхождения. Алтайский пласт был усилен включением в их состав небольших групп телеутов. Общим для всех барабинцев был и тарско-татарский (в большей мере аялынский) компонент. В наиболее многочисленной барабинско-турашской группе оказались также выходцы из Средней Азии — сарты (узбеки и таджики) относительно раннего происхождения, а также казахи, башкиры, орчаки — выходцы с Саяно-Алтайского нагорья (родственны тувинцам), угры, самодийцы, западные монголы (калмыки). Последние зафиксированы кроме того и в составе теренинско-чойской группы. В любейско-тунусской группе выявились угорский и среднеазиатский (таджики и узбеки) компоненты. В состав барабинцев в период общения их с кучумовичами, возможно, вошли и отдельные выходцы из тобольских татар.

Свой след в формировании томских (эуштинских) татар оставили южные самодийцы, древние тюрки, в том числе кыргызские и телесские племена, кимаки и затем вышедшие из них кыпчаки. В период с конца XVI в. до XIX в. в их состав, видимо, вошли также выходцы из тоболо-иртышских татар, частично бухарцы (узбеки) и чулымские тюрки.

Общими этническими компонентами чатов являются тоболо-иртышско-татарский, барабинско-татарский, казахский, телеутский и местно-тюркский, образованный потомками ранних коренных тюрков бассейна Оби. Корни чатов, на наш взгляд, исходят в основном от кимаков. Особенности формирования томских чатов, отделившихся в XVII в. как локальная группа, было смешение их с эуштинцами, бухарцами и частично с выходцами из западных монголов (калмыков). В состав обских татар вошли давние поселенцы в Среднем Приобье — потомки тюркизированных (или отчасти тюркизированных) южных самодийцев, потомки киданей, а также в разных местах в разном количестве — селькупы. Во всех группах, за исключением провско-соргулинской, встречались выходцы из телеутов. В число шегарцев вошли также чаты, несколько эуштинцев и чулымцев. Темерчинцы включили в свой состав несколько эуштинцев, чатов и, возможно, барабинцев, провско-соргулинские татары — эуштинцев, тоболо-иртышских татар и в XVIII в. чулымцев. Черномысских татар, похоже, образовали чулымские тюрки и темерчинцы, смешавшиеся с чатами и телеутами. Калмаки, которых обычно считают потомками телеутов, формировались не только из них. В их состав вошла часть аборигенного тюркоязычного населения Нижнего Притомья, а также монгольские элементы, чаты, эуштинцы.

Изучение этнических компонентов, их истории и в целом этногенеза коренных тюркоязычных групп Западно-Сибирской равнины, вошедших в состав сибирских татар, мы не можем считать окончательно завершенным. Решение этой проблемы лежит в комплексном использовании данных разных наук.

В процессе формирования групп чулымских тюрков в конце XVI—XVIII вв. в их состав частично вливались селькупы, кеты, енисейские киргизы, кызыльцы, в небольшом количестве — выходцы из западных групп сибирских татар, а также зуштинцы, телеуты. В составе казахов в южных районах Западной Сибири оказались прежде всего кипчаки, артыны, найманы, керей, уаки, жетыру и др. Подавляющую массу сибирских бухарцев составляли узбеки и таджики, кроме того, в их составе встречались уйгуры, казахи и туркмены и, видимо, каракалпаки, а в Сибири в них в отдельных случаях вливались сибирские и казанские татары. Каракалпаки, кроме того, были зафиксированы в небольшом количестве в тоболо-иртышском регионе Западной Сибири. В составе пришлых поволжско-приуральских татар были казанские татары, мишари и крышены. В работе приводятся факты о конкретных местах выхода тюркского населения из Средней Азии, Поволжья и Приуралья, рассматриваются вопросы хронологии этих миграций.

В ходе исследования проблемы этнической истории тюркского населения Западно-Сибирской равнины были изучены изменения в расселении и численности на протяжении XVI — начала XX в. и получены важные в научном отношении выводы об изменениях в этнической территории каждого тюркского образования, о росте численности большинства тюркских групп, о высокой степени их жизнеспособности и стабильности их этнического воспроизводства. По степени совместного соседнего расселения, по некоторым видам общения между собой, а также по наличию общих этнических компонентов, вошедших в состав тех или иных групп сибирских татар в изучаемый нами исторический период (особенно в связи с перемещением части тоболо-иртышских татар на восток), выявляется следующая картина взаимосвязанности ряда местных тюркских групп между собой. Тобольские татары имели наиболее многочисленный узел нитей связавших их со всеми этническими группами, за исключением калмаков. Слабее эти связи были выражены, естественно, с более отдаленными от них восточными группами барабинцев, чатов, зуштинцев и обских татар. Тюменские татары были в тот период тесно связаны с тобольскими и ясколбинскими, слабее — с курдакско-саргатскими и тарскими татарами. Между тюменскими, с одной стороны, верхотурскими и туринскими татарами, с другой стороны, постепенно образовался определенный разрыв в единой когда-то территории, и связи с ними ослабли. Тарские татары также имели несколько направлений взаимосвя-

зей — с курдакско-саргатскими, тобольскими, тюменскими, барабинскими и томскими татарами.

На востоке узел этноисторических связей концентрировался в основном вокруг чатов и эуштинцев. Чаты, имевшие давние связи и родство в происхождении с тоболо-иртышскими татарами, в целом, в XVII — начале XX в. имели контакты прежде всего с барабинцами, томскими татарами, калмаками и в меньшей мере — с тобольскими татарами. Между ними и барабинцами возник небольшой территориальный разрыв, но тем не менее прямые отношения у них (в первую очередь обских чатов и барабинцев) долгое время еще сохранялись. Чаты, по сравнению с эуштинцами и калмаками, были более многочисленной группой в низовьях Томи и прилегающих районах Приобья. Это обстоятельство и определило, что они при смешении с эуштинцами и калмаками отложились значительными компонентами в местном тюркоязычном населении и внесли в его культуру и язык черты тоболо-иртышского этнокультурного комплекса сибирских татар. Эуштинцы были связаны в тот период не только с соседними чатами, калмаками, обскими татарами, но и с барабинцами, тобольскими, тарскими татарами. Этногенетические узы связали эту наиболее восточную из рассмотренных нами групп даже с ясколбинцами, одной из самых западных этнических групп тоболо-иртышских татар.

Барабинцы, занимая промежуточное место между тоболо-иртышскими, с одной стороны, и томско-обскими тюркскими группами — с другой, имели связи в первую очередь с тарскими татарами и чатами, а кроме того — с эуштинцами, обскими и тобольскими татарами. Наиболее узкий круг связей отмечен у ясколбинских (с тюменскими и тобольскими татарами) и у калмаков (с чатами, эуштинцами и обскими татарами). Это и понятно, если учесть периферийный характер географического размещения этих групп.

В целом выявляется, на наш взгляд, довольно высокая степень взаимосвязанности тоболо-иртышских, барабинских и томско-обских тюркоязычных групп, которая создавала возможность для развития консолидации этих групп друг с другом.

Изучение процессов этнического развития сибирских татар, составивших здесь большинство тюркского населения, а именно рассмотрение уровня и системы их социально-экономического развития, а также системы социальных и торгово-хозяйственных связей, этнокультурных и этноязыковых процессов, изменений в их этническом самосознании на протяжении XVI — начала XX в. дало возможность подробно осветить вопросы формирования этнических групп. Так, среди сибирских татар к этому приводили процессы этногенетической консолидации. Группы татар тоболо-иртышского района и Барабы существовали уже в конце XVI—XVII вв., дальнейшие внутренние этнические процессы среди них носили этно-

эволюционный характер. Группа томских татар в XIX в. представляла собой в этническом отношении единое целое, но окончательно сформировалась в первые десятилетия XX в.

На протяжении всего изучаемого нами периода среди сибирских татар развивались процессы этногенетической консолидации их в единую этническую общность, уже в XVII—XVIII в. они представляли собой общность историко-этнографического характера. Особенностью этнических процессов у них было то, что при отсутствии из-за целого ряда факторов (главное, из-за их широкой территориальной расселенности) условий для сложения сибирских татар как этносоциальной общности здесь все же имела место консолидация их в этнос как этникос. Данный этнический процесс не завершился, но он привел к тому, что в конце XVIII — начале XX в. сибирские татары представляли собой метаэтническую общность. В результате этнического взаимодействия их с поволжско-приуральскими татарами в конце XIX — начале XX в. сложилась общая для татар Поволжья, Приуралья и Сибири метаэтническая общность, но единого татарского народа не образовалось. Этнические контакты сибирских татар с соседями имели своими результатами также частичную ассимиляцию их русскими, ассимиляцию части туринских татар со стороны манси, слияние отдельных эуштинцев с чулымцами, ассимиляцию части тобольских татар иртышскими хантами. В свою очередь, с сибирскими татарами в тот период слились часть сибирских бухарцев, поволжско-приуральских татар, башкир, каракалпаков, хантов, манси, селькупов, телеутов, чулымцев и др.

В период этнической консолидации чулымцев в чулымско-тюркскую народность, завершившейся в основном в XIX в., небольшая их часть была ассимилирована русскими, а некоторые чулымцы слились с кызыльцами, обскими и томскими татарами.

В результате этнического взаимодействия выходцев из Средней Азии и Казахстана между собой и с сибирскими татарами ираноязычные таджики стали тюркоязычными, в Сибири формировались новые этнические группы, названные сибирскими бухарцами, которые постепенно сливались с сибирскими татарами, в XIX — начале XX в. вошли в одну метаэтническую общность с сибирскими татарами, а в конце XIX — начале XX в. — в метаэтническую общность, охватившую их, татар Сибири, Поволжья и Приуралья. Часть казахов в Западной Сибири слилась с тоболо-иртышскими и барабинскими татарами, но основная их масса, составившая западносибирскую этнографическую группу казахского народа, была охвачена процессами межэтнической интеграции с русскими и татарами Сибири. Что касается поволжско-приуральских татар-переселенцев и их потомков, то массовая миграция их, развернувшаяся

во второй половине XIX — начале XX в., привела к образованию нескольких их групп, к этническому взаимодействию их с местными сибирскими татарами и частичному слиянию с ними, а также способствовала образованию единой метаэтнической общности у значительной части татарских этнических образований России того времени.

У тюркского населения Западно-Сибирской равнины имело место образование в изучаемый нами период мусульманской конфессионально-этнографической общности и вхождение меньшей части татар, а также чулымцев и чувашей-переселенцев в христианскую метаэтно-конфессиональную общность вместе с русскими. Здесь же сформировались этнографо-лингвистическая общность тюркского населения, более широкая по сравнению с конфессиональной общностью мусульман. В связи с вопросом о формировании традиционных-культурных общностей в работе рассмотрена проблема выделения Западносибирской и Южносибирской областных историко-этнографических общностей, а в составе последней — Саяно-Алтайской и Южнозападносибирской региональных историко-этнографических общностей. Последняя общность регионального характера охватила северных казахов, разные группы сибирских татар, чулымцев, сибирских бухарцев, поволжско-приуральских татар, башкир, в историческом прошлом часть ногайцев, западных монголов и др.

В Западной Сибири с конца XVI в. все интенсивнее стали развиваться процессы сближения тюркского населения с русскими. Выявились постоянное увеличение прогрессивного влияния хозяйственно-культурной деятельности русских на быт местных тюркских групп, распространение среди них двуязычия, укрепление доверия между народами, дружеских связей местного тюркского населения с русскими. Мы приходим к выводу, что наряду с имевшими место процессами этнической ассимиляции русскими части тюркского населения данного региона здесь прежде всего интенсивно развивались межэтнические интеграционные процессы, в которых русские сыграли большую роль в плане трансформации хозяйства и культуры тюркских групп, их быстрого социально-экономического и культурного развития.

Таковы были основные тенденции и итоги этнических процессов у тюркского населения Западно-Сибирской равнины в XVI — начале XX в. Прогнозы дальнейшего развития некоторых из них в XX вв. можно свести к следующему: возможное продолжение этнической консолидации сибирских татар в единый этнос, усиление процессов этнического взаимодействия сибирских татар с поволжско-приуральскими, дальнейшее слияние части сибирских бухарцев с сибирскими татарами, превращение этнографической группы западносибирских казахов в этническую группу казахского народа, усиление процессов сближения тюркского населения с русским с сохранением социаль-

ных и политических преград на пути развития этого процесса в рамках капиталистической России, длительное преобладание форм местной традиционно-бытовой культуры в условиях общей отсталости России от развитых капиталистических стран, сохранение мусульманской конфессиональной общности большинства тюркского населения, дальнейшее развитие Южнозападносибирской региональной историко-этнографической общности и некоторые другие указанные выше моменты этнической ситуации. Некоторые из этих прогнозов были сделаны отдельными учеными XIX — начала XX в. и в ходе дальнейшего развития этнических процессов подтвердились. Но никто не мог предполагать тогда, насколько значительны будут новые импульсы для этнических процессов после Великой Октябрьской социалистической революции в обстановке построения социализма.

Характеристика развития этнических процессов у тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в советский период приводится в целом ряде опубликованных работ. Основные выводы, полученные в результате их исследования, в том числе данных более чем 10 тысяч заполненных опросных листов по изучению современных этнических процессов, статистических данных разного рода, массовых записей генеалогии и др. (подробнее см., напр.: Томилов, 1978и, с. 9—21; 1978к, с. 208 и др.), сводятся к следующему решению данной проблемы.

Сибирские татары в настоящее время по-прежнему состоят из нескольких разрозненных этнических групп — томских, барабинских и тоболо-иртышских татар. Их консолидация в единый этнос не завершилась. Они представляют собой, скорее всего, не вполне сформировавшуюся этническую общность, возможно, близкую, но не адекватную народности. Процессы сближения и частичного смешения сибирских татар с поволжско-приуральскими, особенно интенсивно развивавшиеся с первых десятилетий Советской власти, способствовали тому, что в настоящее время сибирские татары входят в татарскую этническую общность, видимо, как особая региональная этническая общность более дробного порядка. И все же сибирские татары в большинстве этнических компонентов сохраняют значительное своеобразие. Постепенно углубляются процессы сближения их с русскими. За годы Советской власти среди русских полностью растворились группы туринских и обских татар, значительная часть калмаков. Чулымские тюрки также частично растворяются среди русских, частично сливаются с хакасами, хотя часть их по-прежнему представляют собой небольшую народность с сохранившимся этническим самосознанием, а также родным языком и некоторыми традиционными явлениями культуры. Пришлые поволжско-приуральские татары и их потомки образуют в Западной

Сибири несколько групп. Частично они смешиваются с сибирскими татарами в районах их расселения. Наши полевые материалы показывают, что большая часть детей из таких смешанных семей считают себя коренными сибирскими татарами. Но в целом у поволжско-приуральских и сибирских татар Западной Сибири укрепилось обозначение себя просто татарами, что свидетельствует о развитии процесса трансформации их метаэтнической общности в общетатарский этникос. Казанские татары и другие группы поволжских татар в Сибири активно контактируют с русскими и частично сливаются с ними. Сибирские бухарцы окончательно слились с сибирскими татарами в послевоенный период. Казахи по-прежнему представляют собой западносибирскую этнографическую группу казахского этноса, осознают свое единство с казахами соседнего Казахстана, развивают межэтнические контакты с русскими и татарами. Отмеченный у казахов Омской области процесс формирования группового этнического самосознания на основе выделения своей группы по ряду этнодифференцирующих признаков позволяет характеризовать их как складывающийся субэтнос.

Конкретные материалы фиксируют развитие разных сторон культуры всех народов Западной Сибири. Это особенно заметно у тюркоязычного населения в сфере духовной культуры — устном народном творчестве, народном декоративном искусстве, народной музыке, хореографии, народных знаниях. И хотя здесь налицо ослабление этнической специфики, именно в этих сферах традиционно-бытовой культуры этнический колорит выражен гораздо сильнее, чем, например, в материальной культуре, и даже семейной обрядности. Сохраняется и ряд религиозных пережитков, но большинство населения было атеистами. В связи с этим обстоятельством здесь распалась мусульманская конфессиональная общность тюркского населения.

Культурное взаимообогащение особенно заметно развивается у казахов и сибирских татар, которые заимствовали отдельные черты культуры у поволжско-приуральских татар, но многие из них считают эти черты своими национальными, полагая, что они местные по происхождению и издавна существуют в их культуре. Общие черты в культуре и быте народов Западной Сибири распространяются также благодаря процессам культурного влияния и взаимообогащения между ними и русскими. Среди разных групп степень инфильтрации комплекса культуры русских неодинакова. Так, среди сибирских и поволжских татар частично развивается аккультурация со стороны русских. У казахов в целом сохраняется значительная часть национальных черт, но и у них происходит адаптация к формам русской культуры. Всюду наблюдается проникновение интегрированных черт общесоветской культуры, модернизация этнокультурного облика.

В районах южной и центральной полосы Западной Сибири по-прежнему происходят общие процессы развития региональных традиционно-культурных общностей, в том числе Южнозападносибирской региональной историко-этнографической общности тюркских народов и групп. В современных условиях эти процессы не являются ведущими. В настоящее время превалирует распространение форм общесоветской культуры, оно и понижает значение этих процессов. Здесь преобладает общая интегрирующая тенденция в развитии культуры. В последние годы актуальной стала проблема удовлетворения национально-культурных и национально-языковых потребностей местного тюркского населения и повышения роли традиционной народной культуры.

Литература

- Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12 С. 709—738.
- Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113—150.
- Ленин В.И. О продовольственном налоге: (Значение новой политики и ее условия) // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 205—245.
- А начиналась Тара так... // Омская правда. 1970. 22 янв.
- Абдрахманов А.А. Историческая близость тюркских народностей Сибири и казахов на основе этнонимии и топонимии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 11—14.
- Абдрахманов М.А. К вопросу об устойчивости слов основного словарного фонда // Докл. VII науч. конф. Том. ун-та. Томск, 1958а. Вып. 1. С. 129—130.
- Абдрахманов М.А. Явления смешения в употреблении некоторых грамматических форм: (на материале тюркского говора дер. Эушта Томского района) // УЗ ТГПИ. Томск, 1958б. Т. XVII. С. 231—248.
- Абдрахманов М.А. К вопросу о закономерностях диалектно-языкового смешения: (На материале тюркского говора дер. Эушта Томского района Томской области): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1959а. 240 с.
- Абдрахманов М.А. Особенности диалектно-языкового смешения в фонетике: (На материале тюркского говора дер. Эушта Томского района) // УЗ ТГПИ. Томск, 1959б. Т. XVIII. С. 163—194.
- Абдрахманов М.А. Особенности развития словарного состава при диалектно-языковом смешении (на материале некоторых групп лексики тюркского говора дер. Эушта Томского района) // УЗ ТГПИ. Томск, 1959в. Т. XVIII. С. 195—220.
- Абдрахманов М.А. Особенности диалектно-языкового смешения в лексике томско-тюркских говоров // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959 г. С. 30—31.
- Абдрахманов М.А. К вопросу о закономерностях языкового смешения: (На материале тюркского говора дер. Эушта Томского района): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1960а. 14 с.
- Абдрахманов М.А. Материалы по языку дер. Эушта Томского района Томской области: Приложение к диссертации „К вопросу о закономерностях диалектно-языкового смешения на материале дер. Эушта Томского района“. Томск, 1960б, С. 1—127.
- Абдрахманов М.А. Материалы по словарю томско-тюркских говоров // Сб. статей по вопросам языкознания и методике преподавания иностранных языков (УЗ ТГПИ. Т. 21, вып. 1). Томск, 1964. С. 83—93.
- Абдрахманов М.А. О тюркских топонимах Западной Сибири (топонимы эуштинцев и калмаков) // УЗ ТГПИ. Томск, 1965. Т. XXII. С. 90—94.
- Абдрахманов М.А., Гордеева О.И. О взаимодействии русских говоров и языка томских татар // УЗ ТГПИ. Томск, 1962. № 43. С. 177—188.
- Абдрахманов М.А., Гордеева О.И. Особенности речи томско-обских татар на

- русском языке в сопоставлении с их родным языком // УЗ ТГУ: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 2. Томск, 1971. № 74. С. 181—188.
- Абрамов Н.А. О заселении и промышленности округов Тарского и Омского в Тобольской губернии // ВРГО. 1853. Ч. VII. Кн. II, смесь. С. 27—31.
- Абрамов Н. Гора Алафейская // Тобольские губ. вед-ти. 1862. № 21—22.
- Абрамов Н. Город Ялуторовск с его округом // Тобольские губ. вед-ти. 1864. № 25, 27.
- Абулгази-Баядур-хан. Родословная история о татарах. 1770. Т. II. 480 с.
- Авдеев И.И., Струкова И.П. Тобольские и тюменские татары: (Историко-этнографический очерк) // Омская область. 1937. № 3. С. 66—73.
- Авдеев И.И., Струкова И.П. Тобольские и тюменские татары: (Историко-этнографический очерк) // АИЭЛ. Ф.к. V. Оп. 1. № 2. С. 28.
- Адрианов А.В. Томская старина // Город Томск. Томск, 1912. С. 101—183.
- Азиатская Россия. Спб., 1914. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. 576 с.
- Акты исторические. Спб., 1841. Т. 1. 584 с.; Спб., 1841. Т. 2. 469 с.; Спб., 1841. Т. 3. 524 с.; Спб., 1842. Т. 4. 591 с.; Спб., 1842. Т. 5. 566 с.
- Александров В.А. Русское жилище в Восточной Сибири в XVII — начале XVIII века // СЭ. 1960. № 2. С. 44—56.
- Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.: (Енисейский край). М., 1964. 303 с.
- Александров В.А. Итоги и перспективы изучения материальной культуры русского населения Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 57—75.
- Александров В.А. Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVII — начало XX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 7—21.
- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. 609 с.
- Алексеенко Н.В. Размещение казахского населения Российской империи в конце XIX века // Исторические науки. Алма-Ата, 1975. Вып. 2. С. 32—38.
- Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. Ч. I. 452 с.
- Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII в. 280 с.
- Андрянов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области: (Проблемы историко-этнографического районирования) // СЭ. 1975. № 3. С. 15—25.
- Андреевич В.К. Исторический очерк Сибири. Томск, 1887. Т. III. 352 с.
- Андреевич В.К. История Сибири. Спб., 1889. Ч. 1. 220 с.
- Андреевич В.К. История Сибири. Спб., 1889. Ч. 2. 487 с.
- Аношин В.С. Материалы к вопросу о заселении территории Большереченского района // Изв. Омского отдела географического общества Союза ССР. Омск, 1961. Вып. 4. С. 109—111.
- Антропова В.В. Лыжи народов Сибири // СМАЭ. М.; Л., 1953. Т. 14. С. 5—36.
- Антропова В.В. Лодки // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 107—130.
- Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание „О человекех незнаемых в восточной стране“. М., 1890. 89 с.
- Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976. 372 с.
- Аргынбаев Х.А., Кауанова Х.А., Ходжаева Р.Д. Направления и протяженность кочевых путей // Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков: Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980. С. 71—81.
- Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // ЖС. 1896. Вып. III—IV. С. 277—456.
- Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. Новосибирск, 1975. 268 с.

- Ахатов Г.Х. О восточном диалекте татарского языка // *Вопр. диалектологии тюркских языков*. Баку, 1958. С. 51—65.
- Ахатов Г.Х. Выступление // *Вопр. диалектологии тюркских языков*. Казань, 1960а, С. 106—111.
- Ахатов Г.Х. Некоторые особенности преподавания родного языка в условиях восточного диалекта татарского языка // *Вопр. диалектологии тюркских языков*. Казань, 1960б. С. 101—105.
- Ахатов Х.Г. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963. 195 с.
- Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1965, 35 с.
- Ахатов Г.Х. Татарская диалектология. Уфа, 1977, 76 с.
- Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. 195 с.
- Ахметова Ф.В. Эпические параллели якутской «Элэйады» и татарских дастанов // *Этногенез и этническая история тюркоязычного народа Сибири и сопредельных территорий*. Омск, 1979. С. 168—171.
- Ахметова Ф.В., Монасыпов Ш.Х. К вопросу об инструментальной музыкальной культуре сибирских татар // *Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий*. Омск, 1979. С. 171—174.
- Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950. 140 с.
- Багашев А.Н., Юрина Л.Г. Группы крови системы АВО и Резус (D) у тарских татар // *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии*. Омск, 1984. С. 36—40.
- Багашев А.Н. Распределение дискретных краниологических признаков в некоторых тюркоязычных популяциях Сибири // *Археология и этнография Южной Сибири*. Барнаул, 1984. С. 105—115.
- Багашев А.Н. Соотношение антропологического состава средневекового и современного населения Омского Прииртышья // *Смены культур и миграции в Западной Сибири*. Томск, 1987. С. 106—109.
- Багашев А.Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // *Палеантропология и археология Западной и Южной Сибири*. Новосибирск, 1988. С. 22—54.
- Багашев А.Н. Антропологический состав и формирование тоболо-иртышских татар по данным краниостеологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 17 с.
- Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья. М., 1963. 41 с.
- Баландин А.Н. Самоучитель мансийского языка. Л., 1960. 247 с.
- Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и китайскими владениями // *ЗСОРГО*. Омск, 1881. Кн. III. Вып. I. С. 1—32.
- Бараба (Историко-статистические, этнографические и экономические очерки) // *Сиб. вестник*. 1892. № 130; 1893. № 39, 53, 57, 73, 108.
- Бараба в тюркское время / Под ред. В.И. Молодина, Д.Г. Савинова, В.С. Елагина и др. Новосибирск, 1988. 176 с.
- Барон У-р. Четыре месяца в Киргизской степи // *Отч. зап. Спб.*, 1848. Т. 60. С. 141—224.
- Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг. Спб., 1897. 151 с.
- Бартольд В.В. Улутбек и его время // *Сочинения*. М., 1964. Т. II. Ч. 2. С. 25—198.
- Бартольд В.В. Бараба // *Сочинения*. М., 1965. Т. III. С. 366.
- Басандайка. Томск. 1947. 220 с.
- Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971. 274 с.
- Баскаков Н.А. Алтайский язык: (Введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М., 1958. 115 с.
- Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960. 234 с.

- Баскаков Н.А. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков // Тр. VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т. 5. С. 682—688.
- Батянова Е.П. Некоторые аспекты этнического самоопределения телеутов // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. IX. С. 92—110.
- Батянова Е.П. Культ эменгендеров у телеутов // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 119—124.
- Бахрушин С.В. Туземные легенды в „Сибирской истории“ Ремезова // Исторические известия. 1916. № 3—4. С. 3—28.
- Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Исторические записки. 1937. Т. 1. С. 55—80.
- Бахрушин С.В. Завоевания Сибири. М., 1938. 16 с.
- Бахрушин С.В. Основные линии обских угров // УЗ ЛГУ: Серия востоковедческих наук. 1948. Вып. 2. Т. 1. С. 257—287.
- Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. // Научные труды. М., 1955а, Т. III. Ч. 1. С. 15—162.
- Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Там же, 1955в. Т. III. Ч. 2. С. 176—224.
- Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Там же, 1955г. Т. III. Ч. 2. С. 153—175.
- Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. // Там же, 1955д. Т. III. Ч. 2. С. 86—152.
- Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Там же, 1955ж. Т. III. Ч. 2. С. 49—85.
- Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // Там же, 1959. Т. IV. С. 193—214.
- Бекмаханов Е. Очерки истории Казахстана XIX в. Алма-Ата, 1966. 191 с.
- Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности их жизни и быта. Томск, 1898. 138 с.
- Белич И.В., Новикова Н.И., Томилов Н.А. Предметы религиозного культа в коллекциях музея Омского университета // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 190—195.
- Белич И.В. О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 103—106.
- Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. 259 с.
- Берг Л., Игнатов П. Соленные озера Селеты-Денгиз, Теке и Кызыл-Как Омского уезда // ЗСОРГО. М., 1901. Кн. XXVII. С. 1—92.
- Бижанов М. Социальные категории казахского общества XVIII века в трудах русских ученых // Казахстан в XV—XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969. С. 160—170.
- Бикбулатов Н.В., Мурзабулатов М.В. Земледелие зауральских башкир в XIX — начале XX в. // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 97—117.
- Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. М., 1974. 344 с.
- Биржанов К.А., Захарова И.В. Распространение поливного и неполивного земледелия. Способы орошения и типы ирригационных сооружений // Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков: Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980. С. 166—188.
- Бирюкович Р.М. Лексика чулымско-тюркского языка и ее данные для определения места чулымско-тюркского языка среди тюркоязычных ареалов Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по лингвистике. Омск, 1984. С. 21—23.
- Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные постройки) // ТИЭ. М., 1956. Т. XXXI. 458 с.
- Богомолов В.Б. Традиции и новации в орнаменте сибирских татар // Тез. докл.

- Всесоюзной конференции, посвященной этнографическому изучению современности. М., Нальчик, 1975. С. 171—172.
- Богомолов В.Б. О коврах тевризских татар // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978а. С. 96—101.
- Богомолов В.Б. Орнамент барабинских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978б. С. 123—135.
- Богомолов В.Б. Орнамент тарских татар // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978в. С. 159—171.
- Богомолов В.Б. Вопросник по сбору орнамента народов Сибири // Программы и вопросники по духовной культуре. Омск, 1978г. С. 9—30.
- Богомолов В.Б. Сообщение о работе экспедиции в разделе „Коротко об экспедициях“ // СЭ. 1978д. № 4. С. 163.
- Богомолов В.Б. Орнамент барабинских татар как исторический источник // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979 г. С. 206—210.
- Богомолов В.Б. Основные направления развития орнамента барабинских татар в XIX — начале XX в. // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979б. С. 133—135.
- Богомолов В.Б. Прядение у барабинских татар // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979в. С. 104—111.
- Богомолов В.Б. Ткачество декоративных ковров у барабинских татар // Духовная культура у народов Сибири. Томск, 1980. С. 66—79.
- Богомолов В.Б. Современный орнамент сибирских татар // Социально-культурные процессы в советской Сибири: Тез. докл. по проблемам современного искусства и народного творчества. Омск, 1985. С. 16—20.
- Богомолов В.Б., Соболев В.И. Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар // Методологические аспекты археологических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 129—132.
- Богомолов В.Б., Томилов Н.А. К проблеме этногенеза и этнокультурных связей сибирских татар (По материалам орнаментов томских и барабинских татар) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 129—131.
- Богомолов В.Б., Томилов Н.А. Характеристика орнамента томских татар // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 196—213.
- Богомолов В.Б., Томилов Н.А. Надмогильные сооружения тевризских татар // Археология Прииртышья. Томск, 1980. С. 153—160.
- Богомолов В.Б., Томилов Н.А. Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 125—128.
- Богородицкий В.А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933. 156 с.
- Болонев Ф.Ф. Прядение, ткачество и вязание у семейских Забайкалья (XIX — начало XX вв.) // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 139—163.
- Бояришинова З.Я. Погребальный ритуал в басандайских курганах // Басандайка. Томск, 1947. С. 149—165.
- Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // ТТГУ. Томск, 1950. Т. 112. С. 24—210.
- Бояришинова З.Я. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII веке // Вopr. географии Сибири. Томск, 1951. № 2. С. 95—140.
- Бояришинова З.Я. Основание города Томска // Вopr. географии Сибири. Томск, 1953. № 3. С. 21—48.
- Бояришинова З.Я. Томск в XVI—XVIII веках // Очерки истории города Томска (1604—1954). Томск, 1954. С. 1—36.
- Бояришинова З.Я. Волнения в Томске в XVII веке // ВИ. 1956. № 6. С. 109—114.
- Бояришинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. 152 с.

- Бояришинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. Томск, 1967. 110 с.
- Бояришинова З.Я. Заселение Сибири русскими в XVI — первой половине XIX в. // Итоги и задачи изучения Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 40—56.
- Бояришинова З.Я., Галишева Г.А. Первый документ о строительстве русского города на берегу Томи // Из истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 1. С. 202—209.
- Бояубаева Г.А., Проваторова О.М. О некоторых аспектах современной духовной культуры казахов юга Западной Сибири // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 168—176.
- Бромлей Ю.В. Основные виды историко-культурных общностей и тенденции их динамики // СЭ. 1981а. № 1. С. 10—23.
- Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981б. 390 с.
- Броневский Г.М. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отеч. зап. Т. 42. 1830.
- Брук С.И., Козлов В.И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 года // СЭ. 1967. № 6. С. 3—20.
- Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971.
- Ч. I. Приангарье. 232 с.; Новосибирск, 1975. Ч. II. Забайкалье. 184 с.
- Булатов А.Б. Выступление на совещании по диалектологии тюркских языков // Вопр. диалектологии тюркских языков. Казань, 1960. С. 115.
- Булатов А.Б. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1974. Т. 3. С. 186—190.
- Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. 345 с.
- Буцинский П. Открытие Тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан. Харьков, 1891а. 58 с.
- Буцинский П.Н. Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим. Харьков, 1891б. 67 с.
- В.И. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии // Тобольские губерн. вед-ти. 1862. № 10, 12, 16.
- В.И. Статистическое описание Тюменского округа в промышленном отношении // Тобольские губерн. вед-ти. 1862. № 20, 21.
- В.И. Несколько исторических и статистических сведений о г. Таре // Тобольские губерн. вед-ти. 1864. № 41.
- Вайнштейн С.И. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов // СЭ. 1968. № 3. С. 60—67.
- Вайнштейн С.И. Вопросы этнической истории и этнографии тувинского народа // УЗ ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. 15. С. 77—82.
- Вайнштейн С.И. Происхождения саянских оленеводов: (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов) // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 68—88.
- Валеев Ф.Т. К вопросу о материальной культуре сибирских бухарцев и ташкентцев (Коллекция предметов быта Омского краеведческого музея) // Общественные науки в Узбекистане. 1963. № 1. С. 63—66.
- Валеев Ф.Т. Бухарский волостной исполнительный комитет в Тобольском уезде (1919—1924 гг.) // Из истории Советского Узбекистана. Ташкент, 1965а. С. 41—49.
- Валеев Ф.Т. О деятельности бухарских волисполкомов Тюменского и Тарского уездов (1919—1924 гг.) // Общественные науки в Узбекистане. 1965б. № 7. С. 41—44.
- Валеев Ф.Т. Сибирские бухарцы во второй половине XIX — начале XX в.: (Историко-этнографический очерк): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1965в. 16 с.
- Валеев Ф.Т. Некоторые черты традиционных свадебных обрядов западносибирских татар // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 99—116.

- Валеев Ф.Т. К этнической истории тарских татар // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 16. С. 215—219.
- Валеев Ф.Т. К вопросу об этногенетических и этнокультурных контактах западносибирских татар с татарами Поволжья // Языки и топонимия. Томск, 1976а. С. 138—141.
- Валеев Ф.Т. Обереги как пережиток доисламских верований у сибирских татар (По данным полевых этнографических наблюдений в районах Омской и Тюменской областей) // Из истории Сибири. Томск, 1976б. Вып. 19. С. 244—249.
- Валеев Ф.Т. О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976в. С. 320—331.
- Валеев Ф.Т. Этногенетические и этнокультурные контакты западносибирских татар с казахами в XIX — начале XX в. // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976г. С. 28—29.
- Валеев Ф.Т. Алтайские этнические элементы у западносибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978а. С. 104—122.
- Валеев Ф.Т. Об этнокультурных связях западносибирских татар с другими народами во второй половине XIX — начале XX в. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978б. С. 150—158.
- Валеев Ф.Т. Из истории административного управления западносибирских татар (XVIII — начало XX в.) // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979а. С. 170—184.
- Валеев Ф.Т. Изменения в материальной и духовной культуре бухарцев в экологических условиях Западной Сибири (по данным полевых этнографических наблюдений) // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979б. С. 131—133.
- Валеев Ф.Т. К вопросу о роли средневековых кыпчаков в этногенезе западносибирских татар // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979в. С. 117—120.
- Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Казань, 1980а. 232 с.
- Валеев Ф.Т. К вопросу об этногенетических и историко-культурных связях татар-абортенов Сибири с татарами Поволжья // Литературоведение и история: Тез. докл. и сообщ. Ташкент, 1980б. С. 167—169.
- Валеев Ф.Т., Исхакова С.М. Тюркские заимствования в русской топонимии Западной Сибири // Уз КазГПИ. Казань, 1976. Вып. 162. Вопросы тюркского языкознания. С. 118—128.
- Валеев Ф.Т. Об обычном праве сибирских татар и казахов Омской области // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 89—91.
- Васильев Г.М. Типы обуви народов Сибири // СМАЭ. Л., 1963. Т. 21. С. 3—64.
- Васильев В.И. К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 133—175.
- Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. 243 с.
- Васильев В.И. Самодийский этнический субстрат в составе южносибирских тюрков: (К постановке проблемы) // Литературоведение и история. Ташкент, 1980. С. 165—166.
- Васильев В.И. К вопросу об этнической принадлежности населения восточного Зауралья и прииртышской лесостепи в первой половине I тысячелетия н.э. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 134—137.
- Васюганские "генды" / Запись В. Величко // Сиб. огни. 1941. № 2. С. 65—68.
- Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. 303 с.
- Венюков М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868. 528 с.
- Венюков М. Краткие статистические сведения о сибирских инородцах по отно-

- нению к всеобщей воинской повинности // ИРГО. Спб., 1874. Т. X. № 1. Приложение. С. 1—19.
- Вербицкий В. Народные легенды кузнецких телеутов о подданстве их России // Томские губерн. вед-ти. 1858. № 29.
- Вербицкий В. Алтайские инородцы. М., 1893. 221 с.
- Верпаховская Е.В. Некоторые материалы по народной медицине сибирских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 174—179.
- Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н.э. // УЗ ПГУ. Пермь, 1968. № 191. Труды Камской археологической экспедиции. С. 239—255.
- Вилков О.Н. Промышленность нерусских народов Тобольского уезда в XVII в. // Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 84—96.
- Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. 323 с.
- Вильчко Я., Гамбаров А., Роцевский П. 375 лет Тюмени. Тюмень, 1961. 52 с.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи. Спб., 1849. Т. XVII, 2. Томская губерния. 127 с.
- Волкова К.В. Восстание татар Тарского уезда 1628—1631 гг. // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 112—127.
- Волости и населенные места 1893 года. Спб., 1893. Вып. 1. Акмолинская область.
- Волости и населенные места 1893 года. Спб., 1894а. Вып. 10. Тобольская губерния. 315 с.
- Волости и населенные места 1893 года. Спб., 1894б. Вып. 12. Томская губерния. 371 с.
- Воробьев Н. Барабинцы / Рукопись, 1933 // АИЭЛ. Ф. К—V. Оп. 1. № 19. л.
- Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973. 148 с.
- Востров В.В. Казахское земледелие и распространение сельскохозяйственных культур // Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв.: Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980. С. 188—204.
- Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX вв.). Алма-Ата, 1968. 255 с.
- Всемирная история. М., 1958. Т. V. 783 с.
- Вся Сибирь. Справочная и адресная книга на 1924 год. Л., 1924. 358 с.
- Вышпольский В. Медико-топографические очерки Иссык-Кульского уезда Семиреченской области // Военно-морской журнал. 1895. № 12.
- Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. Спб., 1854. Ч. II. 697 с.
- Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976. 228 с.
- Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М., 1979. 304 с.
- Гейнс А.К. Киргизские очерки // Военный сборник, 1866. № 1. С. 145—178; № 6. С. 305—342; № 7. С. 99—126; № 8. С. 243—272.
- Географический словарь Российского государства. М., 1801, Ч. I. 650 с.
- Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Спб., 1799. Ч. 2. 178 с.
- Гимади Х.Г. Об употреблении названия „татары“ // ВИ. 1954. № 8. С. 116.
- Гимади Х.Г. Выступление на совещании по диалектологии тюркских языков // Допр. диалектологии тюркских языков. Казань, 1960. С. 120—123.
- Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии: Этнод по истории Сибири XVIII в. М., 1889. 127 с.
- Головачев П.М. Сибирь. М., 1914. 236 с.
- Головнев А.В. К вопросу о тюркско-угорских контактах в Нижнем Прииртышье // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. по этнографии. Омск, 1984. С. 31—34.
- Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1882. 181 с.

- Голодников К. Город Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1887. 139 с.
- Гордеева О.И. Некоторые наблюдения над усвоением русского языка татарами в условиях русского сторожильческого окружения // УЗ ТГУ. № 40. 1962. С. 75—80.
- Гордеева О.И. Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия: (На материале русского и татарского сибирских говоров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965а. 14 с.
- Гордеева О.И. Некоторые особенности употребления имен прилагательных в русской речи томских татар // УЗ ТГУ. № 54. 1965б. С. 120—126.
- Город Томск. Томск, 1912. 507 с.
- Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. 1961. 268 с.
- Григорьевский Н.П. Описание Васюганской тундры // ЗСОРГО. Омск, 1884. Кн. VI. С. 1—70.
- Григулевич И.Р. Еще раз о религии как социальном явлении (Мысли религиоведа по поводу мыслей этнографа) // СЭ. 1980. № 60. С. 61—66.
- Громов Г.Г. Некоторые спорные вопросы изучения религии // СЭ. 1980. № 5. С. 72—83.
- Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965. 267 с.
- Громыко М.М. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства в период феодализма // Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970. С. 4—37.
- Грязнов М.П. Дневник раскопок Тоянова городка, произведенных в 1924 году // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 73—89.
- Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. 276 с.
- Гурвич И.С. Современные направления этнических процессов в СССР // СЭ. 1972. № 4. С. 16—33.
- Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М., 1977. 248 с.
- Дебец Г.Ф. Палеантропология СССР // ТИЭ: Н.С. М.; Л., 1948. Т. 4. 392 с.
- Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологические материалы как источник изучения вопросов этногенеза: (Тезисы). М., 1951. 11 с.
- Дебец Г.Ф., Трофимова Т.А. Западносибирская экспедиция 1937 г. // Краткие сообщения о научных работах НИИ и музея антропологии при МГУ за 1938—1939 гг. М., 1941.
- Джаббаров И.М. Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973. 217 с.
- Джунусов М.С. Две тенденции социализма в национальных отношениях. Ташкент, 1975. 232 с.
- Дмитриева Л.В. Язык татар Западной Сибири: (барабинцев и тобольских татар): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1951. 11 с.
- Дмитриева Л.В. Заметки по языку барабинцев // Вопр. грамматики и истории восточных языков. М.; Л., 1958. С. 143—169.
- Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар // Языки народов СССР. М., 1966. Т. II. Тюркские языки. С. 155—172.
- Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар и алтайская языковая общность: (На материале названий растений) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 116—118.
- Дмитриева Л.В. Некоторые итоги изучения названий растений в тюркских языках сопоставительно с другими языками алтайской семьи // Советская тюркология. 1975 № 2. С. 13—24.
- Дмитриева Л.В. К вопросу о маргинальных ареалах тюркской растительной лексики // Народы и языки Сибири: Ареальные исследования. М., 1978. С. 47—51.
- Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар: (Материалы и исследования). Л., 1981. 225 с.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 622 с.
- Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. 270 с.

- Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и азиатским владениям России. Томск, 1903—1904. 558 с.
- Доннер К. Самодский эпос // Тр. Том. о-ва изучения Сибири. 1915. Т. 1. Вып. 1. С. 38—53.
- Дополнения к Актам историческим (ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. 435 с.; СПб., 1846. Т. 2. 299 с.; СПб., 1848. Т. 3. 559 с.; СПб., 1851. Т. 4. 442 с.; СПб., 1853. Т. 5. 300 с.; СПб., 1857. Т. 6. 506 с.; СПб., 1859. Т. 7. 385 с.; СПб., 1862. Т. 8. 359 с.; СПб., 1875. Т. 9. 360 с.; СПб., 1867. Т. 10. 504 с.; СПб., 1969. Т. 11. 328 с.; СПб., 1872. Т. 12. 448 с.
- Дремов В.А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии // СЭ. 1967. № 6. С. 53—66.
- Дремов В.А. Краниологические данные о происхождении томских татар // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. С. 146—148.
- Дремов В.А. О тюркизации коренного населения Приобья: (антропологические материалы Басандайского могильника) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 18—20.
- Дремов В.А. Антропологический состав и внешние связи чулымских тюрков по данным краниологии // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 27—30.
- Дульзон А.В. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // УЗ ТГПИ. Томск, 1950а, Т. IV. С. 175—187.
- Дульзон А.П. Система счета времени у чулымских татар // КСИЭ. 1950б. Вып. 10. С. 60—63.
- Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // УЗ ТГПИ. 1952. Т. IX. С. 76—211.
- Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // УЗ ТГПИ. 1952. Т. X. С. 127—334.
- Дульзон А.П. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причумырья // УЗ ТГПИ. Томск, 1954. Т. XI. С. 59—94.
- Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // ТТОКМ. Томск, 1956а. Т. V. С. 89—316.
- Дульзон А.П. Выступление: (О происхождении чулымско-тюркского языка) // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1956б. 9. С. 99—103.
- Дульзон А.П. Диалекты татар-аборигенов Томи // УЗ ТГПИ. Томск, 1956в. Т. XV. С. 297—379.
- Дульзон А.П. Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам // УЗ ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1959. Вып. 7. С. 93—102.
- Дульзон А.П. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола // УЗ ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1960а. Вып. 8. С. 101—145.
- Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики: Доклад на XXV Междунар. конгр. востоковедов. М., 1960б. 10 с.
- Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 361—371.
- Дульзон А.П. О методологии историко-сопоставительного изучения непосредственных языков // Вопр. языкознания и сибирская диалектология. Томск, 1966. Вып. 1. С. 78—87.
- Дульзон А.П. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 198—208.
- Дульзон А.П. Диалекты и говоры тюрков Чулыма // Советская тюркология. 1973. № 2. С. 16—29.
- Дунин-Горкавич А.А. Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1907 году. Тобольск, 1909. 7 с.
- Е. Среди инородцев Тарского округа // Сиб. вестник. 1894. № 84, 90.
- Ельницкий К. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. СПб., 1895. 136 с.

- Емельянов Н.Ф.* Заселение и земледельческое освоение русскими Среднего Приобья в XVII — первой четверти XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1972. 18 с.
- Емельянов Н.Ф.* Движение русского населения Томского края в феодальную эпоху // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 17. С. 3—23.
- Емельянов Н.Ф.* Этнический состав и численный состав коренного населения Томского края в XVII — первой половине XIX вв. // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 90—107.
- Емельянов Н.Ф.* Татары Томского края в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978а. С. 73—87.
- Емельянов Н.Ф.* Томские „остяки“ в XVII — первой половине XIX вв. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978б. С. 105—117.
- Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху: (состав, занятия и повинности). Томск, 1980а. 252 с.
- Емельянов Н.Ф.* Чулымцы в феодальную эпоху // Археология Прииртышья. Томск, 1980б. С. 161—170.
- Еремин Г.И.* Доисламские верования „заболотных татар“ Западной Сибири: (К вопросу об этногенезе) // Вопр. истории СССР. № 1, 1972. С. 409—439.
- Ефимова С.В.* Одонтология сибирских татар // Этническая история тюркоязычных народностей Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 32—36.
- Жданко Т.А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков: Родоплеменная структура и расселение в XIX — начале XX века. М.: Л., 1950. 172 с.
- Жданко Т.А.* Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии // СЭ. 1972. № 5. С. 13—29.
- Живописная Россия.* СПб., М., 1884. Т. XI. Западная Сибирь. 370 с.
- Жалал Л.* Татар телендәге диалектлар // Совет мәктәбе. 1938. № 5, 6, 8.
- Жалал Л.* Татар диалектологияси. Казан, 1947.
- Завалишин И.* Путевые заметки: (Тобольская губерния) // Тобольские губерн. вед-ти. 1863. № 47.
- Заяля Л.З.* Выступление // Вопр. диалектологии тюркских языков. Казань, 1960. С. 117.
- Заялялетдинов Л.З.* Опорный диалект в образовании татарского языка // Вопр. диалектологии тюркских языков. Баку, 1968. С. 36—50.
- Замысловский Е.Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. 563 с.
- Захарова И.В.* О земледелии у казахов Чимкентского уезда в конце XIX — начале XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975. С. 170—179.
- Захарова И.В.* Классификация и картографирование казахских головных уборов (XIX — начало XX вв.) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 160—163.
- Захарова И.В., Ходжаева Р.Д.* Казахская национальная одежда (XIX — начало XX вв.). Алма-Ата, 1964. 178 с.
- Зеланд Н.* Киргизы: этнологический очерк // ЗСОРГО. Омск, 1885. Кн. 7, вып. 2.
- Зеленин Д.К.* Культ онгонов в Сибири. М.; Л., 1936. 436 с.
- Зиннер Э.Н.* Известия шведских военнопленных о Сибири // Учен. зап. Иркут. пед. ин-та. Иркутск, 1961. Вып. XVIII (10). С. 3—49.
- Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников XVIII в. Иркутск, 1968. 247 с.
- Зияев Х.З.* Узбеки в Сибири (XVII—XIX) вв.). Ташкент, 1968. 75 с.
- Знаменский М.С.* Дневники археологических раскопок на Чувашском мысу 1879—1880 гг. — Рукопись, хранится в АТГМЗ, № 36.
- Иванов П.Г.* Томские татары: (Материалы по обследованию томских карагасов летом 1927 года) // Тр. о-ва изучения Томского края. Томск, 1927а, Вып. 1.

С. 92—104.

Иванов П.Г. Сибирские турки и их наречия. Томск, 1927. 31 с.

Иванов П.Г. К истории татарской школы в Сибири в связи с подготовкой культурных работников среди сибирского турецкого населения // Тр. Первого Сиб. краев. и-и. съезда. Томск, 1928. Т. V. С. 136—138.

Иванов П.Г. Татары среднего течения реки Чулыма // Тр. Том. краев. музея. Томск, 1929. Т. 2. С. 87—91.

Иванов С.В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 369—434.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник: (По материалам XIX — начала XX в.). М.; Л., 1963. 500 с.

Иванов С.В. Якутские коновязи // Материальная культура народов Сибири и Севера. М., 1976. С. 213—224.

Известия о торгах сибирских // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. Спб., 1755, сент.

Известия иностранных писателей о народах В. России // Изв. о-ва археологии, истории и этнографии. Казань, 1893. Т. XI, Вып. 3. С. 241—251.

Извлечения из протоколов Западно-Сибирского отдела Русского географического общества // ЗСОРГО. 1884. Кн. VI. С. 1—25.

Извлечение из протоколов Западно-Сибирского отдела Русского географического общества // ЗСОРГО. 1886. Кн. VIII, вып. 1. С. 1—72.

Инфантьев П.П. Этнографические рассказы из жизни татар, киргизов, калмыков, башкир, вогулов и самоедов. Спб., 1910, 262 с.

Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. 497 с.

История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т. 1. 609 с.

История Сибири. Л., 1968. Т. I. Древняя Сибирь. 454 с.

Там же. Т. II. Сибирь в составе феодальной России. 538 с.

Там же. Т. III. Сибирь в эпоху капитализма. 530 с.

История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. 499 с.

Исхакова С.М. О языке „сибирских бухарцев“ // Общественные науки в Узбекистане. 1968. № 5. С. 68—70.

Исхакова С.М. К характеристике сибирских узбеков („бухарцев“) // Общественные науки в Узбекистане. 1969. № 7. С. 57—58.

Исхакова С.М. Лексика сибирских татар: (К вопросу о взаимоотношении татарского и узбекского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1970а. 28с.

Исхакова С.М. Узбекский элемент в языке сибирских татар // УЗ КАЗ ГПИ. Казань, 1970б. Вып. 74. Впр. тюркологии. С. 140—150.

Исхакова С.М. Древнетюркские элементы в народноразговорном языке западносибирских татар // Советская тюркология. 1973. № 6. С. 36—39.

Исхакова С.М. К вопросу о взаимоотношении языка татар-аборигенов Сибири и казанских татар // Из истории Сибири. Томск, 1975а. Вып. 16. С. 220—222.

Исхакова С.М. Особенности этнолингвистических контактов западносибирских татар с русскими в современных условиях // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981. С. 86—91.

Исхакова С.М. Языковые контакты западносибирских татар с алтайскими племенами // Советская тюркология. 1975б. № 6. С. 33—38.

Исхакова С.М. Роль таджикского компонента в формировании языка татар-аборигенов Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976а. С. 54—57.

Исхакова С.М. Тюркские (татарско-казахские) заимствования в русской топонимии Западной Сибири // Из истории Сибири. Томск, 1976б. Вып. 19. С. 250—254.

Исхакова С.М. „Codex Sumanicus“ и язык сибирских татар // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 255—260.

- Исхакова С.М., Валеев Ф.Т.* К вопросу о роли фольклора в историко-этнографическом изучении сибирских татар // *Этнокультурные явления в Западной Сибири*. Томск, 1978а. С. 172—182.
- Исхакова С.М., Валеев Ф.Т.* Таджикиский компонент в народноразговорном языке западносибирских татар // *Советская тюркология*. 1978б. № 4. С. 31—29.
- Итоги* всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1973. Т. 4. 647 с.
- Итс Р.Ф.* Введение в этнографию. Л., 1974. 160 с.
- Кабо Р.М.* Города Западной Сибири. М., 1949. 220 с.
- Кабузан В.М., Троцкий С.М.* Движение населения Сибири в XVIII в. // *Сибирь XVII и XVIII вв.* Новосибирск, 1962. С. 139—157.
- Кабузан В.М., Троцкий С.М.* Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // *Русское население Поморья и Сибири*. М., 1973. С. 261—277.
- Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: Сборник документов и материалов.* Алма-Ата, 1961. 743 с.
- Кашинские инородцы ЖМВД.* 1858. Т. 30, кн. 5. С. 9—12.
- Калинин Н.Ф.* Казань: Исторический очерк. Казань, 1955. 415 с.
- Каралькин П.И.* Отчет о поездке в Тюменскую область в 1959 г. Рукопись, 1959. Архив ГМЭ народов СССР. Ф. 2. Оп. 1. Инв. № 1341.
- Карелина И.М., Томилов Н.А., Шаргородский Л.Т.* Традиции и новации в семейных обрядах сибирских татар // *Социально-культурные процессы в советской Сибири: Тез. докл. по этнокультурным процессам*. Омск, 1985. С. 82—85.
- Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. 324 с.
- Карпова Н.П.* Низшее образование // *Город Томск*. Томск, 1912. С. 44—59.
- Карцов В.Г.* Народы Сибири. Очерки прошлого. М., 1935. 198 с.
- Карцов В.Г.* Очерки истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937. 130 с.
- Кастрен А.М.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири // *Магазин земледелия и путешествий*. М., 1860. Т. IV. 495 с.
- Катанов Г.Е.* О поступательном движении киргизов Средней орды к границам Западной Сибири // *ЗСОРГО*. 1886. Кн. VIII, вып. 1. С. 23, 24, 32.
- Катанов Г.Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // *ЗСОРГО*. Омск, 1893. Кн. XIV, вып. 1. С. 1—72.
- Катанов Н.Ф.* Обзор правительственных и церковных распоряжений, касающихся обращения в христианство татар-мухаммедян (XIII—XVIII вв.) // *Странник*. 1886. Т. 2. С. 565—591.
- Катанов Н.Ф.* Родословие сеидов // *Сиб. сборник*. СПб., 1887. № 1. С. 234—238.
- Катанов Н.Ф.* Этнографический обзор турецко-татарских племен // *Учен. зап. Казан. ун-та*. 1894. Кн. 3. С. 186—206.
- Катанов Н.Ф.* Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. Тобольск, 1895—1896. Вып. 5. С. 1—12.
- Катанов Н.Ф.* Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. Тобольск, 1897. Вып. 7. С. 51—61.
- Катанов Н.Ф.* О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. 1904. Вып. XV. С. 3—28.
- Катанов Н.Ф.* Известия Лоринца Лянге 1716 года о Сибири и сибирских инородцах. Тобольск, 1905. 10 с.
- Кауфман А.* Переселенческие виды и перспективы // *Русская мысль*. 1909. № 3. С. 68—99.
- Каффка С.П.* Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев юго-западной части Томского округа Томской губернии. 1892. 252 с.
- Кацурагава Хосю.* Краткие вести о скитаниях в северных водах („Хокуса Монряку“). М., 1978. 528 с.
- Ким А.Р.* Материалы к краниологии телеутов // *Вопросы археологии и этнографии Сибири*. Томск, 1978. С. 151—163.

Ким А.Р. Антропологический состав населения западносибирской лесостепи в эпоху позднего средневековья // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 23—27.

Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Спб., 1910. Т. 2. 154 с.

Кирилов П. Очерк Сибири // ЖМВД. 1839. XXXIV. С. 402—442.

Кирияков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь: (В связи с историей заселения Сибири). М., 1902. 270 с.

Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. Спб., 1908. С. 37—78.

Козина Г.М., Кузнецова Н.В., Первых С.Ю. Влияние этнической ситуации на хозяйственные занятия тарских татар: (Предварительное сообщение по материалам Большерецкого района Омской области) // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 183—189.

Козлов С.Я. К характеристике некоторых социальных структур родового общества: (Заметки в связи с дискуссией) // СЭ. 1970. № 5. С. 84—92.

Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. 346 с.

Козьмин Н.М. К вопросу о происхождении якутов-сахалар. Иркутск, 1928. 12 с.

Колесникова А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Омск, 1973. 440 с.

Комаров Н.П. Инородческий вопрос в Сибири // Православный благовестник. 1895. № 12. С. 151—160.

Коников Б.А. Новые материалы I тыс. н.э. из лесостепного и таежного Прииртышья (Омская область) // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 51—69.

Коников Б.А. К этносоциальной характеристике культур таежного Прииртышья VI—VII вв. н.э. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 66—70.

Коников Б.А. О тюркском компоненте в культуре населения лесостепного Прииртышья конца I — начала II тысячелетия н.э. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 137—141.

Коновалов А.В. Этнокультурные контакты кош-агачских казахов и теленгитов // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 125—128.

Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая. Алма-Ата, 1986. 168 с.

Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968. 168 с.

Коровушкин Д.Г. Предметы культуры и быта сибирских чувашей в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 70—71.

Коровушкин Д.Г., Пирогов Ю.В. Современная материальная культура чувашей Западной Сибири // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 76—79.

Королев С.И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов (На материале стран Азии). М., 1970. 100 с.

Корусенко С.Н. Генеалогии как историко-этнографический источник по курдско-саргатским татарам // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 49—51.

Корусенко С.Н. Современные этноязыковые процессы у бачатских телеутов // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 32—34.

Косарев М.Ф. Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7. С. 65—77.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 168 с.

Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. 219 с.

- Костров Н.* Большой Сибирский тракт в Томской губернии 100 лет тому назад // Томские губерн. вед-ти. 1872а. № 25.
- Костров Н.* Инородческое население Томской губернии в 1819 г. // Томские губерн. вед-ти. 1872а. № 3.
- Костров Н.* Каинская Бараба // Томские губерн. вед-ти 1874. № 25, 27, 34, 37—38, 44.
- Костров Н.* Женщина у инородцев Томской губернии // Сб. историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Спб., 1875. Т. 1. С. 1—41.
- Кочнев С.* Барабинцы. (Рукопись, 1933) // АИЭЛ. Ф. К—V. Оп. 1. № 41. 10 с.
- Кошкинбаева Т.А.* Развитие оседлости в казахском ауле в эпоху империализма // Исторические науки. Алма-Ата, 1975. Вып. 2. С. 38—45.
- Краткая Сибирская летопись* (Кунгурская). Спб., 1880. 48 с.
- Крюков М.В.* О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // СЭ. 1967. № 6. С. 83—94.
- Ксенофонтов Г.В.* Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937. 576 с.
- Кузеев Р.Г.* Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Вып. 4. С. 17—29.
- Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. 569 с.
- Кузеев Р.Г., Бихбулатов Н.В., Шитова С.Н.* Зауральские башкиры: (Этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в.) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 1. С. 171—267.
- Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н.* Об этнических связях тюркских народов Севера евроазиатских степей в эпоху средневековья и новое время // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по этнографии. Омск, 1984. С. 6—13.
- Кузнецов И.* Исторические акты XVII столетия (1633—1699): Материалы для истории Сибири. Томск, 1890. Вып. 1. 113 с.
- Кузнецов-Красноярский И.П.* Приходные окладные ясажные книги Томского уезда, 1706—1718 гг. Томск, 1893. 130 с.
- Кузнецов-Красноярский И.П.* Исторические акты XVII столетия (1630—1699 гг.). Материалы для истории Сибири. Томск, 1897. Вып. 2. 100 с.
- Кузнецов-Красноярский И.* Томского уезда служилые и подворные татары и выезжие калмыки // Сибирский архив. 1915. № 12. С. 585—587.
- Кузнецов С.К.* Отчет об археологических разысканиях в окрестностях г. Томска, произведенных летом 1889 года. Томск, 1890. 80 с.
- Кузнецова Н.В.* Генеалогия как историко-этнографический источник (По материалам тюркоязычного населения Барабинской степи). Рукопись, хранится в архиве МАЭ ОмГУ, инв. № 69—1. 120 с.
- Кузнецова Н.В., Томилов Н.А.* Генеалогия как историко-этнографический источник: (По материалам тюркоязычного населения Барабинской степи) // Этногенез и этническая история народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 148—150.
- Кузьмина Ф.С.* Хозяйственное освоение Барабинской степи во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Из истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 1. С. 186—201.
- Кулешова Н.В.* Материалы к изучению современного этнического состава барабинских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 21—22.
- Лашук Л.П.* Формирование народности коми. М., 1972. 292 с.
- Лашук Л.П.* Введение в историческую социологию: Историография и методология исторической социологии. М., 1977а. Вып. 1. 172 с.
- Лашук Л.П.* Введение в историческую социологию: Конкретные проблемы исторической социологии. М., 1977б. Вып. 2. 148 с.
- Лебедева А.А.* Женская одежда русского сельского населения в предгорьях Алтая

конца XIX — начала XX в. // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году. М., 1971.

Лебедева А.А. Крестьянская обувь XIX — начала XX вв. в русских селениях по Тобольскому тракту // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. М., 1972. Ч. II. С. 213—223.

Лебедева А.А. Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII — начало XX вв.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX вв. М., 1979. С. 63—108.

Лебедева А.А., Липинская В.А., Сабурова Л.М., Сафьянова А.В. Изучение материальной культуры русского населения Сибири (XVIII—XX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 22—109.

Левашова В.П. Вознесенское городище Барабинского округа, Спасского р-на на левом берегу р. Омь // Известия Государственного Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. № 1. С. 87—97.

Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. 1950. Т. 13. С. 341—351.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С. 3—17.

Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Спб., 1832. Ч. 2. 334 с.

Линьков А. Заботы епископа Тобольского Владимира об ограждении православия от влияния мусульман // Сибирский архив. 1915. № 7, 8, 9.

Липинская В.А. Русские поселения в Алтайском крае // СЭ. 1965. № 6. С. 102—114.

Липинская В.А. Гончарство русских женщин Алтайского края // Полевые исследования Института этнографии. 1978. М., 1980. С. 38—46.

Липинская В.А., Сафьянова А.В. Жилище русского населения южной части Тюменской области (в середине XIX — начале XX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 170—201.

Лосева З.К., Томилов Н.А. Легенды и исторические предания иртышских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 18—32.

Лукина Н.В. Тюркские параллели в материальной культуре васюганско-ваховских хантов // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972. С. 80—81.

Лукина Н.В., Пелих Г.И. К вопросу о «карагасах» Томской области // ТГТУ. Томск, 1963. Т. 165. С. 162—173.

Лукина Н.В., Томилов Н.А. Этнографические коллекции музея истории материальной культуры ТГУ // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969. С. 165—166.

Лукина Н.В., Томилов Н.А. О работе проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета // СЭ. 1971. № 6. С. 167—169.

Львова Э.Л. Предварительный отчет по этнографической экспедиции на р. Чулым летом 1969 г. // Полевые работы 1969 года. Томск, 1969. С. 150—161.

Львова Э.Л. Лыжи и нарты чулымских тюрков // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972а. С. 140—151.

Львова Э.Л. Материалы по изучению шаманизма у коренного населения среднего Чулыма // Некоторые вопросы истории Сибири. Томск, 1972б. С. 160—171.

Львова Э.Л. Чулымские тюрки // Материалы зонального совещания археологов и этнографов. Томск, 1972в. С. 21—22.

Львова Э.Л. Материалы к изучению этнической истории чулымских тюрков по данным шаманистского культа // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 174—175.

Львова Э.Л. О месте термина ЕЕЖИ в системе тюркской этнонимии // Из истории Сибири. Томск, 1976а. Вып. 21. С. 251—254.

Львова Э.Л. Этнографические материалы как источник по этнической истории чулымских тюрков // Языки и топонимия. Томск, 1976б. С. 142—143.

- Львова Э.Л. К этнической истории чулымцев // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977а. С. 111—121.
- Львова Э.Л. Чулымские тюрки: (Историко-этнографические очерки): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977б. 197 л.
- Львова Э.Л. Чулымские тюрки: (Историко-этнографические очерки): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 17 с.
- Львова Э.Л. К вопросу о некоторых закономерностях развития этноса и культурно-хозяйственного типа (На примере чулымских тюрков) // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 116—121.
- Львова Э.Л. Теле-уйгурские компоненты в составе тюркоязычного населения Среднего Приобья // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. III. История и культура народов Сибири. С. 67—69.
- Львова Э.Л., Усманова М.С. Представления о мировом дереве в традиционной обрядности народов Саяно-Алтая // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 178—181.
- Малиновский И. Прошлое Томска // Город Томск. Томск, 1912. С. 1—18.
- Малов С.Е. К истории казахского языка // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. 1941. № 3. С. 97—101.
- Марков Г.Е. Оседание кочевников и формирование у них территориальных общностей // Расы и народы. М., 1974. Вып. 4. С. 27—44.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976. 317 с.
- Маслова Г.С., Сабурова Л.М. Этнографические изучения русского населения Восточной Сибири // СЭ. 1958. № 3. С. 154—167.
- Маслюков Н. О поездке по волостям Томской губернии // Этнографическое обозрение. № 12. М., 1899. С. 401—402.
- Материалы для истории отношений татар, киргиз и других инородцев к русским XVII и отчасти XVIII веков в пределах, главным образом, Томской епархии // Томские епархиальные вед-ти. 1885. № 15.
- Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Барнаул, 1899. Т. I, вып. 1. 439 с.; Барнаул, 1898. Т. I, вып. 2. 345 с.; Барнаул, 1900. Т. II, вып. 1. 138 с.; 1900. Т. II, вып. 2. 321 с.; 1900. Т. II, вып. 3. 278 с.; 1900. Т. II, вып. 4. 179 с.
- Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. 651 с.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Омск, 1902. Т. II. 359 с.
- Материалы по фольклору хантов / Записи, введение и примечания В.М. Кулемзина и Н.В. Луккиной. Томск, 1978. 216 с.
- Матющенко В.И. Иштанский средневековый могильник // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 99—124.
- Матющенко В.И., Коркина И.А. Исследования Берегаевского могильника на среднем Чулыме в 1975 году // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 30—50.
- Матющенко В.И., Старцева Л.М. Еловский курганный могильник эпохи железа // Вопр. истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С. 152—174.
- Махмутова Л.Т. Некоторые итоги и проблемы исследования татарских диалектов // Развитие филологических и исторических наук в Татарии. Казань, 1969. 139 с.
- Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1869. Ч. II. 310 с.
- Миддендорф А.Ф. Бараба // Записки импер. Академии наук. СПб., 1871. Т. XIX. № 2. 123 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. 607 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II. 641 с.

Миненко Н.А. Коренные народы Западной Сибири как один из источников формирования крестьянства (XVII — первая половина XIX в.) // История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири. Улан-Удэ, 1971. С. 82—84.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. 308 с.

Миненко Н.А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // СЭ. 1979. № 6. С. 18—31.

Миненко Н.А. О семье у татар Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 143—155.

Могильников В.А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. 18 с.

Могильников В.А. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации среднего Прииртышья и Барабы // СА. 1965. № 1. С. 275—282.

Могильников В.А. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII в. н.э. // УЗ ПГУ. Пермь, 1968. № 191. Труды Камской археологической экспедиции. С. 268—291.

Могильников В.А. Периодизация культур эпохи железа Среднего Прииртышья // Материалы конференции "Этногенез народов Северной Азии". Новосибирск, 1969. С. 136—138.

Могильников В.А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 172—190.

Могильников В.А. Начало тюркизации населения Приобья и Среднего Приобья // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 82—84.

Могильников В.А. К проблеме тюркизации населения Приобья // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976. С. 137—177.

Могильников В.А. Тюркское население северо-западных предгорий Алтая конца I тысячелетия н.э. и его связи с Западно-Сибирской лесостепью // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 56—62.

Могильников В.А. Об этническом составе населения среднего и верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 242—248.

Могильников В.А. Некоторые итоги и проблемы изучения истории культуры древнетюркского населения Южной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии и этнографии. Омск, 1984. С. 65—69.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. 182 с.

Молодин В.И. Этнические интеграции археологических памятников Барабинской лесостепи // Урало-алтаистика: Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 43—48.

Молодин В.И., Елагин В.С. Погребальный обряд памятников сrostкинской культуры Барабы // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 122—127.

Музыкальная этнография и шаманство на "Сибирском вечере" в Томске // Этнографическое обозрение. 1909. № 1. Отд. хроники.

Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974. 200 с.

Муканов М.С. Виды сельскохозяйственных орудий // Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Алма-Ата, 1980. С. 204—236.

Мурзабулатов М.В. Техника земледелия у зауральских башкир (XIX — начало XX в.) // Культура и быт башкир. Уфа, 1978. С. 3—16.

- Мурзабулатов М.В. Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX — начале XX в. // *Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в.* М., 1979. С. 62—74.
- Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М., 1972. 248 с.
- Мухамедьяров Ш.Ф. К истории ранних этнических контактов Среднего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири в связи с проблемой тюркизации // *Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий.* Омск, 1979. С. 103—107.
- Мухаметшин Ю.Г. Татары-крещены. М., 1977. 184 с.
- Мягков И. Предание о князях Томе и Ушае (Из истории г. Томска) // *Сибирские огни.* 1926. № 3. С. 158—164.
- Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея / Отв. ред. Н.А. Томилов. Томск, 1986. 344 с.
- Народы Сибири. — Из серии «Народы мира». — М.; Л., 1956. 1083 с.
- Наумова О.Б. Материалы по изучению этнического самосознания омских и белаянских казахов // *Полевые исследования Института этнографии* 1978 г. М., 1980. С. 107—111.
- Наумова О.Б. Формирование специфики хозяйственного уклада казахов Омской области в XIX — начале XX в. // *Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах.* М., 1979. С. 56—64.
- Наш край в документах и иллюстрациях. Свердловск, 1966. 590 л.
- Небольсин П.И. Покорение Сибири // *Отеч. зап.* СПб., 1848. Т. 60. С. 225—266.
- Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих // *Санктпетербургский журнал.* 1806. № 5. С. 85—109.
- Никольский Д.П. О спиртных напитках среди наших инородцев // *Тр. Антропологического общества при Военно-Медицинской Академии: 1897—1899 учеб. год.* СПб., 1901. Т. V. С. 221—285.
- Новая жизнь народов Севера. М., 1967. 120 с.
- Новикова Н.И. Вопросы для сбора фольклорных материалов // *Программы и вопросники по духовной культуре.* Омск, 1978. С. 39—40.
- Новикова Н.И. Религия народов Западной Сибири (Программа сбора этнографических сведений) // *Программы и вопросники по этнографии.* Омск, 1979. С. 16—26.
- Нурмухамедов М.К., Жданко Т.А., Камалов С.К. Каракалпаки. Ташкент: ФАН, 1971. 120 с.
- О.П. Кулачные бои в Томске // *Томские губерн. вед-ти.* 1858а. № 27.
- О.П. Торговля и промышленность города Томска с его округом // *Томские губерн. вед-ти.* 1858б. № 517.
- Оглобин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768). М., 1895. Ч. I. 422 с.; М., 1898. Ч. 2. 162 с.; М., 1900. Ч. 3. 394 с.; М., 1901. Ч. 4. 288 с.
- Огородников В.И. Очерк истории Сибири до начала XIX стол. Иркутск, 1920. Ч. I. 289 с.
- Окладников А.П. Из истории Академии наук и ее деятельности в дореволюционной Сибири // *Академия наук и Сибирь.* Новосибирск, 1977. С. 10—18.
- Окладников А.П. Туземные легенды о Ермаке: (Опыт историко-этнографической интерпретации) // *Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.* Новосибирск, 1981. № 11, вып. 3. С. 27—37.
- Окладников А.П., Бойко В.И. Проблемы периодизации миграций в Северной Азии (Сибири) // *Проблемы исторической демографии.* Томск, 1980. С. 5—25.
- Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск. М., 1977. 212 с.
- Оксенов А.В. Сибирское царство до эпохи Ермака (Князья и ханы сибирских татар): Этнографический состав и политический строй позднейшего Сибирского ханства // *Томские губерн. вед-ти.* 1888. № 14—16, 18.
- Опарина О.Б. Казахи Омской области как этнографическая группа (второй

- половины XVIII — начала XX в.) // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции „Студент и научно-технический прогресс“: История. Новосибирск, 1977. С. 66—68.
- Осилов Н.О. Ритуал сибирской свадьбы // ЖС. Спб., 1893. Вып. 1. С. 96—114.
- Отчет археологической комиссии за 1882—1888 гг. Спб., 1891. 466 с.
- Отчет археологической комиссии за 1897 г. Спб., 1900. 192 с.
- Отчет Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества с 1-го января 1885 г. по 1-е июля 1886 г. // ЗСОРГО. Омск, 1886. Кн. VIII, вып. 1. С. 1—79.
- Очерки истории города Томска (1604—1954). Томск, 1954. 325 с.
- Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953. Ч. II. 811 с.
- Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960. 366 с.
- Ошуркова С.В., Томилов Н.А. Самодинско-тюркские связи по данным одонтологии сибирских татар // Проблемы этногенеза и этнической истории самодинского народа: Тез. докл. по археологии. Омск, 1983. С. 50—54.
- П. Инородческие улусы по берегам реки Чулыма // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 14.
- П. Инородцы Мелецкой управы // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 18.
- Павлова П.П. Вывоз пушнины в XVII в. // Сибирь в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 121—138.
- Павловский А. Азия и Сибирь // Народное чтение. 1860. № 6. С. 13—64.
- Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 85—95.
- Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Археология Прииртышья. Томск, 1980. С. 100—146.
- Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1786. Ч. II, кн. 2. 571 с.
- Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1895. 249 с.
- Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томск, 1912. 415 с.
- Памятники сибирской истории XVIII века. Спб., 1882. Кн. 1. 551 с.
- Памятники сибирской истории XVIII века. 1713—1724. Спб., 1885. Кн. 2. 541 с.
- Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Спб., 1912. Т. I. 174 с.
- Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Спб., 1911. Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губернии, 423 с.
- Патканов С.К. Список народностей Сибири. Пг., 1923. 16 с.
- Патрушева Г.М. Новации и традиции в культуре шорцев на современном этапе // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980. С. 34—35.
- Патрушева Г.М. О национально-смешанных браках шорцев Кемеровской области // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981. С. 130—134.
- Патрушева Г.М. О некоторых этнокультурных процессах среди шорцев на современном этапе // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по этнографии. Омск, 1984. С. 174—179.
- Патрушева Г.М. Развитие современных этноязыковых процессов у шорцев // Социально-культурные процессы в советской Сибири: Тез. докл. по этнокультурным процессам. Омск, 1985. С. 119—121.
- Патрушева Г.М. Динамика этнокультурных процессов у шорцев Кемеровской области в 1970—1980-е годы // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 30—31.
- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.

- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Спб., 1904. Т. XXXI. Акмолинская область. 135 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Спб., 1905. Т. XXVIII. Тобольская губерния. 247 с.
- Первых С.Ю. Охота в хозяйственно-культурном типе барабинских татар в конце XIX — начале XX вв. // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1977. С. 69—72.
- Первых С.Ю., Томилов Н.А. Природная среда и охотничье-рыболовецкое хозяйство барабинских татар // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 128—130.
- Передвижения и судьбы тюркских народов (Глава IV из последнего сочинения Вамбери: Das Türkvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, 1885) // Сибирский сборник. Спб., 1887. С. 206—217.
- Периш А.И. К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности // СЭ. 1970. № 2. С. 106—109.
- Плетнева Л.М. Тоянов городок (По раскопкам М.П. Грязнова в 1924 г.) // Из истории Сибири. Томск, 1976. С. 65—72.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII—III вв. до н.э. Томск, 1977. 142 с.
- Плетнева Л.М. О культурной и этнической принадлежности памятников Томского Приобья V—VIII вв. н.э. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 90—93.
- Поездка преосвященного Макария, епископа Бийского к чулымским инородцам Мариинского округа // Московские церковные ведомости. 1886. № 2, 22.
- Полевой Б.П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII века (О сочинении Адама Каменского-Длужика) // СЭ. 1965. № 5. С. 122—129.
- Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби // Записки Академии наук. Спб., 1877. Т. 30, кн. 1. С. 1—187.
- Попов А.А. Нганасаны: Материальная культура // ТИЭ: Н.С. М.; Л., 1948. Т. III. 122 с.
- Потанин Г.Н. Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII столетия // ВРГО. Спб., 1859. № 12. С. 133—144.
- Потанин Г.Н. Сведения о числе жителей в Западной Сибири в половине XVIII столетия // ВРГО. 1860. Ч. 29, кн. 8. С. 201—236.
- Потанин Г.Н. Заметки о сибирском казачьем войске // Военный сборник. 1861. Т. XIX. № 5. С. 1—32.
- Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867. 234 с.
- Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1868. Кн. 2. Оттиск. 93 с.
- Потанин Г.Н. Бараба // Живописная Россия. Спб.; М., 1884а. Т. XI. С. 97—106.
- Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Спб.; М., 1884б. Т. XI. С. 31—48.
- Потанин Г.Н. Дочь моря в степном эпосе // Этнографическое обозрение. 1892. № 1. С. 38—69.
- Потанин Г.Н. Тюркская сказка об Идыге // ЖС: год седьмой. Спб., 1898. Вып. III и IV. С. 293—350.
- Поталов Л.П. Разложение родового строя у племен северного Алтая. М.; Л., 1935. 120 с.
- Поталов Л.П. Этнографический обзор племен Алтая в джунгарский период // ИВГО. 1946. Т. 78, вып. 2. С. 223—234.
- Поталов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. 506 с.
- Поталов Л.П. Одежда алтайцев // СМАЭ. М.; Л., 1951. Т. XIII. С. 5—59.
- Поталов Л.П. К вопросу о национальной консолидации алтайцев // СЭ. 1952а. № 1. С. 75—84.

- Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952б. 216 с.
- Потапов Л.П. Очерки этногенеза южных алтайцев // СЭ. 1952а. № 3. С. 16—35.
- Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953а. 444 с.
- Потапов Л.П. Пища алтайцев // СМАЭ. М.; Л., 1953б. Т. XIV. С. 37—71.
- Потапов Л.П. О национальной консолидации народов Сибири // ВИ. 1955. № 10. С. 59—66.
- Потапов Л.П. Алтайцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956а. С. 329—375.
- Потапов Л.П. Хакасы // Народы Сибири. М.; Л., 1956б. С. 376—419.
- Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 307 с.
- Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. 196 с.
- Потапов Л.П. К истории освоения русскими Красноярского края в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 433—441.
- Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII вв. М., 1956. 302 с.
- Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. 392 с.
- Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974а. 296 с.
- Проваторова О.М. О некоторых этнокультурных процессах у казахов Омской области // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 160—163.
- Проваторова О.М. Расселение и этнический состав казахов Западной Сибири // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 164—166.
- Проваторова О.М. Изменения в культуре казахов Западной Сибири // Всесоюзная конференция "Этнокультурные процессы в современном мире". Элиста, 1981а. С. 40—41.
- Проваторова О.М. Современные этнические процессы у казахов Западной Сибири // Сибирь в прошлом, настоящем, будущем: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1981б. Вып. 3. С. 131—132.
- Проваторова О.М. Межэтнические контакты казахов Западной Сибири как фактор этнического развития // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по этнографии. Омск, 1984. С. 180—182.
- Проваторова О.М. Современные этнические процессы у казахов Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 18 с.
- Программа сбора материалов по теме "Хозяйственные занятия" // Программы и вопросники по материальной культуре. Омск, 1978. С. 3—7.
- Прокофьева Е.Д. / С участием В.Н. Чернецова и Н.Ф. Прытковой. Ханты и манси // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 570—607.
- Прыткова Н.Ф. Типы верхней одежды народов Сибири // КСИЭ. 1952. Вып. 15. С. 19—22.
- Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 227—328.
- Прыткова Н.Ф. Головные уборы // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 329—368.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. 194 с.
- Пучков П.И. К анализу этнической ситуации в Океании // ВИ. 1968. № 10. С. 90—104.
- Рабинович В.В. К вопросу об управлении аборигенным населением Западной Сибири в 80-х годах XVIII — первых десятилетиях XIX столетия // Вопр. истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 234—244.

- Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Спб., 1872. Ч. IV. 456 с.
- Радлов В.В. Этнический обзор тюркских племен южной Сибири и Джунгарии. Томск, 1888. 26 с.
- Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых записок // ЗРАО. Спб., 1895. Т. VII. Оттиск. 70 с.
- Радлов В.В. Этнический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929. 26 с.
- Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география: Азиатская Россия и среднеазиатские ханства. Спб., 1883. Т. VI. 708 с.
- Риттер К. Землеведение Азии. География стран, входящих в состав Азиатской России или граничащих с нею. Спб., 1877. Т. 4. 695 с.
- Розалева Т.В. Структура семьи сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 84—85.
- Розов Н.С. Череп из курганов Басандайки // Басандайка. Томск, 1947. С. 175—181.
- Розов Н.С. Антропологические работы в Томске // СЭ. 1949. № 2. С. 187—188.
- Розов Н.С. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // Антропологический сборник. М., 1956. Т. 1. С. 340—373.
- Розов Н.С. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири // Вопр. антропологии. 1961а. вып. 6. С. 71—91.
- Розов Н.С. Материалы по антропологии населения Причумылья // Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961б. С. 387—396.
- Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Спб., 1907. Т. 16. 591 с.
- Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнографической монографии: Быт башкир. Л., 1925. Ч. II. 330 с.
- Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. 394 с.
- Русскова Л.М. Орудия труда и системы земледелия в Западной Сибири (конец XVIII — начало XX вв.) // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 278—294.
- Русская историческая библиотека (РИБ). Спб., 1875—1884. Т. II—VII.
- Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. 360 с.
- С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966. 242 с.
- Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX—XX в. Л., 1967. 280 с.
- Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников премонгольского времени // Этнографическая история народов Азии. М., 1972. С. 255—266.
- Савинов Д.Г. К этнической принадлежности сродкинской культуры // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 189—192.
- Савинов Д.Г. Об этническом определении археологических памятников в эпоху средневековья // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 96—99.
- Савинов Д.Г., Молодин В.И. Тюркские погребения Барабинской лесостепи // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 62—66.
- Саидбаев Т.С. Ислам и общество: Опыт историко-социологического исследования. М., 1978. 254 с.
- Салыников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 1. С. 16—58.
- Самойлович А.Н. Приложение к списку сибирских туземцев // Патканов С.К. Список народностей Сибири. Пг., 1923. С. 11—13.
- Сатлыкова Р.К. Хозяйственный уклад и семейный быт тарских татар // Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып. V. С. 102—114.

Сатлыкова Р.К. Вопросы исторической демографии у тарских татар по материалам ревизских сказок (1795—1858 гг.) // Проблемы истории СССР. М., 1979а. Вып. VIII. С. 146—160.

Сатлыкова Р.К. Вопросы исторической демографии тарских татар по материалам ревизских сказок (1795—1858 гг.) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979б. С. 184—188.

Сатлыкова Р.К. Современное расселение татар Среднего Прииртышья // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981. С. 61—73.

Сатлыкова Р.К. Культурно-бытовые взаимодействия населения Среднего Прииртышья // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983а. С. 163—174.

Сатлыкова Р.К., Н.А. Томилов. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья (Рецензия) // Общественные науки в СССР: Сер. 5. 1983б. № 6. С. 210—212.

Сатлыкова Р.К. Этнокультурные процессы у татар Омской области // Социально-культурные процессы в советской Сибири: Тез. докл. по этнокультурным процессам. Омск, 1985. С. 66—68.

Сатлыкова Р.К. Татары Среднего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 19 с.

Саттаров Г.Ф. Прошлое и настоящее сибирских татар. Рукопись, 1959. Хранится в АТТМЗ. № 501. 14 с.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 276 с.

Сафьянова А.В. Материалы по традиционному жилищу русского сельского населения Тюменской области (2-я половина XIX—XX вв.) // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. М., 1972. Ч. II. С. 232—241.

Сафьянова А.В. Разработка материалов подворных переписей населения о сибирском жилище (По данным вопросных листов 1877 г.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 281—287.

Сафьянова А.В. Этнографическое изучение русского населения Томской области // Полевые исследования Института этнографии. 1977. М., 1979. С. 28—37.

Сергеев А. Материалы к истории оружейного производства в Сибири и о современной выделке охотничьего оружия в селениях около г. Тобольска // Тобольские губернии. вед-ти. 1889. № 33.

Сибирские летописи. СПб., 1907. 435 с.

Сибирские татары. (Рукопись) // АИЭЛ. Ф. К—1. Оп. 1. № 81. С. 126—136.

Сильвергельм. Военно-статистическое обозрение Российской империи: Киргизская степь Западной Сибири. СПб., 1852. Т. XVII. Ч. 3. 74 с.

Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. 227 с.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на олених Северной Евразии. М., 1976. 312 с.

Синяев В.С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году // Вопр. географии Сибири. Томск, 1951. Сб. 2. С. 141—156.

Синяев В.С. Включение чулымцев в состав Русского государства // ТИТУ. Томск, 1963а. Т. 171. С. 175—185.

Синяев В.С. Границы между чулымцами и чулымскими селькупцами в XVI—XVII веках // ТТОКМ. Томск, 1963б. Т. VI, вып. 2. С. 45—53.

Ситнянский Г.Ю. Об одной ясности в политической истории тоболо-иртышских татар конца XVI — начала XVIII вв. // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 52—53.

Скалозубов Н.А. Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1902. Вып. XIII. С. 1—162.

Скрябиников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. 255 с.

Славнин Д.П., Томилов Н.А. Этнографическая коллекция музея археологии и этнографии Сибири Томского университета // Каталог этнографических коллекций

- Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Томск, 1979. С. 8—13.
- Слюбодский М.А. Итоги и задачи этнографического изучения Томского края // Тр. Том. краев. музея. Томск, 1929. Т. 2. С. 22—30.
- Словцов И.Я. Путевые записки, виденные во время поездки в 1878 г. в Кокчетавский уезд // ЗЗСОРО. Омск, 1881. Кн. III. С. 1—152.
- Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1838. Кн. 1. 589 с.; Спб., 1844. Кн. 2. 544 с.
- Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. 1952. 276 с.
- Смирнов И.Д. Отчет археологического исследования на Чувашском мысу около Тобольска в 1936 году. (Рукопись, 1936) // Архив АТТМЗ. № 116. 12 л.
- Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX — начало XX вв. М., 1975. 232 с.
- Соболев В.И. Вознесенское городище — памятник середины 2 тыс. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978а. С. 179—190.
- Соболев В.И. Курганы XIII—XIV вв. н.э. у с. Туруновка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978б. С. 91—96.
- Соболев В.И. Роль природных факторов в развитии экономики барабинских татар // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 127—128.
- Соболев В.И. Барабинские татары XIV — начала XVII вв. н.э. (по археологическим материалам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983. 22 с.
- Соболев В.И. К вопросу об этническом формировании барабинских татар // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии и этнографии. Омск, 1984. С. 129—131.
- Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. 999 стлб.
- Соколова З.П. О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области // СЭ. 1961. № 3. С. 45—62.
- Соколова З.П. К происхождению современных манси // СЭ. 1979. № 6. С. 46—58.
- Спаский Г.И. Летопись Сибирская. Спб., 1821а. 88 с.
- Спаский Г. Телеуты или белые калмыки // Сиб. вестн. Спб., 1821б. Ч. XIII, кн. 1. С. 1—8.
- Спаский Г.И. Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия. Спб., 1822. 48 с.
- Спиридонова Н.А., Томилов Н.А. Коротко об экспедициях // СЭ. 1979. № 1. С. 151.
- Списки населенных мест по сведениям 1859 года. Спб., 1868. Т. X. Томская губерния. 148 с.
- Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов. Спб., 1871. Т. X. Тобольская губерния. 196 с.
- Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. 577 с.
- Список населенных мест Томской губернии. По данным позднейших переписей (1911, 1917 и 1920 гг.). Томск, 1923. 95 с.
- Ст. Ил.А. О татарах разных поколений, удалившихся в города Сибири // Восточное обозрение. 1814. № 32. С. 272.
- Станюкович К.М. В далекие края // Собр. соч. М., 1977. Т. 1. С. 238—333.
- Степанов П. Путевые заметки, веденные во время поездки летом 1885 года в верховья рек Тартаса и Тары // ЗЗСОРО. Омск, 1886. Кн. VIII, вып. 1. С. 1—38.
- Стефановский В.И. Статистическое описание Тюменского округа в промышленном отношении // Тобольские губерн. вед-ти. 1864. № 7.
- Студенецкий Л.И. Очерки по экономике казакского хозяйства // ИЗСОРО. Омск, 1929. Т. VI. С. 61—124.
- Сулев Г.В. Могильник „Релка“ и поздние археологические памятники Средней Оби // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 193—196.

- Сулейманова А.У. О национальных установках тарских и теурических татар // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981. С. 106—111.
- Сухарева О.А. Бухара: XIX — начало XX вв. М., 1966. 328 с.
- Сухотина Л.Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. (По материалам Томской губернии) // Вопр. истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 61—73.
- Сыркина И.А. Фольклор тобольских татар как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей населения северного Приобья // Этногенез и этническая история тюркоязычного населения Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 133—135.
- Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии и истории нивков. Л., 1975. 240 с.
- Тальерн А.М. Каталог коллекции М.С. Знаменского: Древности Западной Сибири, сохраняемые в Национальном музее Финляндии. Гельсингфорс, 1917. Извлечение из журнала финляндского археологического общества. 1922. Хранится в АТМЗ. 18 л.
- Татары Западной Сибири // Русский инвалид. 1860. № 169.
- Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. 538 с.
- Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979. С. 153—360.
- Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. 564 с.
- Титов А. Сибирь в XVII в. М., 1890. 216 с.
- Тимова З.Д. Барабинские татары: (Историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 108—147.
- Тимова З.Д. Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д.Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978. Вып. VIII. С. 5—14.
- Тихонов С. Завоевание Сибирского ханства // Сибирские огни. 1941. № 3. С. 127—135.
- Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. 144 с.
- Тобольская епархия. Омск, 1892. Ч. I. Отд. 2. 79 с.
- Тобольский уезд. Географическое и историко-этнографическое описание. (Рукопись) // После 1914 г. АТМЗ. № 85. 30 л.
- Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958. 615 с.
- Токарев С.А. О религии как социальном явлении (Мысли этнографа) // СЭ. 1979. № 3. С. 87—105.
- Токарев С.А., Гурвич И.С. Якуты // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 267—328.
- Томилов Н.А. У татар Томской и Новосибирской областей / Полевые работы 1969 года // Из истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 1. С. 103—145.
- Томилов Н.А. Изменения в поселениях, жилищах и хозяйственных постройках томских татар в свете этнических процессов // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972а. С. 84—88.
- Томилов Н.А. Основные изменения в расселении и численности томских татар в советский период // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972б. С. 117—125.
- Томилов Н.А. Процессы сближения томских татар с русским населением // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972в. С. 126—139.
- Томилов Н.А. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири // СЭ. 1972г. С. 87—97.
- Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар // Материалы зонального совещания археологов и этнографов. Томск, 1972д. С. 20—21.
- Томилов Н.А. Современные этнические, культурные и бытовые процессы сибирских татар // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972е. 20 с.

Томилов Н.А. Изучение этногенеза сибирских татар в советской литературе (К вопросу об угорском и самодийском компонентах) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973а. С. 132—134.

Томилов Н.А. Направления развития хозяйства томских татар в конце XIX — начале XX вв. // Из истории Сибири. Томск, 1973б. Вып. 6. С. 209—227.

Томилов Н.А. Об изменениях в культуре и быте эвтинских татар // Из истории Сибири. Томск, 1973в. Вып. 5. С. 169—177.

Томилов Н.А. О некоторых этногенетических и историко-культурных связях барабинских татар // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973г. С. 171—173.

Томилов Н.А. Основные преобразования в хозяйстве томских татар за годы Советской власти // Из истории Сибири. Томск, 1974а. Вып. 13. С. 121—133.

Томилов Н.А. Коротко об экспедициях // СЭ. 1974б. № 3. С. 154.

Томилов Н.А. О группах родственных семей барабинских татар // Материалы первой научно-методической конференции Омского государственного университета. Омск, 1975а. С. 31—32.

Томилов Н.А. Основные тенденции развития культуры сибирских татар в свете современных этнических процессов // Тез. докл. Всесоюз. конф., посвященной этнографическому изучению современности. М.; Нальчик, 1975б. С. 67—68.

Томилов Н.А. Новые этнографические материалы к этногенезу сибирских татар // Тез. докл. на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг. (май 1976 г.). Душанбе, 1976а. С. 42—44.

Томилов Н.А. О тюркском компоненте в составе сибирских татар // Языки и топонимия. Томск, 1976б. С. 134—138.

Томилов Н.А. Основные итоги работы Западносибирской историко-этнографической экспедиции Омского университета // Материалы второй научно-методической конференции Омского университета. Омск, 1976в. С. 18—19.

Томилов Н.А. Пища томских татар в конце XIX — начале XX вв. // Из истории Сибири. Томск, 1976г. Вып. 19. С. 148—162.

Томилов Н.А. Коротко об экспедициях // СЭ. 1976д. № 1. С. 153.

Томилов Н.А. О некоторых современных этнических процессах у западносибирских татар // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977а. Вып. 1. С. 122—133.

Томилов Н.А. Основные итоги работы Западносибирской историко-этнографической экспедиции Омского университета в 1975—1976 гг. // Материалы третьей научно-методической конференции Омского университета. Омск, 1977б. С. 190—192.

Томилов Н.А. Коротко об экспедициях // СЭ. 1977в. № 4. С. 153—154.

Томилов Н.А. Бюджет семьи // Программы и вопросники по материальной культуре. Омск, 1978а. С. 7—8.

Томилов Н.А. Вопросы этнического развития сибирских татар в дореволюционной и советской литературе // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978б. С. 131—149.

Томилов Н.А. К истории головных уборов сибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978в. С. 176—198.

Томилов Н.А. Некоторые материалы по этнографии русских Нижнего Притомья (этнический состав и занятия населения) // Вопр. археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978г. С. 113—128.

Томилов Н.А. Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978д. С. 88—95.

Томилов Н.А. О средствах передвижения русского населения Нижнего Притомья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978е. С. 130—140.

Томилов Н.А. Программа сбора материалов по теме „Народные знания“ // Программы и вопросники по духовной культуре (Для участников этнографических практик). Омск, 1978ж. С. 3—8.

Томилов Н.А. Программа сбора материалов по теме „Пища народов Западной

и Южной Сибири" // Программы и вопросники по материальной культуре. Омск, 1978а. С. 43—53.

Томилов Н.А. Современные этнические процессы в южной и средней полосе Западной Сибири // СЭ. 1978и. № 4. С. 9—21.

Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978к. С. 208.

Томилов Н.А. Этнолингвистическая классификация и этнокультурная дифференциация сибирских татар // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Краткие сообщения. Л., 1978л. с. 109—110.

Томилов Н.А. Особенности синтеза хозяйства и культуры у народов южной и средней полосы Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979а. С. 122—127.

Томилов Н.А. Сибирские татары // Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Томск, 1979б. Ч. I. С. 195—207.

Томилов Н.А. Этническая дифференциация тюркского населения Западно-Сибирской равнины // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979в. С. 144—148.

Томилов Н.А. Алтайцы // Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Томск, 1979г. Ч. I. С. 16—37.

Томилов Н.А. Шорцы // Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Томск, 1979д. Ч. I. С. 38—121.

Томилов Н.А. Лингвистические и этнографические классификации тюркского населения Западно-Сибирской равнины // Литературоведение и история: Тез. докл. и сообщ. Ташкент, 1980а. С. 127—129.

Томилов Н.А. Похоронная обрядность. Сибирские татары // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М., 1980б. С. 119—123.

Томилов Н.А. Проблемы формирования тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг.: тез. докл. Уфа, 1980в. С. 83—84.

Томилов Н.А. Свадебная обрядность. Сибирские татары // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М., 1980г. С. 31—35.

Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура). Томск, 1980д. 200 с.

Томилов Н.А. Народы Казахстана и Средней Азии. Казахи. Киргизы. Туркмены. Узбеки. Уйгуры // Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Томск, 1980е. Ч. II. С. 79—98.

Томилов Н.А. Общественный быт и духовная культура томских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980ж. С. 137—167.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1981а. 276 с.

Томилов Н.А. Этнокультурные взаимодействия и проблема региональных культурных общностей (по материалам Западной Сибири) // Всесоюз. конф. "Этнокультурные процессы в современном мире". Элиста, 1981б. С. 46—47.

Томилов Н.А. Этнографические коллекции в Омских музеях // СЭ. 1981в. С. 84—95.

Томилов Н.А. Современные этнокультурные процессы у населения юга Западной Сибири // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. "История и культура народов Сибири". Новосибирск, 1981. Вып. III. С. 132—134.

Томилов Н.А. Этнокультурные процессы у народов южной зоны Западной Сибири // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981д. С. 3—36.

Томилов Н.А. Обряды томских татар при рождении детей // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982а. С. 143—153.

Томилов Н.А. Основные понятия этнической истории // Всесоюзная сессия по

итогах полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященные 60-летию образования СССР. Нальчик, 1982б, С. 66—68.

Томилов Н.А. Казахи Западной Сибири в конце XVII — первой четверти XIX в. // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983а. С. 68—86.

Томилов Н.А. Лингвистическая классификация и этническая дифференциация тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины // Ареальные исследования в языковедении и этнографии: язык и этнос. Л., 1983б. С. 139—147.

Томилов Н.А. О коэффициентах определения численности коренного населения в XVII — первой половине XVIII в. // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тез. докл. науч. конф. по этнографии. Омск, 1983в. С. 53—57.

Томилов Н.А. О соотношении понятий „этногенез“ и „этническая история“ // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тез. докл. науч. конф. по этнографии. Омск, 1983. С. 8—12.

Томилов Н.А. Поволжские татары Западной Сибири в XVI — первой четверти XIX в. // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983д. С. 175—190.

Томилов Н.А. Семья и семейный быт тюркоязычного населения Томского Приобья // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983е. С. 55—62.

Томилов Н.А. Статистика генеалогии как источник по изучению этнического состава населения // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983ж. С. 107—110.

Томилов Н.А. Влияние присоединения Сибири к России на этническое развитие тюркского населения Западно-Сибирской равнины (По материалам конца XVI — первой четверти XIX вв.) // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984а. С. 3—13.

Томилов Н.А. К вопросу о сибирско-татарском компоненте в составе чулымских тюрков // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по этнографии. Омск, 1984б. С. 114—118.

Томилов Н.А. Этническая история, этносоциология и этнические процессы: некоторые теоретические и методические аспекты // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по этнографии. Омск, 1984в. С. 13—17.

Томилов Н.А. Научная паспортизация этнографических коллекций в музеях Западной Сибири // Тез. докл. науч.-практ. конф. „Музей и этнографические проблемы современности“. II секция. Л., 1984г. С. 26—27.

Томилов Н.А. Динамика этнических процессов у сибирских татар в конце 1960-х — 1970-х годах // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М., 1985а. С. 40—54.

Томилов Н.А. Итоги и перспективы изучения социально-культурных процессов у народов Юга Западной Сибири // Социально-культурные процессы в советской Сибири: Тез. докл. по динамике социально-культурных процессов и управлению сферой культуры. Омск, 1985б. С. 10—16.

Томилов Н.А. Этнические контакты угров и тюрков Западно-Сибирской равнины в XVI — начале XX вв. // Шестой международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 1985в. Т. IV. С. 99.

Томилов Н.А. Проблема этнографических критериев этнической специфики, археологических памятников // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986а. С. 5—13.

Томилов Н.А. Хозяйство барабинских татар в XIX — начале XX вв. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986б. С. 65—76.

Томилов Н.А. Этнические процессы и историко-культурные общности тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в XVI — начале XX вв. // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск, 1986в. С. 70—86.

Томилов Н.А. Этнокультурные процессы среди тюркоязычного населения За-

- падно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX вв. // Этнические культуры Сибири: Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986г. С. 15—20.
- Томилов Н.А. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск, 1987а. 80 с.
- Томилов Н.А. Чулымские тюрки в конце XVI — первой четверти XIX в. // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987б. С. 145—176.
- Томилов Н.А. Определение численности коренного населения Сибири в XVII — первой половине XVIII в. // Изв. СО АН СССР. 1988. № 3. Сер. истории, археологии и философии. Вып. 1. С. 15—20.
- Томилов Н.А. Томские калмаки. (Рукопись) // МАЭ ОмГУ. Инв. № 51—1.
- Томилов Н.А., Богомолов В.Б., Курочка Ю.И. Новые материалы по этнографии барабинских татар // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 16. С. 178—205.
- Томилов Н.А., Верпаховская Е.В. Традиционные представления западносибирских татар в области медицинских знаний // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 143—145.
- Томилов Н.А., Карелина И.М. Свадебный обряд татар Среднего Прииртышья // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 93—95.
- Томилов Н.А., Кузнецова Н.В. Опыт изучения этнического состава барабинских татар // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 96—103.
- Томилов Н.А., Шаргородский Л.Т. Этапы становления и развития погребальной обрядности барабинских татар (Опыт археолого-этнографического исследования) // Исторические чтения Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск, 1987. С. 180—183.
- Томилова С.Н. Этнический состав татарского населения севера Омской области (По данным генеалогий) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по этнографии. Омск, 1984. С. 170—172.
- Томск в XVII веке. Спб., б.г. 169 с.
- Томская губерния и ее производительные силы. Томск, 1922.
- Трошская Т.Н. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I тыс. н.э. // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск. 1973. С. 183—185.
- Трошская Т.Н. Новосибирское Приобье в IX—X вв. н.э. // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 126—130.
- Трошская Т.Н. К вопросу о тюркизации населения Новосибирского Приобья во второй половине I тыс. н.э. // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск., 1979. С. 74—77.
- Трошская Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980. 184 с.
- Трошская Т.Н., Соболев В.И. Памятники железного века и раннего средневековья // Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск. 1978. С. 31—42.
- Тройницкий А. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Спб., 1861. 92 с.
- Трофимова Т.А. Тобольские и барабинские татары: Антропологический очерк // ТИЭ. Н.С. М.; Л., 1947. Т. I. С. 194—215.
- Трухин Г.В. Выход русских в район Томи в начале XVII века // УЗ ТТПИ. Томск, 1948. Т. V. С. 50—70.
- Туголуков В.А. Тунгусы среди татар и хантов на Иртыше и Оби в XVI—XVII вв. // Литературоведение и история. Ташкент, 1980. С. 169—170.
- Тумаркин Д.Д. К вопросу о сущности рода // СЭ. 1970. № 5. С. 93—101.
- Тумашева Д.Г. Восточный диалект татарского языка и его отношение к татарскому литературному языку и другим его диалектам // Вopr. диалектологии тюркских языков. Казань, 1960а. С. 45—52.
- Тумашева Д.Г. Выступление на втором региональном совещании по диалектологии тюркских языков // Вopr. диалектологии тюркских языков. Казань. 1960б. С. 179—181.

- Тумашева Д.Г. Конбатыш себер татарлары теле. Казан, 1961.
- Тумашева Д.Г. Некоторые итоги изучения языка сибирских татар // Филологический сборник. Чебоксары, 1965. С. 142—145.
- Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Казань, 1968. 182 с.
- Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам // Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1969. 50 с.
- Тумашева Д.Г. К вопросу о соотношении языка и диалекта // УЗ КазГПИ. Вопросы тюркологии. Казань, 1970. Вып. 74. С. 45—55.
- Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977. 293 с.
- Тумашева Д.Г., Ахметова Ф.В. Этнические группы сибирских татар по языковым и фольклорным данным // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 223—228.
- Тумашева Д.Г. Языковые связи сибирских татар // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по лингвистике. Омск, 1984. С. 38—42.
- Тыжнов Н. Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVI века // Сибирский сборник. Спб., 1887. С. 101—147.
- Тыжнов Н. Заметки о городских летописях Сибири. Летописи города Тобольска. Спб., 1898. Ч. I. 210 с.
- Тюменский уезд в XVII—XVIII вв. (Обзор фонда-комплекса Тюменской приказной избы и воеводской канцелярии). Тюмень, 1969. 229 с.
- Уманский А.П. Посольство телеутских князей в Москву (1658—1659 гг.) // Алтай, 1968. № 2. С. 115—125.
- Уманский А. "Телеутская земля" в XVII столетии // УЗ ГАЛННИИЯЛ, 1969. Вып. 8. С. 41—62.
- Уманский А.П. К истории появления "выезжих белых калмыков" (телеутов) в сибирских уездах в XVII веке // ИТ НГПИ. Из истории Западной Сибири, 1970а, Вып. 45. С. 3—21.
- Уманский А.П. Природные условия Телеутской земли по источникам XVII—XVIII вв. // ИАОГО СССР. Бийск, 1970б. Вып. 13. С. 126—130.
- Уманский А.П. Телеуты и тюркоязычные соседи в XVII веке // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1970в. 23 с.
- Уманский А.П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ — "кокуев" (XVII в.) // ИТ ТГПИ. Вopr. археологии Сибири. Новосибирск, 1972а. Вып. 38. С. 47—59.
- Уманский А.П. О характере телеутского "выезда на государ имя" в XVII в. // УЗ БГПИ. Барнаул, 1972. Т. 18. С. 72—102.
- Уманский А.П. Телеуты и сибирские татары в XVII веке (Очерк внешнеполитических отношений) // УЗ БГПИ. Барнаул, 1972в. Т. 18. С. 103—143.
- Ураев Р.А. Говор чулымских тюрков дер. Ежи // УЗ ТГПИ. Томск, 1955. Т. 13. С. 345—367.
- Усманова М.С. Празднование сабантуя в деревне Ново-Исламбур // Сб. докл. XXIV науч. студенч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Томск, 1970. С. 72—73.
- Успенев Г.И. Тюркоязычное население в составе Сибирского казачьего войска в XIX в. // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. С. 124—130.
- Устюжский летописный свод (Архангелогородский Летописец). М.; Л., 1950. 128 с.
- Фальк Н. Записки путешествия от С-Петербурга до Томска // Полное собрание ученых путешествий по России. Спб., 1824. Т. VI. 546 с.
- Фатеева М.Б. Религиозные верования сибирских татар. Образы духов-хозяев // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 106—107.
- Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. 37 с.
- Филимонов Е.С. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы или Спасского участка Канинского округа Томской губернии

- (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и ино-
родцев Западной Сибири). Спб., 1892. Вып. 17. 212 с.
- Филиппов М. Чтения по истории и обличению мухаммеданства. Тобольск,
1904 // Рукопись — АТГМЗ. Д. 79. 169 л.
- Фирсов Н.Н. Чтения по истории Сибири. М., 1920. Вып. 1. М., 1921. Вып. 2.
67 с.
- Фишер И.Е. О народе и имени татарском, также о древних монгольцах и их
языке // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. Спб., 1755,
май. С. 455—484.
- Фишер И.Е. Сибирская история. Спб., 1774. 331 с.
- Фрейдин И.Г. и Гавровский И.П. Торговля и промышленность // Город Томск.
Томск, 1912 С. 19—49.
- Халдеева Н.И. Распределение одонтологических признаков среди татарских групп
и телеутов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных
территорий. Тез. докл. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984.
С. 30—32.
- Халиков А.Х. Древняя история среднего Поволжья. М., 1969. 396 с.
- Халиков Н.А. К истории земледелия татарского народа // Из истории культуры
и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 123—127.
- Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (Первая половина XIX века). М.,
1974. 406 с.
- Хвостов В. О Томской губернии и о населении большой сибирской дороги до
иркутской границы. Спб., 1809. 107 с.
- Хитъ Г.Л. Таксономическое положение тюрков Сибири в дерматоглифической
систематике монголоидных популяций // Этническая история тюркоязычных народов
Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по антропологии, археологии и
этнографии. Омск, 1984. С. 3—4.
- Хитъ Г.Л., Томилов Н.А. Формирование татар Сибири по данным антропологии
и этнографии // Методологические аспекты археологических и этнографических
исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 177—178.
- Хлобыстин Л.П. О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы
(II тыс. до н.э.) // Материалы конференции „Этногенез народов Северной Азии“.
Новосибирск, 1969. С. 133—135.
- Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX вв. М.,
1979. 248 с.
- Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Материалы к историко-этногра-
фическому атласу. Алма-Ата, 1980. 255 с.
- Хомич Л.В. О содержании понятия „этнические процессы“ // СЭ. 1969. № 5.
С. 79—87.
- Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. 190 с.
- Хондажевский Н.К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска
до Самарова и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // ЗСОРГО.
1880. Кн. 2. С. 1—28.
- Храмова В.В. Колхозы „заболотных“ татар (По материалам 1948 г.). Рукопись,
1948 // АИЭЛ. Ф. К-1. Оп. 1. № 212. 24 с.
- Храмова В.В. Предварительное сообщение о поездке к сибирским татарам в
1949 г. (Рукопись, 1949) // АИЭЛ. Ф. К-1. Оп. 2. № 33. 21 л.
- Храмова В.В. Заболотные татары // ИВГО. 1950. Т. 82. Вып. 2. С. 174—183.
- Храмова В.В. По колхозам сибирских татар. (Рукопись, 1951) // АИЭЛ. Ф. К-1.
оп. 1. № 704. 40 с.
- Храмова В.В. Западносибирские татары // Народы Сибири. М.; Л., 1956.
С. 473—491.
- Циркин А.В. Гидросистема юго-востока Западной Сибири и этнокультурные
связи таежного и лесостепного населения в VIII в. до н.э. — VI в. н.э. // Особенности
естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири.
Томск, 1979. С. 82—85.

- Циркин А.В. Кочевники в Кузнецкой котловине (К вопросу о тюркизации долины р. Томи и Ачинско-Марийской лесостепи в раннее средневековье) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 111—113.
- Чавыкин Г.В. Адресно-справочная книга „Весь Томск“ на 1911—1912 гг. Томск, 1912. 332 с.
- Чагаева А.С. Основные проблемы истории Омского Прииртышья в I тыс. н.э. // Происхождение аборигенов и их языков. Томск, 1969. С. 190—192.
- Чернецов В.Н. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 112—113.
- Чиндина Л.А. Нарымско-Томское Приобье в середине I тыс. н.э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. 26 с.
- Чугунов С.М. Древние кладбища близ Томска „Тюанов городок“. Томск, 1901.
- Чугунов С.М. Старинные татарские следы древних кладбищ в „Юрточной“ части г. Томска. Томск, 1904.
- Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974. 343 с.
- Шатинова Н.И. Национально-смешанные браки в Горном Алтае (XVIII—XX вв.) // УЗ ГАЛТНИИЯЛ. Горно-Алтайск, 1970. Вып. 11. С. 89—101.
- Шиле. Татарское племя // „Природа и люди“. 1879. № 1. С. 1—52; № 2. С. 1—62.
- Шитова С.Н. Сибирские таяжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 49—94.
- Шмидт Ю. Очерк Киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела, в Акмолинской области // ЗСОРГО. Омск, 1894. Кн. XVII. Вып. II. 149 с.
- Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева М.Н. Население Сибирского края. Сибкрайиздат, 1928. 112 с.
- Шоинбаев Т.Ж. Из истории русско-казахских торговых отношений в XVIII веке // Исторические науки. Алма-Ата, 1975. Вып. 2. С. 18—25.
- Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М.; Л., 1946. 228 с.
- Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 432 с.
- Шапов А.П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Сочинения А.П. Шапова. Спб., 1906. Т. II. С. 398—480.
- Шапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Шапов В.А. Собр. соч. Дополнительный том. Иркутск, 1937. С. 83—173.
- Щеглов В.И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882 гг. Иркутск, 1883. 778 с.
- Щербакова Т.Б. Динамика изменений в численности и расселении национальных групп Омской области в советский период // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. по этнографии. Омск, 1984. С. 173—174.
- Щюц П. Татарское племя в Сибири // Санкт-Петербургские вед-ти. 1841. № 3, 4.
- Этногенез и этническая история народов Севера. М., 264 с.
- Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. 259 с.
- Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. 276 с.
- Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975. 244 с.
- Юсупов Ф.Ю. Татарские говоры Южного Урала и Зауралья (Челябинской и Курганской областей) // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1972. 42 с.
- Юшков И. Сибирские татары // Тобольские губерн. вед-ти. 1861. № 35—45.
- Ядринцев Н.М. Западно-Сибирская низменность // Живописная Россия. Спб.; М., 1884. Т. XI. с. 49—82.

- Ядринцев Н.М. Начало оседлости. Исследование по истории культуры угро-алтайских племен // Литературный сборник. Спб., 1885. С. 139—177.
- Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Спб., 1891. 308 с.
- Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Спб., 1892. 472 с.
- Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966. 532 с.
- Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев. Мелецкие инородцы. Юрьев, 1899. 230 с.
- Ярославцев Д. По горной Шории // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 165—181.
- Adelung J.Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. Th. I. Berlin, 1806.
- Castren M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845 — 1849. St. Petersburg, 1856. 530 s.
- Falk I.P. Beiträge zur topographischen Kenntnis des Russischen Reichs. St. Petersburg, 1786. Bd. III.
- Klaproth Julius. A sia poliglotta. Paris, 1823.
- Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Tagebuchaufzeichnungen 1720—1722. Berlin, 1962. Teil I. 379 s.
- Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882. 418 s.
- Radloff W. Aus Sibirien. Erster Band. Leipzig. 1884. 536 s.
- Radloff W. Zur Geschichte der türkischen Wokalsystems // ИАН, 1901. Т. XIV.
- Strahlenberg Ph.I. Das nord — und östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.
- Vambery H. Das Türkenvolk in seiner ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885. 638 s.

Список сокращений

- АИ — Акты исторические
 АИЭЛ — Архив Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (Санкт-Петербург)
 АТМГЗ — Архив Тобольского государственного музея-заповедника
 БНМ — Большереченский народный музей
 б.г. — без года (издания)
 ВИ — Вопросы истории
 ВРГО — Вестник Русского географического общества
 ВФ — Вопросы философии
 ГАОО — Государственный архив Омской области
 ГАТО — Государственный архив Томской области
 ГАТОТ — Государственный архив Тюменской области (Тобольск)
 ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим
 ЖМВД — Журнал министерства внутренних дел
 ЖС — Живая старина
 ЗЗСОРГО — Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ИАН — Известия Академии наук
 ИАОГО СССР — Известия Алтайского отдела Географического общества СССР
 ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
 ИЗСОРГО — Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества
 ИРГО — Известия Русского географического общества
 КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
 к. — карточка
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР
 МАЭ ОмГУ — Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
 МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
 МЗСЭЭ ОмГУ — Материалы Западно-Сибирской этнографической экспедиции Омского государственного университета
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МСЭЭ ОмГУ — Материалы Сибирской этнографической экспедиции Омского государственного университета
 МЭЭ ТГУ — Материалы этнографической экспедиции Томского государственного университета
 НТ НГПИ — Научные труды Новосибирского государственного педагогического института
 Н.С. — Новая серия
 ОмГИЛМ — Омский государственный исторический и литературный музей
 ОмГУ — Омский государственный университет
 РИБ — Русская историческая библиотека
 СА — Советская археология
 СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
 СЭ — Советская этнография
 ТГМЗ — Тобольский государственный музей-заповедник

ТГУ — Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева
 ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
 ТОКМ — Томский областной краеведческий музей
 ТТГУ — Труды Томского государственного университета
 ТТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
 ТюмОКМ — Тюменский областной краеведческий музей
 т. — Тетрадь
 УЗ БГПИ — Ученые записки Барнаульского государственного педагогического института
 УЗ ГАЛТНИИЯЛ — Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
 УЗ ИГПИ — Ученые записки Иркутского государственного педагогического института

УЗ КазГПИ — Ученые записки Казанского государственного педагогического института
 УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
 УЗ ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
 УЗ ТГПИ — Ученые записки Томского государственного педагогического института
 УЗ ТГУ — Ученые записки Томского государственного университета
 УЗ ТувНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
 УЗ ХахНИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив

Оглавление

Введение	3
Раздел I. Этническая структура тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины и проблемы его формирования	30
Глава 1. Коренное тюркское население Западно-Сибирской равнины ..	30
Тюменско-туринские татары	30
Тобольские татары	35
Яскалбинские (заболотные) татары	39
Курдакско-саргатские татары	42
Тарские татары	45
Барабинцы	48
Томские татары (эуштинцы)	52
Чаты	56
Обские татары	59
Калмаки	64
Глава 2. Чулымские тюрки	67
Глава 3. Казахи	74
Глава 4. Сибирские бухарцы и каракалпаки	80
Глава 5. Поволжские татары	88
Раздел II. Особенности этнической истории тюркских этнических образований Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в.	96
Глава 1. Изменения в расселении и численности	96
Расселение	96
Численность	107
Глава 2. Процессы этнического развития сибирских татар	129
Социальные связи	129
Торгово-хозяйственные связи	144
Этнокультурные процессы	147
Этнологические процессы	164
Этническое самосознание	168
Глава 3. Межэтнические контакты	173
Процессы взаимодействия тюркских этнических образований	173
Процессы сближения тюркского населения с русским	192
Глава 4. Этнические процессы. Этнические и этнографические общности	209
Заключение	223
Литература	234
Список сокращений	268